

百物語
前北舟筆
霍喜板

ПРОНОВЫЙ ФОНАРЬ

содержание

- Г. Дуткина. В стране волшебных сновидений: [Предисловие] – с.3-16
- Алый пояс: Рассказы
 - о Огита Ансэй. Рассказы ночной стражи / Пер. В. Мазурика
 - О тэнгу и гибели монаха – с.17-18
 - О чудовищном пауке – с.18-19
 - О кошке-оборотне – с.19-20
 - О крысах – с.20-21
 - О встрече с Высоким монахом – с.21-22
 - О Горной деве – с.22
 - О призраке роженицы – с.23
 - О кострах на полях былых сражений – с.23-24
 - О фрейлине Кодзайсё и призраках – с.25-27
 - о Судзуки Сёсан. Повести о карме / Пер. В. Мазурика
 - О том, как ревнивая жена после своей смерти преследует мужа, пока не сводит его в могилу, а также о том, как некая женщина после смерти обращается в змея и обвиняет мужчину – с.28-30
 - О том, как заговорил конь, а также о том, как заговорила собака – с.30-31
 - О том, как монах-любопытник обратился в змея – с.31-32
 - О том, как скряга превратился в «голодного беса», а также о том, какими тягостными муками караются преступления – с.32-35
 - О том, как в могильном холмике вспыхнуло пламя, а также о том, как вылетел огненный шар из могилы – с.35-36
 - О том, как некий монах попал в ад еще при жизни, а также о том, как некий человек погрузился в «кипящий ад» – с.37-38
 - О том, как умершая роженица стала призраком, а также о том, как народилось бесовское отродье – с.38-39
 - О том, как монах беседовал с призраком, а также о том, как монах сражался с призраком – с.39-40
 - о Асаи Рёи. Кукла-талисман / Пер. Т. Редько-Добровольской
 - Алый пояс – с.41-46
 - В ущелье чертей – с.46-51
 - Куртизанка Миягино – с.51-58
 - о Ихара Сайкаку. Рассказы из всех провинций / Пер. И. Львовой
 - Верные вассалы лисицы – с.59-61
 - Красавица в летающем паланкине – с.61-63
 - Дева в лиловом – с.63-65
 - Роковая лазейка – с.65-68
 - Кончик носа, стоивший другим жизни – с.68-69
 - Чудесное возвращение из столицы – с.69-71

- Карп с отметиной на чешуе – с.71-72
- Ковшик с маслом, стоивший жизни – с.72-74
- о Цуга Тэйсё. Пышный луг / Пер. И. Мельниковой
 - О том, как заветный лук стража заставы Ки однажды превратился в белую птицу – с.75-83
- о Уэда Акинари. Луна в тумане / Пер. Р. Зея и А. Стругацкого
 - Распутство змеи – с.84-100
- о Танака Котаро. Японский кайдан / Пер. Г. Дуткиной
 - Пора цветения – с.101-104
 - История злого духа – с.104-108
 - Белые цветы на красном стебле – с.108-114
 - Проклятие кеты – с.114-119
- Санъютэй Энтё. Пионовый фонарь: Повесть / Пер. А. Стругацкого – с.120-280
- Ведьма: Рассказы
 - о Акутагава Рюноске. Ведьма / Пер. Г. Ронской – с.281-314
 - о Акутагава Рюноске. Мадонна в черном / Пер. И. Львовой – с.315-319
 - о Дзиро Осараги. Мертвая хватка / Пер. Е. Маевского – с.320-329
 - о Эдогава Рампо. Путешественник с картиной / Пер. Г. Дуткиной – с.330-345
 - о Дзюн Исикава. Повесть о пурпурных астрах / Пер. Е. Рединой – с.346-384
- Г. Дуткина, В. Маркова. Комментарии – с.385-396

Annotation

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

В стране волшебных сновидений

АЛЫЙ ПОЯС Рассказы

Огита Ансэй РАССКАЗЫ НОЧНОЙ СТРАЖИ

Судзуки Сёсан ПОВЕСТИ О КАРМЕ[28]

Асаи Рёи КУКЛА-ТАЛИСМАН

Алый пояс[57]

В ущелье чертей[65]

Куртизанка Мягино[74]

Ихара Сайкаку РАССКАЗЫ ИЗ ВСЕХ ПРОВИНЦИЙ

Цуга Тэйсё ПЫШНЫЙ ЛУГ

Уэда Акинари ЛУНА В ТУМАНЕ

РАСПУТСТВО ЗМЕИ

Танака Котаро ЯПОНСКИЙ КАЙДАН

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ повесть

Санъютэй Энтё ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

[Глава 4](#)
[Глава 5](#)
[Глава 6](#)
[Глава 7](#)
[Глава 8](#)
[Глава 9](#)
[Глава 10](#)
[Глава 11](#)
[Глава 12](#)
[Глава 13](#)
[Глава 14](#)
[Глава 15](#)
[Глава 16](#)
[Глава 17](#)
[Глава 18](#)
[Глава 19](#)
[Глава 20](#)
[Глава 21](#)
[Глава 22](#)

[ВЕДЬМА Рассказы](#)

[Акутагава Рюноскэ](#)

[ВЕДЬМА](#)

[МАДОННА В ЧЕРНОМ](#)

[Дзиро Осараги МЕРТВАЯ ХВАТКА](#)

[Эдогава Рампо ПУТЕШЕСТВЕННИК С КАРТИНОЙ](#)

[Дзюн Исикава ПОВЕСТЬ О ПУРПУРНЫХ АСТРАХ](#)

[Примечания](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)

[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)

[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)
[98](#)
[99](#)
[100](#)
[101](#)
[102](#)
[103](#)
[104](#)
[105](#)
[106](#)
[107](#)
[108](#)

[109](#)
[110](#)
[111](#)
[112](#)
[113](#)
[114](#)
[115](#)
[116](#)
[117](#)
[118](#)
[119](#)
[120](#)
[121](#)
[122](#)
[123](#)
[124](#)
[125](#)
[126](#)
[127](#)
[128](#)
[129](#)
[130](#)
[131](#)
[132](#)
[133](#)
[134](#)
[135](#)
[136](#)
[137](#)
[138](#)
[139](#)
[140](#)
[141](#)
[142](#)
[143](#)
[144](#)
[145](#)
[146](#)
[147](#)
[148](#)
[149](#)
[150](#)
[151](#)
[152](#)
[153](#)

[154](#)
[155](#)
[156](#)
[157](#)
[158](#)
[159](#)
[160](#)
[161](#)
[162](#)
[163](#)
[164](#)
[165](#)
[166](#)
[167](#)
[168](#)
[169](#)
[170](#)
[171](#)
[172](#)
[173](#)
[174](#)
[175](#)
[176](#)

Annotation

Во многих Странах мира издавна существовала так называемая «литература ужасов» — о привидениях, призраках и прочей нечисти, о всевозможных сверхъестественных явлениях и чудесах. Но, пожалуй, только в Японии подобная литература оформилась в особый жанр и даже сохранилась по сегодняшний день. Японский кайдан — так именуется этот жанр — породил многочисленные шедевры, которые представлены в этом сборнике повестью Санъютэя Энтё «Пионовый фонарь», рассказами Огиты Ансэя, Асаи Рёи, Ихары Сайкаку, Уэды Акинари, Акутагавы Рюноскэ, Эдогавы Рампо и др.

Значительная часть рассказов публикуется впервые.

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

В стране волшебных сновидений

*Но, в стране теней скользя,
Обозреть ее — нельзя!*

Эдгар По. Страна снов^[1]

Есть в японском языке понятие «юмэ-моногатари». Означает оно «рассказ о сновидении», а также — «литература снов». Под этим термином подразумевается главным образом повествование о таинственных и загадочных чудесах. Есть и другие названия подобного рода литературы — например, «кайдан» («повествование о загадочном и ужасном») или «кидан» («повествование об удивительном»). И если до «ужасного» дело доходит отнюдь не всегда, то уж «загадочное и удивительное» представлено в средневековой японской фантастике во всем блистательном великолепии ирреального мира: около двухсот разновидностей всяческой нежити и нечисти населяют страну волшебных сновидений.

...Призраки и ожившие мертвецы; привидения, духи погибших воинов и убиенные роженицы; одноглазые карлики и трехголовые демоны; голодные духи — гаки, ведьмы и водяные — каппа; длинноносые лешие — тэнгу, русалки, черти всевозможных мастей и оттенков, чудовища с бычьими и лошадиными головами; небесные

демоны — аманодзяку, бесы-мучители, истязающие в аду бедных грешников; девятихвостые лисы, тысячелетние кошки, гигантские змеи, рыбы и пауки, волки, обезьяны и прочие оборотни, способные принимать человеческий облик и насылать порчу и морок на смертных; причудливые, фантазмагорические создания: чудище райдзю, являющееся с раскатами грома; безгласый, безносый, безротый оборотень ноппэрапо; длинношеее страшилище рокуроккуби; животное нуэ — с головой обезьяны, лапами тигра, туловищем енота, хвостом змеи и голосом дрозда... В сонме этих немыслимых существ есть даже забавный одноногий зонтик (в Ночном хороводе демонов немало одушевленных предметов).

Вся эта злодейская колдовская рать, норовящая ввергнуть людей в беду и страдание, переселилась в мир японской волшебной повести и новеллы из разных «пределов» — из древнеяпонского мифа, зиждившегося на архаических верованиях, которые впоследствии легли в основу религии синто; из китайских, индийских легенд и сказаний; из буддийской притчи, пришедшей в Японию в середине VI века вместе с новым вероучением и значительно пополнившей легионы японской нечисти всевозможными демонами и чертями; наконец, из средневековой китайской новеллы чуаньци. Характерно, что иноземные пришельцы никогда не пытались вытеснить, уничтожить коренных обитателей темного царства, напротив, они не только мирно уживались с японскими традиционными духами и злыми богами, совместными усилиями изводя род человеческий, но и сами стремительно изменялись под воздействием исконных верований и представлений, приобретая новые, специфически японские национальные черты...

Сегодня, читатель, мы предлагаем вам побывать в этой стране грез и теней, которую «нельзя обозреть», но можно с легкостью вообразить, читая страницы сборника «Пионовый фонарь». Это будет к тому же и путешествие во времени, ибо в нашей книге представлены новеллы и повести о чудесах, относящиеся к различным периодам истории Японии от XVII века до нынешних дней.

* * *

Много веков раздирали Японию феодальные войны, но вот наступил год 1603-и. Князь Токугава Иэясу^[2] был провозглашен сёгуном^[3] и объявил своей столицей Эдо (нынешний Токио), находившийся в центре восточных провинций. Это знаменовало начало периода позднего феодализма в Японии.

Иэясу потребовалось не много времени, чтобы покорить оставшихся соперников, усмирить недовольных и объединить раздробленную страну в централизованное государство. При Иэясу и его наследниках Хидэтаде и Иэмицу в феодальной Японии прекратились междоусобные

распри, воцарился долгожданный длительный мир, начался бурный расцвет ремесел, торговли и культуры.

Итак, воцарился мир, — и люди стали свободно, без страха за жизнь перемещаться по стране. Переезжая с места на место, путешественники, торговцы и ремесленники способствовали распространению и взаимообогащению местного фольклора; бродячие монахи и грамотеи доносили до масс в форме аллегорий и притч догматы буддийского вероучения, а также сведения, почерпнутые из заморских книг. Состязания по стихосложению, чайные церемонии, театральные представления, похороны, храмовые праздники и прочие людные собрания сопровождались непременно рассказами о чудесах; даже в деревнях при появлении заезжего гостя крестьяне сходились в дом старосты — послушать диковинные истории.

«Фантастическая» традиция в японской литературе уходит корнями в глубокую древность. Достаточно вспомнить хроники «Кодзики» (VIII в.) и «Нихонги» (VIII в.), «Японские записи о чудесах и удивительных происшествиях» («Нихон рёики», VIII в.), «Стародавние повести» («Кондзяку моногатари», XII в.) и «Повествования, собранные в Удзи» («Удзисюи моногатари», XIII в.). Но именно в эпоху Эдо^[4] происходит обособление жанра «повествования о таинственном и ужасном», именно в эти века литература о чудесах пользуется всеобщей любовью — независимо от социального статуса, пола и образования, именно в это время она призвана играть особую роль в жизни общества.

Литературный канон «повествования о загадочном и ужасном» сложился в трех ранних сборниках — «Рассказах ночной стражи» («Тоноигуса», 1660 г.), собранных и записанных поэтом Огитой Ансэем; «Повестях о карме» («Инга моногатари», 1661 г.), принадлежащих кисти священника секты дзэн Судзуки Сёсана; и «Кукле-талисмана» («Отоги боко», 1666 г.), произведении первого японского профессионального писателя Асаи Рёи. Следует отметить, что составители сборников того времени выступали скорее как авторы, а не как собиратели сюжетов: при обработке легенд и преданий они вносили в них немалую долю своего литературного таланта. В эпоху Эдо подобные сборники уже начинают печататься как книги для массового чтения.

«Рассказы ночной стражи» (для того и рассказывались, чтобы не заснуть!) состоят в основном из «страшных» историй о проделках кошек, лис, пауков и прочих тварей, о чем свидетельствуют сами подзаголовки: «О чудовищном пауке», «О кошке-оборотне», «О крысах». «Рассказы» очень тесно связаны с фольклором. Все эти загадочные, обладающие злой колдовской силой оборотни по существу являются трансформацией древних японских легенд о недобрых духах — хозяевах грозной природы (нуси): в гневе они могли наслать мор и глад, ветер и ливень, сгубить урожай и скот, опустошить окрестности. Есть, правда, в сборнике и более поздние, буддийские, напластования,

но их сравнительно немного. «Рассказы ночной стражи» достаточно лапидарны и незатейливы, но кажущаяся простота в сочетании с четким указанием места и времени действия создает странное ощущение достоверности происходящего.

Буддизм, проникший в Японию из Китая в середине VI века, принес идею бесконечной цепи перерождений и неотвратимости закона кармы. Человеку суждено возродиться — в зависимости от праведности или неправедности земной жизни — в одном из шести миров (Ад, Мир голодных духов, Мир скотов, Мир демонов Асура, Мир людей и Небо). И горе грешникам — в различных кругах ада их будут терзать различные бесы-мучители, а тюремщики — черти с бычьими и лошадиными головами — строго следят за неукоснительным исполнением приговора, вынесенного Владыкой Ада.

Подобные перерождения после смерти (а в особо «тяжких» случаях и при жизни) живописуют новеллы, входящие в «Повести о карме» Судзуки Сёсана. В сущности, это буддийские притчи, создававшиеся с совершенно определенной целью — пробудить в читателе веру в неумолимый закон кармы. При этом автор постоянно подчеркивает достоверность происходящего («Люди знали об этом доподлинно»).

Однако очевидно, что «Повести о карме», так же как и «Рассказы ночной стражи», скорее дань прошлому, литературный итог прежних верований. Разложение феодального строя и зарождение капиталистических отношений способствовали быстрому расслоению общества; жизнь простого человека становилась все труднее, гнет — все тяжелее, и фантазии перемещаются в область реальной действительности. Оборотни и духи еще живут и продолжают строить свои козни, а вот чертям и демонам приходится потесниться: в эпоху Эдо мало кто уже верит в возможность появления беса посреди людной улицы города. Теперь на авансцену повествования о чудесном выходят привидения...

Первые привидения и призраки появились в японской литературе довольно давно — вместе с буддийским вероучением (считалось, что излишняя приверженность земному не позволяет душе попасть в рай и она обречена на вечное неприкаянное блуждание — это объясняло природу происхождения призраков и привидений), но теперь, с резким усилением гнета и ужесточением регламентированности всех сторон жизни простого японца привидения стали выполнять новые, довольно-таки несвойственные сверхъестественным силам функции: в мечтах задавленного беспросветной жизнью и несправедливостью человека привидения совершали после его гибели то, чего он не мог добиться при жизни. А при жизни он не мог ничего, — ибо даже роптать было по тем временам преступлением, ибо за подачу крестьянской петиции полагалась смертная казнь.

Дух мертвеца бесплотен, свободен. Он может, он должен отомстить — восстановить справедливость. Только в фантазиях мог дошедший до

последней черты отчаяния человек дать волю обиде и гневу. А потому чем прочнее становился режим, тем пышнее расцветал «кайдан». Горше всех была женская доля — участь существа совершенно бесправного и бессловесного. Известно буддийское изречение: «онна ва санкай дэ изнаси» — «в трех мирах нет места для женщины». И потому именно женщины — слабые, хрупкие, обиженные, беззащитные — становились главными героинями литературы призраков, устрашающими в своей злобной мстительности. Новелла о чудесном приобретает трагические черты, а сквозь романтический флер проглядывает социальная тематика.

«Кукла-талисман» Асаи Рёи — один из первых сборников новелл такого рода. В то время в Китае жанр волшебной новеллы чуаньци переживал бурный расцвет. Принято считать, что практически все новеллы Асаи Рёи — переложения китайских оригиналов, в частности произведений китайского новеллиста Цуй Ю, вошедших в его знаменитый сборник «Новые рассказы у горящего светильника». Но можно, пожалуй, сказать, что Асаи Рёи превзошел в мастерстве китайского предшественника: лишь частично сохранив сюжетную канву, он заменил имена героев и географические названия на японские, ввел тонкие пейзажные описания и японские исторические реалии, а также национальные фольклорные мотивы, углубил психологическую мотивировку поступков героев. Подобный «привой» дал новые, экзотические плоды.

Нет нужды предварять имя Ихары Сайкаку, чьи произведения хорошо знакомы всем, кто интересуется японской изящной словесностью. Без этого имени будет неполной литература Японии, без его «Рассказов из всех провинций» — неполной история новеллы о чудесах.

«Рассказы из всех провинций» (1686) на первый взгляд стоят как бы особняком в творчестве Сайкаку — певца городской жизни. Но Сайкаку был одержим страстью к путешествиям и во время странствий собирал и записывал сюжеты местных преданий. Плодом изысканий явились «Рассказы из всех провинций», некоторые из них имеют явно фольклорные корни.

На небольшой новелле практически неизвестного у нас писателя Цуга Тэйсё («О том, как заветный лук стража заставы Ки однажды превратился в белую птицу») хочется остановиться особо — потому, что именно Тэйсё многие исследователи считают родоначальником ёмихон — литературы, предназначенной для серьезного чтения (в отличие от бытовавших в те времена книг-картинок), а еще потому, что новелла эта обнажает мощнейший пласт фольклорной традиции.

Если Асаи Рёи использовал тексты, написанные на классическом, литературном китайском языке, то осакский врач Цуга Тэйсё перелагал и адаптировал произведения, написанные на разговорном китайском, — при этом, разумеется, привнося японские реалии и колорит. Первый

же сборник новелл о чудесном — «Гроздь цветов» («Ханабуса-дзоси», 1749 г.) принес ему громкую славу. «О том, как заветный лук стража заставы Ки...» принадлежит к другому сборнику — «Пышный луг» («Сигэсигэява», 1766 г.). Это прелестный рассказ о лисе-оборотне, которая превращается то в охотничий лук, то в белую птицу и морочит голову одновременно нескольким мужчинам, стремясь отвратить род человеческий от убийства живых существ. Вообще лиса — самый любимый и популярный персонаж многочисленных китайских, японских легенд и сказок. Герой одного из китайских преданий — император Юю (XVIII в. до н. э.) — берет себе в жены девятихвостую лису; другое предание повествует о небесной лисе, имевшей девять хвостов и золотую шерсть; японское слово «тэнгу», обозначающее лесного бога с длинным клювом, может также читаться как «амацу кицунэ» — «небесная лисица» (согласно легенде, тэнгу — упавшая с неба звезда); сказочная лиса Кудзуноха всем сердцем любит своего спасителя и рождает ему сына — будущего прославленного астролога и гадала Абэ Сэймэя.

Как китайские, так и японские оборотни-лисы часто морочат людей не со злыми намерениями, ими движут благородные побуждения — любовь, чувство справедливости, стремление сделать добро, — а подчас и просто безобидное озорство. Они умны, преданны, обворожительно прекрасны, и способны не только сгубить, но и облагодетельствовать достойного — даже жертвуя своей жизнью. Таких пылких, самоотверженных, тонко чувствующих героинь можно встретить в «Лисьих чарах» китайского писателя Пу Сунлина, жившего в XVII веке; немало их и в японских новеллах о чудесном.

Читая новеллу Тэйсё, невольно забываешь о существовании китайских первоисточников, тем более что схожие легенды можно обнаружить и в средневековой японской прозе сэцува. «Как заветный лук стража заставы Ки...» вызывает чувство поэтической грусти и легкое восхищение удивительным японским механизмом адаптации явлений чужеродной культуры.

И все же гениальный Уэда Акинари пошел дальше Тэйсё. Непосвященному просто и в голову не придет, что многие сюжеты его шедевра «Луна в тумане» взяты из китайских произведений, главным образом новелл того же Цуй Ю.

Мотив страсти змеи к человеку восходит к древним китайским легендам (впоследствии они нашли воплощение в «Повести о Белой змейке» китайского писателя первой половины XVII в. Фэн Мэнлуна). Кстати, сходный сюжет лежит в основе новеллы «О распутнице из округа Муруно земли Кии» («Записи о чудесах „Сутры Лотоса“, сотворенных ею в великой стране Японии», середина XI в.), а также пьесы «Додзёдзи». Но если в прочих интерпретациях змея-оборотень холодна и расчетлива и внушает ужас своей жестокой и похотливой любовью, то в новелле Акинари «Распутство змеи» она очаровательна и

беззащитна, а безоглядная страсть, в итоге губящая ее, невольно вызывает в памяти героинь Сайкаку, жертвовавших жизнью во имя своего чувства. Так что симпатии автора на стороне Манаго, а не трусоватого и нерешительного Тоёо.

Первый раздел сборника «Пионовый фонарь», озаглавленный «Алый пояс», замыкают новеллы Танаки Котаро. Строго говоря, его произведения следовало бы отнести к жанру современного «кайдана» (он жил и творил в конце XIX — начале XX в.), однако сказочно-мифологическая окрашенность его произведений, их устремленность в прошлое, обилие используемого фольклорного материала, да и сама форма изложения — стилизация под быличку и сказку — позволяют включить Танаку Котаро в число авторов классической волшебной новеллы.

На протяжении всей жизни он увлеченно собирал народные предания и легенды, бытовавшие в различных областях Японии и Китая. Итог — несколько сборников новелл об «удивительном, загадочном и ужасном» («кайданов» и «киданов») как японского, так и китайского образца. Новеллы Танаки Котаро весьма любопытны эклектичностью образов и наложением более поздних преданий и исторических реалий на ранние легенды и поверья: так, например, в рассказе о призраке грешницы, воспылавшем любовью к незадачливому самураю («Пора цветения»), звучит неожиданный мотив христианства, а в легенду о рыбаке, в соответствии с законом кармы понесшем наказание за убийство живых тварей, вплетается предание о сыне лисы Кудзуноха — гадателе Абэ Сэймэе. Авторские произведения Танаки Котаро — в то же время своеобразнейший документ, отражающий развитие устного народного творчества.

Повесть «Пионовый фонарь» была опубликована в середине восьмидесятых годов прошлого века. В 1868 году в Японии произошла революция Мэйдзи^[5] и началось развитие буржуазного государства. Новая культура, новая литература требовали новых, более свободных форм выражения. Язык «Пионового фонаря» — это язык живой народной речи. Санъютэй Энтё был выдающимся рассказчиком, и «Пионовый фонарь» записан, что называется, «с голоса».

Сюжет, лежащий в основе повести, был известен в Японии очень давно. Он заимствован из одноименной новеллы китайского писателя эпохи Мин Цуй Ю. К этому сюжету обращаются многие японские авторы, начиная с Асаи Рёи и Уэды Акинари. Призрак девушки с пионовым фонарем в руке присутствовал в японской литературе и драматургии самых различных жанров на протяжении двух сотен лет.

Однако в повести Санъютэя Энтё трагическая история барышни О-Цую — любви прижизненной и загробной — составляет только один, ирреальный пласт повествования. Энтё впервые вводит второй план —

реальной, обычной жизни. Это история Коскэ, слуги самурая Иидзимы. Хэйдзаэмона, убившего своего господина, — одновременно и драматичная, и юмористическая. Драматизм ее определяется тем, что действие в «Пионовом фонаре» разворачивается по традиционным для классического «кайдана» законам воздаяния, кармы; в юмористические тона ее окрашивает полный шутки и каламбуров подлинно народный язык персонажей. Хитросплетение сюжета держит читателя в неослабевающем напряжении, а сцены появления призраков выписаны с такой жутковатой реалистичностью, что даже у современного читателя невольно возникает ощущение неприятного холода под ложечкой.

Мир темных сил и мир людей, погрязший в подлости, жадности и разврате, словно состязаются друг с другом в одержимости злом — так что невольно возникает вопрос: который из них страшнее?..

Третий раздел сборника «Пионовый фонарь» озаглавлен «Ведьма» — по названию вошедшего в нее рассказа писателя Акутагавы Рюноскэ. В Японии жанр «повествования об удивительном и ужасном» благополучно дожил до наших дней, не захирел, как это случилось в первые десятилетия XX века с китайской волшебной новеллой чуаньци, а продолжает процветать, несмотря на бурное развитие цивилизации и научно-технический прогресс. Мало того, можно утверждать, что в наш индустриальный век, век научного мышления японский «кайдан» обрел вторую жизнь.

После революции Мэйдзи Япония начинает жадно впитывать достижения западной (в первую очередь европейской) цивилизации — экономики, науки, техники, культуры. Она ускоренными темпами проходит путь, на который Европе потребовалось несколько веков. Особенно отчетливо этот процесс виден в литературе: различные направления сменяют друг друга в стремительной последовательности.

В 90-х годах XIX века в Японии расцвел романтизм. Возможно, именно это подстегнуло интерес к средневековой литературе призраков, к изображению потустороннего мира; возможно, немалую роль сыграл выдвинутый в то время лозунг о сохранении национальной самобытности Японии, отражавший недовольство некоторых слоев населения чрезмерной европеизацией и модернизацией страны, а также усиленная пропаганда классической литературы, выразившаяся в создании двух серийных изданий — «Собрание произведений японской литературы» и «Собрание произведений японской поэзии». Как бы то ни было, именно тогда начинают появляться повести и рассказы, написанные в духе традиционной волшебной новеллы.

К теме потустороннего мира обращается Идзуми Кёка, а следом за ним — Акутагава Рюноскэ, Эдогава Рампо, Осараги Дзиро, Кайондзи Тёгоро и другие. Современный язык, современные средства

художественной выразительности — сопутствуют ли им новые идеи, лишь внешне замаскированные традиционной условностью жанра?

Вглядимся пристальней: «новый кайдан» XX века по-прежнему сохраняет все «родовые» признаки жанра — сказочность фабулы, мифологизм главных персонажей, а главное — установку на достоверность чуда. В то же время исчезает формульность и появляется философско-идейная насыщенность текста. «Повествование об ужасном» как бы мимикрирует, применяясь к новым условиям, новым временам — то надевая личину остросюжетной прозы (Акутагава Рюноске, «Ведьма»), то принимая обличье «мистери», полудетективного повествования (Эдогава Рампо, «Путешественник с картиной»), то оборачиваясь стилизацией под старинную легенду (Исикава Дзюн, «Повесть о пурпурных астрах»). И вот что интересно: пытаюсь сохранить необходимую по законам волшебной новеллы веру в чудо — в наши рационалистические времена возможность такого чуда исключают, — писатели, как правило, прибегают к одному и тому же приему: к смещению действия в область гипотетического, с указанием, однако, точного места и времени действия. С этой целью либо вводится некий иллюзорный рассказчик, то ли существовавший в действительности, то ли пригрезившийся писателю («Путешественник с картиной»), либо автор с самого начала оговаривается: «Возможно, вы не поверите мне. И даже подумаете, что я лгу...» («Ведьма»). Но тут же сам себе возражает: «Почему в Токио, озаренном светом цивилизации, таинственные духи, которые нагледят обычно в то время, когда люди спят, не могли бы иногда случайно сотворить чудо?» — словно бы говоря: «Как вам угодно, но уж я-то верю в это безусловно». А дальше все идет «как по-писаному»: переместившись таким образом в застрахованную от разъедающих сомнений сферу, герой действует в рамках старой сказочно-фантастической традиции.

Разумеется, для писателя это всего лишь «игра в тайну», маскировка под «чудо», необходимая для воплощения неких философских идей и этических установок, но ведь, как известно, герои произведений имеют склонность жить своей собственной, не зависимой от желания автора жизнью.

Вот, например, рассказ «Ведьма» Акутагавы, лейтмотив которого — борьба Добра со Злом. Действие происходит в современном писателю Токио — в первую четверть XX века — среди трамваев, автомобилей, телефонов, облицованных камнем набережных и прочих примет цивилизации. Но посреди этого оживленного, бурлящего новой жизнью города, в маленькой убогой лавчонке, затененной ветвями ивы с печально колышущимися листьями (традиционный антураж дома с привидениями), восседает раздувшаяся, словно белая жаба, омерзительная старуха — ведьма, воплощение мрачных сил. Стремясь вернуть украденную старухой возлюбленную (сказочный мотив похищения девы), Синдзо совершает все, что положено совершить

герою волшебной сказки или героического эпоса: он пускается в путь (мотив дороги), проходит через ряд испытаний, борется со старухой (змееборческие мотивы) при поддержке друга, верного помощника во всех испытаниях (мотив чудесного помощника), — и побеждает врага, возвращая похищенную невесту (традиционный счастливый конец). В этом смысле рассказ «Ведьма» даже ближе к сказке, нежели к новелле о чудесах. Разумеется, Акутагава, возможно, и не отдавал себе в этом отчета, выстраивая в цепочку поступки героев, — просто мифологическое сознание, пустившее прочные корни в японцах, автоматически «выдало» привычную схему.

У Эдогавы Рампо, основоположника японского детектива, волшебство носит более прикладной характер, в нем совершенно отсутствует всякий намек на сказочность. И все же нельзя не отметить мощную струю традиционно ирреального, пронизывающую все творчество писателя.

Забавно, но факт: Рампо, ратуя за «чистоту» детектива, всю свою жизнь писал «кайданы», даже не подозревая об этом.

Новелла «Путешественник с картиной» изяществом напоминает куртуазную японскую литературу. Влюбленный юноша переселяется на картину, чтобы соединиться с предметом своей страсти — героиней средневековой легенды О-Сити. Интересно, что при сугубой традиционности в новелле Рампо явственно ощущается влияние западной литературы призраков — не говоря уже о рассказе Осараги Дзиро «Мертвая хватка», как бы перекликающемся с известным произведением Мопассана.

Ночь, тьма, лунные блики, зловещие тени, ветви ивы, ожившие изображения, отрубленные руки мертвецов, наводящие ужас черные бабочки — это дань «волшебной» традиции. Но по соседству с атрибутами старины мы обнаруживаем совершенно неожиданные предметы — уже из нашего, XX века. У Акутагавы это взбесившиеся ремешки на поручнях трамвая, телефон, передающий гнусавый шепот вездесущей ведьмы; у Эдогавы — манекены и зеркала, бинокли и линзы, «орудия дьявола, приоткрывающие кусочек иного, потустороннего мира».

Несколько особняком стоят произведения Исикавы Дзюна. Его «Повесть о пурпурных астрах» — пожалуй, самое самобытное после «Пионового фонаря» произведение сборника.

Исикава Дзюн — выдающийся стилист. Его нередко сравнивают с Набоковым или Борхесом, но суждение это поверхностное. Художественное мастерство Исикавы совершенно иного рода: он черпает из японской классики. Старинные предания и события из национальной истории — тема многих его сочинений. «Повесть о пурпурных астрах» можно назвать философской притчей, построенной на фольклорном материале.

Главный мотив произведения тот же, что и в «Ведьме» — Добро и Зло. Абсолютное Зло воплощено в наместнике Мунэёри, одержимом жаждой убийства. Добро на первый взгляд олицетворяется в его антиподе — в Хэйте, ваятеле будд. Хэйта из «другого мира», где не любят убивать. Но так ли добр его мир? «Кто мешает развлечениям, тот позорит землю, — говорит Хэйта. — И, как это ни противно, приходится убивать». — «А как их убивают?» — «Вонзают стрелу в спину, топчут спину ногами, за волосы волокут по земле. Так изгоняют духа зла. И человек погибает».

Нет, это не мир Добра, это такой же мир Зла, лишь перевернутый: его зеркальное отражение. И не случайно внешнее сходство наместника с Хэйтой, закономерна их одновременная гибель: оба они посягнули на величие божества, и божество покарало их за гордыню. Но в этом черном мире Зла даже всемилостивый Будда, которого Хэйта изваял из камня, а Мунэёри уничтожил, тождествен Дьяволу. Голова его, отсеченная стрелой Мунэёри, «необычна для будды: гневно вытаращенные глаза, оскаленные клыки, огнедышащий зев — не злой ли дух в своем неистовстве?».

Зло может порождать только зло, и все, в таком мире одержимы злым духом, как Юмимаро — дядя наместника. Его смерть обнажает тайное: пронзенный стрелой племянника, Юмимаро обретает подлинный облик — это «старый матерый волк со вздыбленной шерстью, который сдох, захлебнувшись черной кровью».

А мир людей? Может быть, там обитает Добро? Нет, там царит похоть, подлость, обман. Это мир корыстолюбивого Фудзиути и глупой развратной Уцурохимэ. Он не может противостоять Злу, он сам погряз во грехе. И лишь мир нечисти, явленный в образе девы-лисы Тикусы, несет в себе некое светлое начало. Как не вспомнить прелестную лисичку из новеллы Тэйсё «Как заветный лук стража заставы Ки...», легендарную Кудзуноха и героинь «Лисьих чар» Пу Сунлина?..

Стремясь отомстить наместнику за обиду, Тимуса стремится влить яд сомнений в его душу и толкнуть на путь ошибок — но именно с ней он познает красоту любви чистой и бескорыстной. Это она докладывает. Мунэёри о том, что творится во дворце и провинции, — но напраслину не возводит. Тикуса идет с возлюбленным до конца, навстречу собственной гибели — и сгорает «в пламени людской злобы».

Все исчезло, все взял огонь возмездия — остались лишь буйные заросли пурпурных астр, возросших на человеческой крови...

Прежде чем погрузиться в волшебный мир теней и сновидений, попытаемся все же понять, почему столь жизнестойким оказался жанр «повествования о чудесном» в японской литературе.

Изменчивые климатические условия, географические особенности островной страны с частыми природными катаклизмами породили в глубокой древности благоговение перед духами — хозяевами природы. Слабые отголоски этого слышимы и ныне — например, в эстетических

категориях (мономанэ — подражание вещам, мононо аварэ — очарование вещей), в традиционном искусстве, направленном не на преодоление материала, а на выявление его скрытой сущности. Именно в особенностях японской национальной психологии, японского менталитета, густо замешенного на мифологии, и следует искать, пожалуй, истоки живучести волшебной новеллы. Религия синто не умерла, — а значит, живо и мифологическое сознание.

Не следует сбрасывать со счетов и традиционный для Японии философский, религиозный и культурный синкретизм (как буддизм уживался и уживается с синтоизмом, как западная культура успешно сосуществует с традиционной восточной, так и «повествование о чудесном» отнюдь не вступает в противоречие с современной научной фантастикой). Но главное — это, пожалуй, выработанный веками уникальнейший японский механизм адаптации к заимствованным элементам чужеродной культуры. Упрощенно принцип его таков: переняв у других, наполнить собственным содержанием, — не уничтожая при этом прежнего, ибо перечеркнуть прошлое значит подрубить корни, питающие будущее.

Кстати, любопытно было бы сопоставить в этом аспекте историю японского «кайдана» с историей нашей, отечественной фантастической прозы. Ведь Запад (и Россия в частности) во все времена и эпохи с той же легкостью отбрасывал свое прошлое, с какой ящерица избавляется от собственного хвоста. Правда, прошлое все равно прорастало — спустя тот или иной промежуток времени. Мелкие корешки успевали засохнуть и утрачивались безвозвратно, но ствол был жив и пускал новые побеги. Это в полной мере относится и к фантастической традиции в русской культуре: мифологическая стихия отринутого язычества прорастала в волшебной сказке, обнаруживала себя в мощной фольклорной струе, пронизывающей все творчество Пушкина и Гоголя, в русской романтической новелле XVIII — начала XIX века, в «страшных рассказах» А. К. Толстого; фантастические мотивы А. Погорельского, О. Сомова, М. Загоскина, А. Бестужева-Марлинского (без колебаний задвинутых во «второй-третий ряд» и преданных забвению) в свою очередь обрели новую жизнь в произведениях романтиков первой четверти нашего века — В. Брюсова, А. Чаянова и других, а позднее выплеснулись, несмотря на мощные цензурные заслоны, в блистательную дьяволиаду М. Булгакова.

Сейчас в нашей стране интерес к фантастическому, а точнее даже к мистическому, вспыхнул с невиданной силой. Летающие тарелки и полтергейст (ну как тут не вспомнить «нехорошую» квартиру № 50?), возродившиеся из пепла астрология и хиромантия, лозоходство и ясновидение, телепатия, телекинез, левитация, кожное зрение и прочие загадочные парапсихологические явления, — конечно, вся эта современная «чертовщина» щекочет нервы, дразнит воображение и бросает вызов окостеневшему рациональному мышлению. Но дело не

только в «экзотичности» самого предмета: болезненно острым бывал интерес к мистическому во все моменты общественных потрясений...

Почему же, спросите вы, мы предлагаем вам именно в этот момент сборник «Пионовый фонарь», буквально битком набитый «загадочным и ужасным»? Что это — дань моде? Желание угодить читательской публике? Не будем лукавить: отчасти. Если любопытствующему читателю угодно «загадочное и ужасное» — что ж, извольте. Но при этом вы по крайней мере можете быть уверены: это захватывающе интересно и не испортит вашего вкуса. А кроме того, — это и есть наша главная цель, — вы познакомитесь с пока не слишком известным в нашей стране жанром японской литературы, откроете для себя новый пласт культуры народа, очень бережно относящегося к своим национальным корням. И мы от души надеемся, что повести и новеллы встретят у вас восхищенное понимание — ведь при всех различиях японского «повествования о чудесном» и русской фантастической прозы внимательный глаз обнаружит в них немало похожего.

Ну а теперь — переверните страницу. И, может быть, вы вместе с героями произведений увидите «сквозь волшебный кристалл сгустившейся атмосферы кусочек иного, потустороннего мира» — мира реальной небыли и ирреальной были, озаренного таинственным, ужасным и прекрасным светом пионового фонаря...

Г. Дуткина

АЛЫЙ ПОЯС

Рассказы

Огита Ансэй

РАССКАЗЫ НОЧНОЙ СТРАЖИ

О тэнгу и гибели монаха

Вам, конечно, ведомо, что **о** за существа эти тэнгу?^[6] — начал рассказчик. Много бед воспоследовало от них монахам. Даже и во времена нынешние те, кто предается чрезмерной гордыне и высокомерию, могут уподобиться тэнгу, только что без клюва и крыльев. Горе тому, кто возомнит, что превзошел все науки и

искусства, — не миновать ему гор Курама.^[7] Стоит хоть раз сойти с пути праведного, оступиться, и ты уже добыча тех, кого называют супостатами Будды, из племени бесов и оборотней.

За этим вступлением последовал сам рассказ.

Некогда в столичном квартале Дайго, сойдясь вместе, монахи предавались досужим забавам. Один из них вышел и все никак не возвращался. Его товарищи, заподозрив неладное, послали за ним в храм, но там его не оказалось. Тщетно разыскивали его и в Фу сими, и в Курусано, и в Удзи, и на переправе Сэта, и в квартале Дайго. Все очень горевали по пропавшему.

Через три дня служка одного из храмов отправился в лес за хворостом. Он увидел, что над одной из отдаленных гор развевается что-то белое. Воротясь в храм, он поведал об этом тамошним монахам. Те встревожились и решили разузнать, в чем там дело. Цепляясь за выступы скал и стебли трав, они поднялись на эту крутую гору. На самой ее вершине, на высоком дереве висело белое монашеское одеяние. Внизу лежали расчлененные останки монаха. Правая и левая руки, соединявшиеся некогда в «молитвенной печати», были отделены от туловища, губы, твердившие санскритские заклинания «дхарани», утратили всякий цвет.^[8] Зрелище было надрывающе-печальное. Вероятнее всего, это были козни тэнгу. Если ты нарушишь какую-либо заповедь и лишишься благодатного заступничества, повергающего ниц духов земли, тебе угрожает постыдная и жалкая участь.

О чудовищном пауке

Рано поутру, еще затемно, некий человек отправился в синтоистский храм. Когда, тихо читая нараспев молитву, он проходил вдоль ограды, он вдруг услышал в святилище ужасные стоны. Вбежав по каменным ступеням в молельню для паломников, он увидел оплетенного паутиной человека и громадного паука, который уже впился ему в шею. При его появлении паук сразу же скрылся. Подойдя к несчастному, он распутал его и осведомился: «Кто ты такой?» — «Как видите, я странник, — последовал ответ. — Я пришел в храм вчера вечером в сумерках. Остановиться на ночлег было негде, и я решил заночевать здесь, в молельне. Пока я предавался печальным раздумьям о своей горькой доле, о жизни, проведенной в бесконечных странствиях, вошел слепой музыкант — дзато.^[9] У него был вид усталого путника. Усевшись рядышком, мы беседовали о превратностях скитальческой судьбы, и я уже было подумал: „Вот мой истинный собрат“, как вдруг дзато вытащил шкатулку для благовоний и, сказав: „Не правда ли, хороша вещица?“ — бросил ее в мою сторону. Я поймал шкатулку правой рукой, и она тотчас же накрепко к ней прилипла. Я попытался отодрать ее левой, но прилипла и левая рука. Тогда я пустил

в ход ноги, и они сразу же приклеились. Меж тем дзато обернулся громадным пауком, впился мне в шею и стал сосать мою кровь. В тот миг, когда муки мои достигли того предела, за которым жизнь обрывается, появились вы, мой спаситель. Отныне вы для меня как отец».

О кошке-оборотне

Некогда правителем Осаки был Этидзэн из семейства Симада. Супруга его жила на востоке, в Эдо. Женской прислуги у него в доме не было, свое ложе он предпочитал делить с мальчиками или молодыми мужчинами.

Однажды вечером, его навестил дзато по имени Кото в сопровождении слепого отрока лет двенадцати — тринадцати. Всю ночь они слушали музыку. Уже под утро, когда был потерян счет выпитым чашам, все удалились на покой в соседнюю комнату. Едва они погрузились в крепкий сон, как слепой отрок, пришедший вместе с Кото, принялся будить их криками: «Вставайте! Вставайте!» Никто не отвечал, пока в конце концов сам правитель не соизволил осведомиться: «Что случилось?» — «Только что раздвинулись фусума и сёдзи,^[10] кто-то вошел в комнату», — отвечал отрок. «Посмотрите, кто там пришел!» — крикнул правитель. Все сразу же вскочили и при свете свечей осмотрели все вокруг. Кроме них самих и домашней любимицы-кошки, которая умильно играла хвостом, в комнате никого не было. «Это, видно, ему приснилось», — решили люди. Но отрок продолжал упорно твердить, что кто-то вошел в комнату. «Не болтай чепухи, не мешай спать!» — сердито прикрикнули на него люди и, надавав ему подзатыльников, снова улеглись.

Как-то раз, после дневного сна, выглянув в сад, правитель увидел, как эта кошка принесла в зубах рубашку малолетнего ребенка, встала на задние лапы и обернулась прелестной девушкой. «Ах вот оно что! — подумал Этидзэн. — Стало быть, мальчишка говорил правду. Это она вошла тогда в комнату через фусума и сёдзи». Кошка перемахнула через высокую ограду и скрылась. Дождавшись, пока она вернется, он приказал посадить ее в полотняный мешок и сбросить в реку с моста Тэмма. Кто-то из слуг пожалел ее, сказав: «Она так хорошо ловила мышей», но ему поведали обо всем происшедшем, и он больше не вступался за нее.

В священных книгах сказано, что тысячелетняя лиса может превратиться в красавицу, столетняя мышь — в колдунью. Старая же кошка может стать оборотнем с раздвоенным хвостом. Однако кошки бывают разными. Вот, например, кошка, живущая в моем доме. Масти она тигровой. Мышей не ловит, целыми днями лежит, свернувшись колечком, возле очага, но стоит побранить ее: «Экая ты лентяйка!» —

как она тут же начинает носиться по комнате, только белые лапки мелькают. Чуть зазеваешься, она тут же стянет рыбу, к которой питает такое же пристрастие, как и все любители сакэ.^[11] От этой воровской привычки ее не отучить даже кнутом. Когти у нее загибаются, как крючки. Глаза у нее узкие, усы длинные, мордочка — хитрая-прехитрая. По утрам она прихорашивается, будто молодлица, затем снова укладывается у боковой двери, но не спит и все чутко слышит, и если ее позвать, эта жеманная барышня прикидывается, будто ничего не слыхала. По ночам, когда ты ожидаешь свою возлюбленную, она ни за что не хочет разделить твое одиночество, ложится возле жаровни и усердно облизывает лапки — до тебя ей нет никакого дела. Захочется тебе с ней поговорить, она не отвечает, принимая вид этакой отшельницы, которая отреклась от всех мирских уз: пусть судьба карает тебя за прегрешения, а она, мол, тут ни при чем.

О крысах

Некий человек, который жил в поместье Тада земли Цу, занемог. В то время как он лежал в постели, большая крыса стала грызть подошвы его ступней. Пришлось ее убить. Тут же явилась другая. Он прикончил и ее. Но крысы продолжали осаждать его дом. Тогда он обзавелся множеством кошек. Но и они не могли справиться с несметным сонмищем крыс. Он укрепил стены сосновыми досками, но крысы легко прогрызали самые толстые доски. В конце концов они съели его.

Выслушав рассказ об этом чудовищном происшествии, кто-то заметил: «Вероятно, он был болен проказой. В тот год, когда Осака подверглась осаде,^[12] возле храма, что к югу от пристани, можно было видеть сироту-нищего, к тому же больного проказой. Однажды ночью его укусила крыса размером с колонка. С той поры крысы буквально не давали ему проходу. Он душил их удавкой, но число их не сокращалось, а росло. Сжалившись над ним, монахи построили для него сторожку из сосновых досок. Но крысы тут же прогрызли эти доски. Пытаясь отвязаться от них, он переходил из дома в дом, но и это не помогло, в конце концов его съели».

Яростные нападения несметных сонмов крыс, по-видимому, предопределяются судьбой. Трудно предвидеть, на кого может обрушиться это бедствие. Но если мы хотим продлить существование нашего бренного тела, коему, однако, в конце концов, все равно суждено обратиться в дым, не следует заранее впадать в отчаяние.

О встрече с Высоким монахом

Некий самурай рассказывал:

«В ту пору когда я еще был молодым удальцом, как-то вечером отправился я на охоту с собакой. Охота оказалась неудачной. Пройдя целый ри,^[13] я присел на вершине горы, чтобы отдохнуть перед возвращением. Падая с влажных скал, печально звенели капли, в невысокой бамбуковой рощице шумел сильный ветер, вверху струилась Небесная река, но созвездье Субару не могло еще отражаться в росе,^[14] потому что она еще не выпала. Все тропы были усеяны палой листвой. Кое-где виднелась сеть пауков, которых называют „бамбуковыми крабами“. Слева и справа тянулись гряды горных вершин. Я встал и направился домой. Но тут на моем пути, из лежавшей передо мной долины, появилась какая-то огромная фигура. Фигура росла, волнами вытягиваясь вверх, и я понял, что это оборотень. Вот она уже вознеслась над вершинами окрестных гор. Приглядевшись, при тусклом свете звезд я различил бритоголового великана. Нетрудно было догадаться, что это Высокий монах, которым может обернуться, к примеру, старый барсук. Преодолевая сильный страх, я изготовил свой лук, натянул тетиву и возложил на нее стрелу. Все это время я не сводил глаз с нависшего надо мной монаха. Чтобы видеть его лицо, мне пришлось запрокинуть голову, так что волосы, стянутые узлом на затылке, коснулись ворота.

Пока я раздумывал, в какое именно место направить стрелу, оборотень вдруг растаял. В тот же миг погасли и звезды Небесной реки. Стало так темно, что я не видел дороги. Хуже того, я не знал, в какую сторону идти. Тогда я свистом подозвал пса, один конец своей головной повязки привязал к его ошейнику, другой — к своему поясу и пошел следом за ним. Вскоре мрак рассеялся, и я увидел перед собой свой собственный дом. С тех пор я никогда не хожу в горы один, беру с собой приятелей».

О Горной деде

Один ронин^[15] рассказывал, что в бытность свою в Окаяме, в земле Бидзэн, гостил он как-то в горной хижине, и вот что поведал ему хозяин этой хижины:

«Однажды, охотясь за дичью, забрел я далеко в горы и встретила меня там девица лет двадцати, прекрасная обликом, в платье косодэ^[16] какого-то необыкновенного, неопишуемого цвета. И от ее волос исходил такой нестерпимо яркий блеск, что невольно закрадывалось сомнение: человек ли это.

Места эти были пустынные, там никогда не было ни души, и мне стало не по себе. Я схватил ружье, прицелился в нее и выстрелил. Но она поймала пулю на лету и, казалось, не только не обозлилась, но приветливо улыбнулась мне своими пионово-алыми устами. Я выстрелил во второй раз. И снова она перехватила мою пулю. В полной

растерянности, ожидая самого худшего, я бросился наутек. Но она не стала за мной гнаться, и я благополучно воротился домой.

Позже один мой знакомый, человек почтенных лет, объяснил мне, что это была Горная дева. Того, кто понравится ей, она одаряет богатыми сокровищами. Но на что мне ее сокровища?»

О призраке Роженицы

В четвертый год Канъэй^[17] одна из служанок моего родного селения, бывшая на сносях, умерла, не разрешившись от бремени. С тех пор она стала там появляться в облике Роженицы. В страхе перед ней дети запирали двери и опускали бамбуковые шторы. В ту пору я был в отъезде, но когда я вернулся, мне рассказали об этом наваждении.

«Скажите мне, когда она появится», — попросил я. И вот как-то ночью — в час восьмой стражи — меня разбудила встревоженная матушка. «Что случилось?» — осведомился я. «Слышишь плач? Это она, Роженица», — ответила матушка.

Я услышал отчетливые звуки плача — протяжные, монотонные, лишь вначале немного выше, а в конце — пониже. Звуки замолкли, а немного погодя повторились снова. За это время плачущая, похоже, прошла не меньше двух кэнов.^[18] Тоска, которая слышалась в ее голосе, до сих пор пронизывает меня насквозь.

При жизни Роженица была замужем за жителем этой деревни — Ёсити. После смерти она каждую ночь являлась в его спальню, не давая ему сомкнуть глаз. В конце концов Ёсити обозлился и привязал ее веревкой к столбу. Проснувшись наутро, он увидел лишь обрывки от веревки.

Сколько ни гнал он ее, она все продолжала приходить. Если он уходил в какой-нибудь другой дом, терзаемая любовной тоской, она следовала за ним и туда. На те деньги, что были у него припасены на черный день, он заказал заупокойную службу с чтением сутр. Но это не помогло. Ёсити был уже близок к отчаянию, но тут кто-то посоветовал ему: «Повесь на окно свою набедренную повязку». Так Ёсити и сдѣлал. Утром повязки на окне не оказалось. Больше Роженица не приходила. Видно, и впрямь это надежное средство в таких случаях.

О кострах на полях былых сражений

Второго числа месяца идзоку, одиннадцатого года Канъэй^[19] отправился я в селение Вакаэ. Вместе со мной было еще несколько попутчиков. Вышли мы в ту пору, когда только-только сгущаются сумерки и выплывает луна, в надежде насладиться прохладой. Осенний ветер печально шелестел в листве бумажной шелковицы.^[20] Светлячки,

еще с лета сохранившиеся на ветвях вербенника, не мерцали. То ли они померкли в ожидании грядущих сражений, то ли молча оплакивали усопших.^[21] Тропинка перед нами, казалось, была вся усыпана жемчужинками, страшно было раздавить их. Росой были усеяны и листья риса в поле, через которое мы проходили. И вдруг, кэнах в тридцати перед нами, вспыхнуло ослепительное пламя. Его языки были длиной в четыре-пять сяку.^[22] Вздымались они сразу по четыре или по пять, словно волны бушующего огненного моря.

Один из моих спутников рассказал: «Во время битвы первого года Гэнна^[23] в шестой день пятой луны здесь полегло множество преданных и отважных воинов. И теперь их души полыхают пламенем. Это, разумеется, не те костры, которые жгли ночами давно ушедшие стражи дворцовых ворот и о которых сложены такие стихи:

Как те костры,
Что стражи врат дворцовых
Ночами жгли когда-то,
Пылающая по ночам,
Тоска любви моей незрима днем.^[24]

Вряд ли когда-нибудь еще нам доведется увидеть подобное зрелище, — сказал я. — Давайте подойдем поближе, посмотрим». — «Не надо, — отозвался говоривший. — По мере того как мы будем к ним подходить, они будут отдаляться. Там, где мы стоим, тоже горят эти огни, только нам не дано их видеть». — «Огни пылают на самом рисовом поле или на межах?» — любопытствовал я. «И там, и на дамбах, и в канавах — везде».

Миновало уже более двадцати лет, но души павших по-прежнему обитали здесь, в этих ярко пламенеющих огнях. Глядя на них, казалось, мы слышали воинственные кличи, доносящиеся с поля брани. Мы не стали больше рассматривать огни и с молитвой на устах возвратились домой. Все это я видел собственными глазами.

О фрейлине Кодзайсё и призраках

Этот рассказ поведал мне дзато, бывающий у нас в доме.

«Наставник, который учил меня сказу о доме Тайра — Хосияма Кото из Амагасаки, что в крае Сэтцу, — так остерегал меня: „Некий человек, разучивая главу „Фрейлина Кодзайсё“ из Девятого свитка, лишился уха. Будь же вдвойне осмотрителен при изучении этой главы“. — „Как это случилось?“ — любопытствовал я. „Есть у меня среди дзато приятель по имени Данъити, — начал наставник. — Человек он бедный и благочестивый. Как-то со знакомым проводником отправился он в землю Цукуси, чтобы заработать себе на пропитание. По пути туда

завернул он в Акамагасаки, что в земле Тюгоку, где жил у него давнишний приятель. Но тот не смог его принять, и на несколько дней пришлось ему остановиться в храме секты „Чистой земли“.^[25] В этом храме находились запущенные, покрытые вековыми мхами могилы, каменные надгробья и поминальные дощечки клана Тайра, который сгинул без следа в давние годы Дзюэй.^[26] Связь с теми временами была давно прервана, никто более уже не посещал кладбище, о прошлом скорбели лишь разросшиеся травы в каплях росы да вечно шумящие сосны.

Данъити поселился в покое, предназначенном для гостей. Однажды в предрассветную пору, когда сон перенес его в родимые края, кто-то громко постучал в дверь. „Кто там?“ — спросил, он, пробудившись „Я служанка знатной госпожи, — ответил женский голос. — Сегодня ночью ей скучно, и она желает, чтобы вы развлекли ее какими-нибудь интересными историями. Выполните же ее желание“.

Дзато всячески отговаривался, но служанка вошла в комнату, взяла его за руку и, повторив: „Вы должны выполнить ее желание“, повлекла за собой. Они вошли в высокие, красиво изукрашенные ворота и поднялись по каменным ступеням дворцовой лестницы. Лестница была великолепная, с яшмовыми перилами. Проходя сквозь покои, дзато касался рукой парчовых занавесей. Ветерок, пролетающий сквозь бамбуковые шторы, приносил редкостное благоухание. Вскоре они оказались в просторном покое на самом верху башни. Пройдя мимо длинных рядов служительниц, они приблизились к благородного вида даме, которая восседала на высоком сиденье.

„Я рада, что ты пожаловал, дзато, — заговорила дама. — Прочитай мне какую-нибудь главу из „Сказания о доме Тайра“.^[27] Ну, начинай! Не тяни“. — „Какую именно главу вы хотели бы услышать?“ — спросил он. „Мне очень нравится глава „Фрейлина Кодзайсё“. Она такая трогательно-прекрасная!“ Он пробежал пальцами по четырем струнам лютни и, то возвышая, то понижая голос, начал читать „Сказание о доме Тайра“. Собравшиеся слушали его с молчаливым восхищением.

Когда он наконец умолк, подали чай и сладости. „Твое чтение так выразительно, а звучание струн так сладостно! — похвалила госпожа. — Отдохни же немного! Если истощились даже силы воинства, прошедшего от долины Итино Тани до острова Ясима, то что же сказать о фрейлине Кодзайсё! Сколь недолгим оказалось ее супружество с правителем земли Этидзэн! Как страдала она, навеки разлучившись с любимым! Удивительно ли, что она бросилась в пучину вод?! Не менее достойна сожаления и судьба Митимори, который полюбил ее еще шестнадцатилетней девой. При одной мысли о том, какое отчаяние охватило его в той безнадежной схватке у реки Минато, из глаз исторгаются слезы“. Рукава всех, кто там был, так обильно напитались слезами, что их можно было отжимать.

Через некоторое время госпожа попросила прочитать еще главу. "Что вы хотели бы услышать?" — спросил дзато. "Ту же самую главу. Нет ничего более захватывающего". Не смея ей перечить, он снова ударил по струнам лютни и стал нараспев читать "Кодзайсё". Неожиданно, в самой середине повествования, послышался голос приютившего его старца, настоятеля храма: "Зачем ты пришел сюда и кому рассказываешь о доме Тайра?" Внезапно очнувшись, дзато отложил лютню и пошарил вокруг себя руками. Там, где — как ему представлялось — сидела госпожа, его рука наткнулась на могильный камень. Вместо служительниц оказались густо поросшие мхом поминальные дощечки. "Где я?" — пораженный, спросил он. "На храмовом кладбище, — объяснил старец. — Эти каменные надгробья — могилы Кодзайсё и ее свиты". К этому времени уже рассвело, со всех сторон доносились шаги и говор людей.

"Когда служки пришли тебя разбудить, — продолжал старец, — они не нашли на месте ни тебя самого, ни твоей лютни. Твое ночное одеяние валялось рядом с изголовьем. Когда мне доложили об этом, я подумал: уж не ушел ли ты, обидевшись на что-нибудь. Но тут я услышал негромкие звуки лютни и понял, что ты здесь неподалеку". Данъити рассказал обо всем, что с ним произошло. "Вот оно что! — раздумчиво проговорил настоятель. — Смотри, не выходи сегодня наружу. Если ты ослушаешься моего совета, ты погиб. Отрывок из "Сказания о доме Тайра" ты читал самой фрейлине Кодзайсё, вернее, ее призрак. Уж если она начнет преследовать кого-нибудь, спастись от нее нелегко. Но я постараюсь тебе помочь!" Старец велел дзато совершить омовение, а затем со всех сторон исписал его тело письменами-заклятьями от духов и речениями из Сутры Мудрости. Однако, по случайной оплошности, он не начертал ни одного знака на левом ухе дзато. В заключение старец сказал: "Этой ночью за тобой придут снова. Что бы тебе ни говорили, молчи. И ничего не бойся!"

И действительно, с наступлением сумерек послышался тот же самый женский голос. Весь съездившись от страха, дзато чувствовал, как ее рука шарит по его телу. "Вот удивительно! Его здесь нет!" — воскликнула женщина. И тут вдруг она нащупала его ухо, не защищенное заклетьями. Одним рывком она вырвала ухо и ушла. Какую боль при этом испытал бедный дзато — не передать словами.

Когда он поведал настоятелю обо всем, что с ним произошло, тот, спохватившись, вскричал: "Я и впрямь не написал никаких знаков на твоём ухе! Какая досада! И все же, милостью Будды, ты спасен. Завладев твоим ухом, духи отныне оставят тебя в покое".

Словами: "С тех пор его и прозывают Одноухим Данъити" рассказчик закончил свое повествование.

перевод В. Мазурика

Судзуки Сёсан

ПОВЕСТИ О КАРМЕ^[28]

О том, как ревнивая жена после своей смерти преследует мужа, пока не сводит его в могилу, а также о том, как некая женщина после смерти обращается в змею и обвиняет мужчину

В земле Этиго, в уезде Оонума жил человек по имени Ёсида Сакубёэ. Родом он был из Синано Дзэнкоодзи. Однажды, когда он навещал семью, которая там оставалась, ему приглянулась служанка. Он уговорил ее бежать вместе с ним в Оонуму. Прознав об этом, его супруга пришла в сильную ярость и хотела тотчас же отправиться в Оонуму, чтобы высказать накопившую у нее на сердце обиду. Но соседи уговорили ее отказаться от этого намерения. С тех пор она стала чахнуть душой и телом.

Когда к ней, с выражением сочувствия, явился воспитанник их семьи, мелкий чиновник Бухёэ, служивший под началом ее супруга, она сказала ему: «Причина моей тяжелой хвори — жестокая обида, нанесенная мне мужем». — «Какая беда! Какая беда!» — сострадая ей, заохал Бухёэ. Тогда госпожа, вся в слезах, стала его умолять: «Пока я еще жива, заклинаю тебя, убей его любовницу и принеси мне ее голову. Если это мое желание останется невыполненным, это станет преградой на пути моего будущего возрождения».^[29]

Не смея ослушаться, Бухёэ поспешил в Оонуму, в отсутствие Сакубёэ выманил из дому и тайно убил его любовницу, а затем отнес ее голову в Дзэнкоодзи. При его появлении госпржа приподнялась на ложе и, молитвенно сложив ладони, с радостной улыбкой воскликнула: «Какое счастье, какое великое счастье! Все это время мою душу сжигал гнев! Я была погружена во мрак отчаяния. Но теперь я очистилась от лютой злобы, обрела наконец покой!» Она схватила голову и стала зубами выдирать волосы. Вид ее был поистине страшен.

«Вы ведете себя как дикий зверь!» — сказал возмущенный Бухёэ, отнял у нее голову, схоронил ее и отправился к себе домой.

Вскоре она умерла.

Но и после своей смерти, являясь в телесном обличье, она продолжала преследовать мужа. Как-то раз она подъехала в экипаже к воротам дома Сакубёэ. Увидев ее, смертельно испуганный слуга закричал: «Приехала почтенная госпожа из Дзэнкоодзи». В тот же миг она исчезла, растворилась в воздухе, к изумлению слуги и возницы. В

другой раз, ночью, она забралась в спальню хозяина дома и стала его душить. Сакубёэ в страхе вскочил, и она тут же пропала без следа.

Ни молитвы, ни заупокойные службы — ничто не помогало против ее преследования. Случалось, она объявлялась даже и днем, и многие ее видели. Охваченный ужасом, Сакубёэ переезжал из одного дома в другой, но призрак уже был тут как тут.

В конце концов пережитые муки и страх свели Сакубёэ в могилу.

Оставшийся после него сын живет теперь в земле Этидзэн. В Этиго история его семьи слишком хорошо известна, чтобы он мог там жить.

* * *

В годы Канъэй ^[30] недалеко от столицы, в Охаро, жил буддийский монах по имени Нёо. Когда его спросили, почему он принял постриг, он рассказал такую историю.

В прежние времена он жил в столице и занимался плотницким ремеслом. Когда его супруга умерла, он женился на ее племяннице. И вот однажды, когда он отдыхал днем, с потолка спустилась змея и, угрожающе выпустив жало, стала к нему подползать. Он схватил ее и выбросил из дома. Но она приползла снова, кольцами обвила его шею, и с тех пор он никак не мог от нее отделаться. Даже после того, как он принял постриг, стал нищенствовать, она продолжала обвивать его шею. Она исчезла лишь тогда, когда он поднялся на вершину священной горы Коя-сан. ^[31]

Три года провел монах в тамошнем монастыре, но когда он покинул его и стал спускаться, змея снова обвилась вокруг его шеи. Чтобы не пугать окружающий люд, он закутался в полотенце. Спасло его лишь поклонение святому Гонъё из храма Земли Воздаяния, что возле дзэнского храма Сёококудзи в Верхних кварталах столицы. Святой обратился со своим заступничеством к Амиде. ^[32] Да и сам монах истово возносил моления всеблагову Будде. Лишь тогда змея перестала его преследовать.

За два-три года до осакского сражения в городке Инрэй земли Суруга, в четырех-пяти кэнах от дома Харады Дзиродзаэмона, что близ Лисьего мыса, проживал некий человек. Отправившись однажды в край Синёу, он обзавелся там подругой. Когда он вернулся к себе домой, эта женщина последовала за ним. Она была очень дурна собой, просто страхолудина. При ее появлении хозяйка дома бежала, проклиная своего мужа. Он же отвез свою подругу в Михо, где на прибрежных дюнах растут сосновые рощи, пригласил ее покататься на лодке и утопил.

Однако после своей смерти эта женщина обернулась змеею и обвилась вокруг поясницы этого человека. Как ни старался он избавиться от нее, все было тщетно. Пришлось ему поселиться в монастыре на горе Коя.

О том, как заговорил конь, а также о том, как заговорила собака

Однажды в Канагаве, что в крае Бусю, некий путник остановился на ночлег в доме у незнакомых ему хозяев. Утром, когда он собрался уходить, шел дождь, и он накинул на себя хозяйское хаори.^[33] И вдруг послышался чей-то голос: «Почему ты надел хозяйское платье?» Путник огляделся по сторонам, но не увидел никого, кто мог бы это произнести. Но тот же голос повторил: «Почему ты надел хозяйское платье?» — и только тогда путник понял, что говорит конь.

«Но тебе-то какое дело?» — спросил он коня. И тот ответил: «Я умерший родственник хозяина. Он сделал мне много добра, и чтобы отплатить ему за эти благодеяния, я возродился в облике коня. За мной остается еще долг в семьдесят пять монов.^[34] Вот уплачу его, и на том мы расстанемся».

Испуганный путник подробно поведал обо всем хозяину. «Вот дивное дело, — изумился тот. — В работе с этим конем не сравнится ни один другой. Настоящий трудяга!» А тут как раз зашел сосед и попросил ему одолжить коня за семьдесят пять монов. Едва он выложил эти деньги, конь тут же околел.

Случилось это в годы Канъэй. А рассказал об этом Найто Рокуэмон. Его рассказ заслуживает полного доверия.

* * *

В дом к одному из псарей полководца Хидэёри^[35] пришел некий человек и попросил его жену продать свежей собачьей печени. Поторговавшись, они сошлись на цене в три серебряные монеты. Когда жена псаря повела собаку на задний двор, та внезапно повернула к ней морду и сказала: «Ты суцая злодейка». Услышав это, покупатель, который шел за ними следом, в страхе сбежал.

Когда возвратился бывший в отлучке муж, жена пожаловалась ему: «Сегодня я упустила три серебряных монеты». Выслушав ее, муж ужаснулся и сказал: «А ты и впрямь суцая злодейка». В тот же день он покинул свой дом и больше никогда там не появлялся, бесследно исчез.

О том, как монах-любожестник обратился в змея

В дзэнском храме Кокэндзи, что в городке Юуки, в земле Симоса, был один молодой монах по имени Онтэй, родом из Оридзу, что в крае Бисю. Наставлял его старец Гион.

В этом же храме временно, свершая свое «летнее служение»,^[36] жил монах Сюкэй с острова Кюсю. Он воспылал неодолимой страстью к Онтэю. Эта страсть не оставляла его и после того, как он вернулся к себе в Татэбаяси, в храм Дзэнтёдзи. Когда молодой монах прислал ему свое старое платье на ватной подкладке, он разорвал его на клочки и съел. Снедавший его недуг не только не проходил, но с каждым днем становился все сильнее и сильнее. Он стоял уже на краю могилы. Сжалившись над ним, старец Сэнгю из Дзэнтёдзи подробно описал его муки в своем послании наставнику Онтэя. Тот согласился отпустить Онтэя на остров Кюсю. Когда молодой монах прибыл в храм Дзэнтёдзи, Сюкэй схватил его за руки и, не выдержав переполнившей его сердце радости, тут же испустил дух.

Онтэй вернулся в свой храм. Однажды ночью он обнаружил под своим одеялом белого змея и убил его, пронзив острым железным прутком. Однако на следующую ночь в постели у него снова оказался белый змей. Он проткнул его прутком. Так повторялось каждую ночь. Образ умершего монаха неотступно преследовал Онтэя. Всякий раз, когда ему являлось это видение, волосы у него вставали дыбом. Он переехал в Канто, но и это не помогло. В конце концов он занемог и умер. И до последнего мгновения в его постели лежал белый змей. Об этом знали доподлинно.

* * *

Монах Сюгин из Канто был охвачен плотской страстью к молодому собрату. Однажды его помыслы в обличье змея заползли через окно в келью этого юноши. Тот схватил шило, которым пользовался для сшивания книг, и ткнул им в глаз змея. «Ах!» — застонал в своей келье влюбленный монах. Оказалось, что у него неожиданно вытек глаз. Позднее этот монах, прозванный Змеем, совершил паломничество к святым местам.

Случилось это в годы Тэнсё.^[37]

О том, как скряга превратился в «голодного беса»,^[38] а также о том, какими тягостными муками караются прегрешения

В крае Госю, в деревне Исихара, что в долине Хино, жил богач по имени Досэцу. Ни в скупости, ни в беспутстве не было ему равных. В семьдесят лет он превратился в «голодного беса». Предаваясь чрезмерному чревоугодию, за день съедал он четыре-пять сё^[39] риса и

наконец умер, корчась в ужасающих мучениях. На шестидесятый день после похорон дух умершего вселился в его жену. Дней десять кряду ее уста твердили одно: «Хочу есть, хочу есть...» Лишь после совершения всех заупокойных обрядов избавилась она от этой напасти.

Обжорством страдал и старый брат этого Досэцу. Кушанья ему носили целыми ушатами. И днем, и ночью. Так он мучился, пока не помер. Эту подлинную историю мне рассказали в Ооцуке.

* * *

В деревне Кабата края Госю некто Магоэмон при посвящении в монахи получил имя Сайгэн. На его долю выпали неслыханные муки. Однажды его всю ночь напролет терзал огромный монах-оборотень. На следующую ночь явился злой дух, связал его и стал погружать поочередно то в пламя, то в воду. Он убежал и спрятался в нужнике, но злой дух отыскал его и там и снова повлек на лютую казнь. Так продолжалось пятьдесят ночей, пока монах не умер. Рассказал мне об этом, со слов местного чиновника Дзиэмона, Хэйэмон.

* * *

Жил в Суруге богач по имени Этидзэн. Алчность его превосходила все пределы.

На исходе шестой луны двадцатого года Канъэй^[40] он тяжело занедужил и, чуя приближение смерти, насыпал целую тарелку золота и серебра и попросил своих домочадцев: «Потратьте эти деньги на мое спасение». Но и это не спасло его. Целых двадцать дней в жестоких страданиях он стонал: «Умираю! Умираю!» И когда он наконец умер, кончина его была поистине ужасной.

Когда его клали в гроб, он вдруг ожил и принялся ползать. Сколько его ни били собравшиеся на похороны, он все не умирал. Пришлось его зарубить. Никому не ведомо, как погребли его останки. Так был он наказан за свою алчность.

* * *

Жил в столичном квартале Нисиуоя торговец Хонэя Ёсэмон, он поставлял рыбу к императорскому столу. Этот Хонэя Ёсэмон отличался безмерной скаредностью.

На старости лет он решил принять монашество. Но ни одна бритва — а он сменил их семь штук — не брала его волосы. Пришлось ему

пустить в ход ножницы. Кое-как, с превеликим трудом, состриг он наконец волосы.

Однако монашество его длилось недолго. Однажды почувствовал он во всем теле нестерпимый жар. Ничто, никакие заботы окружающих не могли умерить этот жар, и в конце концов он бросился в колодец и утонул. Случилось это в семнадцатому году Канъэй,^[41] а поведал обо всем происшедшем Суйо.

* * *

Мать некоего Такакуры Сёэмона из квартала Тэмма города Осаки была невероятно скупа. Свою невестку она просто-таки сживала со свету.

Когда ей перевалило за семьдесят, напал на нее злой недуг, который быстро привел ее к смерти. Умерла она в ужаснейших муках.

На третий день после ее кончины под москитный полог, натянутый над постелью невестки, заползла огромная жаба и несколько раз укусила молодую женщину. Служанки сразу же смекнули, что это покойница, и стали ее стыдить и бить, после чего она больше уже не приходила. А невестку отправили в паломничество к буддийским и синтоистским святыням.

* * *

Супруга Кадоя Эйсюна из столичного квартала Синдзайкэ постоянно хворала. «Вот напасть на мою голову, — все время ворчал он. — Никакой тебе помощи, одни только лишние хлопоты. Хоть бы померла поскорее!» Его супруге становилось все хуже и хуже, и вот, перед самой смертью, она велела позвать мужа и обратилась к нему с такими словами: «Вы часто говорили, что вот, мол, хорошо было бы, если бы я поскорее умерла. Сегодня ваше желание исполнится»..

Почувствовав некоторый стыд, Эйсюн стал оправдываться, но жена его не слушала. Вскоре она рассталась с жизнью.

Через день-другой, в глухую полночь, кто-то постучался в заднюю дверь дома. Эйсюн — он ночевал в соседней со спальней комнате — проснулся и спросил: «Кто там?» — «Откройте дверь», — потребовал голос жены. Обмирая от страха, Эйсюн спрятался в спальне и запер дверь на засов.

«Напрасно стараетесь. Я могу войти и через переднюю дверь», — пригрозила покойница. Тут же с шорохом раздвинулась передняя дверь, она ворвалась в комнату и, набросившись на мужа, вцепилась зубами ему в плечо.

На шум прибежали домочадцы. Они затеплили светильник и увидели лежащего на полу в беспамятстве Эйсюна.

На помощь пригласили лекаря Согу, который жил в доме напротив. С большим трудом, с помощью укрепляющего лекарства, удалось ему привести в чувство Эйсюна. Прошло много времени, прежде чем раны от укусов на его плече наконец зажили.

Обо всем этом правдиво поведал некто Сёан, который жил в том же квартале.

А было это в начале годов Канъэй.

О том, как в могильном холмике вспыхнуло пламя, а также о том, как вылетел огненный шар из могилы

На востоке земли Микава, в деревне Уэно, что поблизости от Итиномия, в седьмой день после смерти жены кузнеца Хёэ Горо в ее могильном холмике открылось отверстие размером в чайную чашку, а в нем пылало пламя, как в кузнечном горне.

После праздника поминовения усопших там побывал мой ученик Дзэнсай. Когда он сунул в отверстие веточку молодого бамбука, она тут же загорелась. Совершая похоронный обряд, душу покойной напутствовал служитель дзэнского храма Сёгэнъин, что в Нагаяме.

Позднее настоятелем этого храма стал преподобный Гюсэцу. Сам же Хёэ Горо почил в третью годовщину смерти жены. Случилось это в пятый год Канъэй.^[42]

* * *

В деревне Ноэ, находящейся к северу от Осаки, в двадцать третий день седьмой луны одиннадцатого года Канъэй^[43] пятидесяти лет от роду умер человек по имени Нихёэ из амидаистской секты Икко.^[44]

Из его могилы вылетел огненный шар наподобие мяча для игры в кэмари.^[45] Несколько раз взмыв и опустившись, он поплыл наконец на высоте два-три сяку по направлению к дому покойного. По дороге он облетел все окрестные возделанные поля. Над одним из них он вдруг рассыпался на целое облако искр. Кроваво-алым потоком опустились они наземь. Затем огненный шар возник вновь и, прокатившись по коньку крыши дома, где жил Нихёэ, вернулся в могилу. Так повторялось каждую ночь, в четвертую стражу.^[46] Видели огненный шар все жители Ноэ. Видели, разумеется, и сыновья сельского старосты Сакубёэ, старший и младший. Старший — было ему тогда то ли семнадцать, то ли восемнадцать — несколько дней после того прохворал.

* * *

В месте, именуемом Миноура, в крае Госю умер последователь секты храма Хонгандзи.^[47] Каждую ночь из его могилы вылетал огненный шар размером с детский мячик.

Однажды он пролетал над большим скоплением народа. За ним погнались, хотели его поймать, но он ускользнул от своих преследователей. А как-то раз он залетел в дом к покойному. Все домочадцы убежали в отдаленный, лежавший за несколько селений от того места храм. Было известно, что усопший не доверял священнослужителям, поэтому заупокойную службу по нему не совершали. Впоследствии огненный шар побывал во всех домах его родственников. Очевидцем всего этого был монах Соан. Он-то и поведал об увиденном.

О том, как некий монах попал в ад еще при жизни, а также о том, как некий человек погрузился в «кипящий ад»

Трое паломников направлялись к огнедышащей горе Ундзэн в земле Бидзэн. Один был горожанином из земли Бунго, другой — монахом из Бидзэн, третий — ронином, неизвестно откуда. Случилось им заночевать в местном буддийском храме.

Монах попробовал погрузить палец в «кипящую котловину».^[48] «Не так уж и горячо», — удивленно вымолвил он. Но, вытащив палец, он почувствовал вдруг нестерпимое жжение. Пришлось ему снова погрузить в воду свой палец. Так он проделал несколько раз, и с каждым разом погружал руку все глубже, пока она не скрылась целиком. Вскоре над поверхностью осталась лишь его голова. «Что-то с непреодолимой силой тянет меня вниз», — выкатив глаза, жаловался он. Ему было страшно и горестно.

В конце концов двое его спутников со слезами на глазах вынуждены были оставить его и пуститься в обратный путь. От них-то я и услышал рассказ о том, что случилось с монахом.

Было это в годы Канъэй.

* * *

В земле Симцукэ, в трех тё^[49] от Насуно Юдзава есть «кипящая котловина».

Некий Кёдэн из Насу собирался пойти в горы за хворостом, но завтрак запаздывал, и он боялся, что отстанет от своих спутников. Разозлившись на мать, он пнул ее так сильно, что она упала.

Проходя мимо котловины, он — неожиданно для всех — свалился в нее. Подоспевшие спутники схватили его за голову, пытались удержать, но тщетно — он весь ушел в котловину.

И теперь еще то место называют «Преисподняя Кёдэна». Если там произнести имя Кёдэна, котловина тотчас забурлит.

* * *

Литейщик Итихёэ из деревни Усикубо края Санею похитил колокол синтоистского храма, что стоит на горе Исимаки.

В начале годов Канъэй он совершал паломничество к божественной горе Хакусан.^[50] На восьмом ярусе горы он вдруг остановился, застыв как каменное изваяние, а вокруг него взвились языки пламени. «Видимо, он умер, — сказали другие паломники. — Теперь это место осквернено». И они поспешили вверх.

На обратном пути они увидели застывшее тело Итихёэ точно таким же, каким его оставили, с бушующими вокруг него языками, огня. В страхе перед свершившимся они торопливо спустились с горы.

На следующий год на горе Хакусан побывал некий пилигрим из восточной части земли Микава. Все было точно так же, как в прошлом году. Однако на обратном пути он увидел, что тело Итихёэ исчезло.

На том месте, где он некогда стоял застывший как изваяние, теперь валит дым. С краю высится скала высотой в пять-шесть сяку. Она так горячо накалена, что к ней невозможно прикоснуться.

Обо всем этом, уверяя в правдивости своего рассказа, поведал страж дзэнского храма по имени Нода-но Иан.

О Том, как умершая роженица стала призраком, а также о том, как народилось бесовское отродье

В деревне Сэки, что лежит на востоке земли Микава, поблизости от Ёсида, был староста по имени Ядзиэмон. Жена его умерла девятнадцати лет, при тяжелых родах. После смерти она сделалась призраком, стала блуждать вокруг дома. Пришлось родственникам обратиться в дзэнский храм Мёгондзи, и преподобный Гюэцу, совершив заупокойную службу, укротил ее дух.

* * *

В уезде Убарада земли Кавати жил некто Кохёэ. Мать его была на редкость простодушная женщина, и злая невестка, надевая маску черта, часто пугала ее.

Мать Кохее, случилось, предостерегала невестку: «За каждое наше дело, доброе или дурное, непременно следует воздаяние. Смотри, как бы тебя не постигла беда». Вскоре она покинула этот мир. А у молодой женщины родилась дочь с длинными, сунов в восемь клыками.^[51] Она пыталась скрыть это от мужа, но в конце концов тайна обнаружилась.

Было это во второй год Сёхо,^[52] а услышал я этот рассказ от Наэ Сакуэмона.

О том, как монах беседовал с призраком, а также о том, как монах сражался с призраком

Есть в крае Осю, в Айдзу Мацудзава дзэнская обитель, храм Сёотакудзи.

Когда на могиле некоей умершей женщины ставили поминальную дощечку, настоятель этого храма неверно написал один знак, и старец Сюка вынужден был поправить его начертание. Возмущенные невежеством настоятеля, прихожане изгнали его. Новым настоятелем стал преподобный Сюка.

Однажды к нему явился призрак усопшей. «Я попала в преисподнюю, терплю поистине невероятные муки, — сказала она. — Вызовите меня отсюда!» — «Все начинается и кончается Озарением. И где же, по-твоему, находится преисподняя?» — «А ты взгляни на меня и поймешь». — «Я вижу: ты воплотила в себе сокровенную суть Будды». — «Нареки же меня!» — «Я нарекаю тебя монахиней Самадхи, порождением Изначальной Пустоты».^[53]

Выслушав последние слова настоятеля, призрак исчез.

Поведал мне об этом сам старец Сюка.

* * *

В земле Симоса, в нитирэновском храме Мёфукудзи,^[54] что в Тоганэ, был монах Кёдзюбо, отличавшийся невероятной силой. Как-то на рассвете, идя в храм, встретил он монаха-оборотня.

Кёдзюбо, недолго раздумывая, вступил с ним в отчаянную схватку. Казалось, победа уже близка, как вдруг оборотень укусил его в руку. Монах рухнул как подкошенный, в полном беспомоществе. Подоспевшие люди увидели, что в руку ему впился зубами выбеленный ветром и дождями череп. Настоятель постучал по черепу четками, и только после этого он отвалился. Монах прохворал сто дней, но все же поправился.

Было это в конце годов Тэнсё.^[55]

В храме Эйкодзи, что в Айдзу Наганума, был некий монах по имени Кинсацу. Однажды ночью он вышел из своей кельи по малой нужде. Справляя нужду, он почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Обернувшись, он окликнул незнакомца, но тот ничего не ответил.

«Видно, это нехороший человек», — подумал монах и напал на предполагаемого злодея. Однако, к его изумлению, тот устоял на ногах. На шум выбежал старший монах и стал сердито бранить незнакомца. При первых же его словах тот упал. Когда зажгли фонарь, на этом месте увидели надгробную дощечку с такой надписью: «На все десять сторон простирается земля Будды, есть лишь один-единственный путь Спасения, не два и не три, все учения, не основанные на слове Будды, суть лишь приманка для непосвященных».

^[56] Дощечка эта предназначалась для поминовения в тринадцатую годовщину смерти.

Вот что поведал преподобный Сюка.

перевод В. Мазурика

Асаи Рёи

КУКЛА-ТАЛИСМАН

Алый пояс^[57]

В портовом городе Цуруга провинции Этидзэн жил богач по имени Хамадано Тёхати; было у него две дочери. По соседству с ним располагалась усадьба некоего Хигакино Хэйты — человек этот доводился родственником Вакабаяси Тёмону,^[58] но давно уже оставил ратное поприще, занимался торговлей и жил в большом достатке. Был у него сын по имени Хэйдзи, одних лет со старшей дочерью Тёхати. Маленькими детьми они часто играли вместе, да так хорошо и ладно, что Хэйта решил, не дожидаясь, пока они повзрослеют, заключить с соседом брачный договор и заслал к нему свата. Тёхати ответил согласием, по этому случаю соседи обменялись подарками — сакэ и угощением, а своей будущей невестке Хэйта преподнес алый плетёный пояс.^[59]

Осенью третьего года Тэнсё^[60] остатки войска Асакуры подняли мятеж и заняли Итадори,^[61] горный перевал Киномэ, Хатифусэ, Имадзё,

Хиути, Суидзу, а также храм Рюмондзи. Вакабаяси Тёмон, воевавший на стороне Асакуры, захватил новый замок в Коно. Для разгрома мятежников во главе восьмидесятитысячного войска прибыл в Цуругу Ода Нобунага с сыном своим Нобутадой. По приказу Нобунаги Киносита Токитиро окружил замок в Коно.^[62]

Понял Хигаки, что в этих обстоятельствах ему нельзя оставаться в Цуруге, запер дом и укрылся в Киото у верного человека. Пять долгих лет не было от него ни слуху ни духу.

Меж тем старшей дочери Тёхати исполнилось девятнадцать лет, стала она красавицей, и от женихов не было отбоя. Но девушка и слышать не хотела о замужестве. «Я была еще ребенком, — говорила она отцу, — когда вы просватали меня за Хэйдзи. Пусть даже он меня позабыл, разве могу я стать женою другого человека? Если он жив и вернется, мне не смыть позора».

Целыми днями не выходила она из своих покоев, тосковал по Хэйдзи и вчуже лила слезы. Не в силах отвлечься от горьких дум, она в конце концов занемогла и спустя полгода покинула бренный мир.

Похоронить ее решили близ храма в Осю. Безмерным было горе родителей. Взяв алый пояс, некогда подаренный отцом Хэйдзи, матушка склонилась над усопшей и, глядя ее лицо, приговаривала:

— Это — подарок твоего жениха. Возьми же его с собой, пусть он будет тебе утешением в ином мире.

Повязала матушка пояс на талии умершей, и с тем предали ее земле.

Минул месяц с небольшим, и тут нежданно-негаданно воротился Хэйдзи.

Тёхати позвал его к себе и стал расспрашивать, где тот был и отчего так долго не возвращался. И Хэйдзи рассказал ему следующее:

— Когда Вакабаяси Тёмон занял замок в Коно и князь Нобунага прибыл в Цуругу во главе восьмидесятитысячного войска, отец решил, что жизнь наша в опасности, ведь мы в родстве с Вакабаяси. Посему, не мешкая, мы снялись с места и, бросив все, бежали в Киото, где все это время скрывались в доме верного человека. Отец и матушка покинули сей бренный мир. А я вот вернулся, памятуя о том, что нас с вашей дочерью связывает свадебный уговор.

Выслушав рассказ Хэйдзи, Хамада с женой залились слезами.

— После вашего внезапного отъезда, — сказали они, — дочь наша не переставала тосковать о вас, занедужила и в начале прошлого месяца скончалась. До чего же горько ей было за все эти годы не получить от вас не единой весточки! Вот, взгляните.

С этими словами старики подали Хэйдзи тушечницу, на крышке которой покойная написала стихотворение:

О, слива, что расцвела

В неведомом горном краю!

Увидеть тебя не чаю,

Но пусть на меня хотя бы
Повеет твоим ароматом.

Прочитал Хэйдзи стихотворение, и охватило его невыразимое горе и раскаяние. Отправился он на могилу своей нареченной, положил цветы, возжег благовонное курение и произнес молитву. Стоя за его спиной, родители умершей молвили:

— Взгляни, доченька, это Хэйдзи, твой возлюбленный. Прими же его подношение.

С этими словами в великом горе припали они к могильному холму и зарыдали. Вслед за ними заплакал и Хэйдзи.

После этого старики обратились к Хэйдзи с такими словами:

— Вы лишились родителей, тяжела ваша сиротская доля. Хотя наша дочь и умерла, вы для нас не чужой. Оставайтесь с нами, найдите себе достойное поприще и живите по своему разумению.

Позади своего дома Хамада выстроил отдельный флигель, там и поселился Хэйдзи.

Миновали сорок девять дней траура, и семья покойной, по обряду, отправилась на могилу в Осю. Хэйдзи же остался присмотреть за домом. Воротились они уже в сумерки, и Хэйдзи вышел за ворота им навстречу. Когда сестра покойной — а ей исполнилось уже шестнадцать лет — выходила из паланкина, Хэйдзи почудилось, будто она что-то обронила. Он незаметно приблизился и поднял с земли алый плетеный поясok. Спрятав его за пазуху, Хэйдзи поспешил в свой флигель. Там при свете фонаря он глядел на поясok и предавался воспоминаниям.

Наступила ночь, все вокруг стихло. Неожиданно слышался какой-то стук. Хэйдзи отворил дверь — на пороге стояла сестра покойной. Проскользнув в комнату, девушка прошептала:

— Смерть отняла у меня сестрицу, и горе мое безутешно. Давеча я обронила алый поясok. Не вы ли его подняли? Коли так, знайте: наш союз предопределен еще в прежних рождениях. Потому-то я и пришла к вам. Давайте же поклянемся друг другу в вечной любви.

Хэйдзи ушам своим не поверил:

— Как вы можете такое говорить? Ваши родители пожалели и приютили меня. Если им станет известно о нашей встрече, разве смогу я смотреть им в глаза? Прошу вас, уходите сейчас же!

— Батюшка потому и дал вам кров, — обиженно проговорила девушка, — что прочит вас в зятя. Коли вы не желаете ответить на мою любовь, я утоплюсь, и пусть вас мучают угрызения совести. Так и знайте: мой мстительный дух станет преследовать вас не только в этой, но и в будущей жизни!

Что было делать Хэйдзи? Пришлось ему уступить желанию девушки. Провел он с нею ночь, а на рассвете она исчезла.

После этого девушка стала приходить к Хэйдзи каждую ночь, а с наступлением утра потихоньку уходила. Хэйдзи до того прилепился к ней сердцем, что возненавидел рассвет.

Однажды, месяц спустя, девушка по обыкновению пришла к нему и повела такую речь:

— До сих пор о наших свиданиях никто не знает, но рано или поздно тайное становится явным. Если наша тайна откроется, нам несдобровать. Увезите меня отсюда. Тогда нам не придется скрывать от людей свою любовь.

Послушал Хэйдзи свою возлюбленную и бежал с нею в гавань Микоку, где жил бывший вассал его отца. Узнав от Хэйдзи, в чем дело, тот приютил влюбленных у себя в доме.

Миновал год. Как-то раз девушка говорит:

— Убоявшись родительского гнева, мы бежали из дома. Но вот уже прошел год, и отец с матушкой, должно быть, тоскуют обо мне. Я думаю, теперь, спустя столько времени, они простили нас. Давайте вернемся домой.

И на сей раз не стал Хэйдзи перечить. Сели они на корабль и вернулись в Цуругу. Оставив девушку на корабле, Хэйдзи один пошел к ее родителям.

— Хотя ничего, кроме добра, я от вас не видел, — сказал Хэйдзи, — я совершил непростительный, недостойный честного человека поступок и покрыл свое имя позором. Я знаю, грех мой велик, и все-таки тешу себя надеждой, что спустя столько времени гнев ваш немного остыл. Поэтому мы с вашей дочерью и решили вернуться. Умоляю, простите нас.

Выслушал Хамада его слова и в полном недоумении вопрошает:

— О чем это вы говорите? Что-то я ничего не могу взять в толк.

Тогда Хэйдзи рассказал ему все по порядку и вдобавок показал алый пояс.

Изумлению Хамады не было предела.

— Этот пояс, — молвил он, — ваш покойный батюшка преподнес моей старшей дочери по случаю помолвки. Когда она умерла, мы положили его в гроб. Что же до младшей дочери, то вот уж год, как она занедужила и не встает с постели. В таком положении она при всем желании не могла бы бежать с вами из дома.

Но коль скоро Хэйдзи утверждал, что девушка дожидается на корабле, Хамада послал туда слугу, однако тот никого, кроме кормчего, там не нашел.

Пуще прежнего удивились Хамада с женой, ничего понять не могут.

Вдруг младшая дочь поднялась с постели и заговорила:

— По уговору должна была я стать женою Хэйдзи, но раньше времени покинула сей мир, и домом моим стал могильный холм. Однако узы, связывающие меня с Хэйдзи еще с прежних рождений,^[63] все еще не прервались, и посему дух мой нынче предстал перед вами. Прошу

вас, выдайте сестрицу за Хэйдзи. Коли сделаете, как я прошу, она тотчас исцелится. Таково мое искреннее желание. Если же поступите противно моей воле, она разделит мою участь и попадет ко мне в обитель мрака.

В великом смятении и страхе все устремили взоры к говорящей — облик у нее оставался прежним, но голос был в точности как у покойницы.

— Дочь моя, — обратился к ней отец, — ты ведь давно уже умерла. Отчего же душа твоя все еще не упокоилась и блуждает в бренном мире?

— Жизнь моя на земле была недолгой, — ответствовал дух, — но крепки были узы любви, связывавшие меня с Хэйдзи. Посему царь Эмма, владыка обители мрака,^[64] дал мне отсрочку, и этот год я прожила с Хэйдзи в любви и согласии, как полагается супругам. Теперь пришел срок мне возвращаться в царство теней. Вы же должны исполнить мою волю.

С этими словами дух умершей взял за руку Хэйдзи и, заливаясь слезами, простился с ним, затем поклонился отцу и матушке, после чего обратился к младшей сестре:

— Став женою Хэйдзи, свято блюди свой дочерний долг, заботься о родителях. А теперь мне пора. Прощайте...

Не успел дух произнести эти слова, как по телу младшей сестры прошла судорога, она рухнула на пол и, казалось, испустила дух.

Все вокруг стали брызгать ей на лицо холодной водой, и тогда девушка очнулась, а хвори ее как не бывало. О том, что было с нею перед этим, она не помнила. Хамада выдал ее замуж за Хэйдзи, а по старшей дочери совершили заупокойную службу.

«Вот уж поистине чудесный, небывалый случай!» — говорили люди, слышавшие эту диковинную историю.

В ущелье чертей^[65]

В уезде Оню провинции Вакаса есть селение Кумагава. Жил там человек по имени Хатия Маготаро. Был он богат и ни в чем не знал недостатка. Не болела у него душа ни об урожае, ни о том, как выгоднее вести торговлю, и посему проводил он время в чтении конфуцианских книг. Набравшись кое-каких познаний, он возомнил себя великим мудрецом и стал задирать нос не только перед людьми несведущими, но даже и перед теми, кто отнюдь не был чужд образованности. Всячески хулил он буддистскую веру, ни во что не ставил учение о карме и неразрывной связи Трех миров, не верил ни в

ад, ни в рай, смеялся над понятиями земной юдоли и «Чистой земли»,^[66] и уж конечно не признавал ни чертей, ни богов, ни духов.

— После смерти, — говаривал он, — душа человека возвращается в стихию Ян и Инь,^[67] тело же становится прахом, вот и все, что от него остается. Какие там будды! Если кто-то сытно и сладко ест, расхаживает в шелковых одеждах и не знает, как еще ублажить жену и детишек, — это и есть будда. Если же человек не видит вдоволь даже простой пищи, если из одежды на нем одно кимоно из холстины и он вынужден продавать жену и детей, чтобы не помереть с голоду, — разве это не царство голодных духов? Или возьмите несчастного, который стоит у чужих ворот и выпрашивает подаяние. Ему выносят какие-то объедки, и он, не брезгуя, набрасывается на них. Спит он на голой земле, положив под голову камень, и даже в снег ему нечем прикрыть наготу. Это ли не царство скотов? А для того чтобы узнать, что такое ад, достаточно побывать в тюрьме — преступников там вяжут веревками, рубят им головы, пытаются, дробят кости, сжигают живьем, распинают. Палачи и есть те самые бесы-мучители, о которых толкуют буддисты. Все это — наш мир, иного же не существует. Те, кто верит в загробный мир, хотя никто еще не видел его своими глазами, или в духов, которые не более чем вымысел, кто слушает рассказы монахов и жриц, — попросту болваны.

Так разглагольствовал Маготаро. Когда же кто-либо принимался ему возражать, он сейчас же бросался переубеждать противника, засыпая его цитатами из «Четверокнижия» и «Шестикнижия»,^[68] пытаясь сбить с толку своим красноречием, одним словом, был самоуверен и нагл до крайности. Кончилось тем, что люди дали ему прозвище «Маготаро-Дьявол» и, считая его сумасбродом, старались держаться от него подальше.

Однажды Маготаро пришлось по какой-то надобности отправиться в Цуругу. Он вышел из дома, когда солнце стояло уже высоко, и до селения Имадзу добрался уже в сумерках. Дело было как раз вскоре после смуты, охватившей Госю и Китаносё,^[69] дороги обезлюдели, и найти себе ночлег в тех краях было непросто.

Вышел Маготаро к реке, глядит — берег усеян трупами, жалобно плещутся волны, а тут еще сгустилась ночная тьма, из-за гор надвинулись тучи, и нигде не видно было человеческого жилья.

Растерялся Маготаро, не знает, куда ему податься. Наконец приметил он у северного склона горы сосновую рощицу, зашел туда и прилег было отдохнуть под деревом, но тут вдруг послышалось зловещее уханье совы, вокруг замерцали призрачные огни, затрещали ветви под порывами пронзительного ветра.^[70]

Не по себе стало Маготаро, оглянулся он по сторонам и увидел невдалеке от себя семерых, а может быть, и восьмерых мертвецов — они лежали головами кто к западу, кто к югу. Тем временем стал накрапывать дождь, блеснула молния и послышались раскаты грома.

Мертвецы разом поднялись на ноги и стали приближаться к Маготаро. В ужасе он забрался на дерево, а те, стоя внизу, злобно завопили:

— Нынешней ночью ты станешь нашей добычей!

Неожиданно дождь прекратился, небо расчистилось, и на нем ярко засияла осенняя луна.

Тут неведомо откуда примчался страшный бес-якша.^[71] Тело у него было сине-зеленое, пасть огромная, на голове торчали рога, волосы дыбились клочьями. Стал он хватать мертвецов и, отрывая у них головы, руки и ноги, отправлять к себе в пасть, точно ломти дыни. Насытившись, он лег под деревом, на котором сидел Маготаро, и уснул. От храпа якши земля содрогалась.

«Если якша проснется, — подумал Маготаро, — мне несдобровать, он сбросит меня с дерева и сожрет. Надо удирать поскорее». Маготаро потихоньку слез с дерева и пустился наутек. Тем временем бес проснулся и бросился за ним вдогонку.

У подножия горы стоял старый заброшенный храм. Крыша его прохудилась, алтарь развалился, монахов не было и в помине. Посреди храма возвышалась огромная статуя Будды. Вбежал Маготаро в храм и, обращаясь к статуе, взмолился: «Помоги мне!»

В спине статуи было отверстие — Маготаро влез в него и затаил дыхание. Якша ворвался в храм, обшарил все углы, но, не сообразив, что жертва его схоронилась внутри статуи, помчался дальше.

Только успел Маготаро перевести дух, как статуя принялась приплясывать и напевать, похлопывая себя по животу: «Якша добычу свою упустил, а ко мне она сама явилась. Славное перепало мне нынче угощение!»

Радостно хихикая, статуя двинулась вон из храма, но, как на беду, споткнулась о камень и грянулась на землю. Руки и ноги у нее отвалились и рассыпались на мелкие кусочки.

Маготаро выбрался наружу и закричал:

— Эх ты, дурацкий истукан! Норовил меня слопать, а сам попал в беду. А еще говорят, что Будда помогает человеку.

Зашагал Маготаро прочь. Через некоторое время дошел он до поля, смотрит — там горят огни и сидит множество людей. Обрадовался он, поспешил к ним, но вот незадача: это были не люди, а оборотни — кто без головы, кто без рук, кто без ног, и притом совершенно нагие.

Маготаро похолодел от страха и бросился от них со всех ног. Но не тут-то было — рассвирепели оборотни, кричат:

— Как ты посмел отвлекать нас во время пира, наглец? Ужо схватим тебя да съедим на закуску.

Вскочили оборотни и кинулись за ним следом. Долго бежал от них Маготаро, вдруг видит — впереди река. Кое-как перебрался он на другой берег, насилу избавился от погони.

Побрел Маготаро дальше. В ушах его все еще стояли леденящие душу вопли преследователей, по коже бегали мурашки, никак не мог он опомниться.

Пройдя с половину ри, Маготаро очутился в ущелье среди густых зарослей травы. Луна уже склонилась к западу и подернулась облаками. В темноте Маготаро споткнулся и провалился в какую-то яму, глубиной не меньше ста дзё.^[72]

Не успел Маготаро опамятоваться, как в нос ему ударил тошнотворный запах. Почувствовал он, как страх пробирает его до мозга костей.

Вдруг ни с того ни с сего сделалось светло, Маготаро огляделся и понял, что угодил в логово к чертям. Каких бесов тут только не было! У одних на голове торчала красная грива, рога вздымались кверху, как языки пламени. У других космы были голубые, а по бокам виднелись крылья. У третьих был клюв наподобие птичьего, у четвертых из пасти выступали длинные клыки. Были там бесы с бычьими головами и со звериными мордами. У одних кожа была красная, словно выкрашенная суриком, других, казалось, выкупали в синей краске. Глаза у бесов сверкали, будто вспышки молнии, изо рта валил огонь.

Увидев Маготаро, бесы завопили в один голос:

— Вот он, негодяй, который не дает нам жить спокойно. Так просто мы его не отпустим. Вяжите его скорее!

Схватили бесы Маготаро, надели ему на шею железные колодки, защелкнули на руках медные кандалы и в таком виде привели к своему государю.

Разгневался государь великим гневом и сказал:

— Так вот он, этот болтун с длинным языком, который обманывал людей, бессовестно лгал, будто нет на свете ни чертей, ни богов, ни духов, который гнушался нами и выставял нас на посмеище! Говорят, будто ты читал старинные книги. Но разве не утверждается в «Учении о середине»: «Велика добродетель богов тьмы»? Разве в «Беседах и суждениях» не приводятся слова Конфуция о нашей бесовской силе: «Почитаю, но сторонюсь»? Разве не упоминается в «Книге перемен» о повозке, набитой бесами? Неужели ты ни разу не открывал «Книгу песен», где в разделе «Малые оды» говорится о черте и жабе, мечущей ядовитый песок? А прибавь к этому запись в «Летописи Цзо» о сне цзиньского Цзин Гуна или историю Бою из княжества Чжэн!^[73] Здесь всюду речь идет о бесовской силе. Ты же в злобном невежестве своем уцепился за одно-единственное изречение Конфуция: «Не говорю о чудесном и таинственном» — и всячески унижаешь нас. Отвечай: зачем тебе это нужно?

С этими словами он отдал приказание своим подданным, и те жестоко исколотили Маготаро.

— А теперь прибавьте-ка ему росту, — велел государь.

Схватили бесы несчастного Маготаро и принялись тянуть его за голову и за ноги до тех пор, пока не стало в нем три дзё и не уподобился он длинному бамбуковому шесту. Бесы захохотали во все горло, поставили Маготаро на ноги и велели идти, но тот, шатаясь, сделал несколько шагов и повалился наземь.

Тогда владыка бесов отдал новый приказ:

— Теперь сделайте его коротышкой!

Снова набросились бесы на бедолагу, принялись мять и катать его, как лепешку. После этого стал он поперек шире, а когда попробовал шагнуть, то пополз, точно краб. Черти так и покатались со смеху.

Тут один из них, самый старый, сказал:

— Все время ты разглагольствовал, что бесов нет, и насмехался над нашим бесовским племенем, но вот пришло время — и сам сделался для нас посмешищем. Ну, довольно, жаль беднягу, не будем больше его мучить.

Поднял старый бес Маготаро на руки и кинул наземь, и в тот же миг принял он свой прежний облик.

— А теперь пусть отправляется восвояси, — пробурчал старый бес.

— Негоже отпускать его с пустыми руками, — загомонили остальные. — Надобно наградить его чем-нибудь на прощание.

Один из бесов сказал:

— Дарю ему рога, рассекающие облака! — и с этими словами налепил Маготаро на лоб два рога.

— А я жалую ему клюв, в котором свищет ветер! — воскликнул другой. И в тот же миг на месте рта у Маготаро вырос железный клюв.

— А от меня на память пусть останется у него красная грива! — молвил третий бес и плеснул ему на голову красной краской.

— А я, так и быть, жертвую ему зеленые сверкающие зрачки! — заявил еще один бес и вдавил в глаза Маготаро по зеленому шарик.

После этого бесы проводили Маготаро до той самой дыры, через которую он попал в их царство. Не успел он выйти на дорогу, ведущую из Имадзу в родное селение, как рога накрепко приросли у него ко лбу, клюв прилип к губам так, что не отодрать, выкрашенные в красный цвет волосы вздыбились кверху, словно языки пламени, зеленые зрачки свирепо засверкали. Так превратился он в настоящего беса.

Когда Маготаро воротился домой, жена и слуги до смерти перепугались. Заливаясь слезами, Маготаро поведал жене обо всем, что с ним приключилось, а напоследок сказал:

— Хотя и превратился я в страшное чудище, душа во мне осталась прежняя.

А жена в ответ:

— Не думала я, что когда-нибудь увижу вас в таком облике. Вот горе-то, вот несчастье!

Маготаро ничего не оставалось, как укутать голову полотняным кимоно да в одиночестве плакать и горевать. Родные дети и те при

виде его разбегались врассыпную. Соседи же всплескивали руками от крайнего изумления. Трудно было Маготаро это вынести, в конце концов затворился он в своих покоях, перестал есть, никого к себе не подпускал и, сокрушаясь о своей горькой участи, вскорости скончался.

После этого дух покойного несколько раз появлялся возле своего дома в облике прежнего Маготаро. Отслужили по нем поминальную службу, и с тех пор никто его больше не видывал.

Куртизанка Миягино^[74]

Знаменитая куртизанка Миягино служила на постоянном дворе в городке Футю провинции Суруга. Славилась она не только прелестью лица, но и утонченностью чувств, умела слагать стихи и даже владела искусством каллиграфии. Немудрено, что все молодые люди вокруг сгорали от любви к ней, завзятые любезники почитали для себя несчастьем, если им не удавалось проторить дорожку к ее сердцу, а модные повесы готовы были провалиться сквозь землю от стыда, если она не достаивала их своим расположением. Среди куртизанок она не знала себе равных. Мужчины — и знатные, и худородные — только о ней и говорили, сравнивая ее с прославленными Тора-годзэн и Рикидзю.

^[75]

Однажды в ночь на шестнадцатое число восьмой луны^[76] собрались молодые повесы и пригласили Миягино полюбоваться вместе с ними полнолунием и воспеть его в стихах. Когда пришел черед Миягино, она сложила такое пятистишие:

О, луна пятнадцатой ночи!
Как ни прекрасен твой лик,
Прошу тебя: скройся.
Ведь иначе тот, кого жду,
Не решится ко мне прийти.

И еще она сложила:
Как мне счесть, сколько раз
Поднималась я на рассвете,
Чтобы с другом проститься?
Вместе с луной рассветной
Таяли брачные узы.

Не было человека, которого эти стихи оставили бы равнодушным — так полно выражали они чувства Миягино.

В числе присутствующих оказался молодой человек по имени Фудзии Сэйроку. Происходил он из знатного столичного рода, и предки его были вассалами самого сёгуна. Впоследствии, однако, вышло так, что семья его пустила корни в Суруге и, хотя и утратила прежнее влияние, владела обширными землями, жила в большом достатке и считалась едва ли не самой богатой в тех краях. Сэйроку имел вкус к утонченной жизни и отличался глубиной чувств. Отец его умер, и остался он вдвоем с матушкой. Женою обзавестись еще не успел, вот почему, присоединившись к приятелям, он пришел полюбоваться луной и в стихах излить душевную тоску.

Увидев Миягино, Сэйроку был поражен ее красотой и поэтическим даром и без памяти в нее влюбился. Не раздумывая, он заплатил хозяину постоялого двора щедрый выкуп и взял Миягино в жены.

При известии о женитьбе сына матушка Сэйроку сказала:

— Семья наша не из последних в Футю, и я надеялась, что невесткой моей станет девушка знатного рода. Не думала я, что ты возьмешь в жены куртизанку. Но теперь уж поздно сетовать — коли ты сделал свой выбор, так тому и быть.

Привел Сэйроку в дом молодую жену, увидела матушка, как красива Миягино и какое нежное у нее сердце, и поневоле обрадовалась. «Даже княжеские дочки не всегда отличаются добрым нравом, — подумала она, — Миягино же хоть и не родовита, зато наделена редкими добродетелями. Не удивительно, что Сэйроку ее полюбил».

Всей душой привязалась старая женщина к невестке. Миягино, в свою очередь, обращалась со свекровью так, будто та была ей родной матерью, неизменно проявляла дочернюю преданность.

В Киото у Сэйроку был дядюшка, который доводился его матери младшим братом. Неожиданно он занедужил и, чувствуя приближение смерти, отправил в Суругу посыльного с наказом сообщить Сэйроку о своей болезни и с просьбой приехать в столицу, ибо желал напоследок сделать кое-какие распоряжения. Весть о болезни брата безмерно опечалила матушку Сэйроку.

— Поезжай скорее в столицу, — велела она сыну. — Я и сама хоть сейчас пустилась бы в путь, но мне, слабой женщине, это не под силу. Тебе же нетрудно исполнить просьбу дядюшки. Проведай его и возвращайся назад.

Огорчился Сэйроку, что приходится расставаться с молодой женой, не хотелось ему ехать. А Миягино говорит:

— Если вы не отправитесь в столицу, матушка решит, что из-за любви ко мне вы пренебрегаете долгом перед дядюшкой. К тому же, Ослушавшись матушки, вы заслужите себе славу непочтительного сына. Собирайтесь же в путь не мешкая. Матушка ваша уже в преклонном возрасте и обременена недугами, кто знает, сколько еще ей суждено прожить. Древние говорили: «Служению другим отдаем мы

время, заботе о родителях — час». Жизнь вашей матушки подобна луне, которая вот-вот скроется за западными горами. Отправляйтесь же в столицу и поскорее возвращайтесь домой.

Обменялись супруги прощальными чарками сакэ. Хоть разлука предстояла недолгая, для любящих сердец была она тяжела. Заливаясь слезами, Миягино сложила такое стихотворение:

Знаю я, что недолго
Быть мне с любимым в разлуке.
Скоро вернется он.
Но отчего же тогда
Такая печаль на сердце?

Едва сдерживая рыдания, Сэйроку вторил ей:
Отчего так печалишься ты,
Провожая меня в дорогу?
Гляжу на слезы твои,
И душу терзает тревога:
Неужто не свидимся вновь?

Глядя на эти печальные проводы, матушка побранила сына и невестку:

— Можно подумать, будто вы расстаетесь навек. Слыханное ли дело так горевать из-за короткой разлуки? Этак недолго настоящую беду накликать.

С тем Сэйроку и отправился в путь. Когда он добрался до Киото, дядюшка был уже при смерти. Едва взглянув на племянника, он испустил дух.

У покойного были дети, но они не успели еще войти в возраст, посему устройством дел семьи пришлось заняться Сэйроку. Передав все оставшееся после умершего имущество семье его жены и наказав ей беречь детей, Сэйроку собрался было в обратный путь, но тут, как на беду, вспыхнула смута, охватившая всю страну, на дорогах поставили заставы, и проезд был закрыт.

Что ни день, то тут, то там завязывались ожесточенные схватки. При всем желании не мог Сэйроку попасть домой, лишь кочевал от одного постоялого двора к другому. В скитаниях прошел год. А поскольку движения по дорогам по-прежнему не было, не мог он послать о себе даже весточку, и близкие его не знали, жив ли он или нет.

Видя, что сын все не возвращается, матушка Сэйроку не находила себе места от тревоги.

— Если бы я знала, что так случится, — горько сетовала она, — ни за что не пустила бы Сэйроку в столицу. О горе, ведь я даже не знаю, приведется ли увидеть его снова.

Не было дня, чтобы она не проливала слез, тоскуя о сыне, и в конце концов одолел ее недуг.

Миягино самоотверженно ухаживала за свекровью, ни днем ни ночью не отходила от ее постели. Прежде чем дать ей лекарство, пробовала его сама, собственноручно варила для нее кашу и молила богов и будд послать свекрови исцеление.

Увы, старания ее были напрасны. Не прошло и полугода, как старая женщина почувствовала, что настал ее смертный час. Призвала она к себе невестку и сказала:

— В недоброе время отправился мой сын в столицу, и нет от него ни слуха, ни весточки. Меня одолел тяжкий недуг. Ты ухаживаешь за мною лучше родной дочери. Преданность твоя беспримерна. Можно ли в моем положении желать для себя лучшей доли! Печально, что перед смертью я не могу вознаградить тебя за твою доброту. Пройдет время, у тебя появятся собственные дети. Жаль, что я их уже не увижу. Пусть они проявляют о тебе такую же заботу, с какой ты относилась ко мне. Клянусь Небом, я говорю это от чистого сердца.

Так молвила старая женщина на прощание и в тот же миг испустила дух.

Велика была скорбь Миягино, из глаз ее ручьями лились слезы. Похоронила она свекровь, как велит обычай, сорок девять дней совершала поминальные обряды и так горевала, что даже волосы ее утратили блеск, а лицо осунулось. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы сердце сжалось от печали. Но вот наступил одиннадцатый год эры Эйроку,^[77] и в Суругу вторглись войска под предводительством Такэды Сингэна.^[78] Приступом взяли они замок в Футю, стали поджигать дома простых жителей. Имагава Удзидзанэ, властитель провинции, был вынужден бежать из осажденного города. Воины Такэды врывались в дома мирных жителей, чинили расправы и грабежи, их бесчинствам и жестокостям не было конца.

Нагрыв в дом Миягино и увидев, как она хороша, злодеи схватили ее и вознамерились силой склонить к любви. Но женщина вырвалась от них и, укрывшись в глубине дома, повесилась, предпочтя смерть бесчестью. Тут даже у грубых мужланов дрогнуло сердце, и они похоронили Миягино под хурмою за домом.

Прошло время, над Суругой установилась власть Такэды Сингэна, и войне настал конец. Примирились меж собой и военачальники провинций, лежащих вдоль тракта Токайдо, заставы с дорог были сняты, и Фудзии Сэйроку после долгих мытарств воротился в родные края. Глядит — все вокруг изменилось до неузнаваемости, дом опустел. Ворота покосились, крыша прохудилась, двор зарос густою травой, и не у кого было спросить, куда подевались его жена и матушка.

Вышел Сэйроку за ворота — навстречу идет какой-то старик. Это оказался слуга, долгие годы живший в их доме. Узнал его Сэйроку, окликнул и принялся расспрашивать. Старик рассказал, как захворала его матушка, как ухаживала за нею Миягино, ни днем ни ночью не отходя от ее постели, как истово молила богов и будд о ее исцелении. «Только не помогло это, — вздохнул слуга, — матушка ваша скончалась. А вскоре после этого в Футю ворвались войска Такэды Сингэна, и князь Имагава Удзидзанэ был вынужден бежать из своего замка. Враги пытались силой склонить к любви вашу жену, но она повесилась, блюдя супружескую верность. При виде такого благочестия сердца злодеев дрогнули, и они похоронили ее под хурмою».

Выслушал Сэйроку рассказ старого слуги, и от горя из глаз его хлынули кровавые слезы. Рыдая, раскопал он могилу, смотрит — Миягино лежит в ней как живая, даже румянец на щеках не поблек. Сердце ему сдавила такая тоска, что он едва не лишился чувств. Похоронил он Миягино рядом с матушкой, положил на могилу цветы, возжег благовонные курения и в глубокой скорби сказал:

— О, Миягино, природа наделила тебя мудростью и добротой. В мое отсутствие ты служила матушке, как преданная дочь, исполнила свой долг до конца. Безвременной и жестокой была твоя смерть. За все это время я не послал тебе ни единой весточки, но, поверь, в этом нет моей вины. До чего же превратна наша брэнная жизнь! Если ты, пребывая в обители мрака, слышишь меня, молю, хотя бы один-единственный раз появишься передо мною!

Каждый день, едва займется рассвет, Сэйроку спешил на могилу к жене, а под вечер возвращался домой и снова предавался тоске.

Так миновало двадцать дней. Однажды, в безлунную ночь, когда на небе тускло мерцали звезды, Сэйроку сидел подле светильника в своем доме. Вдруг перед ним возникла тень Миягино.

— Услышала я, что вы зовете меня, — сказала она, — и вот пришла к вам, отпросившись у бога, правителя преисподней, ведающего книгой, в которую заносятся все добрые и дурные дела людей.

Заливаясь слезами, дух Миягино поведал обо всем, что с нею произошло. Выслушав эту горестную повесть, Сэйроку опечалился пуще прежнего. Поблагодарил он жену за заботу о матушке и за то, что, не убоявшись смерти, сохранила ему верность.

Тогда тень Миягино молвила:

— Если бы я родилась в доме сановника и принадлежала к именитому роду, судьба моя сложилась бы иначе. Мне же выпало стать куртизанкой, которая служит утехой для мужчин и не ведает глубоких сердечных привязанностей. Принарядившись и наруманившись, я завлекала путников, торгуя своей красотой. Куртизанка — словно придорожная ива, словно цветок на обочине, кто захочет, тот его и сорвет. Она умеет обольщать и говорить ласковые речи. Едва проводив одного гостя, она уже встречает другого. Идет путник с запада — она

становится его подругой, идет путник с востока — она становится его женой. Так и жила я, точно лодка, которую носит по морю и которая не может прибиться к берегу. Но вот я встретила вас, и вы ввели меня в дом как законную жену. Распрощавшись с прежними привычками, я ступила на стезю добродетели. Однако вскоре настигла меня страшная смерть — она была послана мне в наказание за прежние грехи. Но я искупила их дочерним послушанием и верностью вам, поэтому боги неба и преисподней позволили мне возродиться в облике мальчика. В Камакуре, близ дороги, проложенной через гору, живет богатое семейство. Фамилия хозяина — Такакура. Поезжайте туда. Завтра я должна появиться на свет. Увидев вас, я улыбнусь. Пусть это послужит для вас знаком.

Так сказал дух Миягино и растаял, словно дымка.

Спустя неделю Сэйроку отправился в Камакуру и отыскал дом того человека.

— Я слышал, — обратился он к хозяину, — что у вас недавно родился младенец. Если это так, позвольте мне взглянуть на него.

Хозяин вынес новорожденного и сказал:

— Этот ребенок находился в чреве матери двадцать месяцев. С самого рождения он плачет, не унимаясь ни днем ни ночью.

Стоило младенцу увидеть Сэйроку, как он тотчас же затих и улыбнулся. После этого никто больше не видел его плачущим.

Сэйроку рассказал его родителям обо всем без утайки и с тех пор часто навещал эту семью.

перевод Т. Редько-Добровольской

Ихара Сайкаку

РАССКАЗЫ ИЗ ВСЕХ ПРОВИНЦИЙ

Верные вассалы лисицы

В Химэдзи, что в провинции Харима, долгое время жила лисица, старшая сестра лиса Первого эн Куро из Ямато. Она отрезала женщинам волосы, разбивала горшки в домах, во всех провинциях причиняла много неприятностей людям. Звали ее Лиса Осакабэ. Обликом походила она на человека, командовала несметным числом родичей-слуг, водила людей за нос, как только вздумается, и всячески их морочила.

Проживал в Химэдзи некий торговец рисом по имени Монбёэ. Однажды, проходя горной тропинкой в отдаленном, безлюдном месте,

увидел он целое сборище лисят белой масти, без особого умысла бросил в них камешком и случайно попал в одного лисенка, да, как на грех, так метко, что лисенок тут же испустил дух. Пожалел Монбёэ лисенка; но тотчас позабыл о такой безделице и воротился домой.

В ту же ночь с конька крыши дома Монбёэ слышались сотни женских голосов:

— В кои-то веки наша маленькая принцесса изволила выйти на прогулку на вольный воздух, а ты лишил ее жизни! Это не пройдет тебе даром!

И тут же на дом Монбёэ градом посыпались камни. Повредили стены, разбили ставни в слуховых окнах, однако, когда рассвело, на земле не оказалось ни единого камешка. Все домочадцы Монбёэ очень перепугались.

Наутро в дом явился странствующий монах и попросил чашечку чая. Монбёэ приказал служанке подать ему чай, но не успела та поднести страннику чашку, как в дом ворвалось ни много ни мало три десятка здоровенных мужчин, похожих на стражников управителя, с криками:

— Как смеешь ты укрывать монаха, коего разыскивают власти?!

Не слушая никаких объяснений, схватили они хозяина и хозяйку и наголо обрили им головы, после чего и у пришельцев и у монаха внезапно выросли хвосты и они убежали прочь. Плачь не плачь, а горю уже не поможешь!

Случилось так, что как раз в это время невестка Монбёэ гостила у своих родителей в родном доме, поскольку муж ее Мондзаэмон, сын Монбёэ, по делам уехал на север. Лис обернулся Мондзаэмоном, проник в дом в сопровождении нескольких спутников, схватил эту женщину и, воскликнув: «Стоило мне отлучиться, как ты завела любовника! Ну да бог с тобой, убивать я тебя не стану!..» — в тот же миг наголо обрил ей голову.

— Я и в мыслях ничего подобного не держала! — горевала и плакала женщина. — Откуда такие подозрения, ведь мы женаты не первый год!..

— А, негодница! Так я доставлю тебе доказательства! — крикнул лис. Он и его спутники бросились к женщине, утащили ее далеко в горы, выстроились там в ряд и каждый по очереди назвал себя:

— Я — Врунискэ из Накайдо! Я — Тюдзабуро Старшинскэ! Я — Кинмару Невидимскэ! Я — Ямитаро Курворискэ! Я — Хананага Поле-Разорискэ! Мы верные слуги госпожи Лисы Осакабэ, ее славные рыцари-защитники! — И с этими словами они обратились в лисиц и исчезли с глаз долой. Невестка пошла к Монбёэ, сокрушалась и плакала, да только ничего уже нельзя было поделать...

Еще через день, в час Коня,^[79] по улице прошла пышная похоронная процессия. Впереди шел священник высокого ранга, за ним несли опахала, над гробом держали балдахин, изукрашенные носилки так и сверкали, внук покойного нес поминальную дощечку с его именем,

родня обливала слезами рукава белых траурных одеяний, сельчане, все как один, шли в парадных торжественных нарядах. Процессия проследовала к месту сожжения, что было в нескольких рю от дома родителей Монбёэ. К ним поспешно прибежал посланец, сказавший:

— Прошедшей ночью господин Монбёэ скоропостижно скончался. Зная, как велико будет ваше горе, порешили сообщить вам об этом как можно позже. Поскорее ступайте к месту сожжения!

И вот, когда в слезах и печали предали огню тело Монбёэ и у погребального костра остались только родные, сот посланец промолвил:

— Увы, как все непрочно в сем бренном мире! Теперь, когда вы схоронили сына, ничто радостное вас в жизни больше не ожидает! Обрейте же голову и уйдите от мира! — И с этими словами он сбрил им волосы, разом превратив их в монахов.

Когда же родители вернулись в Химэдзи, оказалось, что у Монбёэ с женой тоже обриты головы. Досадовали они, горевали, но что поделаешь, ведь волосы в одну минуту не отрастают, и потому все они выглядели весьма забавно.

Красавица в летающем паланкине

Во втором году Канъэй^[80] в начале зимы, неподалеку от селения Икэда, что в провинции Сэтцу, под священными соснами на горе, где стоит храм Курэха, неизвестно как оказался всеми покинутый паланкин, в каких ездят женщины. Паланкин сей заметили дети, собиравшие хворост, рассказали односельчанам, и вскоре вокруг него собралась толпа. Открыли дверцы, заглянули внутрь — в паланкине сидит женщина лет двадцати двух — двадцати трех, по всему видать — жительница столицы, из тех, про кого молва говорит: «Красавица!» И впрямь было на что посмотреть: черные волосы небрежно расчесаны, концы перевязаны золотой лентой, нижнее кимоно — белое, сверху надето другое, шелковое, на вате, с узором из хризантем и листьев павлонии, пояс китайского шелка, сплошь затканый рисунком, изображающим мелкие листики плюща, на голову наброшен прозрачный шарф тончайшего шелка. Перед женщиной стоял старинный лакированный поднос, на коем серебром и золотом были нарисованы осенние цветы и травы, уставленный самыми изысканными сладостями, и рядом лежала бритва.

— Кто вы, госпожа, и как очутились совсем одна в таком неподходящем месте? Поведайте нам, и мы доставим вас, куда прикажете! — на разные лады расспрашивали ее, но она не отвечала ни слова, сидела все так же неподвижно, опустив голову, и что-то жуткое чудилось в ее взгляде, отчего людям невольно стало не по себе, и они, обгоняя друг друга, поспешили удалиться.

«Но ежели оставить ее там на всю ночь, ее могут съесть волки! — рассудили жители деревни. — Надо перенести паланкин в город, постеречь его этой ночью, а наутро доложить обо всем правителю!» С этой мыслью возвратились они к подножию горы, однако паланкина там уже не было: он перенесся примерно на один ри к югу, на песчаный берег реки, и оказался поблизости от постоянного двора Сэгава.

С наступлением ночи, когда ветер зловеще шумел в соснах и ни души не было видно на дорогах, местные парни-погонщики отправились туда, где сидела женщина, и начали с ней заигрывать, требуя, чтобы она их приласкала, но та по-прежнему хранила молчание. Неотесанные мужланы уже протянули было к ней руки, как вдруг из ее тела справа и слева высунулись ядовитые змеи и так сильно искусили грубиянов, что у них в глазах потемнело, они лишились сознания и только чудом остались живы и весь год потом тяжело хворали.

Рассказывали, что паланкин перенесся затем к речке Акутагава, видели его и перед храмом Мацуо, а на следующий день очутился он уже в окрестностях Тамбы, нигде не задерживаясь более часа. Со временем женщина, ехавшая в паланкине, превратилась в хорошенькую девочку-служанку, потом — в восьмидесятилетнего старца, иногда видели ее с двумя лицами, или она оборачивалась старухой без глаз и носа, — всем, кто ни встречал ее, представляла она в разном обличье, так что с наступлением темноты люди от страха не решались выйти из дому и привычный уклад жизни был нарушен.

Если же ничего не ведавший путник ночью проходил по дороге, то, к великому его испугу и удивлению, к плечам его неожиданно прилипали палки паланкина, хотя ни малейшей тяжести он при этом не чувствовал. Однако не успевал он пройти и одного ри, как ощущал такую усталость, что у него отнимались ноги, — вот какая беда его поджидала!

Это и был известный по рассказам «Летающий паланкин из Куга-Наватэ».

Чудеса эти продолжались вплоть до середины годов Кэйан,^[81] а потом сей паланкин незаметно куда-то скрылся. Говорили только, будто местные крестьяне видели, как в окрестностях Хасимото и речки Кицунэгава ночью пролетел странный, доселе невиданный огненный шар.

Дева в лиловом

Гавань Содэ в провинции Тикудзэн ныне уже не та, что в древние времена, когда ее воспевали в стихах; теперь здесь обитает много народу, рядами протянулись рыбные лавки...

Жил здесь человек, изо дня в день закалявший постом свою плоть, не терпевший даже запаха рыбы, что доносил ветерок с побережья. Постоянно погруженный в размышления о благостном пути Будды, достиг он тридцати лет, однако все еще женат не был, и хоть в общении с людьми соблюдал обычаи самураев, но в глубине души помышлял лишь о том, чтобы вовсе уйти от мира, и ни разу не участвовал ни в каких развлечениях. В глубине своего сада, заросшего многолетними соснами и кипарисами и похожего на глухую горную чашу, построил он себе уединенное жилище размером в квадратный кэн и, целыми днями сидя за старинным столиком для письма, с утра до вечера проводил время за переписыванием древних поэтических антологий.

Как-то раз в начале зимы, погруженный в думы о старине, размышлял он о павильоне «Осенний дождик»,^[82] как вдруг у одинокого его окошка раздался чей-то ласковый голосок, окликавший его по имени: «Господин Ёри!» Никак не ожидая, чтобы сюда могла зайти женщина, он, удивленный, выглянул и видит — перед ним дева в — лиловых шелках, с еще не зашитыми рукавами, с распущенными волосами, перехваченными золоченым бумажным шнурком... И была она так прекрасна, что и описать невозможно!

Увидев деву, позабыл он многолетние свои благие стремления и, точно в каком-то сне, взирал на нее, всецело очарованный ее красотой, она же вытащила из рукава разукрашенную дощечку для игры в волан и, напевая, принялась одна подбрасывать мячик.

— Эта песня-считалка, что вы поете, называется «Песенка молодухи»? — спросил он, и она отвечала:

— У меня нет еще мужа, как же вы зовете меня молодухой? Чего доброго, пойдет обо мне дурная слава! — И с этими словами отворила боковую дверцу, проворно вбежала в комнату и улеглась в самой небрежной позе, воскликнув: — Не троньте меня, а то буду щипаться!

Пояс ее, завязанный сзади, сам собой распустился, так, что стало видно алое нижнее одеяние.

— Ах, мне нужно изголовье! — проговорила она с полузакрытыми глазами. — А ежели ничего у вас нет, так хоть на колени к человеку с чувствительным сердцем голову приклонить... Кругом ни души, никто нас не увидит, и колокол, что звучит сейчас, возвещает двенадцать. Значит, уже наступила глухая полночь!

Ёри не мог отказать ей, кровь в нем внезапно взыграла, и, даже не спросив, кто она и откуда, он предался любви со всей силой молодой страсти. Не успел он оглянуться, как наступил рассвет, и его охватило сожаление, что надобно с ней расстаться.

— Прощай! — сказала она и исчезла, подобно видению, он же, томясь от тоски, с нетерпением ожидал наступления следующей ночи.

Ни слова никому про то не сказав, ночь за ночью встречался он с ней в любовном согласии, и не прошло и двадцати суток, как незаметно

для себя исхудал чрезвычайно. Это заметил знакомый врач, издавна пользовавшийся Ёри, проверил его пульс и убедился, что не ошибся в своих предположениях: болезнь эта — истощение от излишеств в любовных утехах.

— Смерть нависла над вами... Раньше я полагал вас человеком весьма строгого поведения; однако же, выходит, у вас есть тайная любовница? — спросил он, но Ёри отвечал:

— Что вы, что вы, никого у меня нет!

Напрасно вы от меня таитесь, — предостерег его врач. — Ваши дни уже сочтены! Мне же будет чрезвычайно неприятно, если скажут, что я пренебрег нашей старой дружбой и не лечил вас, ведь это равносильно убийству! Лучше уж отныне совсем перестану вас навещать!

И он уже хотел удалиться, но Ёри остановил его и, воскликнув:

— Хорошо, я расскажу вам все без утайки! — поведал ему обо всем, что с ним приключилось. Врач, после некоторого раздумья, промолвил:

— Это, должно быть, та самая Дева в лиловом, молва о коей давно уже ходит по свету. Злой рок привел вас прилепиться к ней сердцем! Случалось даже, что она выпивала всю кровь из человека, доводила до смерти... Что бы там ни было, а женщину эту непременно убейте! В противном случае она вас не оставит в покое, и надежды на исцеление не будет!

Услышав совет врача, Ёри испугался.

— Да, да, вы правы! — вскричал он. — Ночные посещения неизвестной красотики наводят на меня ужас! Сегодня же вечером я зарублю ее насмерть!

Он приготовился и стал ожидать. Дева явилась и, утирая рукавом слезы, сказала:

— Так вот что? Вместо прежней любви вы теперь вознамерились предать меня смерти? О, как это горько! — И она хотела к нему приблизиться, но он, обнажив меч, стал наносить удары, и она тотчас обратилась в бегство. Ёри погнался за ней и преследовал, покуда она не скрылась в глубокой пещере, в дальней лесной чаще, на горе Татибана...

Но и после Дева в лиловом по-прежнему появлялась, пылая жаждою мести и постоянно меняя облик, так что пришлось собрать монахов со всей провинции и отслужить, заупокойную службу, после чего она навеки исчезла, а Ёри благополучно спасся от безвременной смерти.

Роковая лазейка

Самурай Огава Ханэмон был наделен столь редкостным умом и прекрасной внешностью, что служил примером для всего света. Он нес почетную должность княжеского вестового, на людях всегда появлялся в сопровождении копьеносца, а сзади вели его верховую лошадь, и не

было равных ему среди всей самурайской дружины. Но, увы, нет ничего в нашем мире ненадежней судьбы самурая!

Вчера из провинции Бунго, родных мест Ханэмона, доставили ему послание, он увидел адрес, начертанный женской рукою. Встревоженный, распечатал он письмо, — оно было от невестки, жены старшего брата. Письмо гласило: «Муж мой, господин Хамбэй, в ночь на семнадцатое число сего месяца убит за игрой в го, по причине пустячного спора, перешедшего в ссору, во время очередного состязания в храме Мёфуку. Убийца, Тэрада Яхзидзи, тотчас же бежал из нашего края. У мужа нет сыновей, и потому, кроме Вас, мне некого попросить о мести. Я же всего лишь женщина и потому отомстить за смерть мужа бессильна». Так писала она, полная скорби.

Долго раздумывать было нечего. Ханэмон тотчас испросил отпуск у господина и, взяв с собой своего единственного сына Хампати, покинул город Эдо в краю Мусаси.

«Господин лишь неравно призвал на службу и приблизил к себе этого Яхэйдзи, — рассудил он. — И потому в княжестве будут, конечно, держать его местопребывание в глубокой тайне, и поймать его будет чрезвычайно трудно. Однако я слыхал, есть у него родные в сельской местности, в провинции Тадзима; скорее всего он именно там и укрылся. Пойдем-ка туда и попытаемся его разыскать». И они поспешили в провинцию Тадзима, стали потихоньку разузнавать и выспрашивать. Среди крестьянских домов заметно выделялся один — он походил на усадьбу, к нему вели ворота, и был он обнесен двойной оградой. Жило там много наемных ронинов, имелись сторожевые псы, а по ночам сторожа без усталости ходили кругом, стуча в колотушки, иными словами, тут принимались все меры предосторожности, дабы в случае чего сразу поднять тревогу.

И вот однажды, когда лил сильный дождь, дул ветер и ночь выдалась особенно темная, отец и сын, заранее припасшие рисовые коlobки, приблизились к собакам, кинули им коlobки, чтобы те не лаяли, проделали лазейку во внешней ограде, проложили себе путь через внутреннюю и добрались уже до самых сеней дома, как вдруг Яхэйдзи услышал шум и закричал: «Кто там?» Отец и сын сунули в рот по большой щепке в надежде, что их примут за собак, державших в пасти рыбу, но Яхэйдзи закричал: «Нет, для собак головы торчат слишком высоко! Эй, люди, вставайте все!» Молодые парни, нанятые на случай опасности, подняли шум и крик, однако сам Яхэйдзи, заподозрив недоброе, из дома не вышел. Чувствуя, что дело приняло скверный оборот, отец и сын решили: «На сей раз нужно спасаться бегством!» Убегая, они захватили с собой кастрюли и сковородки, перебросили их за ограду и хотели было ускользнуть через устроенную ими лазейку. Однако старший был уже не столь проворным и ловким — нырнув в лаз, он замешкался, и множество людей ухватили его за ноги, так что он не мог даже пошевелиться... Тогда Хампати остановился,

вернулся, отрубил отцу голову и, схватив ее, скрылся. Наутро Яхэйдзи тщательно расследовал происшедшее, но, увидев брошенные на улице кастрюли, решил, что то были простые воры. Тем дело и кончилось.

А Хампати, с головою отца, которую он же и отрубил, ушел далеко в горную глушь Ируса и, раздвигая заросли по-осеннему красного кустарника, думал: «Вот какие горестные дела свершаются в нашем мире! Какой злой рок привел меня, не отомстив врагу, убить родного отца? Велико же будет горе матушки, оставшейся в Эдо, когда она узнает об этом. Каким негодяем она сочтет меня! Но все же я убью Яхэйдзи, решение мое твердое. Ты можешь быть спокоен!» Так говорил он, мысленно обращаясь к отрубленной голове отца. Затем он вырыл ямку у корней дерева и хотел было закопать голову, как вдруг заметил в земле чей-то череп. «Кто же этот человек, нашедший здесь свою смерть?» — с состраданием подумал он и, хотя не мог доведаться, кому принадлежал череп, похоронил обе мертвые головы вместе, собрал цветы, украсил ими могилу, окропил, как положено, водой; а так как до захода солнца было еще далеко, то он, решив вернуться в селение лишь с наступлением темноты, опустил голову на могильный холмик и задремал. Во сне явился ему тот череп и молвил:

— Я дух убитого твоего отца Ханэмона. Не случайно вышло так, что, отправившись для свершения мести, я пал от твоей руки — на то есть причины, истоки коих кроются в прошлой жизни. В одном из прежних моих существований убил я восьмерых ни в чем не повинных людей из рода Яхэйдзи. Небо не прощает столь тяжкого преступления. Я это понял только теперь, уже после смерти. Ты тоже не властен избежать сей кары, а потому брось самурайские мысли, оставь думы о мести, надень рясу и усердно молись за упокой наших душ, за меня и за моего брата. В доказательство же того, что слова мои истинны, больше ты меня не увидишь. Раскопай еще раз эту могилу, и ты удостоверишься в сказанном мною. — С этими словами он скрылся.

Хампати разрыл могилу, и — о, чудо! — черепа там не оказалось. Долго терзался он душой, думая, можно ли отказаться от мщения, но напрасны были все его сомнения и размышления — месть врага настигла Хампати, и он пал от его руки.

Кончик носа, стоивший другим жизни

Существа, коих мы именуем тэнгу, обладают удивительным свойством читать все мысли, приходящие на ум человеку.

В селении Одавара, при святой обители Коя, жил некий ремесленник, изготавливавший из дерева криптомерии чашки и другую кухонную утварь. Однажды, когда он, выгибая тонкие деревянные пластинки, как обычно, мастерил посуду, откуда ни возьмись появилась перед ним красивая девица лет двенадцати — тринадцати. Удивленный

ее появлением, ибо пределы монастыря для женщин запретны, он устремил на нее пристальный взор и видит: подошла она к его лавке и стала перебирать опилки и стружки, приговаривая:

— Ах, бедная криптомерия, сломали тебя, срубили! — Так, сокрушаясь о дереве, она всячески мешала ремесленнику работать.

Ремесленник гнал ее прочь, бранил, однако она не обращала на его слова никакого внимания. Тогда, рассерженный не на шутку, решил он тихонько подкрасться к ней и стукнуть ее разок-другой деревянным молоточком, но не успел он о том подумать, как она, сразу угадав его мысли, сказала вдруг:

— Ах, вот как, вы хотите меня ударить? Напрасно, у меня быстрые ноги, убегу, прежде чем вы успеете на меня замахнуться!

Тогда он надумал бросить в нее точильным кругом, но она засмеялась:

— Нет, нет, терпеть не могу, когда в меня чем-то кидают!

Пока он размышлял, что ему делать, со стенки случайно свалились стальные зажимки для деревянных пластинок и задела девицу за кончик носа. От неожиданности она сильно перепугалась, в тот же миг приняла истинное обличье, обернулась тэнгу и улетела в горы.

Там собрала она множество сородичей и вассалов и Сказала:

— Ой-ой, на свете нет ничего страшнее ремесленника, изготавливающего посуду! Ни в коем случае туда не ходите. Гнев разбирает меня, как вспомню, какого страха я натерпелась! Нужно этой же ночью спалить огнем весь монастырь, а этого негодяя ремесленника пустить по миру голым!

Затем тэнгу договорились, в каких местах подожгут они обитель, и назначили время — час Обезьяны.^[83]

В тот же день, как раз в это время, настоятель храма Хокоин, задремав перед обедом, был разбужен гомоном тэнгу. Скорбь охватила его при мысли, что сгорит святая обитель. «Пожертвую собой, — решил настоятель, — отправлюсь в царство тэнгу и уговорю их не предавать монастырь сожжению!»

И вот он зажал под мышками справа и слева оконные ставни, оклеенные бумагой. Они тотчас же превратились в крылья, и настоятель взлетел в поднебесье.

Монахи, ученики его, в этот час раскладывали на кухне по мискам кушанье. Они тоже взмыли в воздух вслед за учителем. И по сей день еще можно видеть у главных ворот храма их изображения; называют сии фигуры «тэнгу, держащие ковшик».

А после в том храме случилось чудо: однажды ночью кто-то снял тяжелый навес с огромных главных ворот, который несколько сот людей и то не могли бы сдвинуть с места, и бросил его на дорожку, ведущую к храму. С тех пор люди покинули этот храм, он стал необитаем, и в течение долгого времени нога человеческая там не ступала.

Чудесное возвращение из столицы

В бухте Сакаи на исходе весны, когда цветет сакура, рыбаки тянут сети, ловят карпов розоватого цвета, ищут ракушки розовые, как сакура, а торговцы рыбой спешат пораньше распродать свой товар. Еще не совсем рассветет, а они уже идут вереницей по улицам, неся грубого плетения корзины, полные рыбы...

И вот однажды, дойдя до Ивовой улицы, у Большого проспекта, увидели они впереди красивую женщину — гибкая, тонкая, с веткой увядшей глицинии в руке, шла она одна-одинешенька, без провожатых, без слуг.

Рыбаки, все молодые парни в расцвете сил, уж на что дерзки и лихи, а при виде одинокой красавицы пришли в великое изумление, заговорить с нею не посмели. Словно в каком-то наваждении, молча шли они за женщиной следом; она же сперва постояла у ворот лавки, где торговали киноварью и тушью алого цвета, потом остановилась возле меняльной лавки и, казалось, с досадой взирала на закрытые двери. И тут молодым парням пришли в голову неразумные мысли — решили они, что красавица эта не иначе как девица легкого поведения, «а коли так, надо пригласить ее в дом свиданий и, пока еще ночь на дворе, поразвлечься...».

И, обступив ее всей ватагой, стали они говорить наперебой:

— Ночью одной небезопасно! Где ваш дом? Где бы он ни был, мы вас туда проводим! Подарите нам на память этот цветочек!

Она же ответила:

— Вот из-за этих-то цветов я и страдаю. Даже легкий весенний ветерок или дождик причиняет боль цветущей глицинии, и уж тем более нестерпимую муку испытывает она, когда человек грубо ломает ее ветви! Даже взоры людские в дневную пору ранят нежные гроздья цветов. Как же ненавистны мне женщины, ради которых люди сломали и унесли мои цветущие ветви! Вот я и отправилась в путь, чтобы отобрать эти сорванные цветы и вернуть их обратно! — И не успела она вымолвить эти слова, как бесследно исчезла.

«Ну и чудеса!» — подумали парни, рассказали о случившемся обитателям здешних мест, и те сказали:

— А ведь есть предание, схожее с тем, о чем вы говорите... В давние времена, в царствование императора Го-Комацу,^[84] услышал он, что при здешнем храме Конкодзи растет прекрасная глициния, цветущая гроздьями несказанной красоты. Император перенес эту глицинию в столицу и посадил ее на широком подворье, у самого своего дворца. Но наступила весна, а глициния не цвела, что его весьма огорчило. И вот однажды, когда император уснул, внезапно предстала перед ним во сне душа сей глицинии и отчетливо, ясно произнесла стихотворение:

В далекой бухте Сакаи
Росли мои цветы, похожие на волны;
О, думала ли я, что им придется
Попасть в столицу и искать опору,
Цепляясь за ветви царственной сосны...

И тогда император снова возвратил то дерево в наши края.
Возможно, на сей раз с вами приключилось нечто подобное!

Когда рассвело, все отправились к храму Конкодзи и увидели: так и
есть, цветы, сорванные и унесенные накануне теми, кто приходил
любоваться цветущим деревом, все до единого снова цветут, свисая с
решетки, подпирающей ветви. С тех пор никто никогда не сорвал у той
глицинии ни единого листочка.

Вот такая история!

Карп с отметиной на чешуе

Река Ёдо в столице славится карпами отменного вкуса, однако даже
мелкая рыбешка из водоема именуемого Заводью Найскэ, в Кавати,
куда вкуснее! С древних времен и по сю пору вода в нем ни разу не
иссякала.

Некогда жил здесь в маленькой хижине у плотины рыбак по имени
Найскэ; не было у него ни жены, ни детей; день-деньской плавал он,
отталкиваясь шестом, в маленьком челноке, рыбачил и тем кормился.

Среди карпов, которых он ловил постоянно, попалась ему однажды
рыба с ясно видимой отметиной на чешуе. Рыба та была самкой, но тем
не менее оказалась весьма смышленной. Найскэ не стал ее продавать,
оставил у себя в садке, и вот постепенно образовался у нее на чешуе
знак, похожий на герб «томоэ»,^[85] отчего и прозвал он ее «Томоэ», и
когда, бывало, окликнет ее по имени, она, совсем как человек,
понимала его. Мало-помалу стала она совсем ручная, со временем
научилась даже есть то, что едят люди, и Найскэ нередко оставлял ее
ночевать без воды у себя в доме, после чего опять выпускал в садок.
Время бежало быстро, и когда прошло восемнадцать лет, стала она от
головы до хвоста ростом с девицу лет четырнадцати — пятнадцати.

Однажды к Найскэ явились сваты и сосватали его с женщиной
подходящего возраста из той же деревни.

И вот как-то ночью, когда Найскэ уехал на рыбную ловлю, в его
отсутствие в дом с черного входа вбежала красавица в голубом кимоно
с узором, изображавшим бурно кипящие волны, и закричала:

— Много лет состою я с господином Найскэ в любовной связи и уже
ношу в чреве его ребенка, а он, несмотря на это, взял еще и тебя в
жены! Нет предела моей обиде и гневу! Немедленно убирайся обратно

в родительский дом, откуда явилась! А не то не пройдет и трех дней, как я подниму здесь такие волны, что дом этот вместе с крышей погрузится на дно морское! — И, бросив эти слова, она исчезла.

Жена, едва дождавшись возвращения Найскэ, рассказала ему о страшной гостье.

— Поистине ни сном ни духом не ведаю ни о чем подобном! — ответил Найскэ. — Да и сама посуди, возможно ли, чтобы подобная красавица вступила в связь с таким бедняком, как я? Если б речь шла о какой-нибудь странствующей торговке — разносчице, простой бабе, что торгует иголками и помадой, ну, тут я мог бы кое-что припомнить. Но те дела на том и кончились, без дальнейшего беспокойства. Тебе, наверное, все это просто померещилось, да и только!

Вечером он снова сел в лодку и поехал на рыбную ловлю. Вдруг взметнулись грозные волны, и из зарослей плавучих водорослей в лодку прыгнул огромный карп, выплюнул изо рта нечто, очертаниями похожее на ребенка, и исчез. Найскэ едва живой добрался до дому, заглянул в садок — а того карпа там уже нет!

— Не следует чрезмерно привязываться душой ни к каким живым тварям, — узнав об этом происшествии, говорили односельчане.

КОВШИК С МАСЛОМ, СТОИВШИЙ ЖИЗНИ

Нет ничего прискорбнее, чем прожить весь век в одиночестве.

В краю Кавати, в деревне Хираока, жила женщина, родом из семьи некогда знатной, лицом и фигурой превосходившая многих, так что о ней даже песню сложили, в которой называли горным цветочком. Неизвестно, по какой такой горестной карме случилось, что она одиннадцать раз выходила замуж, но всякий раз мужья ее умирали, исчезая, как талый снег по весне. Оттого-то местные жители, поначалу страстно о ней вздыхавшие, со временем стали ее бояться, так что никто и заговорить-то с ней не решался. Восемнадцати лет она овдовела, и так, во вдовстве, дожила до восьмидесяти восьми лет.

Горькая это доля — слишком долго зажить на свете! От былой красоты ее и следа не осталось, волосы поседели, и стала она таким страшилищем, что боязно и взглянуть. Но так уж устроена жизнь человеческая, что и хотел бы смерти, да ведь сам собой никак не умрешь; вот она и добывала себе пропитание тем, что пряла хлопчатую пряжу. Дрова, горевшие в очаге, в ночное время заменяли ей светильник, и хоть света этого не хватало, денег на покупку масла у нее не было. А посему она воровала в глухую ночную пору масло из светильника в храме местного божества и, зажигая его, пряла свою пряжу.

Как-то раз собрались прихожане.

— Очень странно, что ночь за ночью перед изваянием бога гаснет светильник! Иссакает масло — какая тварь, какой пес тому причиной? Хотя мы и слова-то эти вымолвить недостойны, но сияние сего светильника озаряет весь край Кавати, и если он гаснет, значит, сторожа в храме не усердны. Нынешней же ночью во что бы то ни стало выведаем, в чем тут дело! — Так они тайно между собой договорились, вооружились копьями и луками, оделись как надобно, незаметно пробрались во внутреннее помещение храма и стали ждать, что будет дальше.

И вот, когда все миряне уснули и пробил колокол, возвещающий полночь, пред алтарем появилась ведьма, такая страшная, что от страха все лишились сознания. Случился тут среди них человек, особенно искусный в стрельбе из лука. Вложил он в свой лук раздвоенную в хвосте стрелу, прицелился поточнее, спустил тетиву, и стрела, угодив точно в цель, насквозь пронзила худую шею старухи, так что голова отскочила. И вдруг голова эта стала изрыгать пламя и взмыла к небу. Когда рассвело и труп как следует рассмотрели, оказалось, что это та самая известная всей деревне старуха. И не нашлось тут ни единого человека, кто бы ее пожалел.

С тех пор голова старухи появлялась каждую ночь, пугая путников на дорогах, так что они от страха лишались чувств. А из тех, кого настигал огонь, извергаемый этой головой, никто не прожил более трех лет. Огонь сей и ныне часто появляется в поле, одним скачком перелетая три, а то и целых пять ри. И мчится он при этом с такой скоростью, что и глазом моргнуть не успеешь. Любопытно только, что, когда огонь уже совсем близко, стоит лишь промолвить слова: «Ковшик с маслом!» — как он сразу же гаснет.

перевод И. Львовой

Цуга Тэйсё

ПЫШНЫЙ ЛУГ

О том, как заветный лук стража заставы Ки однажды превратился в белую птицу

Давным-давно, в незапамятные времена, на границе провинций Идзуми и Ки, на заставе в горах Онояма служил стражем, как и его предки, человек по имени Ямагути Сёдзи Дзиро Аритомо.

Немало людей низкого звания в службе на заставе лишь дни коротали. Сёдзи Дзиро был от рождения человеком благородной души,

в свободное время он любил поохотиться, а других радостей не искал. Был в его семье драгоценный лук, который бережно хранили еще со времен пращуров. Оленя ли, птицу ли этот лук бил без промаха, лишь бы только они были не дальше, чем достанет стрела. А уж если стрела вонзалась, то вместе с оперением, и добыча погибала от одного лишь выстрела. Сколько поколений, сколько лет били этим луком птицу и зверя в окрестных полях — неведомо. В роду лук почитали заветным, так и звали: лук «татоки» — «заветный лук», еще было ему название «тацука» — «лук о рукояти».

Род Сёдзи был старинный, множество сородичей его жило в разных концах страны, одним из них был владелец поместья в Ягаато по имени Татибана-но Мурао — теперь, правда, от него редко доходила весточка. Младший сын этого человека, Юкина, попал отцу под горячую руку и был изгнан из дому. Вместе с женой он пришел в провинцию Ки, надеясь на поддержку Сёдзи и прося у него помощи.

На такого человека, как Сёдзи Дзиро, можно было положиться: он взял Юкину на службу, оказал милость, сделав его своим наперсником. А Юкина имел характер услужливый, покладистый, и Сёдзи было отранно думать, что он определил к должности достойного человека. Дома он теперь посиживал, скрестив ноги, а за воротами они вместе, бок о бок, верхом охотились. Порой, под косыми взглядами стражей, он отправлял Юкину на службу вместо себя и во всем на него полагался.

Жена Юкины, по имени Котё, была молода и красива. Она без устали пряла, чтобы обеспечить мужа одеждой. Достойного жалованья он не получал, а лишь ровно столько, чтобы они могли прокормиться, но вокруг их жилища было очень чисто — женщина усердно наводила порядок и не унывала по тому или иному поводу. Люди же, не видя ее печальной, думали, что не с пустой мощной покинул Юкина родные места.

Когда Сёдзи Дзиро впервые посетил жилище Юкины, тот встретил его со всем радушием. Но ведь слуг в доме не было — что за прием он мог устроить? Горько было жене его, но она, похлопотав некоторое время возле очага, приготовила десяток рисовых лепешек, постелила в чистую лаковую посуду дубовые листья, наполнила и подала. Юкина вежливо потчевал, извиняясь, что другого ничего нет. Сёдзи попробовал — еда оказалась красивой на вид, и вкус был не такой, как у деревенских лепешек. К этому подали чай, завязалась беседа. Жена тоже время от времени поворачивалась в сторону гостя: «Ну как такие слова понимать? Право, это слишком...» — было видно, что разговор ей интересен. При том, что нрава она была спокойного, было в ней и кокетство — женщина не из простых! Уж не из-за этой ли женщины Юкина лишился отцовского покровительства и не смог дольше оставаться на родине?

С того времени Сёдзи Дзиро стал заходить к ним постоянно и рассказал еще тысячу разных историй. Супруги искренне были ему

рады, но в сердце Сёдзи мало-помалу зародились недобрые помыслы, и с некоторых пор в его словах под видом шутки вспыхивали искорки страсти. Однако женщина держалась невозмутимо, а Юкина и вовсе ничего не замечал.

Однажды, зная, что Юкина ушел на заставу, Сёдзи явился к нему в дом. Жена была одна, она подумала, что за мужем послать некого, и спряталась, притихнув за открытой створкой двери. Но ведь от века красивая женщина прячется для того, чтобы ее увидели — разве не так? Заметив выглядывавшие из-под двери тонкие белые кончики пальцев ног, он понял: здесь! Потихоньку подкравшись, заключил ее в объятия и повлек на пол. Женщина сопротивлялась, отбиваясь изо всех сил: «Нельзя так! Что вы делаете!» — громко кричала она.

Но силы женщины были слишком слабы, с нее уже градом лился пот, и она решила схитрить:

— Вынуждена следовать вашим желаниям, — она распахнула одежды Сёдзи и тяжело вздохнула. — Бедный!

Своим горестным видом она вызвала бы сочувствие в любом человеческом сердце, и Сёдзи с удивлением спросил ее:

— О ком это ты?

— Не чужого же мне жалеть! — ответила женщина. — Пожалеть надо Юкину. Из-за меня, своей жены, он был изгнан отцом, покинут родными. Кто, как не я, с которой он обменялся клятвой, мог стать ему единственной опорой и в горе, и в радости? И разве не достойно жалости то, что, находясь на его иждивении, я не смогла даже сохранить ему верность? В здешних местах персона ваша заметна, да и много есть женщин достойнее меня, просто вам они не попадают на глаза, с утра до вечера вы тешитесь охотой. Вы живете в роскоши, и Юкина — всего лишь бедный воин — блекнет рядом с вами. Овладеть мною вам — значит с помощью богатства обездолить бедного человека. Разве после этого вас можно будет называть благородным рыцарем?

Услышав это, Сёдзи немедленно прекратил притязания, помог женщине подняться и спокойно проговорил:

— Такое со мной впервые. На мгновение меня обуяла страсть, и я обо всем забыл. Прошу, пусть сестрица бросит все это в проточную воду, чтоб не было в душе осадка. А если ко мне еще раз придет такое желание, пусть я тогда заболею и не смогу целыми днями охотиться, как я люблю, — он вежливо извинился и вышел.

После он поглядывал на Юкину, но тот держался, будто совершенно ничего не знал. И женщина тоже разговаривала и смеялась с ним, как прежде.

Так женщина, благодаря себе самой, сохранила честь — это весьма отраднo. Но правда и то, что самые горячие клятвы рушатся, когда дело заходит о сердечных влечениях. И brave воин превращается со временем в согбенного старца, вот и Сёдзи Дзиро вдруг ослаб духом, заленился изо дня в день убивать зверей. Его гончие резвились в стае

деревенских собак, знакомым загонщикам уже надоело сидеть без дела. Больше того, он приглашал к себе Юкину и всем сердцем предавался поэзии и природе, воспевал цветы и наслаждался пейзажами.

Как-то, когда никого не было рядом, жена Юкины сказала Сёдзи:

— Похоже, что в прежние времена женскую верность не считали достоинством, однако в последующие эпохи чувство долга восхваляли, и теперь каждая женщина считает мужа своей судьбой — морская трава свиданий в бухте встреч Авадэ растет не для нее. Но если есть у вас желание завязать связь где бы то ни было в другом месте, то я берусь для вас это уладить, ведь у меня дар устраивать брачные союзы.

Сёдзи ответил:

— Я всегда любил охоту, и целые дни провожу в седле, до сих пор у меня не было намерения вступить в брак. Правда, у дайбу^[86] Нисигорино Такамука есть дочь, по слухам, поведения достойного. Он славится знатностью происхождения, и если бы мы породнились, нам обоим не было бы стыдно.

— Я поняла, обязательно сделаю, — кивнула Котё, и Сёдзи Дзиро, обрадованный, вернулся домой.

Когда это дошло до Юкины, он удивился, что жена так легко согласилась все уладить. Жена засмеялась:

— За ответом недалеко ходить. Лекариха Тонэко, которая помогла мне, когда у меня недавно болели глаза, запросто бывает в доме Такамука с тех пор, как вылечила его дочь от глазного недуга. Если потянуть ниточку с этого конца, то едва ли выйдет оплошка. — С этими словами она отправилась в дом Тонэко и попросила ее все устроить.

И вот Тонэко пошла к Нисигори, улучила удобный момент и спросила:

— Не отдадите ли вашу дочь за господина Сёдзи Дзиро Ямагути? Это был бы достойный союз!

Дайбу Нисигори на это сказал:

— Род Ямагути — старинный род, о таком зяте следовало бы только мечтать. Но этот Сёдзи без толку убивает животных, только об охоте и думает. Говорят, никчемный он человек, не лежит у меня к нему душа.

Тонэко возразила:

— Так-то оно так, но нынче он совсем забросил охоту. Он раскаивается в своем прежнем житье и целиком посвятил себя изящным и благородным занятиям, а на охотничье снаряжение и не смотрит.

— В таком случае мне не стыдно взять его в зятя. — Высказав свои намерения, дайбу Такамука обменялся с Сёдзи посланиями и устроил свадьбу несравненной пышности.

С тех пор Сёдзи стал еще приветливее к Юкине и его жене, позаботился, чтоб они не нуждались ни в одежде, ни в пище. Отобрав самого лучшего шелка, Сёдзи послал его Котё на платье, но заводить

новые наряды было не в ее характере, и она послала весь этот шелк Тонэко, чтоб та сделала смену своей старой одежде. «Странная она какая-то, не похожа на других», — говорили люди.

Ну, а в провинции Идзуми жил богатый человек, по имени Томи-но Нацухито, и был он из того же древнего рода, что и Ямагути Сёдзи. Еще его предки строго предостерегали против убийства животных, и Нацухито тоже стоял на том, чтобы всему живому помогать, он и других отвращал от убийства живых существ.

Что же касается его жены, то ее покойную мать выдали замуж в этот дом уже с дочерью, произведенной на свет в доме прежнего супруга. Девочку отдали за Нацухито, и это были, поистине, «супруги со времен первой прически».^[87] Женщина была необыкновенно умна, помогала мужу, вела дом, — словом, лад у них был, как меж рыбой и водой. Если же посчитать, сколько они прожили вместе, то из десяти пальцев на руке будет семь.

И вот на седьмой год, как-то осенью, когда супруги спали один подле другого, мужу во сне приснилось, будто жена так горько говорит ему:

— За эти годы мы друг к другу привыкли... Каким же бессердечием будет покинуть тебя одного на середине пути! И все же, по воле моей матери и ради блага нашего рода, я отправляюсь в дальние края. Мы расстаемся теперь надолго, сохрани же вот эту вещь на память обо мне и научись ею пользоваться. — Обливая изголовье слезами, она встала, посмотрела по сторонам, оглянулась и вышла в боковой флигель.

Очнувшись от сна, он не нашел жены. На изголовье же у нее лежал какой-то незнакомый лук. В досаде он топнул ногой. Лишь то служило ему утешением, что стала она мертвым духом, потухшим огоньком — как вернешь ее, где найдешь ее следы?

Этот день он стал считать поминальным и не забывал устраивать заупокойные службы. Лук же всегда держал возле себя и, взяв в руки утром, не выпускал до вечера — вспоминая о ней, он набивал руку в стрельбе.

Прошло два года, вновь настал тот день того месяца. Он помнил, что в этот самый день она его покинула, и, встав пораньше, навел в доме чистоту, выставил столик с ритуальной трапезой, лук водрузил на место для почетных гостей, сам уселся напротив. И только он принялся за еду, как лук вдруг оделся перьями, обратился в белую птицу и взлетел. Смахнув рукой столик с угощением, он бросился вслед.

Птица летела к югу, и он преследовал ее, не теряя из виду. Когда день склонился к вечеру, он достиг границы провинций Идзуми и Ки. Там, на верхушке большого дерева у дороги сидела белая птица. Он поднял голову, чтобы присмотреться, точно ли это она, — тогда птица слетела вниз, она даже села на плечо Нацухито... и тут снова обернулась луком.

В крайнем изумлении, он усомнился, не сон ли все это, и некоторое время стоял недвижимо. Несколько самураев с заставы подошли к нему, окружили и, обратив внимание на лук в его руках, стали выпрашивать:

— Каким образом попал к тебе этот лук?

Нацухито рассказал все как было, самураи же наотрез отказались принять эти объяснения.

— То, чем ты отговариваешься, слишком странно. В такое трудно поверить. Расскажем-ка обо всем этом прежде господину Сёдзи, и уж тогда будем разбираться, — так они сказали и взяли Нацухито под стражу. Сердце его было беспокойно: что будет?

Ну, а Сёдзи Дзиро не сумел до самого дна очистить свою замутненную душу. Летели дни и месяцы, а его не покидала мысль, что если он сумеет показать во всем блеске свое богатство и положение, жена Юкины на это польстится. Время от времени он приглашал к себе супругов и выставлял напоказ драгоценные изделия, разные сокровища и потчевал их редкого вкуса дарами моря и гор.

Однажды он постарался изо всех сил и выставил особенно богатое угощение, да и женщина явилась тщательно убранная. Гости уже были в главном зале и рассаживались, когда Котё бросила взгляд на нишу в парадной части комнаты. Она увидела разъяренного тигра: мощным своим рыком он, словно порывом ветра, пригибал окрестный тростник, взор его разил наповал. Котё вдруг вскрикнула, выбежала в сад — и тут превратилась в лису. Лиса перелезла через глинобитную ограду и скрылась неизвестно куда.

Юкина был поражен и перепуган, но он только глядел на все это и не кинулся вдогонку, ему было стыдно перед людьми.

Сброшенной кожей лежал ее наряд — и пояс на своем месте... Носки таби так и остались оба рядышком на плетеной ограде террасы, а кругом — россыпью — украшения для волос. От всего этого сжималось сердце. Люди не могли слова вымолвить от изумления и только переглядывались.

Сёдзи Дзиро больше не хотел ничего скрывать, он без утайки рассказал Юкине, как оказался во власти недобрых помыслов, и спросил, откуда взялась эта женщина. Юкина поведал ему следующее:

— Родом жена из дальней стороны. Там ее продали, а мой отец купил и сделал служанкой. Я вступил с нею в связь и отказался от невесты, которую сосватал для меня отец. Вот почему меня выгнали, и пришлось нам скитаться вдалеке от дома.

— Но как же все-таки такое возможно? Конечно, это изображение тигра — настоящий шедевр, собственноручное произведение Кудара-но Кавамуси...^[88] Эту реликвию я получил в подарок от дайбу Такамуки по случаю того, что стал его зятем. Неужели мастерство художника заставило ее испугаться и показать свой истинный облик? — Как раз, когда Сёдзи Дзиро говорил это, пришли люди с заставы и привели

Нацухито с луком. Сёдзи посмотрел, крайне удивился и обратился к Юкине:

— Да, это тот самый чудесный лук, который передается в нашей — семье из поколения в поколение! Мы его почитаем и зовем луком-татоки — заветным луком. Поскольку рукоять его наподобие китайских, его зовут еще тоцука — луком о рукояти. Правда, когда-то люди из нашего рода стали произносить это искаженно: тацука. Когда с этим луком идешь на охоту, ни за что не останешься без добычи. Последнее время я берег его, припрятал подальше и по пустякам не использовал. Ведь я давно уже не убиваю живых существ и даже ларчик с луком не открываю. Однако на днях пришло из столицы распоряжение раздобыть в сопредельных провинциях шкуру белой лисы. Наше семейство славится меткими стрелками, нам и велено выследить старую лисицу. И вот вчера я открыл ларец, а лука не увидел.

Я подумал, не взял ли кто из моих домашних слуг, и поспешил обыскать каждого, но вора не-обнаружилось. Вот говорят, что не стоит верить удивительным историям. Но если возможно то, что сегодня произошло на наших глазах, то утверждать, что чудес не бывает, никак нельзя. Человека этого оставьте здесь, а на его родину пошлите своего слугу, чтоб разузнал о его происхождении и прошлом.

В этот день все разошлись по домам, теряясь в догадках. А ночью Сёдзи во сне явилась Котё и рассказала следующее:

— Моя мать тоже была лисой, но глава клана Томи не раз спасал жизнь всей нашей семье. Чтобы отплатить за добро, мать решила проповедовать традиционное учение рода Томи и образумить стража заставы в Онояме, который погряз в убийстве живых существ. Только сделать ей это не удалось. Чтобы исполнить ее желание, я прежде всего припрятала твой заветный лук, препоручив его Томи-но Нацухито взамен себя самое. Затем я выманила из Ямато Юкину, привела сюда, смутила твою душу и вот наконец прекратила убиение живых существ. Казалось бы, уже исполнилось то, чего я хотела, но ты получил приказ охотиться на белую лису. Что же мне делать теперь?

Судя по разговорам людей, выходит, что белая лисья шкура ценится особенно высоко. Но ведь чтобы ее получить, сшивают куски шкуры с подмышек — цвет-то белый, но материал этот очень тяжел, поверхность у него неровная, он не годится для шитья одежды. А то, что считается, будто белой бывает старая лисица, — так ведь это потому, что у старого зверя шерсть выпадает и кожа блекнет, у такой шкуры красивого вида не будет. Передай это придворным и разъясни им, сколь бесполезна белая лисья шкура.

А твой заветный лук, видно, имеет душу! Даже покинув тебя, он не остался в чужой семье, сам прилетел назад в дом Ямагути. Душа есть и у той картины: тигр грозил мне всерьез, так что мои многолетние чары развеялись. В таких случаях мы бываем бессильны — все решает судьба.

Этой ночью такой же рассказ, слово в слово, слышали во сне и Юкина, и Нацухито, не только Сёдзи Дзиро Ямагути. Так проделки одной лисы стали причиной душевных терзаний троих мужчин, у каждого на свой лад.

Сёдзи Дзиро счел, что все дело в убиении живых существ, и надолго спрятал свой лук в кладовую. Он решил, что знатному человеку не подобает охотиться без пользы и прока, этр не пристало его положению, и закаялся убивать животных. Юкина и Нацухито тоже сбросили наваждение, однако не избавились от привязанности к жене. Привязанность осталась и в сердце Сёдзи, и вот какое он сложил стихотворение:

О луке заветном
С тугой тетивой
Вспомнить горько даже на миг,
А тугую ту тетиву натянуть
У меня и вовсе нет сил.

Юкина, вслед за ним, продолжил:

Лук твой заветный
Стрелы пускает ли, нет ли,
В печали летят мои дни.
О, Белой Птицы застава,
В Кавабэ, в стране Ки!

А Нацухито сложил так:

Хороша в стране Ки
Из холста одежда —
Ею оставленный след...
Реки Ки текут неустанно,
Или то слезы мои?

Обоим не на что больше было надеяться, и они вернулись в свои провинции — Ямато и Идзуми. А заставу в горах Онояма теперь называют еще заставой Белой Птицы. Уж не из-за этой ли истории?

перевод И. Мельниковой

Уэда Акинари

ЛУНА В ТУМАНЕ

РАСПУТСТВО ЗМЕИ

Жил некогда в Мивагасаки, что в провинции Кии, человек по имени Такэскэ Оя. Он был искусен в рыбной ловле, нанимал рыбаков, промыслял рыб с широкими и узкими плавниками, и семья его жила в достатке. Имел он двух сыновей и одну дочь. Старший сын Таро был прост нравом и трудился вместе с отцом. Дочь выдали за человека родом из Ямато, и она уехала к мужу. Младшего сына звали Тоёо. Был он нрава мягкого и изнеженного, любил все изящное и утонченное и нимало не помышлял о делах семьи. Отца это очень заботило, и он не знал, как с ним быть. Если выделить ему долю в хозяйстве, он сразу все разбазарит. Если отдать наследником в бездетную семью, за него придется выслушивать попреки. И отец решил: «Пусть живет как знает, пусть станет либо ученым, либо монахом. Пока я жив, пусть кормится от щедрот Таро, не будем ни к чему его принуждать». Так Тоёо стал ходить в монастырь Нати-но-Сингу, где обучался наукам у настоятеля Абэ-но-Юмимаро.

Раз в конце сентября выдался особенно погожий день, как вдруг с юго-востока надвинулись тучи и пошел мелкий и частый дождь. Тоёо одолжил у настоятеля зонт и отправился домой, но, едва он дошел до холма, с которого открывался вид на сокровищницу храма Асука, дождь полил сильнее, и Тоёо забежал в первую попавшуюся рыбацкую хижину. Престарелый хозяин принял его с почтительными поклонами. «Да никак это сын нашего господина! — сказал он. — Спасибо, не побрезговали моим нищим жильем. Позвольте предложить вам присесть». И старик принялся отряхивать от пыли грязный дзабутон.^[89] «Право, не беспокойся, — ответил Тоёо, усаживаясь. — Я ведь к тебе ненадолго». В это время со двора донесся нежный голос: «Позвольте переждать дождь под вашей крышей». С этими словами в хижину вошла женщина, и Тоёо в изумлении на нее уставился. Лет ей было не больше двадцати, лицом прекрасна и с изящной прической, в шелковом кимоно, украшенном изображениями горных пейзажей. И была при ней опрятного вида девочка-служанка, которая несла какой-то сверток. Обе они насквозь промокли и выглядели весьма плачевно. Увидев Тоёо, женщина покраснела, и в смущении своем она была так благородна и изящна, что у Тоёо сильно забилося сердце. Он подумал: «Если бы эта прекрасная дама жила где-нибудь поблизости, я бы не мог не услышать о ней. Верно, она из столицы, приехала на поклонение в монастырь Нати, и дождь застиг ее во время прогулки по берегу. Как, однако же, она неосторожна, что гуляет одна, без мужчины». Подумав так, Тоёо подвинулся и сказал: «Пожалуйста, подойдите и садитесь. Дождь, наверное, скоро пройдет».

Женщина поблагодарила, села рядом с ним на дзабутон. В хижине было тесно, и они сидели, почти касаясь друг друга. Вблизи она показалась Тоёо еще прекраснее. Невозможно было представить себе, чтобы женщина нашего бренного мира была так красива. Тоёо почувствовал, что сердце его вот-вот выпрыгнет у него из груди. Он сказал: «Я вижу, вы — благородная дама. Объясните же, что привело вас на наши пустынные берега, где бушуют свирепые волны? Вы явились на поклонение в монастырь Нати? Или, может быть, вам захотелось посетить горячие источники в горах? Ведь это о здешних местах сказал древний поэт:

Неужели в пути

Здесь меня дождь застанет?

У переправы Сано,

Возле Мивагасаки,

Хижины нет ни одной.

Поистине эти стихи были сложены в день, подобный сегодняшнему. Ну что же, дождь вы можете спокойно переждать здесь. Это жилище неказисто, но оно принадлежит человеку, которому мой отец оказывает покровительство. Да, где вы изволили остановиться? Я не осмеливаюсь просить разрешения проводить вас, ибо вы сочтете это неприличным, но прошу вас, возьмите хотя бы мой зонтик».

Женщина ответила: «Вы очень любезны. Мне даже кажется, будто ваше горячее участие высушило мою промокшую одежду. Но вы ошибаетесь, я вовсе не из столицы. Я давно уже живу в этих местах. Сегодня была такая хорошая погода, что я решила сходить на поклонение в Нати. Нежданный дождь напугал меня, и я поспешила укрыться в этой хижине. Поверьте, я и не подозревала, что увижу вас здесь. Ну вот, дождь прекратился. Мне пора идти. Мой дом здесь неподалеку». Тоёо попытался удержать ее. «Дождь ведь еще не совсем прошел, — сказал он. — Возьмите хотя бы мой зонтик, потом, при случае, вернете. Где вы изволите проживать? Я пришлю слугу». — «Возле монастыря спросите дом Манаго Агата, вам покажут. Вот и солнце садится. Разрешите поблагодарить вас за доброту, я охотно воспользуюсь вашей любезностью». С этими словами женщина, взяв зонтик, удалилась. Тоёо провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду, а затем одолжил у старика хозяина соломенную накидку и вернулся домой. Образ женщины все стоял перед его глазами, он долго не мог заснуть и забылся только на рассвете. Приснилось ему, будто он отправился к Манаго. Дом ее был огромен и выглядел величественно; ворота были забраны решеткой и завешены бамбуковыми шторами. Манаго сама встретила его. «Я не забыла о доброте вашей, — сказала она, — и ждала вас с любовью. Прощу вас, заходите». И она провела его в комнаты и стала потчевать вином и всевозможными фруктами. Затем,

опьянев от вина и радости, они легли на одно ложе. Но тут взошло солнце, и Тоёо проснулся.

«Если бы это было наяву!» — подумал Тоёо. Сердце его сильно билось. Забыв о завтраке, он словно в тумане вышел из дому. В деревне возле монастыря он спросил, где находится дом Манаго Агата, но никто не мог ему ответить. Минул полдень, а Тоёо все ходил по деревне и спрашивал. И вдруг он увидел девочку-служанку, которая вчера сопровождала Манаго. Он необычайно обрадовался и остановил ее: «Где же ваш дом, девочка? Я ведь пришел за зонтиком». В ответ служанка сказала с улыбкой: «Как хорошо, что вы пришли! Пожалуйте за мной». Она поспешила вперед и через некоторое время сказала: «Здесь». Тоёо увидел высокие ворота и огромный дом. Все, даже бамбуковые шторы на воротах, было точно такое же, как во сне. «Как странно!» — подумал Тоёо и вошел.

Служанка вбежала в дом. «Хозяин зонтика искал вас, и я его привела», — крикнула она. «Где он? Пригласи его сюда», — с этими словами навстречу Тоёо вышла Манаго. Тоёо сказал: «Неподалеку отсюда живет мой наставник господин Абэ. Я обучаюсь у него уже несколько лет. Сегодня по пути к нему я решил зайти к вам за зонтиком. Теперь я знаю, где вы живете, и когда-нибудь зайду еще раз». Но Манаго, не давая ему выйти, сказала служанке: «Мароя, не выпускай его!» И служанка, вцепившись в него, объявила: «Вы настояли на том, чтобы мы взяли ваш зонтик, а мы настоим на том, чтобы вы немного погостили у нас». Подталкивая сзади, она провела его в южную комнату. Там пол был застлан циновками, стояла красивая ширма, висели картины старинных мастеров. Сразу было видно, что дом принадлежит людям не подлого звания.

Манаго, войдя вслед за Тоёо, сказала: «По некоторым причинам в этом доме сейчас никто не живет, и мы не можем угостить вас как подобает. Так позвольте предложить вам простого вина». Мароя подала закуски и фрукты в вазах и на блюдах и вино в фарфоровых бутылках и глиняных кувшинах и наполнила чашки. «Уж не сон ли это опять? — подумал Тоёо. — Жаль было бы проснуться!»

Однако все было наяву, и это показалось Тоёо еще более странным.

Когда и гость, и хозяйка опьянели, Манаго подняла чашку с вином и, обратив к Тоёо свое лицо, прекрасное, как отражение в чистой воде ветки цветущей вишни, заговорила нежным голосом, каким поет соловей в листве, колеблемой весенним ветром: «Не стану я оскорблять богов, тая от вас постыдную слабость. Только не принимайте мои слова за ложь или за шутку. Я родилась в столице, но вскоре отец и мать покинули меня. Воспитывалась и выросла я у кормилицы. Затем меня взял замуж некий Агата, чиновник при правителе этой провинции, и я прожила с ним три года. Этой весной он оставил службу и вдруг занемог и скончался, покинув меня одну в целом свете. Я справилась о кормилице, но мне сообщили, что она постриглась в монахини и

отправилась странствовать. Значит, никого не осталось у меня в столице. Пожалейте же меня! Вчера, когда мы вместе спрятались от дождя, я тотчас же поняла, какой вы добрый и нежный человек, и захотела принадлежать вам до конца дней своих, быть вашей супругой. Так не отталкивайте меня, и закрепим навечно наш союз вином из этих чашек!»

Лишь об этом и мечтал Тоёо после вчерашнего дня, душа его была охвачена любовным смятением, и он весь с головы до ног задрожал от радости. Но он тут же вспомнил, что не волен распоряжаться собой, и при мысли о том, что придется просить дозволения у родителей и у старшего брата, радость его померкла и его охватил страх. Он не мог вымолвить ни слова в ответ. Тогда Манаго смутилась и сказала: «По женскому легкомыслию я говорила глупости, и мне стыдно, что нельзя взять обратно свои слова. Как могла я, бессовестная, навязываться вам, тогда как мне давно уже следовало бы утопиться в море! И хотя мое признание — не ложь и не шутка, прошу вас, будем считать, что оно подсказано мне вином, и поскорее забудем об этом».

Тоёо сказал: «Значит, я не ошибся, когда с самого начала узнал в вас благородную даму из столицы. Я вырос на диком берегу, к которому даже киты подплывают без опасения, так судите же сами, какой радостью были для меня ваши слова! На ваше признание я не ответил только потому, что не волен в своих поступках. Мою жизнь направляют отец и старший брат, и, кроме собственных волос, ничего своего у меня нет. Сегодня я впервые с прискорбием думаю об этом, так как не в состоянии преподнести вам достойные подарки. Но если вы снисходите до меня, я готов служить вам без оглядки. Ведь даже Конфуций, говорят, забыл ради любви и сыновний долг, и самого себя». — «Я тоже бедна, но приходите хотя бы иногда побыть со мною. А сейчас примите от меня этот меч. Мой муж не расставался с ним и говорил, что другого такого меча нет на свете». С этими словами она протянула Тоёо великолепный старинный меч, необычайно острый, отделанный золотом и серебром. Отказаться от первого подарка было бы дурным предзнаменованием; Тоёо принял меч и собрался уходить. Манаго пыталась удержать его. «Останьтесь до утра», — просила она. Но он сказал: «Отец будет бранить меня, если я без разрешения проведу ночь вне дома. Завтра я как-нибудь обману его и приду к вам под вечер».

В эту ночь Тоёо опять долго не мог сомкнуть глаз и уснул лишь на рассвете. Между тем его старший брат Таро встал рано, чтобы выбрать сети. Проходя мимо спальни Тоёо, он заглянул в дверную щель и вдруг увидел, что в изголовье постели лежит меч, сверкающий под слабым огоньком светильника. «Странно! Где он раздобыл это?» — с беспокойством подумал Таро. Он с шумом раскрыл дверь. Тоёо сейчас же проснулся и, увидев старшего брата, сказал: «Вы звали меня?» — «Что это блесит у тебя в головах? — спросил Таро. — Дом рыбаков — не место для такой ценной вещи. Отец увидит и крепко накажет тебя».

Тоёо ответил: «Эта вещь мне ничего не стоила. Ее мне подарили». — «Да где это найдется в наших местах человек, который раздаривает драгоценности? — сказал сердито Таро. — Ты тратил деньги на китайские книги, в которых ничего не понять, — пусть, я молчал, потому что отец молчал. Но теперь ты купил еще и этот меч, — захотелось тебе, верно, красоваться с ним на храмовых праздниках! Да ты что, с ума спятил?» Отец услышал громкий голос Таро и крикнул: «Что он натворил, этот бездельник? Ну-ка, пошли его ко мне, Таро!» — «И где он только купил его? Хорошо ли тратить деньги на ценные вещи, которые под стать разве князьям и военачальникам? Призовите его к себе и строго взыщите. Я бы сделал это и сам, но мне пора выбирать сети». И Таро ушел.

Тоёо позвала мать и сказала: «Зачем ты купил такую вещь? Ты же знаешь, что и рис, и деньги в нашем доме принадлежат Таро. У тебя же ничего своего нет. До сих пор тебе давали полную волю, но где во всем мире найдешь ты пристанище, если Таро на тебя рассердится? Ты ведь изучаешь книги, как же ты не понимаешь всего этого?» Тоёо ответил: «Говорю вам правду, я не купил эту вещь. Мне подарила ее при встрече одна особа. И незачем было брату ругать меня». — «Да за какие же это заслуги тебя наградили такой драгоценностью? — закричал отец. — Как ты смеешь врать? Говори правду, сейчас же!» — «Мне стыдно рассказывать об этом прямо вам, — сказал Тоёо. — Разрешите передать через кого-нибудь». — «Кому же ты хочешь рассказать то, что стыдно открыть родителям и брату?» — в гневе спросил отец, но тут вмешалась жена Таро. «Позвольте мне поговорить с ним, — сказала она. — Ступай в мою комнату, Тоёо». Она успокоила свекра и последовала за Тоёо к себе.

Тоёо сказал ей: «Если бы брат не заметил меч, я и сам потихоньку пришел бы к вам попросить вашего совета. А тут меня сразу принялись ругать. Меч же этот мне подарила одна беззащитная одинокая женщина и попросила моего покровительства. Но что могу сделать я, бедный нахлебник, без разрешения? Мне угрожает изгнание из родительского дома, и я уже горько раскаиваюсь, что был у той женщины. Пожалейте меня, сестра, помогите мне!» Невестка ответила, смеясь: «Мужчина, который ложится в постель один, всегда вызывает жалость. Ничего, не беспокойся. Я постараюсь все устроить». В ту же ночь она рассказала все Таро и добавила: «Разве это не счастье для твоего брата? Поговори же хорошенько с отцом».

Таро нахмурился. «Странно, однако же, — сказал он. — Мне не приходилось слышать, чтобы среди чиновников правителя был какой-то Агата. Наш отец — старшина деревни, и мы не могли бы не знать о смерти такого человека. А ну, принеси-ка сюда этот меч!» Жена принесла меч, и Таро, внимательно его осмотрев, сказал после долгого молчания: «Случилось недавно страшное дело. Господин министр из столицы в благодарность за то, что боги ниспослали ему просимое,

преподнес храму Гонгэн богатые дары. И что же? Эти дары внезапно исчезли из сокровищницы храма неизвестно куда. Настоятель храма пожаловался правителю провинции, и правитель изволил отдать приказ отыскать и схватить вора. Как я слышал, помощник правителя Бунъяно-Хироюки прибыл к настоятелю и сейчас совещается с ним. Меч же этот никак не мог принадлежать чиновнику. Пойду и покажу его отцу». И он отправился к отцу и сказал: «Случилось такое-то и такое-то страшное дело. Как нам поступить?»

Выслушав Таро, отец посинел от страха. «Вот ведь беда на наши головы! — воскликнул он. — Никто из нас в жизни ничего не крал, так за какие же наши грехи внушено было ему такое недоброе дело? Если это дойдет до правителя со стороны, всем нам, наверное, придет конец. И ради наших предков и наших потомков да не будет у нас жалости к преступному сыну! Завтра же донеси на него!»

Дождавшись рассвета, Таро поспешил к настоятелю храма, все рассказал и показал ему меч. Настоятель сказал с изумлением: «Да ведь это меч из даров господина министра!» Тогда помощник правителя объявил: «Надо взять преступника и выяснить, где остальное». Он велел Таро показать дорогу и послал с ним десять стражников. Тоёо, ничего не подозревая, сидел над своими книгами, как вдруг ворвались стражники и навалились на него. «За что?» — вскричал он, но стражники не ответили и крепко его связали. Отец, мать, Таро и его жена не знали, куда деваться от стыда и горя.

«По приказу правителя! Шагай живее!» — с этими словами стражники окружили Тоёо и погнали его в храм.

Помощник правителя, строго глядя на Тоёо, сказал: «Ты обокрал сокровищницу храма. Это неслыханное преступление против законов государства. Куда ты спрятал уворованное? Говори точно и ясно!» Только теперь Тоёо понял, почему его схватили, и, заливаясь слезами, ответил: «Я никогда ничего не крал. Меч я получил при таких-то и таких-то обстоятельствах. Вдова Агаты говорила мне, что этот меч принадлежал ее покойному мужу. Сейчас же потребуйте ее сюда, и вы убедитесь в моей невиновности». Помощник правителя разгневался. «Среди моих чиновников не было никакого Агаты! — крикнул он. — Ты лжешь и этим только отягчаешь свою вину!» — «На что мне так лгать, если я в вашей власти? — возразил Тоёо. — Ведь я прошу вас только, чтобы вы призвали сюда эту женщину». Тогда помощник правителя приказал страже: «Отыскать дом этой Манаго Агата. Взять ее».

Стражников повел Тоёо. Странное зрелище открылось ему, когда они подошли к дому Манаго. Некогда крепкие столбы ворот совершенно прогнили, черепицы крыши растрескались и обвалились, двор зарос сорной травой. Видно было, что в этом доме давно уже никто не живет. Тоёо смотрел и не верил глазам своим. Стражники обошли окрестности и согнали к дому соседей. Соседи — старый

лесоруб, мельник и еще несколько человек, — дрожа от страха, расселись перед домом.

Стражники спросили их: «Кто жил в этом доме? Правда ли, что сейчас здесь живет вдова некоего Агаты?» Вперед выполз старый кузнец и сказал: «Такого имени нам слышать не приходилось. Года три назад жил в этом доме богатый человек по имени Сугури. Он отплыл с товарами на Цукуси, да так и пропал без вести. Домочадцы его разбрелись кто куда, и с тех пор в доме никто не живет. Правда, наш сосед-красильщик рассказывал, что вот этот человек вчера заходил сюда, побыл немного и ушел». — «Раз так, надо все хорошенько осмотреть и доложить господину», — решили стражники. Они распахнули ворота и вошли.

Внутри запустение было еще страшнее, чем снаружи. За воротами оказался обширный сад, мрачный и унылый. Вода в его прудах высохла, засохли водоросли и водяные цветы, в буйных зарослях дикого тростника лежала огромная сосна, поваленная ветром. Когда раздвинули створки парадного входа, из дома пахнуло такой тухлятиной, что все в испуге остановились и попятились назад. Тоёо только плакал, всхлипывая. Тогда один из стражников, храбрец Кумагаси Косэ, сказал: «Идите за мной!» И двинулся вперед, грубо стуча ногами по дощатому полу. Всюду было на вершок пыли. На полу, покрытом мышинным пометом, сидела за ширмой женщина, прекрасная, как цветок. Кумагаси, приблизившись к ней, сказал: «Приказ правителя. Отправляйся с нами не мешкая». Женщина не пошевелилась и не ответила, и Кумагаси уже протянул руку, чтобы схватить ее, как вдруг раздался ужасающий грохот, словно раскололась земля. Никто не успел даже подумать о бегстве, все попадали с ног. Когда они пришли в себя, женщины нигде не было.

В токонома^[90] что-то блестело. Стражники боязливо подошли ближе и поглядели. Там были сокровища, похищенные из храма, — знамена из китайской парчи, узорчатые ткани, гладкие шелка, щиты, копья, колчаны. Забрав все с собой, стражники вернулись к помощнику правителя и подробно доложили о странном происшествии в доме. Помощник правителя и настоятель поняли, что дело это — козни оборотней, и больше Тоёо не допрашивали. Тем не менее его признали виновным. Он был препровожден в замок правителя и брошен в темницу. Богатыми приношениями отец и старший брат искупили вину Тоёо, и через сто дней его выпустили на свободу. Тогда он сказал: «Мне стыдно смотреть людям в глаза. Позвольте мне уехать в Ямато и пожить немного у сестры». — «Пожалуй, после всего, что случилось, ты можешь и заболеть, — согласились родители. — Поезжай и погости там несколько месяцев». И Тоёо отправился в сопровождении верного человека.

Сестра жила в городе Цуба. Она была замужем за торговцем Канэтадой Танабэ. Супруги оба обрадовались приезду Тоёо. Зная о его

злключениях, они жалели его, обращались с ним ласково и уговаривали остаться у них навсегда. Наступил Новый год, пришел февраль. Город Цуба находился неподалеку от храма Хасэ. Храм этот пользовался особыми милостями Будды, слава о нем, как говорили, дошла даже до Китая, и множество паломников стекалось к этому храму из столицы и из деревень. Больше всего их было весной. Все паломники останавливались в городе, в каждом доме пускали на ночлег путников.

Танабэ торговал фитилями для храмовых светильников, поэтому в его лавке всегда было полно покупателей. И вот однажды в лавку зашла необычайно изящная женщина с девочкой-служанкой. Видимо, пришла она на поклонение из столицы. Женщина спросила белил и благовоний, и вдруг служанка, поглядев на Тоёо, воскликнула: «Да ведь здесь наш господин!» Удивленный Тоёо взглянул — это были Манаго и Мароя. «Пропал, пропал совсем», — проговорил он в страхе и спрятался в комнате в глубине дома. «Что это с тобой?» — спросила его сестра, и он ответил: «Явились те самые оборотни! Не подходите к ним!» Он все метался по дому, ища места, где бы спрятаться, а сестра и ее муж в недоумении спрашивали: «Да где они? Кто они?»

Тут вошла Манаго и сказала: «Прошу вас, не пугайтесь! И ты не бойся, муж мой! Подумай, как тосковала я, когда ты попал в беду по моей вине, как я искала тебя, как желала объяснить тебе все и утешить тебя! И как я рада, что зашла в этот дом и теперь снова вижу тебя! Господин хозяин, пожалуйста, выслушайте меня! Если бы я была каким-нибудь оборотнем, разве могла бы я появиться в ясный полдень среди такого множества людей? Взгляните, вот стежки на моей одежде, вот моя тень от солнца.^[91] Поймите же, что я говорю правду, и перестаньте сомневаться во мне!»

Тоёо, собравшись наконец с духом, сказал: «Не лги, ты вовсе не человек. Когда стражники взяли меня и я привел их к тебе, мы все своими глазами видели, что ты сидела одна в своем доме, который за одну ночь пришел в ветхость и запустение и сделался похожим на обиталище злых духов, а когда тебя хотели схватить, с безоблачного неба ударил гром и ты исчезла бесследно. Зачем ты преследуешь меня? Прочь отсюда! Сгинь!»

Манаго со слезами на глазах ответила: «Да, конечно, ты вправе так думать. Но погоди, выслушай меня! Узнав, что тебя взяли под стражу, я обратилась за советом к преданному мне старику соседу. Он быстро устроил так, что дом принял запущенный вид, а грохот, который ты услышал, когда тебя хотели схватить, учинила Мароя. Потом я наняла корабль и уплыла в Наниву. Но я терзалась беспокойством за тебя и решила помолиться в здешнем храме о встрече с тобой. Бесконечной милостью Будды храма Хасэ мое желание исполнилось, счастливая встреча свершилась. Да разве под силу было бы мне, слабой женщине, обокрасть храмовую сокровищницу? Это сделал мой прежний муж,

человек с недоброй душой. Пойми же меня, прими хоть каплю любви, которой полно мое сердце!» Так сказала она и горько заплакала.

Тоёо то сомневался, то жалел ее и не мог сказать ни слова. Однако рассказ Манаго все объяснил, и она была так прекрасна и беззащитна, что супруги Канэтада сказали без колебаний: «Тоёо наговорил здесь невесть какие страхи; этого, разумеется, не было и быть не могло. И подумать только, какой долгий путь заставило вас совершить ваше любящее сердце! Нет уж, хочет Тоёо или не хочет, но вы должны остаться у нас». И они проводили ее в отдельную комнату.

После этого прошел один день и второй день. Манаго, всячески ласкаясь к супругам Канэтада, взывала к их участию. Сила ее чувства тронула их; они принялись уговаривать Тоёо, и в конце концов брачная церемония свершилась. Тоёо тоже отошел душой за эти дни, прелесть Манаго его восхищала. А когда обменялись они клятвами в верности вечной, стал ненавистен им утренний колокол храма Хасэ, что гонит тяжелые тучи, осевшие за ночь на склонах гор Кацураги и Такама, и сетовали они на то, что длинен день и слишком медленно близится миг, когда вновь они смогут соединиться на ложе.

Так шло время, и наступил март. Канэтада сказал Тоёо и его супруге: «Славно сейчас в Ёсино.^[92] Не так, может быть, как столице, но веселее, чем в наших местах. Весной это поистине „Ёсино“ — „долина счастья“. Горой Мифунэ и рекой Нацуми можно любоваться круглый год, и все не надоест, а сейчас они особенно прекрасны. Собирайтесь, поедем туда!»

Манаго, улыбнувшись, ответила: «Даже жители столицы сетуют, что не дано им любоваться видами Ёсино. Ведь „добрые люди хвалой отзывались“, как сказано в „Манъёсю“.^[93] Но я с детских лет всегда тяжело болела в многолюдстве и в дальнем пути и потому, к сожалению, с вами поехать не могу. Отправляйтесь без меня и непременно привезите мне подарки». — «Ты болеешь, наверное, если много ходишь пешком, — возразил Канэтада. — Что ж, хоть и нет у нас колесницы, но мы позаботимся о том, чтобы в пути тебе не пришлось ступить ногою на землю. Смотри, если ты не поедешь, Тоёо будет тосковать и беспокоиться». Тоёо тоже сказал: «Все так добры к тебе, ты должна ехать с нами, даже если тебе станет плохо». И Манаго пришлось отправиться вместе со всеми. Ярко и красиво были разодеты люди в Ёсино, но ни одна женщина не была так прекрасна и изящна, как Манаго.

Они посетили монастырь, с которым дом Канэтада давно уже состоял в дружеских отношениях. Настоятель встретил их приветливо. «Этой весной вы приехали слишком поздно, — сказал он. — Уже и цветы осыпаются, и соловьи отпели. Впрочем, я покажу вам красивые места». И он накормил гостей вкусным, сытным ужином.

На рассвете небо было закрыто туманом, но вскоре прояснело. Храм стоял на возвышенности, и были хорошо видны разбросанные там и сям

домики монахов. Воздух наполнился щебетанием горных птичек, цветущие рощи и цветущие луга мешались между собой. Даже сердца местных жителей пробуждались к радости.

Тем, кто приезжал в Ёсино впервые, прежде всего показывали водопад. Туда и отправились в сопровождении проводника Канэтада и Тоёо с женами. Они долго шли, спускаясь ущельями. С шумом, похожим на стоны, катился водопад на каменные плиты возле развалин старинного дворца. В прозрачном потоке мелькали, стремясь против течения, маленькие форели. Налюбовавшись ими, путники раскрыли коробочки с едой и принялись закусывать, весело беседуя.

В это время на горной тропинке появился какой-то человек. Был это старик, седой как лунь, но еще крепкий телом. Он приблизился к водопаду, увидел путников и остановился, с удивлением вглядываясь. Маного и Мароя сейчас же повернулись к нему спиной, делая вид, будто не замечают его. Старик долго смотрел на них и наконец пробормотал: «Странно, для чего этим оборотням понадобилось дурачить людей? И как смеют они оставаться перед моими глазами?» Едва он произнес это, как Маного и Мароя вскочили и стремглав бросились в водопад. Вода закипела и в клубах пара поднялась к небу; собрались тучи, черные как тушь, и спутанными струями хлынул дождь.

Старик успокоил перепуганных людей и отвел их в деревню. Еле живые, Канэтада с женой и Тоёо забились под карниз бедной хижины. Старик, обратившись к Тоёо, сказал: «Вижу по лицу твоему, что это тебя изводил тот оборотень. Если бы не я, ты бы погиб. Будь же впредь осторожнее». Тоёо, распростершись ниц, рассказал все, как было, и стал жалобно просить: «Спасите меня, спасите!»

Старик сказал: «Сей оборотень есть древняя змея. Нравом она весьма распутна: совокупляясь с быком, родит на свет единорога, а случаясь с жеребцом — порождает змиеконя. Видимо, твоя красота распалила ее, и если ты не остережешься, она выпьет из тебя жизнь». Тоёо и Канэтада с женой решили, что перед ними божество в человеческом образе, и склонились с молитвами. Но старик, засмеявшись, сказал: «Я не бог. Я всего лишь старый Кибито Тагима из храма Ямато. Пойдемте, я провожу вас домой». И они последовали за ним.

На следующее утро Тоёо отправился в храм Ямато. Он почтительно приветствовал старика, преподнес ему дары: три куска шелка и две штуки полотна — и смиренно попросил очищения от скверны. Старик дары принял и роздал их служителям храма, ничего себе не оставив. Затем он сказал Тоёо: «Ты возбудил в ней похоть своей красотой, и потому она тебя преследует. Но и в твоём сердце нет покоя, ибо ты пленился ее нынешним обликом. Если ты скрепишься духом и успокоишься, то не нужна будет тебе моя помощь, чтобы отделаться от этих оборотней. Постарайся же изгнать ее образ из своего сердца». Выслушав поучения старика, Тоёо почувствовал, будто очнулся от

долгого сна, поблагодарил его, вернулся к Канэтаде и сказал: «В том, что меня опутали оборотни, виновата моя несправедливая душа. Мне нельзя больше пренебрегать своим долгом перед родителями и братом и оставаться нахлебником в вашем доме. И хотя доброта ваша ко мне поистине не имеет границ, я должен покинуть вас». И он вернулся домой в провинцию Кии.

Выслушав рассказ Тоёо, отец, мать и Таро с женой поняли, что он ни в чем не виноват. Им было жалко его, а упорство оборотней внушало им страх. Конечно же, все это случилось потому, что Тоёо не женат. И они решили женить его. В деревне Сиба жил человек по имени Сёдзи Сибано. У него была дочь, отданная в услужение во дворец. Срок службы ее истекал, и Сёдзи послал к Оя посредников просить Тоёо к себе в зятья. Дело было доброе, быстро заключили брачный договор.

Отправили в столицу посыльного за невестой. Невеста — звали ее Томико — вернулась домой с радостью. Она прослужила во дворце несколько лет, поэтому манеры у нее были изящные, да и собой она была хороша. При встрече Тоёо остался ею доволен, хотя и не раз вздохнул, вспоминая о том, как любила его змея. В первую ночь ничего не случилось, и говорить об этом не стоит.

Когда же настала вторая ночь, Тоёо, изрядно подвыпив, стал дразнить жену: «Ну что, не противна тебе деревенщина после жизни в столице? Ах ты, бессовестная! Небось во дворце делила ложе с принцами и князьями?» Вдруг Томико, взглянув ему в лицо, сказала: «Нет, это ты бессовестный! Ты забыл старую клятву и даришь любовь недостойной дурнушке!» Голос, несомненно, принадлежал Манаго. Это она была рядом с ним в новом обличье. Тоёо помертвел, волосы его стали дыбом, и он не мог произнести ни слова. Женщина продолжала с улыбкой: «Не удивляйся, муж мой! Слишком быстро ты забыл клятву, данную мне перед морями и горами, но я-то всегда помнила и вот пришла к тебе. А если ты послушаешься чужих людей и будешь пытаться отделаться от меня, я жестоко отомщу тебе. Высоки горы Кидзи, но кровь твоя прольется с их утесов и затопит долины. Страшной смертью умрешь ты». Тоёо только трясся от страха и в душе прощался с жизнью. Тут из-за ширмы вышла Мароя и сказала: «Господин мой, что с вами? Почему вы Не радуетесь своему счастью?» Увидев ее, Тоёо совсем обессилел, закрыл глаза и уткнулся лицом в пол. Ни уговоры, ни угрозы больше не трогали его, и в таком положении, словно мертвый, он оставался до утра.

А утром, выбравшись из спальни, он прокрался к Сёдзи и, оглядываясь, шепотом рассказал: «Случилось такое-то и такое-то страшное дело. Пожалуйста, придумайте, как мне спастись». Сёдзи и его супруга слушали, побледнев от горя и ужаса, затем Сёдзи сказал: «Что же нам делать? Вчера неподалеку отсюда в горном монастыре остановился один монах из столичного храма Курама. Он каждый год

ходил на поклонение в Кумано, и в нашей деревне его знают и почитают.

Говорят, он обладает большой духовной силой, умеет заговаривать чуму, злых духов и саранчу. Давай пригласим его». Спешно послали за монахом, и он явился. Когда ему рассказали, в чем дело, он гордо объявил: «Мне ничего не стоит справиться с этими червями. Прошу только не шуметь». Он сказал это так уверенно, что все сразу успокоились.

Монах распустил в воде красный мышьяк, наполнил им пузырек и направился к спальне. Люди в страхе попрятались кто куда, а монах говорил, посмеиваясь: «Куда же вы? Оставайтесь здесь все, старые и малые! Сейчас я захвачу эту змею и покажу вам!» Но едва он отодвинул дверь спальни, как оттуда навстречу ему высунулась змеиная голова. Какая же она была громадная! Она заполняла всю дверь и сверкала белизной, словно снежный сугроб под солнцем. Глаза ее были как зеркала, рога — как высохшие деревья, огромная пасть была разинута на три сяку, и из нее высывалось кроваво-красное жало. Одного глотка хватило бы ей, чтобы покончить с монахом. «Беда!» — закричал монах. Рука его разжалась и выронила пузырек, ноги подкосились, он опрокинулся на спину и из последних сил ползком выкарабкался из дома. «Страх какой! — проговорил он. — Когда беду насылают боги, разве может что-нибудь сделать монах? Только руки и ноги спасли меня, иначе я бы погиб!» И с этими словами он потерял память. Его пытались привести в чувство, но его лицо и тело покрылись красными и черными пятнами, и он весь горел, как в огне. Видно, ядовитое дыхание змеи обдало его. Пытался он что-то сказать, но только вращал глазами и не мог произнести ни звука. Облили его водой, но ничто не помогло. Он умер.

Гибель монаха всех ошеломила; люди думали, что наступил их последний час, и плакали от страха. Тоёо, немного успокоившись, сказал: «Даже мудрый монах не смог укротить змею. Оборотни упорны в своем намерении завладеть мною, и в этом мире мне от них не скрыться. Нельзя, чтобы из-за меня одного гибли и мучились люди. Больше не старайтесь мне помочь и не горюйте обо мне». И он направился к спальне. «Ты что, с ума сошел?» — закричали ему вслед домочадцы, но он даже не обернулся. Когда кто-то потихоньку приоткрыл дверь и заглянул в спальню, там было тихо. Тоёо и Томико спокойно сидели друг против друга.

Томико сказала ему: «В чем моя вина, что ты подговаривал людей схватить меня? Если ты и впредь будешь воздавать мне злом за любовь, я уничтожу не только тебя, но и всех до единого жителей этой деревни. Изгони же из сердца дурные помыслы и вспомни лучше, как сладко любить меня!» С этими словами она принялась ласкаться к нему. Тоёо, содрогаясь от отвращения, сказал: «Слыхал я такую пословицу — человек не всегда хочет убить тигра, зато тигр всегда

жаждет крови человека. Сердце у тебя не человеческое, а твоя любовь причинила мне уже много горя. Ты злобна и мстительна, за неосторожное слово ты можешь обрушить на меня страшную кару. Но если ты действительно любишь меня, как любят люди, нам нельзя оставаться здесь и держать в страхе хозяев этого дома. Пощади только жизнь Томико, и я готов уехать с тобой, куда ты пожелаешь». Она в ответ обрадованно, кивнула. Тоёо вышел из спальни и сказал Сёдзи: «Это гнусное чудовище не отстанет от меня, поэтому я не могу оставаться у вас и подвергать людей опасности. Отпустите меня, пока не поздно, надо спасти Томико». Но Сёдзи не согласился. «Я все-таки из рода самураев, — сказал он. — Мне будет стыдно перед Оя, если я ничем не помогу его сыну. Попробуем сделать вот что. Есть в храме Додзё в Комацубара настоятель Хокай, человек великой святости. Теперь он уже стар и не покидает своей кельи, но мне он не откажет. Так или иначе он нам поможет». И, вскочив на коня, Сёдзи помчался в Комацубара.

Дорога была дальняя, и Сёдзи добрался до храма только в полночь. Дряхлый настоятель выполз из опочивальни, выслушал Сёдзи и сказал: «Скверное у вас получилось дело. Я, как видишь, совсем одряхлел и не знаю, есть ли во мне теперь прежняя сила духовная. Однако сидеть сложа руки, когда у тебя дома такой несчастье, я не могу. Сейчас ты вернешься домой, а я буду вслед не замешкав». Он достал пропахшую горчицей рясу и протянул ее Сёдзи со словами: «Подкрадись незаметно к чудовищу, накрой его с головой и держи крепко. Да смотри, будь осторожен, оно может удрать. И все время читай молитвы». Сёдзи в радости помчался домой. Подозвав тайком Тоёо, он подробно все объяснил и передал ему рясу. Тоёо спрятал ее за пазуху и пошел в спальню. «Сёдзи меня отпустил, — сказал он. — Мы можем ехать». Едва Томико обрадованно на него взглянула, как он выхватил рясу, накрыл ее с головой и изо всех сил навалился на нее. «Больно, больно! — закричала она. — За что ты меня мучаешь? Мне тяжело, отпусти меня!» Но он сжимал ее под рясой все крепче и крепче.

Наконец прибыл в паланкине настоятель Хокай. Домочадцы Сёдзи извлекли его из паланкина, и он проследовал в спальню. Бормоча про себя молитвы, он отстранил Тоёо и поднял рясу. Томико была без памяти, а у нее на груди неподвижно лежала, свернувшись в кольцо, белая змея в три сяку длиной. Дряхлый настоятель схватил змею и сунул в железный горшок, который поднес ему служка. Затем он опять сотворил молитву, и тогда из-за ширмы выползла маленькая змея в один сяку. Настоятель подхватил ее тоже сунул в горшок, после чего тщательно закутал горшок в рясу. Так, не выпуская горшка из рук, он сел в паланкин. Люди, сложив ладони, низко ему поклонились. Вернувшись в храм, настоятель велел вырыть перед стеной глубокую яму и закопать в ней горшок со змеями и наложил на это место заклятие на вечные времена. Говорят, и сейчас еще есть Змеиный Холм

— Хэбига-Дзука. Что же касается дочери Сёдзи, то она заболела и умерла. А с Тоёо, говорят, ничего худого не случилось...

перевод Р. Зей, А. Стругацкого

Танака Котаро

ЯПОНСКИЙ КАЙДАН

Пора цветения

Стоял теплый весенний вечер; туманная луна заливала окрестности густым серебром. Молодой самурай, живший на берегу реки Эдогава, возвращался домой из родного селения. В гостях он угостился на славу, и жизнь казалась ему прекрасной.

Время близилось к полуночи, но самурай еще не обзавелся семьей, дома его никто не ждал, так что спешить нужды не было. Он брел не торопясь, разглядывая встречных прохожих, особенно женщин, шествовавших в сопровождении челядинцев с зажженными фонарями в руках. У храма Дэнцуин самурай разминулся с совсем юной особой, судя по платью, из городских; ее сопровождала старуха мать. Юноша, замедлив шаг, залюбовался белевшим во мраке девичьим профилем.

В воздухе реяли розовые лепестки цветущей сакуры, иные из них легонько касались щек, и самураю почудилось, что сама ночь гладит его по лицу. Все вокруг — и холмы, и дома, и даже висевший у пояса меч — казалось расплывчатым, зыбким, точно причудливое разноцветное облако, из которого вдруг выглядывали то черный глаз, то белеющее лицо, то изящной формы рука или округлое соблазнительное бедро.

У Горной усадьбы,^[94] где томились узники-христиане, самурай стал спускаться с холма, но вдруг заметил стоявшего возле дерева человека. В ветвях сакуры, густо усыпанных распустившимися цветами, застыла подернутая дымкой луна. Лепестки беззвучным дождем осыпались на замершую фигуру.

Снедаемый любопытством, юноша подошел ближе. Тень двинулась ему навстречу. То была прелестная юная девушка, одетая в темное кимоно. Шелковая ткань мерцала, переливалась в лунном сиянье.

Не иначе как сбился с дороги, решил самурай.

— Что изволит искать госпожа? — вежливо спросил он.

— Сказывали, что у Холма Шести Небесных Сфер живет моя тетушка. Надумала разыскать ее, но тетушки не оказалось на месте,

куда переехала — не ведомо никому... Вот и пришлось возвращаться обратно, да не знаю, куда идти... — печально ответила незнакомка.

— Хм, незадача... — протянул самурай. — Откуда же вы пожаловали сюда?

— Я живу в окрестностях Хамамацу. Была у меня только матушка, но и она умерла... Одна я осталась, оттого и отправилась к тетушке. Она — сестра моему отцу.

— Стало быть, вам неведомо, где теперь ваша тетушка? Скверное дело... — пробормотал самурай, не сводя с девушки глаз.

Девушка казалась очень печальной, но было видно, что она рассчитывает на сочувствие. Самурай ощутил легкий аромат душистого масла, исходивший от ее волос.

— И час уже поздний... — заметил он.

— Да... Одиноких женщин в такой час на постоянный двор не пускают. Что же мне делать?.. Не соблаговолите ли вы дать мне приют — на одну только ночь? Я могу лечь хоть под стрехой... — робея, промолвила девушка.

Такая же мысль пришла в голову и самураю, но привести в дом, где живет одинокий мужчина, совсем юную женщину — неблагоприятное дело.

Он заколебался.

— Вас что-то смущает, — опечалилась незнакомка. — Не откажите в моей просьбе, молю вас!

— Я согласен, да только... Видишь ли, я еще холост, — стыдясь, сказал самурай.

Девушка тоже зарделась, но в черных ее глазах вспыхнула радость. Оба умолкли. С ветвей сакуры, словно бы спохватившись, посыпались лепестки.

Наконец самурай повел девушку вниз по склону.

В заросшей густой травой лощине струилась речушка, через которую был перекинут дощатый мосточек. За ним виднелась выстроенная на холме тюрьма для христиан. У въезда на мост обычно казнили особо опасных преступников.

Обойдя тюрьму стороной, самурай с девушкой зашагали по направлению к Эдогаве. Девушка брела позади и дышала с трудом, видимо, притомилась.

В доме самурая было темным-темно. Оставив гостью у порога, он ощупью отворил дверь и зажег фонарь.

Они уселись лицом к лицу подле горящего светильника.

— Никогда не забуду вашего благодеяния! — промолвила девушка и залилась слезами.

Самурай почувствовал жалость, но к ней примешивалось тщеславное удовольствие.

— Пустое, не стоит благодарить! — сказал он и вышел в соседнюю комнату, чтобы согреть чаю.

Тотчас же за его спиной возникла девушка.

— Позвольте мне, — попросила она и принялась разжигать огонь в очаге.

Когда чай был готов, самурай с девушкой снова уселись перед светильником.

— Простите великодушно, что осмеливаюсь говорить об этом, но, верно, хлопотно для мужчины вести дом без женской подмоги... Дозвольте же мне заботиться о вас! Я ведь уже говорила, одна я осталась теперь. Все едино придется идти в услужение, но, видит бог, плохо женщине скитаться по свету: не ровен час, попадешься в руки какому-нибудь злодею... Как подумаешь о таком, сердце разрывается от тоски. Я не смею становиться для вас обузой, но молю вас, не откажите, дозвольте пожить здесь хотя бы несколько дней...

Самураю понравилась девушка, и ему не хотелось ее отпускать.

— Можешь остаться здесь до тех пор, пока не устроишь свою судьбу, — сказал он.

— Значит, вы вняли моим мольбам? Какое счастье! — воскликнула незнакомка.

Лицо ее прояснилось, глаза засияли. Самурай смотрел на девушку с восхищением.

Ночь не принесла прохлады. Самурай и прелестная незнакомка поставили рядом свои изголовья...

Когда самурай проснулся, уже занимался день. Он потихоньку поднялся, стараясь не потревожить девушку. Красавица спала. Ресницы ее были плотно сомкнуты, бледное лицо дышало безмятежностью.

Юноша вышел во двор через кухню, умылся и снова тихонько приотворил дверь. Девушка все еще спала: должно быть, усталость сломила ее.

Самурай промыл рис, разжег очаг и поставил котелок на огонь. Женщина все спала. С лица самурая не сходила улыбка.

Но вот поспел рис, а гостя не пробуждалась. Дивясь, самурай вошел в спальню: голова незнакомки скатилась с изголовья, лицо покрылось безжизненной бледностью. В растерянности самурай приблизился к девушке и сорвал с нее узорчатое покрывало.

...На ложе лежала одна голова; изголовье было залито кровью.

Самурай бросился прочь из дома, зовя на помощь соседей. Жуткую голову освидетельствовали: выяснилось, что она принадлежала содержавшейся в Горной усадьбе преступнице. Накануне ее казнили у въезда на мост.

То была куртизанка, совершившая тяжкое преступление, и ее надлежало обезглавить еще ранней весной, но девушка умоляла сохранить ей жизнь до тех пор, пока не распустится сакура, росшая у тюрьмы. Власти вняли ее мольбам и отложили исполнение приговора... Чиновники допросили самурая с пристрастием. Он хотел рассказать,

как обстояло дело, но вдруг изменился в лице и с громким воплем: «Смотрите, смотрите! Падают лепестки!» — выбежал на улицу. Его привели обратно, но — увы! Разум его помутился, и юношу пришлось посадить под замок.

...С той поры каждый год, когда наступает пора цветения сакуры, самурай, одержимый недугом, становится беспокоен. Он мечется по комнате, повторяя одно и то же:

— Лепестки, лепестки... Падают лепестки!..

История злого духа

В доме О-Саку было неладно. Кто-то кружился, носился по комнате, разбрасывая разложенные вещи, толкал О-Саку под руку, мешая делать работу, подслушивал, подглядывал, перешептывался и пересмеивался — кто-то, невидимый и загадочный.

О-Саку просто извелась, сама не своя ходила, но поделаться ничего не могла. Как-то ночью проснулась она от громкого плача. Дочка закатилась так, словно ее ущипнули за щеку или дернули за ухо. О-Саку увидела вдруг, как над детской постелькой задрожал призрачный столбик дыма; постоял, извиваясь, стронулся с места и вдруг растаял. О-Саку решила, что узрела нечистую силу, однако поутру, по зрелом размышлении, ночные страхи показались ей просто кошмарным сном.

В другой раз, когда по крыше шуршал мелкий дождь, О-Саку вышла из дому — по нужде — и вдруг словно кто-то прыгнул ей на спину. Она пошатнулась и тотчас же почувствовала облегчение: невидимый груз свалился у нее со спины. Однако она успела почувствовать прикосновение чего-то мохнатого, вроде собачьей лапы.

Однажды вечером О-Саку сварила баклажаны, и только хотела снять котелок с огня, чтобы переложить овощи в деревянную миску, как крышка на котелке сдвинулась, кусочки нарезанных баклажанов взлетели в воздух и сами плюхнулись в миску. От испуга О-Саку даже отпрянула. С ужасом она заглянула в миску — и что же? Миска была пуста, крышка спокойно лежала на котелке.

...Отправилась О-Саку на дальнее поле, работать, и возвратилась уже, когда стало смеркаться. Переступив порог кухни, О-Саку остолбенела: в полумраке соткалась фигура монашка с зажженной веткой в руках. Ноги у О-Саку подкосились, она так и рухнула на пол с младенцем за спиной. Опомнившись, О-Саку вскочила и кинулась прочь из кухни, но глядь — а монашка-то нет! Только потрескивают в очаге подернутые пеплом угли...

Да, завелась в доме О-Саку нечистая сила... О-Саку решила утром же сходить за советом к одному старичку, доводившемуся ей родней, — выучить заклинание. Ночь прошла без происшествий. После завтрака О-Саку отправилась в поле, потом забежала домой, перекусить на дороге,

— и тут у ворот слышалось звяканье колечек на монашеском посохе.
[95] У О-Саку словно камень с души свалился. Схватив из корзинки две просяные лепешки, она выскочила на улицу.

У ворот стоял, бормоча молитву, одетый в лохмотья странствующий монах с серебристо-седой бородой.

— Святой отец! — позвала О-Саку. — Не изволите чаю? У меня и вода уж согрелась! — О-Саку протянула монаху подношение. Монах принял лепешки и опустил их в суму, висевшую у него на груди, затем извлек из нее выщербленную деревянную чашку.

О-Саку налила чаю.

Монах с поклоном принял чашку из рук О-Саку и стал не спеша потягивать чай, глядя на хозяйку.

— Я вижу, тебя мучают оборотни, — заметил он.

— В самом деле, — удивилась О-Саку. — Последнее время здесь творится неладное. Страсть такая, что просто мороз по коже. Терпела, терпела, да вот нынче собралась выучить заклинание.

— Облюбовала твой дом нечистая сила. Но не тревожься, я сейчас все улажу.

— Уж и не знаю, как благодарить, — обрадовалась О-Саку.

— Проводи меня к очагу.

О-Саку отвела монаха на кухню.

Там он достал из дорожной сумы несколько маленьких красных бумажек и, бормоча что-то под нос, швырнул их в пылавший огонь.

Воздух в кухне стал вдруг тугой и звонкий, словно натянулись в нем серебряные нити, и загудело, будто ветер завыл. Бумажные полоски вспыхнули ярким пламенем и сгорели.

— Я изгнал злого духа из твоего дома. Слава Всемилоستивому, он оказался один. Но ровно через восемнадцать лет заклятье может снова войти в силу. На этот случай я оставляю тебе амулет.

Монах достал из сумы небольшую дощечку длиной в один сун и вложил ее в руку О-Саку. На дощечке были вырезаны таинственные письмена.

— Не давай прикасаться к нему чужим людям. Если будут просить показать, — схитри.

О-Саку поклонилась.

— Если через восемнадцать лет заметишь что-нибудь подозрительное, брось амулет в огонь. — И монах исчез, не дожидаясь благодарности О-Саку.

Муж О-Саку скончался, когда родилась дочь. Больше родни у О-Саку не было, и все заботы по дому легли на ее плечи. Одной ей пришлось растить ребенка — прощальный подарок мужа. Но пролетело время, и девочка превратилась во взрослую девушку.

Дочка стала красавицей — так считали все деревенские парни.

И вот как-то осенним вечером в дом О-Саку вошел немолодой, благородной наружности самурай, облаченный в роскошное охотничье платье. Его сопровождала свита из девяти человек с луками и ружьями.

— Простате, что потревожили вас, но наш господин — владелец этих земель. Он желает провести у вас ночь.

Слуга покосился на дочь О-Саку. Рядом с ним стоял его господин.

О-Саку еще не случалось принимать знатных господ, и от замешательства она утратила дар речи.

Но самурай, нисколько не смутясь этим, живо прошел в комнаты, приказал внести в дом угощение и подогреть сакэ. В коробках оказались персимоны и прочая снедь.^[96]

— Подай-ка сакэ! — гаркнул слуга самурая.

Дочь О-Саку, не помня себя от смущенья, исполнила приказание.

— И остальным налей!

Когда господин осушил чару, ее пустили по кругу. Девушка прислуживала, то и дело подливая вино.

Вскоре все опьянели. Самурай посмеивался, скаля белые зубы. О-Саку придвинулась ближе и наставляла дочь, чтобы та не допустила промашки.

— А верно, что некий странствующий монах дал тебе амулет чудодейственной силы? — спросил вдруг один из гостей.

О-Саку кивнула.

— Покажи-ка его!

А у О-Саку уж был припасен поддельный — на случай, если кто станет просить показать. Она встала, сняла с полки дощечку и подала гостям.

— А ну, дай сюда! — Слуги схватили дощечку и поднесли господину.

— Ах вот он какой... Ну, теперь нам нечего беспокоиться.

Самурай усмехнулся, показав зубы, и преспокойно опустил амулет в рукав. Смутное подозрение закралось в душу О-Саку.

— А теперь господин пожелал отдохнуть. Пусть твоя дочь прислуживает ему на ложе! — И слуга снова взглянул на О-Саку. Та растерялась.

— Она... Я...

«Ни за что!» — чуть не вырвалось у нее, но, убоявшись самурайского гнева, она вовремя прикусила язык.

— Ты еще смеешь перечить?! — грозно нахмурился самурайский слуга.

— Да она сущий ребенок! — оправдывалась О-Саку.

— Это может даже ребенок! — захохотали гости.

Девушка хотела бежать, но ее крепко схватили за руку.

О-Саку не помнила себя от ужаса. И вдруг ее словно пронзило: с чего это вдруг самурай положил в рукав амулет? «Через восемнадцать лет заклятие может снова войти в силу!» — вспомнилось ей. В самом

деле, дочке было в ту пору два годика, а теперь — ровно двадцать! А что, ежели самурай — вовсе и не самурай?!

Дочь кричала от страха в цепких руках самурайских слуг. О-Саку вскочила и бросилась к очагу, пытаясь достать из-за пазухи мешочек с чудодейственным амулетом. Но пальцы не повиновались ей, и тогда О-Саку, рванув за шнурок, швырнула в огонь амулет вместе с мешочком.

По комнате закрутился, завертелся вихрь. Гости — и господин, и слуги — вдруг рухнули наземь, словно пораженные громом. О-Саку с дочерью почудилось, что земля разверзлась у них под ногами.

Опомнившись, они увидели чудовищную картину: где только что восседали гости, валялось десять мертвых обезьян. Одна из них, лежавшая там, где сидел господин, оказалась поседевшим от старости обезьяньим вожаком. И мордой он был точь-в-точь давешний самурай.

Белые цветы на красном стебле

Давно это было. В горах Каннон жила одна вдовая женщина с тремя ребятишками...

Случилось это весной. Как-то раз затеяли родственники вдовы, жившие за горой, печь моти — рисовые лепешки — и попросили ее помочь. Женщина встала пораньше и отправилась в путь, оставив дома одних ребятишек.

Старшей дочке было тринадцать годков, среднему сыну — восемь, а самой младшенькой — пять. Уходя из дому, мать наказала:

— Принесу вам подарочек — моти, только ведите себя хорошенько!

— Матушка, — отвечала ей старшая дочь. — Хорошо в родном доме, но слыхала я, что в горах живет страшная ведьма. Коли задержишься дотемна, лучше уж заночуй в гостях.

— Так-то так, и впрямь ведьма страшнющая. Коли уж я задержусь, там и переночую. Но постараюсь все ж таки воротиться до вечера.

Мать приласкала сына и младшую дочку.

— Слушайтесь во всем сестрицу, а я вам лепешечек принесу, полакомитесь вволю. Так не забудьте же: слушайтесь сестрицу!

Целый день вдова усердно трудилась и не заметила, как прошло время: когда собралась она домой, солнце уже угасло. Как только ни уговаривали ее родные: скверно, мол, возвращаться в горах потемну, да беспокоилась женщина за детей; и подарочек — рисовые лепешки — она припасла, хотелось порадовать ребятишек, вот и пустилась она в дорогу, забыв про опасность.

Лунный свет пробивался сквозь облака. Через гору Каннон, где и днем-то не часто встретишь живую душу, вела чуть приметная извилистая тропинка, и женщина, чтобы не сбиться с пути, решила пойти по своим же следам — примятой утром палой листве.

Но не прошла она и трех тѣ, как след вдруг исчез и женщина очутилась в густой чащобе, усыпанной желтыми листьями. Сердце у нее забилось от страха.

Она сделала несколько шагов вправо и наткнулась на прогалину, напоминавшую тропинку, но «тропинка» вскоре свернула и вновь привела ее в заросли. Женщина бросилась назад, однако совсем заплутала.

«Жутко ночью в горах, как бы беды не вышло», — подумала она и решила поворотить назад — дожждаться утра. Она стала поспешно спускаться по склону, но вдруг... Навстречу ей показалась какая-то тень.

Сердце у женщины ушло в пятки. Тень была уже совсем рядом.

Но тут женщина разглядела во тьме старушонку: румяное лицо ее приветливо улыбалось.

— Что ты тут делаешь? — спросила она.

— Сбилась с дороги, — ответила женщина, — и решила поворотить назад.

— Пойдем со мной, — предложила старушка. — Я знаю эти места. Куда тебе надобно?

— Мой дом за горой, — отвечала вдова.

— Тогда идем вместе! Мне тоже туда.

— Вот спасибо, — обрадовалась вдова. — А я уж не знала что делать.

— Тут я пройду и с закрытыми глазами. Не отставай!

Старуха пошла впереди, вдова поспешила следом.

Теперь, когда страхи исчезли, женщина вдруг почувствовала, что продрогла до костей.

— Куда это ты ходила? — спросила, шагая вперед, старуха.

— К родным, помогала печь моти. Говорили мне: «В горах ночью страшно, побудь у нас до утра», — да гостинец несു ребятишкам, рисовые лепешки, вот и спешу, — отозвалась вдова.

— Так у тебя есть лепешки? Прости меня, старую, с утра во рту маковой росинки не было. Дай мне одну лепешечку!..

Лепешки у женщины были завязаны в узелке, узелок — на плече. Маловато лепешечек, но одну, пожалуй, не жалко. Спасибо старухе, дорогу показывает.

— Трое у меня ребятишек, и маловато лепешечек, да поделюсь, спасибо вам за доброе дело. — Женщина остановилась и, прижав узелок к груди, нащупала две лепешки. А старуха уже тянула к ней свою желтую руку.

— Вот спасибо, — прошамкала старушонка и вновь зашагала вперед, жуя на ходу лепешку. Спустя некоторое время она обернулась:

— Дай мне еще лепешечку. В животе совсем пусто, уж ты прости меня, старую.

Женщина готова была убить бесстыжую старушонку, но, побоявшись, что та бросит ее на полпути, достала из узелка еще две лепешки.

— Остальное я отнесу ребятишкам, так что больше дать не могу, не обессудь.

Старуха ласково улыбнулась и пошла дальше. Но вскоре снова остановилась:

— Доченька, уж прости меня, старую, есть больно хочется. Ноженьки не идут...

У вдовы так руки и зачесались.

— И не проси, бабушка! Детишкам несу ведь, ждут не дождутся они...

— Не дашь лепешку, так не пойду вперед! Ноги меня не держат, есть хочется. Дай одну!

Старуха прижала руки к груди. Лицо ее вдруг странно переменялось: теперь, в лунном свете, оно казалось зловещим и безобразным. Женщина безропотно протянула ей две лепешки.

— Все, больше не дам!..

Старуха засунула в рот угощение и зашагала вперед.

Женщина попыталась прикинуть, сколько лепешек еще в узелке. Увы!.. — оставалось всего лишь по две на каждого. Ах, дрянная старуха!

От злости женщина зашагала быстрее, пиная ногами палые листья. Но вот старуха снова остановилась и оглянулась.

— Ох, как есть хочется! Ноженьки не несут, дай-ка еще одну!

— Не могу я, бабушка! Говорю же, детишкам я обещала, ждут они! Старшей тринадцать годочков, сыночку восемь, а самой младшенькой пять; целый день одни дома сидят, ждут, когда мама вернется. Пожалей ты хоть их!

Пеняя старухе, женщина заглянула ей в лицо — и обомлела: глаза старухи сверкали жутким блеском, кроваво-красные губы стянулись в узкую щель.

Женщина так и ахнула. Ведьма!! От страха у вдовы отнялись ноги, и ей вдруг захотелось одним махом перенестись через проклятую гору.

— Послушай, бабушка. Здесь шесть лепешек. Возьми половину, только пойдем поскорей!

Вдова подала старухе три моти. Старуха с жадностью захрустела лепешками, прошла несколько шагов и снова остановилась. Глаза ее горели злобой.

— А ну-ка, дочка, дай мне еще одну!..

Женщине было уже не жаль лепешек. Молча она достала и подала старухе последние моти.

— Бабушка, ну скорее, пойдем же!

Старуха прошла два-три шага и обернулась.

— Еще одну!

— Нету больше, все вышли, — сказала вдова.

— Тогда я проглочу тебя!

Рот у старухи растянулся от уха до уха. Она кинулась на вдову...

Когда наступил вечер, дети сгрудились у дверей и стали смотреть на гору. Солнце садилось, и вершина Акаги, поднимавшаяся за горой Каннон, растворилась во мраке. В окутавшей землю вечерней дымке огни жертвенных лампадок у подножия Каннон засверкали, точно глаза хищных зверей. Детям стало страшно, и они ушли в дом.

Усевшись у очага, они поговорили о матери, но та все не появлялась, и тогда старшая дочь сказала:

— Матушка боится ведьмы. Сегодня она заночует в гостях, а вернется завтра утром. Давайте ложиться спать.

Дети заперли дверь и улеглись у очага.

Поздней ночью в дверь постучали. Старшая дочь открыла глаза.

— Кто там? Кто там стучит?

— Это я, я... — слышалось из-за двери.

«Матушка вернулась», — подумала девочка. Однако тут же ей вспомнилось, что обещала мать. Вряд ли она решится пойти через гору в такой поздний час, испугается ведьмы...

— Матушка, это ты? — спросила дочь, вся обратившись в слух.

— Я... Я... Открой же, открой... Мне холодно...

Девочка поднялась и направилась было к дверям, но помедлила. Нет, матушка как-то не так говорит!..

Глядя на засов, девочка снова переспросила:

— Матушка, это и вправду ты?.

— Я, я! Заждались, поди? Вот я и поспешила вернуться...

— Но ведь ты обещала остаться, если стемнеет!

— Обещать-то я обещала, да уж очень беспокоилась о своих детках, вот и вернулась. Ну, открой же скорей!

«Нет, как-то странно говорит нынче матушка», — насторожилась девочка.

— Да ты ли это, матушка?

— Что ж ты, не слышишь? Открой дверь — увидишь. Ну, отвори!

«И вправду надо взглянуть», — подумала девочка и взялась за скобу, но испугалась: а что если это не матушка, а какой-нибудь оборотень?

— Дай я к тебе прикоснусь, — сказала она. — Тогда сразу пойму, матушка ты или нет.

Девочка просунула руку сквозь щель в двери.

— Что же, потрогай. Вот я!

Девочка невольно отдернула руку: пальцы ее коснулись заскорузлой и грубой кожи.

— Это не матушкина рука! У нее не такие грубые руки!

— Нынче я целый день месила тесто, не успела умыться, вот кожа и загубела. Помою — и будет как прежде. Да погоди, я сейчас!

Женщина отошла от двери, но скоро вернулась:

— Вот, потрогай теперь.

Девочка снова просунула в дырку руку. Рука была мягкая, как у матушки.

— Моя ли это рука?

— Твоя, матушка.

Девочка отворила дверь. Мать вошла в дом и окинула взглядом спавших у очага малышей. Девочка подошла поближе, настороженно вглядываясь в матушкино лицо. В полумраке не разобрать, но вроде похоже на матушку...

— Гостинец принесла вам, рисовые лепешки. Только съедим их утром, когда все проснутся. Я пойду с сестрицей в дальнюю комнату, а ты ложись с братцем здесь.

Девочка так и сделала: легла рядом с братом, а мать ушла с младшей сестрой в дальнюю комнату. Но девочке не спалось. Она все гадала, отчего так странно ведет себя матушка. В это время из дальней комнаты вдруг послышался странный звук, будто кошка или собака обгладывали кость. Девочка вслушалась, похоже, кошка поймала мышь... Но в доме нет кошек... Что же это такое? если матушка — вовсе не матушка?! Чем же она занимается?

Девочке стало страшно за сестру. Она потихоньку поднялась и подкралась к освещенной светильником перегородке. Заглянула в дырочку в бумаге, да так и ахнула: в комнате сидела ведьма! Глаза у нее сверкали. Ведьма засунула сестрину руку в свою мерзкую пасть и хрустела костями.

Девочка от испуга отпрянула. «Если ведьма заметит, конец!» — решила она, потихоньку прокралась назад и легла. Разбудив брата, прошептала ему на ухо:

— Это ведьма обернулась нашей матушкой. Сейчас она доедает сестрицу. Надо бежать! Только если она догадается, непременно поймает. Сделаем так: я притворюсь, что мне надобно по нужде, и улизну. Буду ждать тебя на развилке. А ты выжди немного, и тоже пойди — будто в уборную, — и беги на развилку!

Девочка притворилась, что только проснулась, громко зевнула, покашляла и направилась к двери. Ведьма тотчас же перестала хрустеть.

...Брат сделал так, как его научила сестра. Но только он встал, ведьма спросила:

— Куда это ты собрался?

— Нет мочи терпеть, матушка.

— Подожди, сестрица еще не вернулась.

— Но я не могу!

— Ну ступай. Да возвращайся же поживее и сестрицу с собой приведи!

Брат, дрожа от страха, направился к двери. Переступив порог, он, не чуя под собой ног, помчался к развилке. Небо уже начинало светлеть, редкие звезды сияли ледяным светом.

Девочка поджидала брата у развилки. Взявшись за руки, дети бросились бежать куда глаза глядят. И вдруг сзади послышался жуткий вопль. Брат с сестрой оглянулись: в предрассветных сумерках на дороге показалась ведьма. Руки ее были вытянуты вперед.

Дети побежали дальше.

Дорога привела их в поле, усыпанное белыми как снег цветами. Но вот дорога кончилась: она обрывалась отвесной кручей. Далеко-далеко внизу лежала долина.

Ведьма уже настигала беглецов. Пути к отступлению не было. И тут дети увидели древнюю криптомерию. Больше бежать было некуда, и дети стали взбираться на дерево. Ведьма полезла следом. Дети добрались уже до самой вершины. Оставалось или взлететь, или угодить ведьме в пасть.

— Боженька, если ты есть на свете, помоги нам! — взмолились брат и сестра. И вдруг прямо с небес спустилась длинная цепь. Дети ухватились за цепь и взмыли в воздух.

Увидела это ведьма и завизжала:

— Пусть и мне спустится цепь! Не выпущу девчонку с мальчишкой!

В тот же миг ведьме спустилась цепь. Ликуя, ухватилась она за нее, но цепь порвалась, и ведьма рухнула вниз. Ее кровь забрызгала стебли цветов, но не запачкала белых как снег лепестков.

Вот оттого и стала гречиха красной...^[97]

Проклятие кеты

Река Тонэгава, разделяющая провинции Хитати и Симоса, впадает в море у мыса Инубодзаки.

Давно это было — в те времена, когда еще в Тонэгаву заходила кета... В местечке Ёккайтиба, что близ городка Тёси, жил один бедный рыбак. Когда начинала идти кета, он, забыв про покой и сон, день и ночь промышлял рыбу.

...В тот год в устье реки Тонэгава уже гуляли осенние ветры, по небу неслись хмурые облака. Рыбак достал сеть, хранившуюся в сарае, залатал дыры, обновил порванные веревки и стал ждать, когда пойдет кета. И вот он настал, долгожданный час. Рыбак приготовился бросить сети, как рассветет. Вечером он велел жене приготовить соба — гречневую лапшу, и пропустил две-три чарки сакэ — на счастье. Над стрехой светила одинокая звездочка, в воздухе раздавался писк комаров.

— Завтра, кроме нас, никто не выйдет на лов. Надо не упустить счастье! Много рыбы возьмем, — сказал рыбак жене, поедая лапшу. Ему живо представились запутавшиеся в сетях огромные рыбыны.

— Хорошо бы, да так ли будет... — усомнилась жена.

— Будет хороший улов! — повторил с уверенностью рыбак. — Если нынче не повезет, то когда же еще?

— Рановато для лова.

— Рановато?! Вспомни-ка прошлый год: рыба пошла на десять дней раньше!

Тут им почудилось, будто кто-то вошел в дом. Глядь — и впрямь, у дверей стоял странствующий монах. Яркое пламя сосновых поленьев осветило серое одеяние.

— Да это святой отец! А мы тут с женой решили отпраздновать начало лова. — Рыбак покосился на жену. — Угости-ка, что ли, его лапшой...

Жена положила в чашку немного лапши и подала монаху.

— Благодарю. — Монах поднес миску ко лбу^[98] и присел на край веранды, покрытой бамбуковой плетенкой. — За угощение — спасибо. Только вот что я скажу: откажитесь от вашей затеи. Богомерзкое это дело.

Рыбак рассмеялся.

— Говорите, дурное дело — ловить рыбу? Что же нам делать с женой — с голоду помереть?

— Дурное это дело, — повторил монах, — убивать живых тварей. Вас постигнет страшная кара.

— Отец мой и дед промышляли кету. Вот и я живу этим.

— И все же лучше вам обождать, хоть несколько дней.

— Несколько дней? А разве потом это будет не богомерзкое дело?

— За два-три дня кета успеет пройти, так что грех ваш будет не столь велик.

— Вам, святой отец, ведомо, когда пойдет рыба?

— Да. — Монах кивнул.

— Значит, я не ошибся! — обрадовался рыбак, однако слова монаха засели у него в голове.

Он помолчал. Монах принялся за соба.

— Значит, меня ожидает кара? — переспросил рыбак.

— Страшная кара. Вы низринетесь в Мир скотов и в будущей жизни воплотитесь в собак.

Монах доел лапшу и поставил миску на пол.

Рыбака снедала алчность, однако пророчество монаха изрядно напугало его.

— Может, и впрямь обождать?... — пробормотал он.

— Послушай меня, откажись! Монах дурного не пожелает!..

Рыбак внял совету и решил выждать несколько дней. Монах же, поблагодарив за угощение, ушел.

— Ты что, в самом деле хочешь остаться дома? — холодно усмехнулась жена.

Рыбак посмотрел на нее.

— Так советовал нам монах.

— Ах ты простофиля! Неужто не догадался, что его попросту подослали? Кто-то хочет всю рыбку загрести в одиночку, вот и подговорил монаха, чтоб он наплел тебе невесть что. А ты и уши развесил!

Рыбак почесал в затылке.

— И впрямь... Твоя правда.

— А то как же, уж будь уверен. Иначе откуда монаху известно, когда пойдет рыба?

— И впрямь, — повторил рыбак. — Значит, завтра выходим с рассветом.

— Да уж конечно, — кивнула жена. — И нечего слушать всяких врунов.

Рыбак с женой встали с первыми петухами и бросили сети на самой стремнине. Река кишела шедшей вверх по течению рыбой. Еще не рассвело, а рыбак с женой уже отвели груженную до бортов лодку к дому и, возвратившись, снова взяли богатый улов. Глядя на них, вышли на реку и другие, но никому так не сопутствовала удача.

Вечером рыбак решил купить в лавке сакэ, приготовить закуску и пригласить соседей на угощение. Выбрав несколько рыбин пожирнее да повкуснее, он стал разделявать их.

И вдруг из вспоротого рыбьего брюха посыпалась гречневая лапша. Рыбак вспомнил, как угощал монаха, и у него защемило сердце.

В тот день рыбак заработал целую кучу денег и стал первый на деревне богат. Теперь у него ни в чем не было недостатка, но гречневая лапша, вывалившаяся из рыбьего брюха, не шла у него из головы. Вскоре жена рыбака понесла и летом следующего года разрешилась от бремени девочкой. Дитя родилось некрасивое; мало того, лицо его было усеяно красными, словно рыбы икринки, мелкими пятнами, а волосы завивались в гадкие завитки. Взглянув на уродца, жена рыбака занемогла и вскорости умерла от горя. Рыбаку снова вспомнилось пророчество монаха и клубок гречневой лапши, вывалившийся из рыбьего брюха. С ужасом взирал он на свою безобразную дочь, спавшую на руках у кормилицы.

Богатство рыбака все приумножалось. Дом его был полная чаша. Но ничего он не мог поделаться с уродством собственной дочери. Он был готов пожертвовать богатством — только чтобы его ребенок стал таким же, как все.

Тем временем дочь уже стала девушкой на выданье. Красные пятна у нее на лице разрослись, мелкие кудри сделались огненно-рыжими. Девушка тоже стыдилась своей наружности и день-деньской сидела за ширмой в дальней комнате, не показываясь никому на глаза.

И тут в деревне появился заезжий гадалщик. Внезапно его свалила какая-то хворь, и богач, стремясь милосердием хоть сколько-нибудь искупить свои прегрешенья, взял его в дом и стал ухаживать за больным. Гадалщик оказался хорош собой. Прознав об этом из рассказов служанки, хозяйская дочь воспылала к нему любовью. И вот при содействии той же служанки ей наконец удалось украдкой взглянуть на юношу.

С того дня она стала отказываться от пищи и сидела в комнате, погруженная в тяжкие думы. Богач обеспокоился. Позвав кормилицу со служанкой, он попытался выяснить, что приключилось. Выслушав со внимательностью рассказ служанки, он на другой же день призвал к себе юношу.

— Дочь моя занемогла от любви к вам, — сказал он. — Она безобразна, но в придачу я отдам вам все, что имею. Возьмите ее в жены!

Гадалщику доводилось видеть дочь богача. Но несмотря на все отвращение, он не мог отказать благодетелю. Скрепя сердце юноша дал согласие.

— Значит, по рукам? — возрадовался богач. — Благодарю от всего сердца! Доброе дело нельзя откладывать. Нынче же вечером отпразднуем свадьбу в семейном кругу.

Богач приказал челядинцам убрать гостиную к торжеству. Затем, усадив рядышком дочь и гадалщика, подал им чарки. Жених старался не смотреть на невесту. Та прятала уродливое лицо.

Следуя долгу, гадалщик скрепил союз чаркой сакэ, однако не мог совладать с отвращением.

Дождавшись, пока молодая уснет, он тихонько выскользнул из постели и, приоткрыв ставни, вылез на улицу. Ноги сами несли его к деревушке Кохама. Была осенняя ночь, и луну застилала туманная дымка.

Внезапно гадалщику стало жаль дочь богача. Ему пришло в голову, что бросить женщину, занемогшую от любви, недостойно мужчины. Но лицо ее в красных крапинках и курчавые волосы показались ему не просто уродливыми — они вселяли безотчетный ужас, и юноша не сумел заставить себя повернуть обратно. В то же время мысль о том, как опечалится девушка, обнаружив побег жениха, сковывала его по рукам и ногам. Одолеваемый сомнениями, он наконец добрел до берега смутно белевшей в ночи реки Тонэгава.

Если жена поверит, что муж утонул, то волей-неволей будет вынуждена смириться, подумал он. Решив так, он сделал то, что делает человек, собирающийся войти в воду: разулся и поставил дзори у кромки воды, а сам направился к храму Сэйандзи.

Проснувшись и обнаружив, что гадалщик исчез, дочь богача обыскала весь дом и увидела неприкрытые ставни. Жених сбежал, устранившись от ее уродства, тотчас же догадалась она. Обезумев от горя, она выбежала из дома и заметалась в поисках жениха. К утру дочь богача добрела до реки. Там она увидела стоящие у воды знакомые дзори.^[99] Девушка поняла, что жених утопился от отвращения к ней — и бросилась в волны...

Тело умершей от горя девушки прибило к берегу в устье реки, возле города Тёси. Жители деревни, жалея дочь богача, похоронили останки. Зубы и гребень с цветами, украшавший волосы девушки, положили в могилу рядом с телом и стали поклоняться им. На восточной окраине Тёси за храмом Эмпукудзи стоит на холме часовня, посвященная доброму божеству Кавагути-мёдзин — духу Речного устья. — Но люди прозвали его Хакуси-мёдзин — Бог зубов и гребня.^[100]

Окрестные женщины поклоняются доброму божеству: те, кого неумолимая карма наделила кудрявыми волосами, приносят ему в подношение гребни; другие, чьи лица обезображены пятнами и нарывами, жертвуют богу румяна с белилами, умоляя об исцелении. Говорят, божество милостиво к несчастным.

Легенда гласит, что девушку звали Эммэй-химэ; имя ее жениха — Абэ Сэймэй.^[101] Часовня бога Сэймэя находится близ храма Сэйандзи, и того, кто придет поклониться ему, ожидает богатый улов...

перевод Г. Дуткиной

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

повесть

Санъютэй Энтё

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

Глава 1

Еще когда Токио называли Эдо, одиннадцатого апреля третьего года Кампо^[102] в Юсимском храме было торжество в честь достойной памяти принца Сётоку.^[103] Богомольцев сошлось к храму великое множество, и толкотня была страшная. Неподалеку, в третьем квартале Хонго, была тогда лавка оружейника по имени Фудзимурая Симбэй. Возле выставленного в лавке доброго товара остановился один самурай. По внешности было ему года двадцать два, с лица он был белый, брови красивые, взгляд прямой и смелый, как у человека с несколько запальчивым нравом, волосы уложены строго и аккуратно. Одет он был в прекрасное хаори и отличные хакама,^[104] а обут в кожаные сандалии. Его сопровождал слуга в голубой короткой куртке хаппи,^[105] подпоясанный нарядным поясом, с деревянным мечом, обшитым медью. Поглядев на выставленные мечи, самурай сел перед ними и сказал:

— А ну, хозяин, покажи-ка вон тот меч с черной рукоятью и с гардой из старого заморского железа... шнур у него не то черный, не то синий... Кажется, добрый клинок.

— Сию минуту, — с готовностью отозвался хозяин. — Эй, кто там, подать господину чай!.. Нынче у нас в храме торжество, народ валом валит, вы, верно, совсем замучились от пыли... — Он обтер меч. — Вот здесь отделка немного попорчена.

— Действительно попорчена, — согласился самурай.

— Зато клинок, как сами изволите видеть, хоть куда. Он вас не подведет, если будет у вас за поясом. Товар отменный, что и говорить, из хороших рук вышел... Да вот, извольте сами взглянуть.

С этими словами хозяин протянул меч самураю, и тот принялся его разглядывать. В старину, когда самурай, выбирая себе в лавке оружие, вытягивал его из ножен прямо тут же, на улице, лучше было держаться от него подальше. Что уж тут хорошего, если молодой горячий воин, распалившись душой, принимается вовсю размахивать обнаженным мечом. Но наш самурай был настоящим знатоком оружия. Ему даже не нужно было пробовать клинок на изгиб, чтобы определить, не пережжена ли сталь. Он прежде всего прикинул, как меч будет выглядеть за поясом, попробовал острие, осмотрел головку рукояти и все прочее, — словом, сразу было видно, что он из господ хатамото,^[106] а не из каких-нибудь простых самураев.

— Да, — сказал он, — вещь, кажется, весьма хорошая. Бидзэнской работы,^[107] так ведь?

— Ну и глаз у вас! — воскликнул хозяин. — Я просто в восхищении! Мы, оружейники, тоже считаем, что это меч работы Тэное Сукэсады. К великому сожалению, в те времена он не ставил своего клейма на изделиях.

— И сколько ты за него хочешь, хозяин? — спросил самурай.

— Спасибо, господин, — ответил хозяин. — Запрашивать я не буду. Цена этому мечу была бы очень большая, если бы на нем, как я только что говорил, было клеймо. Но ничего не поделаешь, клейма нет, и я уступлю вам меч за десять золотых.

— Как? — удивился самурай. — Десять рё?^[108] Что-то очень уж дорого. А не уступишь ли за семь с половиной?

— Да ведь я тогда останусь в убытке! Он мне самому достался недешево...

Пока они усердно торговались, какой-то пьяница за спиной самурая вдруг сцепился с его слугой. Схватив слугу за шиворот, он заорал: «Ты как с-смеешь?..» — пошатнулся и упал, шлепнувшись задом о землю. Затем он кое-как поднялся на ноги, исподлобья грозно уставился на слугу и, взмахнув кулаками, принялся его колотить. Слуга терпеливо сносил побои, понимая, что тот дерется спьяна. Он уперся руками в землю и нагнул голову, бормоча извинения, однако пьяница его не слушал, свирепел все больше и бил все сильнее. Самурай, видя, что избивают его слугу Тоскэ, очень удивился, вежливо поклонился пьяному и сказал:

— Я не знаю, какое невежество позволил себе мой слуга, но прошу у вас за него извинения. Простите его, пожалуйста.

— Так этот болван — твой слуга? — вскричал пьяный. — Грубый нахал, мерзавец! Раз уж сопровождаешь самурая, должен, само собой, быть подле него и вести себя тише воды, ниже травы! А он что? Расселся тут возле этой вот пожарной бочки, загородил всю улицу — ни пройти, ни проехать... Пришлось, конечно, ему всыпать.

— Я вас очень прошу, — сказал самурай, — простите этого тупицу. Я сам прошу у вас прощения вместо него.

— Иду это я себе, — продолжал пьяный, — и вдруг — бац! — натыкаюсь. Что такое, думаю, собака, что ли? А тут, оказывается, холуй этот вытянул ноги на всю улицу, а я, извольте видеть, всю одежду из-за него в пыли вывалял! Ах ты, думаю, невежа, нахал! Как ему начал давать. Может, скажешь, нельзя? А ну, подай мне его сюда, я ему еще добавлю!

— Примите во внимание, — терпеливо сказал самурай, — это же тупой и невежественный человек, все равно что собака. Пожалуйста, простите его.

— Вот тебе и на! — завопил пьяный. — Впервые такое слышу! Да где это видано, чтобы самурай разгуливал с собакой? А раз он у тебя все равно что собака, так отдай его мне, отведу его домой и накормлю крысиным ядом... Нет, как ты там ни проси, не будет ему моего прощения. Ведь как хозяин должен просить прощения за невежество своего слуги? Как положено, уперев руки в землю и низко кланяясь, и приговаривать при этом: «Признаю свою вину, очень виноват...» А ты

что? Кто же просит прощения с мечом в руке? Самураи так не поступают. Ты уж не рубить ли меня собрался?

— Да нет же, — сказал самурай, — я покупаю этот меч, и как раз осматривал его, когда вы схватились со слугой, вот и все.

— А мне что до этого? — сказал пьяный. — Какое мне дело, покупаешь ты или нет?

Пьяница бранился, самурай все пытался его образумить, а в толпе зевая, что собрались вокруг них на улице, говорили:

— Ну, сейчас подерутся...

— Что, драка?

— Ух ты, оба же самураи, быть беде...

— И из-за чего это они?

— Да очень просто, ругаются, кому покупать меч, а кому не покупать... Вон тот пьяный самурай приценился первым, да цена высокая, купить не смог, а тут подходит этот молодой самурай и тоже стал прицениваться, ну пьяный и рассвирепел... Как, мол, смеешь, не спросясь меня, прицениваться к вещи, которую я сам хочу купить... Тут все и началось.

— Да совсем не так это было. Здесь ссора из-за собаки. Ты, мол, отравил крысиным ядом мою собаку, так отдавай мне свою, я ее тоже отравлю... Ссоры из-за собак исстари ведутся. Возьмите, к примеру, Сираи Гомпати.^[109] С ним вся эта буча началась после драки за собаку.

— И вовсе не так. Эти самураи — родственники, дядя и племянник. Вон тот, красномордый и пьяный, это дядя, а молодой красивый самурай — его племянник. А ссорятся они потому, что племянник не дает дяде карманных денег.

— Да нет же, просто вора поймали.

— Этот пьяница живет в подворье храма Маруяма Хоммёдзи, — сказал тут один человек. — Прежде он был в вассалах князя Кондэ, но потом сбился с пути, пьянствует и развратничает. Иной раз бродит с мечом наголо по городу, пугает людей, безобразничает. А то ввалится в харчевню, нальется водкой, набьет брюхо закусками, а за деньгами, говорит, приходите ко мне в подворье Хоммёдзи. Зовут этого бесчестного самураи Курокава Кодзо, он привык всюду жрать и пить бесплатно, и к молодому самураю, видно, пристал, чтобы тот купил ему водки.

— Вот оно что! Ну, другой на его месте давно уже зарубил бы этого пьяницу, да молодой самурай на вид что-то немощный, где уж ему рубить!

— Что вы, просто он не умеет фехтовать. Самурай, если он не умеет фехтовать, всегда трус.

Говорилось это все вполголоса, но некоторые слова дошли до ушей молодого самурая. Он так и затрясся от ярости, лицо его покраснело, будто залитое киноварью, на лбу вспухли голубые жилы. Он подошел к пьянице вплотную и сказал:

— Итак, несмотря на все мои извинения, вы не желаете покончить дело миром?

— Заткнись! — заорал пьяный. — Напугал, тоже мне! Ай-ай-ай, как же это вы, ваша милость, такой великолепный самурай, — не знаю только, прямой ли вы вассал дома сёгуна или изволите принадлежать к какому-нибудь иному могучему клану, — как же это вы унизились до презрения к бедному ронину? Ну а если я и не желаю покончить дело миром, что ты сделаешь? — И с этими словами он харкнул молодому самураю прямо в лицо.

Тут уж терпение молодого самурая окончательно лопнуло. Лицо его исказилось гневом.

— Подлая тварь! — закричал он. — Ты посмел плюнуть в лицо самураю?! Ну ладно, я был с тобой учтив, я хотел разойтись с тобой по-хорошему. Не хочешь? Получай!

Рука его рванулась к рукоятке бидзэнского меча. Миг — и блестящее лезвие сверкнуло перед самым носом пьяницы. Толпа зевак испуганно раздалась. Никто не ожидал, что этот слабый на вид юноша обнажит меч.словно осенние листья под ветром, все бросились врассыпную, вопя и причитая, спеша укрыться в домах и переулках. Торговцы поспешно позакрывали свои лавки, и кругом воцарилась тишина. Один лишь оружейник Фудзимура, которому бежать было некуда, ни жив ни мертв остался сидеть на месте.

Курокава Кодзо был пьян, да ведь всем известно, что вино обнажает суть человека. Устрашенный блеском меча, он повернулся и, пошатываясь, побежал. Самурай бросился его догонять, шлепая по пыли кожаными сандалиями. «Стой! — кричал он. — Трус! Хвостун! Позор воину, который показывает противнику спину! Стой! Вернись!» Тогда Кодзо понял, что ему не убежать. Он остановился, ноги его тряслись. Он схватился за облезлую рукоять своего меча и обернулся. В то же мгновение молодой самурай набежал на него и, пронзительно вскрикнув, глубоко погрузил меч в его плечо. Кодзо со сдавленным воплем упал на одно колено. Стоя над ним, молодой самурай вновь ударил его, разрубив левое плечо до самой груди. Двумя косыми ударами Кодзо был разрублен на три части, словно рисовая лепешка. Молодой самурай быстро нанес точный завершающий удар и, помахивая окровавленным мечом, вернулся к лавке Фудзимура. Он был совершенно спокоен — ведь противник сам накликал на себя гибель.

— Возьми меч, Тоскэ, — сказал он слуге, — и смой с него кровь водой из этой бочки.

Тоскэ, который все это время трясся возле лавки, проговорил с помертвелым от страха лицом:

— Вот ведь беда какая, и все из-за меня... Что, если при расследовании этого дела выплывет ваше имя, господин? Что мне тогда делать, как оправдаться?

— Пустяки, — сказал самурай ласково, — не волнуйся, бояться нечего. Что с того, что я зарубил негодяя, державшего в страхе весь город! — Затем он подозвал ошеломленного Фудзимураю и приветливо сказал ему: — А знаешь, хозяин, я и не думал, что меч так хорош. Рубит превосходно. Более чем превосходно.

Хозяин, дрожа всем телом, отозвался:

— Да нет, дело тут не в мече, это все ваше мастерство...

— Мастерство мастерством, — возразил самурай, — а меч замечательный. Ну что ж, если уступишь мне его за семь рё и два бу,^[110] мы поладим.

— Уступаю, пожалуйста, — с готовностью согласился Фудзимураю, который страсть как не хотел быть замешанным в эту историю.

— Не бойся, — сказал самурай, — твою лавку не потревожат. Но сообщить обо всем городской страже необходимо как можно скорее. Подай мне тушечницу, я напишу тебе мое имя.

Тушечница стояла тут же, рядом с хозяином, но хозяин, в смятении своем не замечая ее, дрожащим голосом закричал: «Эй, мальчик, принеси тушь!» Никто, однако, не отозвался, в лавке было тихо, потому что все домочадцы с самого начала разбежались и попрятались кто куда. Самурай заметил:

— А ты, хозяин, молодец, вел себя достойно, остался, лавку не бросил.

— Напрасно изволите хвалить, — пробормотал хозяин. — Как мне было сбежать, когда у меня ноги со страху отнялись...

— А тушечница ведь подле тебя, — сказал самурай.

Тогда хозяин заметил наконец тушечницу и поставил ее перед самураем. Самурай открыл крышку, взял кисть и бегло написал иероглифы своего имени: «Иидзима Хэйтаро». Сообщив затем о случившемся городской страже, он направился к себе домой в особняк на Усигомэ,^[111] где подробно рассказал все почтенному отцу своему господину Иидземе Хэйдзаэмону. «Ты поступил правильно», — сказал господин Хэйдзаэмон и сейчас же пошел доложить об этом деле начальнику хатамото превосходительному Кобояси Гондаю. Дело было оставлено без последствий, победитель был объявлен правым, а побежденный признан виноватым.

Глава 2

Итак, Иидзима Хэйтаро, двадцати двух лет от роду, зарубил наглого негодяя, выказав при этом отменную смелость и присутствие духа. Шли годы, он набирался знаний и мудрости, а когда скончался почтенный отец его, к Хэйтаро перешел по праву наследования родительский дом,

и он принял родительское имя, став отныне Иидзимой Хэйдзаэмоном. Потом он женился, взяв за себя дочь хатамото из Суйдобата, по имени Миякэ, и вскоре у него родилась девочка, которую нарекли О-Цую. Была она на диво хороша собой, и родители души в ней не чаяли, тем более что больше детей у них не случилось, холили и нежили ее всячески.

Дни и месяцы бегут, не зная застав, и вот уже О-Цую встречает свою шестнадцатую весну, а дом Иидзимы стал полная чаша.

Но так уж повелось в этом мире, что где прибавляется, там и убавляется. Супруга Иидзимы вдруг захворала и отправилась в путешествие, из которого не возвращаются. Между тем в свое время она привела с собой в дом мужа служанку по имени О-Куни, девушку красивую и весьма расторопную, и вот после смерти супруги господин, наскучив одиночеством в постели, однажды приблизил эту О-Куни к себе, и кончилось дело тем, что стала она его наложницей. Наложница господина в доме, где нет законной супруги, — персоне видная. Барышня же О-Цую возненавидела ее, и между ними пошли раздоры. Барышня пренебрежительно звала бывшую служанку просто Куни,^[112] а та со злости нашептывала господину про его дочь всякие гадости. Не было конца этой вражде, и тогда раздосадованный господин Иидзима купил неподалеку от Янагисимы небольшое поместье и переселил туда барышню на отдельное жительство со служанкой О-Юнэ.

Так он совершил ошибку, с которой началось падение его дома. Минул еще один год, и барышне исполнилось семнадцать лет.

К господину Иидзиме часто заходил лекарь по имени Ямамото Сидзё. Считался он знатоком древней китайской медицины, на деле же был из тех лекарей-болтунов, что ни разу в жизни своей не подали болящему ложки с лекарством. У других лекарей в сумках пилюли и порошки, а у этого только костяшки для фокусов да бумажные шутовские маски. И был у него знакомый, ронин Хагивара Синдзабуро, живший на доходы с рисовых полей в Нэдзу и домов, которые он сдавал внаем. Природа наделила его прекрасной наружностью, но в свои двадцать с лишним лет он еще не был женат и, не в пример всем прочим холостым мужчинам, был крайне застенчив и робок. По этой причине он никуда не выходил, а целыми днями сидел взаперти у себя дома над книгой, погруженный в меланхолию. В один прекрасный день Сидзё явился к нему и объявил:

— Погода сегодня прекрасная, предлагаю прогуляться по сливовым садам в Камэидо. На обратном пути заглянем в усадьбу одного моего знакомого, Иидзимы Хэйдзаэмона. Нет-нет, не отказывайся. Я знаю, ты застенчив и сторонись женщин, но ведь нет для мужчины большей радости, нежели женщина! А в этой усадьбе, о которой я говорю, одни только женщины — миленькая барышня да ее добрая верная служанка, больше никого нет. Зайдем хоть шутки ради! Знаешь, на девичью красоту полюбоваться просто — и то уже утешительно. Хороша цветущая слива, спору нет, но она неподвижна и молчит, а женщина

пленяет нас и речью, и движениями. Я вот человек легкомысленный, мне подавай женщину... В общем, собирайся, пошли.

Так или иначе, лекарю удалось уговорить Хагивару. Они отправились в Камэидо, погуляли по сливовым садам, а на обратном пути завернули в усадьбу Иидзимы.

— А вот и мы! — крикнул у калитки Сидзё. — Разрешите!

— Кто это? — отозвалась из дома Юнэ. — Ой, да это господин Сидзё! Добро пожаловать!

— Здравствуйте, госпожа О-Юнэ, — сказал Сидзё. — Низжайше прошу прощения, что столь долго не навещал вас. Барышня, надеюсь, здорова? Превосходно. Нелегко, однако, стало добираться до вас, с тех пор как вы переселились сюда из Усигомэ! Но все равно это непростительная небрежность с моей стороны.

— Вы у нас так давно не были, — сказала Юнэ. — Мы уж решили было, что с вами что-нибудь стряслось. Мы ведь вас частенько вспоминаем. А куда это вы сегодня ходили?

— Поглядеть на цветущие сливы в Камэидо, — ответил Сидзё. — Но, знаете ли, недаром говорят, что любоваться цветущей сливой можно без конца. Мы так и не нагляделись и просим разрешения побыть среди цветущих слив в вашем саду.

— Пожалуйста, сколько угодно! — воскликнула Юнэ, отворяя калитку в садик. — Мы будем только рады... Проходите, пожалуйста.

— Вы очень добры.

Приятели прошли в садик. Юнэ, нисколько не стесняясь, заметила:

— Можете и покурить здесь... Право, — как приятно, что вы вздумали сегодня навестить нас. Мы с барышней совсем истомились от скуки. А теперь простите, я на минутку оставляю вас.

— Превосходный дом... — сказал Сидзё, когда Юнэ ушла. — Кстати, мой благородный друг Хагивара, меня поразила тот изысканный стих, который ты сложил сегодня. Как это там у тебя... Э-э...

Огня до трубки

Не донесет моя рука

Средь сливовых ветвей...^[113]

Очаровательно! А у грешников вроде меня и стишки получаются грешные:

А у меня иное на уме,

Когда хвалю я сливу,

Другой меня притягивает запах...

Каково? Нет, ты просто невозможен. Ну куда это годится — пребывать в постоянной меланхолий и ничего, кроме книг, не замечать? — Тут Сидзё извлек тыквенную бутылку. — Здесь осталось

еще немного водки, глотни... Что? Не хочешь? Ну, как хочешь, тогда я сам.

Но в это время появилась Юнэ с угощением.

— Извините, я оставила вас одних, — сказала она.

— Госпожа О-Юнэ! — провозгласил Сидзё. — Мы просим разрешения лицезреть барышню! Это мой ближайший друг, рекомендую. Мы к вам сегодня запросто, без гостинцев, так что... О, сладости! Какая прелесть. Благодарю от души. Хагивара, отведай. Бобовая пастила просто превосходна!

Когда Юнэ разлила чай и снова удалилась, Сидзё сказал:

— Ты угощайся, ешь больше. Этим ты только окажешь им услугу. Их в доме всего двое, а сладостей и всяких других гостинцев им приносят столько, что съесть они все равно не в состоянии. Добро портится, заводится плесень, хоть выбрасывай. А барышня здешняя такая красавица, какой нигде в мире не найдешь. Вот она сейчас выйдет, сам убедишься...

Пока Сидзё разглагольствовал, О-Цюю, дочь Иидзимы, томимая любопытством, выглянула из своей маленькой комнатки в щелку между раздвинутыми сёдзи и увидела прекрасного Хагивару Синдзабуро. Он сидел рядом с Сидзё, мужественный и изящный, лицом подобный цветку, с бровями, как месяц, красавец мужчина, от которого глаз не оторвать, и сердце О-Цюю затрепетало. «Да каким же ветром занесло его к нам сюда на мою погибель?» — подумала она. У нее закружилась голова, и мочки ушей вспыхнули алым пламенем. Ни с того ни с сего ею овладел страх, она быстро захлопнула сёдзи, как бы желая спрятаться, но так ей не было видно его лица, и она снова раздвинула сёдзи, притворяясь, будто любуется цветущими сливами в садике, бросила украдкой взгляд на Хагивару, снова застыдилась и спряталась и снова выглянула. Так она выглядывала и пряталась, пряталась и выглядывала, — не зная, на что решиться.

— Послушай, Хагивара, — сказал Сидзё, — ведь барышня с тебя глаз не сводит! Посмотри, притворяется, будто смотрит на сливы, а глядит все время сюда! Ну, друг мой, сегодня ты меня обскакал, ничего не попишешь. Вот опять спряталась... Опять выглянула... То спрячется, то выглянет, то выглянет, то спрячется, ну ни дать ни взять баклан на воде — то нырнет, то вынырнет!

Сидзё уже орал во весь голос. Юнэ принесла вино и закуски.

— Барышня просит вас принять угощение, — сказала она. — У нас, правда, все простое, без разносолов, но барышня надеется, что вы останетесь довольны и, как всегда, потешите ее своими шутками.

— Помилуйте, сколько беспокойства... — сказал Сидзё. — Что это, суп? Замечательно. И подогретая водка? Отлично. Холодная у нас еще осталась, но подогретая куда лучше. А нельзя ли попросить к нам барышню? Ведь, говоря по правде, мы к вам сегодня не из-за цветущей сливы вовсе, а из-за барышни... Что? Нет-нет, я ничего.

Юнэ расхохоталась.

— Я ее уже звала выйти, а она сказала: «Я не знакома с приятелем господина Сидзё, и мне неловко». Я ей говорю: «Тогда, конечно, не выходите». А она и говорит: «Выйти все-таки хочется».

— Да что вы! — воскликнул Сидзё. — Это же мой самый близкий приятель, друг детства, можно сказать, мы с ним чуть ли не в лошадки вместе играли. Зачем же его стесняться? Мы ведь и пришли, чтобы хоть одним глазком взглянуть на нее!

После долгих уговоров Юнэ все-таки вывела барышню к гостям. Барышня О-Цую едва слышно поздоровалась с Сидзё и, застыдившись, присела позади служанки. Она словно прилипла к Юнэ и всюду ходила за ней по пятам.

— Простите, что так долго не был у вас, — обратился к ней Сидзё. — Приятно видеть вас в добром здравии. Разрешите представить вам моего приятеля. Он холост, и зовут его Хагивара Синдзабуро. А теперь давайте в честь нового знакомства обменяемся чарками... Вот так. Ого! Ни дать ни взять брачная церемония! Только там обмениваются трижды три раза...

Сидзё сыпал словами без передышки. Между тем барышня, стыдясь и радуясь одновременно, то и дело незаметно поглядывала на Хагивару Синдзабуро. Известно, однако, что любовь говорит глазами не хуже, чем языком, и вот Синдзабуро, глядевший как замороженный на прелестную девушку, ощутил, будто душа его вырвалась из тела и уносится в небеса. Так они сидели, а тем временем спустились сумерки, настало время зажигать огни, но Синдзабуро и не заикался о возвращении домой. Наконец Сидзё спохватился:

— А мы изрядно засиделись, пора и честь знать.

— Ну что вы, господин Сидзё, — возразила Юнэ. — Может быть, ваш товарищ еще не собирается уходить, почем вы знаете? И вообще, оставайтесь у нас ночевать!

— Я с удовольствием, — поспешно сказал Синдзабуро. — Я могу остаться.

— Итак, — вздохнул Сидзё, — я навлекаю на себя всеобщее осуждение. Впрочем, как знать, истинная доброта, возможно, в этом и состоит! Все-таки на сегодня довольно, давайте прощаться.

— Простите, — сказал Синдзабуро, — нельзя ли мне в уборную?

— Пожалуйста, — сказала Юнэ и повела его в дом. Когда они проходили коридор, она показала: — Здесь комната барышни, можете потом зайти и покурить.

Синдзабуро поблагодарил. Вернувшись в садик, Юнэ шепнула О-Цую:

— Когда он выйдет, полейте ему воды, пусть помоеет руки. Вот вам полотенце.

Она протянула барышне чистое полотенце. «Это доставит ей удовольствие, — сказала она про себя, — кажется, он очень ей

понравился». Так верность, не знающая меры, оборачивается подчас предательством. Юнэ в голову никогда бы не пришло подбить свою молодую хозяйку на беспутный поступок, она думала только о том, чтобы угодить хозяйке, развлечь ее немного — ведь барышня не знала в жизни никаких удовольствий и проводила дни в грусти и унынии.

А Хагивара, выйдя из уборной, увидел перед собой барышню, державшую в руках ковшик с теплой водой. Она была так смущена, что не в силах была выговорить ни слова. «Спасибо большое, — пробормотал Синдзабуро, — вы очень любезны». Он протянул к ней ладони, и барышня, у которой от стыда потемнело в глазах, принялась лить воду мимо его рук. Гоняясь за струей воды, он кое-как обмыл руки, но теперь барышня, оробев, нипочем не хотела расстаться с полотенцем. Синдзабуро, не спуская глаз с прекрасной девицы, потянул полотенце к себе. Она в смятении не отпускала. Тогда он с превеликой робостью пожал через полотенце ее руку. Знали бы вы, какая нежность была заключена в этом пожати! Барышня, покраснев как маков цвет, ответила ему.

Между тем Ямамото Сидзё, обеспокоенный долгим отсутствием приятеля, заподозрил неладное.

— Куда это запропастился Синдзабуро? — сказал он сердито и поднялся. — Ведь нам пора идти.

— Ой, что это? — воскликнула Юнэ, чтобы отвлечь его внимание. — Да у вас голова блесит!

— Это потому, что вы смотрите на нее при свете фонаря, — объяснил Сидзё. — Хагивара! — заорал он. — Эй, Хагивара!

— Перестаньте, — укоризненно сказала Юнэ. — Ничего дурного не случится. Вам же известен характер нашей барышни, она у нас нрава строгого...

Тут наконец появился Синдзабуро.

— Где это ты пропадал? — сказал Сидзё и повернулся к Юнэ. — Нам пора, разрешите откланяться. Сердечно благодарим за угощение.

— Что ж, до свидания, — сказала Юнэ. — Жаль, конечно, что вы так торопитесь...

Сидзё и Синдзабуро пошли домой. В ушах Синдзабуро ни на минуту не смолкали слова, которые с большим чувством прошептала ему при расставании О-Цюю: «Если вы не вернетесь ко мне, я умру».

Глава 3

В доме Иидзимы, где теперь безраздельно хозяйничала О-Куни, наложница господина, взяли нового слугу, дзоритори^[114] по имени Коскэ, красивого белолицего парня лет двадцати двух. Как-то раз, двадцать

второго марта, господин Иидзима, который был в тот день свободен от дежурства при дворе сёгуна, вышел в сад, и тут Коскэ впервые попался ему на глаза.

— Эй, малый! — позвал Иидзима. — Это тебя зовут Коскэ?

— Желаю здравствовать, ваша милость, — сказал тот. — Да, меня зовут Коскэ, я ваш новый слуга.

— О тебе хорошо отзываются, — заметил Иидзима. — Говорят, что ты усерден не за страх, а за совесть, и все тобой довольны, хотя ты у нас недавно. На вид тебе года двадцать два... Право, такого парня жаль держать на должности простого дзоритори.

— Я слышал, — вежливо сказал Коскэ, — что в последнее время ваша милость были не совсем здоровы. Надеюсь, вы поправились?

— Твоя заботливость мне по душе. Да, я вполне здоров. Между прочим, ты где-нибудь служил до сих пор?

— Да, ваша милость, я служил в разных местах. Сначала я поступил в услужение к торговцу скобяными изделиями в Юцуя, пробыл у него год и сбежал. Затем я поступил в кузницу на Симбаси и сбежал оттуда через три месяца. После этого я нанялся в книжную лавку, что в Накадори, и ушел из нее на десятый день.

— Если тебе так быстро надоедает служба, — усмехнулся Иидзима, — то как же ты сможешь служить у меня?

— У вас мне не надоеет, ваша милость, — возразил Коскэ. — Я ведь всегда мечтал поступить на службу к самураю. У меня есть дядя, и я просил его устроить меня, но он считает, что служить у самурая чересчур тяжело. Он убеждал меня служить у торговцев и ремесленников, старался, устраивал меня, а я со злости уходил отовсюду.

— Но почему ты хочешь служить именно у самурая? Служба эта действительно тяжелая и строгая!

— В услужении у самурая, ваша милость, — ответил Коскэ, — я надеялся научиться фехтованию.

— Тебе так нравится фехтование? — удивился Иидзима.

Коскэ сказал:

— Мне стало доподлинно известно, что господин Курихаси с улицы Бантс и ваша милость являетесь признанными мастерами старинной школы «синкагэ-рю»,^[115] и я решил во что бы то ни стало поступить на службу в один из этих домов. Мое желание исполнилось, я стал вашим слугой и возношу благодарность за то, что мои молитвы были услышаны. Я поступил к вам в надежде, что, может быть, ваша милость согласится в свободное время хотя бы понемногу учить меня искусству фехтования. Я надеялся, что в доме есть молодой господин и я, ухаживая за ним, буду наблюдать со стороны за его упражнениями и смогу усвоить хотя бы некоторые выпады. К сожалению, молодого господина не оказалось. Есть всего лишь барышня, дочь вашей милости, жить она изволит в усадьбе в Янагисиме, и ей семнадцать лет.

Как хорошо было бы, если бы в доме жил молодой господин! Ведь барышня в доме самурая все равно что навоз!

Иидзима рассмеялся.

— А ты, однако, нахал, — сказал он. — Впрочем, ты прав. Женщина в доме самурая действительно все равно что навоз.

— Простите великодушно, — смущенно сказал Коскэ. — Я забылся и наговорил неприличных слов... Но, ваша милость, скажите, могу ли я надеяться, что вы согласитесь в свободное время, как я сейчас говорил, наставлять меня в фехтовании?

— Видишь ли, — ответил Иидзима, — недавно я получил новую должность, и у меня теперь по горло всяких дел, да и площадки для фехтования у нас нет. Впрочем, как-нибудь на досуге мы займемся... А чем торгует твой дядя?

— Он мне не родной, — сказал Коскэ. — Просто он был поручителем за отца перед хозяином нашего дома и взял меня в племянники.

— Вот как... А сколько лет твоей матушке?

— Матушка оставила меня, когда мне было четыре года. Говорили, что она уехала в Этиго.

— Какая же она бессердечная женщина, — сказал Иидзима.

— Это не совсем так, ваша милость. Ее вынудило к этому дурное поведение отца.

— А отец твой жив?

— Отец умер, — грустно ответил Коскэ. — У меня не было ни братьев, ни других родственников, и позаботиться обо мне было некому. Наш поручитель, господин Ясубэй, взял меня к себе и воспитывал с четырех лет. Он относится ко мне как к родному... А теперь я слуга вашей милости и прошу не оставлять меня своим вниманием...

Из глаз Коскэ закапали слезы. Иидзима Хэйдзаэмон тоже заморгал.

— Ты молодец, — сказал он. — Ты заплакал при одном упоминании о родителях, а ведь в твои годы многие забывают годовщину смерти отца. Ты верен сыновнему долгу. Так что же, отец твой скончался недавно?

— Отец скончался, когда мне было четыре года, ваша милость.

— О, в таком случае ты, наверное, совсем не помнишь своих родителей...

— Совсем не помню, ваша милость. Я узнал о них от дяди, господина Ясубэя, только когда мне исполнилось одиннадцать лет.

— Как же умер твой отец?

— Его зарубили... — начал было Коскэ и вдруг громко разрыдался.

— Вот несчастье, — проговорил Иидзима. — Как это могло случиться?

— Это большое несчастье, ваша милость. Его зарубили восемнадцать лет назад, возле лавки оружейника по имени Фудзимура Симбэй, что в квартале Хонго.

Иидзима Хэйдзаэмон почувствовал, как что-то кольнуло у него в груди.

— Какого месяца и числа это случилось? — спросил он.

— Мне сказали, что одиннадцатого апреля, ваша милость...

— Имя твоего отца?

— Его звали Курокава Кодзо, раньше он был вассалом господина Коидэ, служил у него в конюших и получал сто пятьдесят коку риса^[116] в год...

Иидзима был поражен. Все совпадало. Человек, на которого он восемнадцать лет назад поднял руку по какой-то пустяковой причине, был родным отцом этого Коскэ, и бедный парень, ничего не подозревая, поступил в услужение к убийце своего отца! Сердце Иидзимы сжалось, но он не подал вида и промолвил:

— Представляю, как тебе горько все это...

— Да, ваша милость, — сказал Коскэ. — И я хочу отомстить за отца. Но отомстить, не зная фехтования, я не могу, ведь как бы там ни было, врагом моим является доблестный самурай. Вот почему с одиннадцати лет я мечтаю научиться владеть мечом. Я так счастлив, что поступил к вам на службу. Ваша милость, научите меня фехтовать! Под вашим высоким руководством я овладею этим искусством и в смертельной схватке отомщу за убийство родителя!

— Сердце твое верно сыновнему долгу, — проговорил Иидзима. — И я научу тебя владеть мечом. Но послушай, вот ты говоришь, что отомстишь за убийство родителя. А что бы ты стал делать, если бы твой враг появился перед тобой сейчас и объявил: «Я твой враг»? Ведь ты не знаешь его в лицо, и вдобавок он превосходный фехтовальщик.

— Право, не знаю, — ответил Коскэ. — Впрочем, если он появится передо мной, то будь он хоть трижды доблестный самурай, я брошусь на него и перегрызу ему горло!

— Горячий же ты парень, — усмехнулся Иидзима. — Ну хорошо, успокойся. Когда ты узнаешь, кто твой враг, я, Иидзима, сам помогу тебе отомстить. А пока крепись и служи мне верно.

— Ваша милость сами поможете мне отомстить? — вскричал Коскэ. — Как мне благодарить вас? С вашей помощью я справлюсь с десятком врагов! О, спасибо вам, спасибо!

«Бедняга, как ты обрадовался, что я помогу тебе отомстить», — подумал Иидзима Хэйдзаэмон. Пораженный таким примером верности сыновнему долгу, он твердо решил при случае открыться Коскэ и дать ему убить себя. Это решение он отныне постоянно носил в своем сердце.

Глава 4

Итак, Хагивара Синдзабуро вместе с Ямамото Сидзё ходил в Камэидо любоваться цветущими сливами, на обратном пути они зашли в усадьбу Иидзимы, и там Синдзабуро неожиданно очаровала красавица барышня О-Цюю. Между ними всего только и было что пожатие рук через полотенце, но любили они друг друга уже более крепко, чем если бы спали вместе в одной постели.

В старину люди относились к таким вещам строго. Это в наше время мужчины словно бы в шутку предлагают женщине: «Эй, милашка, приходи переспать с нами!» — «Подите вы с такими шутками!» — отвечает женщина, и тогда мужчины обижаются: «Что же ты так с нами разговариваешь? Не хочешь — так и скажи, поищем другую!» Как будто ищут свободную комнату. А вот между Хагиварой Синдзабуро и барышней О-Цюю ничего недозволенного еще не было, но он уже привязался к ней так, словно они лежали, склонив головы на одно изголовье.

Однако будучи мужчиной благонравным, Синдзабуро никак не мог решиться на свидание с возлюбленной. «Что со мной будет, — в страхе думал он, — если меня там увидит кто-нибудь из слуг Иидзимы? Нет, одному туда лучше не ходить. Придет Сидзё, и мы отправимся вместе поблагодарить за гостеприимство».

Но Сидзё, как назло, не появлялся. Был он человек дошлый и в тот вечер сразу заподозрил в поведении Хагивары и О-Цюю что-то неладное. «Если между ними что-нибудь случится, — рассудил он, — и об этом все узнают, я пропал, не сносить тогда мне своей бритой головы. Нет уж, не пойду я больше туда, ибо сказано: „Благородный муж от опасности держится подальше“».

Напрасно прождав его в одиноких мечтах о возлюбленной весь февраль, март и апрель, Синдзабуро в конце концов даже есть перестал. И вот тут-то в один прекрасный день к нему явился некий Томодзо, снимавший с женой пристройку возле его дома. Жена его вела у Синдзабуро хозяйство.

— Что с вами приключилось, господин? — спросил Томодзо. — Вы совсем перестали кушать. Сегодня от обеда отказались.

— Не хочется, — сказал Синдзабуро.

— Кушать обязательно нужно, — объявил Томодзо. — В ваши годы надобно кушать по полтора обеда. Я, к примеру, если не уплету пять или шесть полных с верхом больших чашек риса, то как будто и не ел вовсе... И со двора вы совсем выходить перестали. Вот помните, в феврале, кажется, прогулялись с господином Ямамото, полюбовались на цветущие сливы, как после этого повеселели, шутить начали... А нынче совсем перестали за здоровьем следить, губите себя!

— Послушай, Томодзо, — сказал Синдзабуро. — Ты любишь рыбную ловлю?

— Страсть как люблю. Мне это слаще рисовых колобков.

— Вот и хорошо. Поедем ловить рыбу вместе.

Томодзо удивился.

— Да вы же, кажется, рыбную ловлю терпеть не можете!

— Меня как-то сразу разобрало, — сказал Синдзабуро. — Захотелось вдруг поудить.

— Что ж, разобрало так разобрало, — сказал Томодзо. — А куда бы вы хотели поехать?

— Говорят, хорошо клюет на Юкогаве у Янагисимы. Может быть, поедем туда?

— Это там, где Юкогава впадает в Накагаву? Помилуйте, да чему там клевать-то?

— Большие бониты клюют.

— Что за глупости вы говорите, господин, — рассердился Томодзо. — С каких это пор бониты водятся в реках? Самое большее, что там можно поймать, это лобана или окуня... А в общем, если вам так хочется туда, поедем туда.

Он тут же приготовил дорожную закуску, наполнил бамбуковые фляги водкой, нанял лодку с гребцом на лодочном дворе у моста Сяхэйкоси, и скоро они были на Юкогаве. Синдзабуро, который не рыбу ловить хотел, а надеялся хоть одним глазком полюбоваться своей возлюбленной через ограду усадьбы Иидзимы, сразу принялся за водку, сильно опьянел и заснул. Томодзо удил до самых сумерек и только тогда заметил, что Синдзабуро спит.

— Господин! — окликнул он с беспокойством. — Проснитесь, господин! Простудитесь еще, чего доброго, в мае здесь вечера прохладные! Слышите, господин, проснитесь! Водки я взял слишком много, что ли?

Синдзабуро вдруг открыл глаза и огляделся. Юкогава?

— Томодзо, — сказал он, — где это мы?

— На Юкогаве, — ответил Томодзо.

Синдзабуро посмотрел на берег. На берегу возвышался храм Кэцнин, окруженный двойной оградой, в ограде виднелась калитка. Да нет, это же усадьба Иидзимы, конечно...

— Подгреби к берегу, Томодзо, — попросил Синдзабуро. — Причаль вон у того места, мне надо сходить кое-куда.

— Куда это вы пойдете? — возразил Томодзо. — Тогда уж давайте я с вами пойду.

— Ты подождешь меня здесь.

— Разве Томодзо здесь не для того, чтобы все время быть подле вас? Пойдемте вместе!

— Дурень, — нетерпеливо сказал Синдзабуро. — В любви провожатый только помеха!

— Да вы, никак, шутите! — засмеялся Томодзо. — Это хорошо...

Тут лодка пристала к берегу. Синдзабуро подошел к калитке и, весь дрожа, оглядел усадьбу. Калитка была приоткрыта, он толкнул, и она распахнулась. Он прошел за ограду. Он знал, где и что находится, и

потому направился прямо через садик к сосне, которая росла на берегу пруда, а от сосны свернул вдоль живой изгороди. Вот наконец и комната О-Цую. Барышня тоже любила его, с минуты расставания думала только о нем и тяжело переживала разлуку. На кого бы она ни взглянула, виделся ей один только Синдзабуро, и когда он подошел к двери и заглянул в комнату, она вскрикнула и спросила, не веря глазам:

— Вы ли это, господин Синдзабуро?

— Тише, тише, — проговорил Синдзабуро. — Простите, что я так долго не давал о себе знать. Мне так хотелось снова посетить вас и поблагодарить за гостеприимство, но Ямамото Сидзё с тех пор так и не заходил ко мне, а явиться к вам одному мне казалось как-то неловко.

— Как хорошо, что вы пришли! — воскликнула О-Цую.

Куда девалось ее смущение! Забыв обо всем на свете, она схватила Синдзабуро за руку и увлекла под сетку от комаров. Не в силах слова молвить от полнившей ее радости, она положила руки на колени Синдзабуро, и из глаз ее покатились счастливые слезы. Это были истинные слезы счастья, не те пустые слезы, что проливает, желая выразить сочувствие, чужой человек. Теперь мне все равно, подумал Синдзабуро. Будь что будет. И тут же, под сеткой от комаров, они разделили изголовье. После этого О-Цую принесла шкатулку для благовоний и сказала:

— Эту драгоценную шкатулку я получила в наследство от моей матери. Я хочу сделать тебе подарок на память.

Синдзабуро оглядел шкатулку. Это была прекрасная вещь, вся в инкрустациях из слоновой кости и золота, изображающих бабочек на осеннем поле. О-Цую отдала Синдзабуро крышку, себе оставила ящик, и они сидели, нежно беседуя, как вдруг фусума раздвинулись и в комнату вошел отец О-Цую, господин Иидзима Хэйдзаэмон. При виде его любовники так и ахнули. Они были так испуганы, что не могли двинуться с места. Хэйдзаэмон, подняв ручной фонарик, гневно сказал:

— Цую, ко мне! А вы кто такой?

— Я недостойный ронин, — ответил Синдзабуро. — И зовут меня Хагивара Синдзабуро. Поистине я совершил ужасный проступок.

— Что же, Цую, — сказал Хэйдзаэмон, — ты жаловалась, что Куни обижает тебя, отец твой ворчит, ты захотела жить отдельно от нас, просила, чтобы тебя переселили в какое-нибудь тихое место. Я поселил тебя здесь — и что же? Ты затащила сюда мужчину? Видно, для того ты и искала укромное местечко, чтобы распутничать вдали от родительских глаз. Дочь хатамото затащила к себе мужчину! Да знаешь ли ты, что если это станет известно, имя мое будет опозорено? Иидзима не уследил за чистотой домашнего очага^[117] своего. Но самое главное — ты опозорила нас перед предками. Дрянь, забывшая о чести отца, забывшая о своей девичьей чести, приготовься, я зарублю тебя сейчас своею рукой!

— Подождите! — вскричал Синдзабуро. — Выслушайте меня! Да, дважды справедлив ваш гнев, но виновата не барышня, виноват я, один только я! Не она забыла девичью честь и затащила меня к себе, а я соблазнил ее и склонил к разврату! Умоляю вас, сохраните ей жизнь, убейте меня!

— Нет! — закричала О-Цую. — Нет, отец! Это я во всем виновата! Руби меня, только прости Синдзабуро!

Крича наперебой, оспаривая друг у друга смерть, они на коленях подползли к Хэйдзаэмону. Хэйдзаэмон обнажил меч.

— Прощения не будет никому, — сказал он отрывисто. — За блуд отвечают оба. Первой умрет дочь. Молись.

Он нанес страшный косой удар, и голова в прическе симада^[118] со стуком упала к его ногам. Хагивара Синдзабуро, вскрикнув от ужаса, упал ничком. В тот же миг меч Хэйдзаэмона с хрустом разрубил его лицо от виска до подбородка. Он застонал и перевалился на спину...

— Господин! Господин! — встревоженно тормозил его Томодзо. — Что это вы так страшно воете? Перепугали меня до смерти. Не простыньте смотрите...

Синдзабуро наконец открыл глаза и глубоко, с облегчением вздохнул.

— Что с вами? — спросил Томодзо.

— Послушай, Томодзо, — с трудом проговорил Синдзабуро, — скажи, есть у меня что-нибудь на плечах?

— Есть конечно, — ответил Томодзо. — Одеты вы как полагается. А что, замерзли?

— Да, я не об этом... Я спрашиваю, голова у меня на плечах? Не отрублена?

— Вы сегодня все шутки шутите, — сказал Томодзо. — Ничего у вас не отрублено, голова на месте.

Синдзабуро даже вспотел. Значит, все это приснилось ему. Верно, очень уж сильно он хотел повидать О-Цую. Плохое предзнаменование, решил он, надо скорее возвращаться. Он сказал:

— Поехали домой, Томодзо. И поскорее.

Лодка быстро отправилась в обратный путь. Когда она пристала к берегу и Синдзабуро хотел сойти, Томодзо остановил его.

— Вы тут обронили, господин, возьмите, — сказал он, протягивая Синдзабуро какой-то предмет.

Синдзабуро взял и поднес к глазам. Это была крышка от шкатулки для благовоний с инкрустациями в виде бабочек на осеннем поле, той самой шкатулки, которую во сне подарила ему дочь Иидзимы. Пораженный, он долго смотрел на эту крышку, силясь понять, как она могла очутиться в его руках.

Иидзима Хэйдзаэмон был человек выдающихся достоинств и добродетелей. Он превзошел все искусства, особенно же славился своим искусством владеть мечом, так как постиг все тонкости старинной школы фехтования «синкагэ-рю». Лет ему было сорок, и он выделялся среди людей обычного толка, но все же его наложница Куни, бесстыжая баба, тайно спуталась с сыном соседа, молодым парнем, по имени Гэндзиро. Всякую ночь, когда господин уходил на дежурство, этот Гэндзиро прокрадывался в дом через садовую калитку, которую О-Куни предусмотрительно оставляла открытой, и никто об этом даже не подозревал, поскольку в господских покоях всем заправляла сама О-Куни.

Так было и двадцать первого июля. Господин Иидзима отправился на ночное дежурство, а его наложница в ожидании любовника выставила у открытой калитки гэта^[119] и приказала служанке раздвинуть на веранде ставни. «Жарко сегодня, сил нет, — пожаловалась она. — Без свежего воздуха не уснешь».

Гэндзиро, убедившись, что в доме все заснули, прошел босиком по плитам садовой дорожки, забрался на веранду через раздвинутые ставни и прокрался в спальню О-Куни.

— Почему ты так поздно? — обиженно спросила О-Куни. — Я вся извелась, не знала уж, что и подумать.

— Мне тоже хотелось пораньше, — сказал Гэндзиро, — да ничего не вышло. У нас из-за жары никто спать не ложился. Брат, сестра, мать, слуги даже, все сидели и обмахивались веерами. Насилу я вытерпел, пока они улеглись... Слушай, о нас никто не знает?

— Никто, не беспокойся. Да и кому знать, когда сам господин покровительствует тебе? Это я устроила, чтобы тебя приняли в нашем доме после того, как старший брат твой простил тебя. Это я так ловко настроила господина в твой пользу. Уж на что мой господин умен и тонок, сразу насторожился бы, заметь он между нами хоть что-нибудь странное, а ведь так ничего и не подозревает.

— Да, — сказал Гэндзиро, — дядюшка — человек необычайной мудрости, я его, признаться очень боюсь. Кроме того, ведь это он уговорил брата разрешить мне вернуться, когда меня за разные делишки сослали отсюда к родственникам в Оцуку. Было бы просто ужасно, если бы открылось, что я сошелся с тобой, возлюбленной моего благодетеля!

— Как у тебя язык поворачивается говорить мне это? — рассердилась О-Куни. — Сердца у тебя нет, вот что! Я за тебя умереть готова, а ты только и знаешь, что придумываешь разные отговорки, лишь бы отвязаться от меня... Послушай, Гэн, дочка господина умерла, других наследников нет, не миновать брать в наследники кого-нибудь

со стороны!^[120] Я на этот счет намекнула господину, что подошел бы сын соседа Гэндзиро, но господин сказал, что ты слишком молод и жизненные измерения твои еще не определились...

— Да, уж конечно, не определились, если я забрался в постель к любимой наложнице своего благодетеля.

— Вот что, Гэндзиро, — решительно сказала О-Куни. — Господин проживет еще много лет. Если я вечно буду подле него, а тебя отдадут в сыновья куда-нибудь на сторону, видаться мы не сможем. А если вдобавок жена у тебя будет красивой, ты обо мне и думать забудешь. А раз так, то вот тебе мой наказ: если ты мне по-настоящему верен, убей господина!

— Что ты! — воскликнул Гэндзиро. — Убить дядюшку, убить своего благодетеля? Нет, этого я не могу. Совесть у меня еще есть.

— Теперь нам уже не до благодарности и не до чести, — сказала О-Куни.

— Все равно, дядюшка же лучший в округе мастер школы «синкагэрю», он шутя справится с двумя десятками таких, как я! Мечом-то я владею из рук вон плохо!

— Да, мечом ты владеешь плохо, ой как плохо, — насмешливо заметила О-Куни.

— В том-то и дело... И нечего из-за этого смеяться надо мной!

— Мечом ты владеешь плохо, это так, — сказала О-Куни. — Но ты часто выезжаешь с господином на рыбную ловлю. Кажется, вы договорились четвертого числа будущего месяца отправиться на Накагаву, не так ли? Вот там ты столкнешь господина в воду и утопишь его.

— Действительно, плавать дядюшка не умеет... Нет, все равно ничего не выйдет. Ведь с нами будет лодочник.

— А лодочника заруби. Как бы плохо ты ни владел мечом, но хоть лодочника-то зарубить сумеешь?

— Лодочника зарубить я, конечно, смогу...

— Когда господин упадет в воду, ты рассердишься и не сразу дашь лодочнику искать его. Спорь, придирайся, выдумывай всякую чепуху, но пусть он начнет искать не раньше, чем часа два спустя. Когда же он вытащит тело, скажи ему, что во всем виноват он, и заруби его. Затем на обратном пути ты заедешь на лодочный двор и объявишь хозяину, что лодочник по небрежности столкнул господина в реку, господин утонул, и ты, вне себя от горя, зарубил лодочника на месте. Далее ты скажешь, что вина лежит не только на лодочнике, что следовало бы зарубить и его хозяина, но ты, мол, великодушно решил замять это дело и потому приказываешь хозяину никому ничего не рассказывать. Дрожа за свою жизнь, хозяин лодочного двора, конечно, рта не посмеет открыть. Ты же вернешься домой, как будто ничего не знаешь, и сразу приступишь к старшему брату с просьбой, чтобы тебя без промедлений отдали наследником в дом Иидзимы, поскольку-де наследников у

господина Иидзимы нет. Об этом доложат начальнику хатамото, затем дело о твоём усыновлении пойдет на высочайшее утверждение, а мы тем временем доложим, что господин заболел. Когда же ты будешь введен в права усыновленного наследника, мы сообщим, что господин скончался, ты станешь здесь хозяином, и уж тут-то я прилеплюсь к тебе на веки вечные. Дом наш гораздо богаче вашего, у тебя будет много прекрасной одежды и оружия.

— Ловко придумано! — восхитился Гэндзиро.

— Я три дня и три ночи думала, глаз не смыкала, — сказала О-Куни.

— Превосходно, совершенно превосходно!

Вот о чем втайне сговаривались О-Куни и Гэндзиро, обуянные подлыми устремлениями под соединенным действием похоти и жадности. А тем временем верный дзоритори Коскэ, которому не спалось от жары в его комнатухе у ворот, вышел во двор. «Такой жары, как в этом году, еще не было», — бормотал он, обмахиваясь веером. Прохаживаясь по саду, он вдруг заметил, что калитка в ограде приоткрыта и легкий ветер раскачивает ее. «Странно, — сказал он себе, — я же сам закрыл ее, почему она открыта? Ого, да тут и гэта стоят... Кто-то пробрался к нам, не иначе. Не нравится мне поведение соседского шалопаю и госпожи О-Куни, уж не снюхались ли они?»

Он на цыпочках направился к дому, уперся руками в каменную ступеньку и заглянул в комнату. Услышав, что собираются убить его господина, которому он поклялся служить не щадя живота, Коскэ рассвирепел... А так как нрава он был в свои двадцать с небольшим лет горячего, то, забывшись, яростно шмыгнул носом.

— О-Куни, — испуганно прошептал Гэндзиро, — здесь кто-то есть!

— Экий ты, однако, трус, — сказала О-Куни. — Ну кому здесь быть?

Все же она невольно насторожила уши и сразу почувствовала, что рядом кто-то затаился.

— Кто это там? — окликнула она.

— Это я, Коскэ, — отозвался дзоритори.

— Каков наглец! — вскричала О-Куни. — Как ты смел среди ночи приблизиться к женским покоям?

— Мне было жарко и душно, я вышел освежиться.

— Господин сегодня ночью на службе, — строго сказала О-Куни.

— Да, я знаю. Каждое двадцать первое число он ночью на службе.

— А если знаешь, то почему ты не у ворот? Сторож должен зорко охранять ворота, а ты осмелился покинуть свой пост, да еще явился освежаться в сад, где одни только женщины! Смотри, это тебе так не сойдет!..

— Да, — сказал Коскэ, — я сторож. Но я обязан сторожить не только ворота. Я охраняю также и дом, и сад, я охраняю здесь все. И я не стану смотреть только за воротами, если в покои проникнут вору и набросятся с мечами на моего господина.

— Послушай, любезный, — сказала О-Куни. — Если господин благоволит к тебе, это не значит, что ты можешь своевольничать. Ступай в людскую и спи. В этом доме покои охраняю я.

— Вот как? — сказал Коскэ, — Почему же, охраняя покои, вы оставляете открытой садовую калитку? В открытую калитку пробралась собака, гнусная скотина, не знающая ни благодарности, ни чести, и эта скотина, жадно чавкая, пожирает самое ценное в доме моего господина. Я простою здесь в засаде всю ночь, но дождусь ее. Глядите, вот валяются гэта, значит, в дом кто-то забрался!

— Ну так что же? — сказала О-Куни. — Это пришел господин Гэндзиро, наш сосед.

— И для чего же господин Гэндзиро пожаловал?

— Это совершенно не твое дело! Ты дзоритори, ступай и охраняй ворота.

— Однако и господину Гэндзиро хорошо известно, что по двадцать первым числам наш господин находится на дежурстве. Странно, что он явился к нашему господину в его отсутствие.

— Ничего странного. Он явился вовсе не к господину.

— Да, не к господину, а к вам. И по какому-то тайному делу.

— Как ты смеешь? — возмутилась О-Куни. — Ты что, подозреваешь меня?

— Ничего я не подозреваю. Странно только, что вам пришло на ум, будто я подозреваю. Мне кажется, всякий на моем месте удивился бы, узнав, что в дом, где одни только женщины, среди ночи забрался мужчина.

— Ну, это уж слишком. Мне просто стыдно перед господином Гэндзиро. Как ты можешь так думать обо мне?

Гэндзиро, слышавший весь этот разговор, решил, что пора вмешаться. Он был человеком хитрым, как и всякий мерзавец, способный покуситься на наложницу соседа. Кроме того, в те времена положение самурая отличалось от положения простого слуги-дзоритори, как небо от земли. Гэндзиро вышел из комнаты и строго сказал:

— Что это ты там говоришь, Коскэ? Поди-ка сюда!

— Что вам угодно? — отозвался Коскэ.

— Я сейчас слушал тебя и поражался, — сказал Гэндзиро. — Ты намекаешь, будто мы с госпожой О-Куни находимся в непозволительной связи. Возможно, в свое время, когда за разгульное поведение меня изгнали из дома к родственникам в Оцуку, такие подозрения и могли иметь основания. Но сейчас я собираюсь идти в наследники, и накануне такого серьезного шага в моей жизни слушать подобные вещи я не желаю.

— А если вы сами изволите сознавать, что находитесь накануне такого серьезного шага, — сказал Коскэ, — то почему среди ночи приходите в дом к женщине в отсутствие ее господина? Вы сами,

словно нарочно, навлекаете на себя подозрения в нехороших намерениях! А что мальчика и девочку с семи лет вместе не сажают, что по чужим бахчам с корзиной не ходят и под чужой грушей шапку не поправляют — хоть это-то вам известно?

— Молчать! — закричал Гэндзиро. — Не смей мне дерзить! А если я пришел по делу? А если мое дело не требует присутствия хозяина? Что ты скажешь тогда?

— В этом доме не может быть дел, которые бы не требовали присутствия моего господина, — сказал Коскэ. — Если вы такое найдете, можете поступить со мной, как вам благоугодно.

— На, читай! — сказал Гэндзиро и швырнул Коскэ лист бумаги.

Коскэ поднял лист. Это было письмо.

«Господину Гэндзиро. Позвольте напомнить Вам, что ловить рыбу на Накагаве мы отправимся, как было условлено, четвертого числа будущего месяца. Поэтому прошу Вас об одолжении: если у Вас будет на то желание и свободное время, хотя бы даже и ночью, не сочтите за труд зайти в мой дом и починить рыболовную снасть, которая у меня пришла в негодность. К сему Иидзима Хэйдзаэмон».

Коскэ был обескуражен. Он внимательно оглядел письмо. Все было правильно, письмо было написано рукой хозяина.

— Ну что? — с ехидством спросил Гэндзиро. — Ты ведь грамотный? Письмо, в котором твой господин приглашает меня зайти хотя бы ночью и починить снасть! Нынче ночью мне от жары не спалось, вот я и пришел. А ты принялся меня подозревать в разных глупостях, всячески меня поносил, оскорбил меня! Что же мы теперь с тобой будем делать?

— Все, что вы изволите говорить, ничего не значит, — угрюмо ответил Коскэ. — Не будь этого письма, я бы доказал свою правоту. Но письмо есть, и я проиграл. А кто из нас в действительности прав и кто виноват, спросите у своей совести. Только не извольте забывать, что я слуга этого дома и зарубить меня было бы опрометчиво.

— Кому нужно рубить такую грязную скотину, как ты? — презрительно сказал Гэндзиро. — Изобью до полусмерти и будет с тебя. Не найдется ли у вас какой-нибудь палки? — обратился он к О-Куни.

— Вот, пожалуйста, — отозвалась та и протянула ему обломок лука сигэдо.^[121]

— Это несправедливо, господин, — сказал Коскэ. — Как же я смогу служить, если вы изувечите меня?

— Если подозреваешь человека, говори ему об этом прямо, — сказал Гэндзиро. — Приведи доказательства. Ты что, застал нас с госпожой О-Куни на одном ложе? Я пришел потому, что меня пригласил твой хозяин! А ты зарвался, мерзавец!

Он с размаху ударил Коскэ. Тот вскрикнул от боли и сказал:

— Все равно вы говорите неправду. Прислушайтесь лучше к своей совести, а не бейте безответного дзоритори.

— Молчать! — закричал Гэндзиро и набросился на Коскэ. Коскэ с воплями покатился по земле.

Нанеся дюжину ударов, Гэндзиро остановился, и Коскэ с ненавистью поглядел ему в лицо. Гэндзиро ударил его по лбу. Брызнула и полилась кровь.

— Тебя бы следовало убить, подлеца, — сказал Гэндзиро, — но так уж и быть, дарую тебе жизнь. Если впредь будешь болтать такое, то убью. А в дом ваш, госпожа О-Куни, я больше не приду.

— Если вы не будете приходить, — возразила О-Куни, — нас будут подозревать еще больше!

Но Гэндзиро, довольный поводом улизнуть, не стал слушать ее и отправился домой, шлепая босыми ногами по каменным плитам садовой дорожки. О-Куни повернулась к Коскэ, изнемогавшему от боли.

— Что, попало? — сказала она. — Сам виноват. Надо же, наговорить такое господину соседу! Ну что ты здесь торчишь? Убирайся вон отсюда!

Она изо всех сил пнула его в бедро. Он упал, больно ударившись коленом о каменную плиту. О-Куни задвинула ставни и удалилась к себе. А Коскэ бормотал дрожащим от злости голосом: «Скоты, скоты, подлые собаки, погрязли в своих гнусностях и меня же избили, все расскажу господину, когда он вернется... Нет-нет, так прямо рассказать нельзя, господин непременно устроит мне с ними очную ставку, они в оправдание покажут письмо, а я только разговор их слышал, других доказательств у меня нет, да еще этот Гэндзиро из самурайской семьи, а я всего-навсего подлого звания дзоритори, меня просто выгонят из дома, хотя бы из вежливости перед соседом... А если меня здесь не будет, господина моего уж наверняка убьют. Сделать нужно по-другому. Гэндзиро и О-Куни заколоть пикой, а затем вспороть себе живот». Вот что придумал верный Коскэ. Что же будет дальше?

Глава 6

Двадцать третьего июня, когда Хагивара Синдзабуро одиноко сидел у себя дома в мечтах о барышне Иидзиме, к нему вдруг явился Ямамото Сидзё.

— Давненько я у тебя не был, — принялся он болтать. — И ведь все собирался, но, понимаешь, тащиться к тебе сюда с Адзабу очень уж далеко, да и лень, признаться, да вдобавок еще жара наступила такая, что даже у коновалов вроде меня пациенты появились, вот так одно на другое нашло, что только сегодня собрался... А ты что-то бледен, видимо, самочувствие у тебя неважное...

— Да, чувствую я себя скверно, — сказал Синдзабуро. — Лежу с середины апреля. Кушать не хочется совершенно, почти ничего не ем. И ты тоже хорош, столько времени не приходил! Я так хотел еще раз пойти в усадьбу господина Иидзимы, поблагодарить, хоть коробку сладостей отнести... Но ведь без тебя и пойти не мог...

— А знаешь, — сказал Сидзё, — барышня Иидзима-то скончалась, бедняжка.

— Как так скончалась?

— Зря я тогда водил тебя к ней. Она в тебя, кажется, влюбилась по уши, и что-то у вас там с нею было в ее комнате... Не думаю, впрочем, чтобы что-нибудь серьезное, но больше я туда не ходил. Помилуй! Да узнай об этом ее батюшка, он бы сразу спросил: «Где этот мерзкий сводник Сидзё?», и — чик! — покатила бы моя бритая голова. Нет уж, уволь. А на днях захожу я в дом Иидзимы, и господин Хэйдзаэмон сообщает, что дочка его скончалась и следом за нею умерла также ее служанка О-Юнэ. Я начал расспрашивать, что и как, и постепенно понял, что барышня сгорела от любви к тебе. Вот и получается, что ты совершил преступление. Если мужчина родился чересчур красивым, он преступник. Вот так, друг мой. Ну ладно, умершие умерли, ничего не поделаешь. Помолись хоть за нее. Прощай.

— погоди, Сидзё! — попытался остановить его Синдзабуро, но он уже скрылся. — Ушел... Хоть бы сказал, в каком храме ее похоронили, так нет, умчался... Какой ужас, неужели бедная девушка и вправду умерла от любви ко мне?

У него закружилась голова, уныние овладело им с новой силой, а так как он был человеком доброго сердца, то здоровье его совсем расстроилось. Он проводил теперь дни в молитвах перед домашней божницей, на которую возложил дощечку с посмертным именем своей возлюбленной.

Наступил праздник Бон,^[122] пришло тринадцатое число. Вечером, закончив все приготовления, Синдзабуро расстелил на веранде циновку, возжег ароматические палочки, надел белое кимоно и, отмахиваясь веером от комаров, устремил грустный взгляд на ясную полную луну. Вдруг он услышал за оградой стук гэта. Он оглянулся и увидел двух женщин. Впереди шла представительная женщина лет тридцати, в прическе марумагэ.^[123] Она несла фонарь с модным в те времена шелковым колпаком в виде пиона. Следом шла молоденькая девушка в высокой прическе симада. На ней было кимоно цвета осенней травы с узорами на подоле и рукавах, под которым виднелось нижнее кимоно алого шелка, затянутое атласным оби.^[124] В руке у нее был веер с лакированной ручкой. Женщины вышли на лунный свет. Синдзабуро всмотрелся. Что такое? Да ведь это же О-Цюю, дочь Иидзимы! Он поднялся и вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть девушку. Увидев его, женщины остановились, и та, что была впереди, воскликнула:

— Не может быть! Господин Хагивара?

Синдзабуро тоже узнал ее.

— Госпожа О-Юнэ? Как же так?

— Вот никогда бы не подумала, — сказала Юнэ. — Нам же сказали, что вы умерли.

— Как? — изумился Синдзабуро. — А мне сказали, что умерли вы.

— Не смейте так говорить, это плохая примета. Кто вам мог так сказать?

— Да вы заходите, пожалуйста, — спохватился Синдзабуро. — Вон там калитка, открывайте... — Когда женщины поднялись на веранду, он сказал: — Мне ужасно стыдно, что не навещал вас... А тут недавно заходит ко мне Ямамото Сидзё и рассказывает, что вы обе умерли...

— Ну что за негодяй, — воскликнула Юнэ. — У нас он тоже был и рассказал, что вас больше нет на свете. Я понимаю, человек вы простодушный, и обвести вас нетрудно... А объясняется все, по-моему, очень просто. После вашего посещения барышня только и думала что о вас. Ну, нет-нет забудется и заговорит о вас. Бывало, при господине даже. А надо сказать, что у господина в доме есть наложница по имени О-Куни, женщина очень скверная. Все это, конечно, ее грязные проделки. Чтобы разом лишить всех надежд и вас, и барышню, она уговорила Сидзё сообщить нам, будто умерли вы, а вам сказать, будто скончалась барышня. Барышня, когда услышала о вашей смерти, хотела было даже в монахини постричься, бедняжка. Насилу я отговорила ее, кое-как убедила, что монахиней можно быть и в сердце своем, безо всякого пострига. А тут еще при всем этом господин велел барышне выходить замуж. Барышня еще отказалась — ни за что, говорит, замуж не пойду, усыновите лучше наследника с женой со стороны. И так уперлась, что в доме все пошло кувырком. Отец пришел в ярость: ты, говорит, сошлась с кем-то втайне от меня, но сам видит — барышня одна-одинешенька, рубить некого. Все равно, говорит, ты дрянь, в Янагисиме я тебя не оставляю, а из дома выгоню. Так мы с барышней ушли из дома и переселились в Сансаки, живем теперь в бедной хибарке, я занимаюсь рукодельем и кое-как свожу концы с концами, а барышня все дни проводит в молитвах. Нынче, по случаю праздника Бон, ходили по храмам, да и припозднились...

— Вот, значит, что с вами было! — сказал Синдзабуро. — А я ведь тоже все эти дни молился перед божницей с посмертным именем барышни, можете убедиться, не вру...

— Спасибо вам за то, что вы так помнили о ней, — сказала Юнэ. — А уж она-то все время одно твердит, пусть, говорит, меня из дома выгнали, пусть меня зарубят, лишь бы он меня любил... Послушайте, господин Хагивара, удобно ли ей будет переночевать у вас сегодня?

— Пожалуйста, — ответил Синдзабуро. — Только вам лучше будет пробраться в дом через черный ход. Дело в том, что у меня здесь живет некий Хакуодо Юсай, гадалщик-физиогномист, я ему многим обязан, а

человек он ужасно настырный, и мне не хотелось бы, чтобы он что-нибудь узнал.

Женщины так и поступили, переночевали у Синдзабуро и удалились перед рассветом. Семь вечеров подряд приходили они к нему в любую погоду, невзирая ни на дождь, ни на ветер, оставались у него ночевать и уходили, пока не рассвело. Влюбленные словно прилипли друг к другу, и Синдзабуро совсем потерял голову. Между тем Томодзо, живший рядом в пристройке, слыша каждый вечер женские голоса в покоях хозяина, забеспокоился. «Больно уж прост наш господин, — подумал он. — Не окрутили бы его дурные женщины». И вот ночью девятнадцатого числа он подкрался к дверям дома и заглянул внутрь. Покои были завешены сеткой от комаров, и через нее можно было разглядеть, что на блестящей циновке сидят рядышком, ничуть друг друга не смущаясь, словно муж и жена, Синдзабуро и молоденькая женщина и любовно беседуют.

— А если родитель так и выгонит меня, — говорила женщина, — ты возьмешь нас с О-Юнэ к себе?

— Ну, конечно, возьму, — отвечал Синдзабуро. — Я буду только счастлив, если так случится, но ты ведь — единственная дочь, и мы вряд ли можем на это надеяться. Как бы нас не разлучили, как дерево колют пополам, вот чего я боюсь!

— А я твердо знаю, что нет и не будет у меня мужа, кроме тебя, — сказала женщина. — Пусть об этом узнает отец, пусть он убьет меня, все равно я люблю только тебя. И смотри не вздумай меня оставить!

С этими словами она прислонилась к его коленям, с нежностью заглядывая ему в глаза. Видно было, как беззаветно она любит. «Вот странная женщина, — подумал Томодзо. — Разговаривает по-благородному... Надо посмотреть на нее как следует». Он потихоньку отогнул полог и в ужасе отшатнулся. «Оборотень... Оборотень!» — пробормотал он, позеленев от страха. Словно во сне, побежал он за помощью к гадалщику Хакуодо Юсаю.

Глава 7

Узнав о гнусном заговоре О-Куни и Гэндзиро, верный Коскэ сказал себе: «Этому не бывать. Прелюбодеев придется убить, другого пути нет. И пусть я погибну, но из этого дома не уйду, иначе они погубят господина». Решив так, он вернулся в людскую и, сказавшись больным, из своей комнатки не выходил.

Когда настало утро, господин Иидзима вернулся домой. Время было жаркое, и О-Куни, расположившись возле него, словно приношение на алтаре, принялась обмахивать его веером.

— Рада видеть моего господина в добром здравии, — сказала она. — Я все время беспокоюсь, как бы вам не стало худо от этой жары.

— Никто не приходил в мое отсутствие? — осведомился Иидзима.

— Вас ожидает господин Аикава, — ответила О-Куни. — Говорит, что хотел бы повидаться с вами.

— Аикава Сингобэй? Опять, наверное, будет просить посоветовать ему лекаря. Такой, право, потешный старик... Ну что же, пригласи его.

Но старый Аикава, не дожидаясь приглашения, уже бесцеремонно входил в покои.

— Простите за вторжение, — вскричал он. — Я вижу, господин Иидзима уже изволил вернуться. Надеюсь, в добром здравии? Извините великодушно, совсем перестал бывать у вас. Все-то вы на службе, день-деньской в трудах без устали, и это в такую невыносимую жару!

— Жара ужасная, — согласился Иидзима. — А что, барышня О-Току выздоровела?

— Дочь все больна, — сказал Аикава со вздохом. — Сколько я из-за нее беспокойства перенес. И то, и это. Нет, ничего не помогает. Да я, собственно, как раз по этому поводу... Ну до чего же жарко! Ах, госпожа О-Куни, давеча вы меня так славно угостили, так славно! Спасибо вам большое. Я вас даже и не отблагодарил-то путем... Гм... Э-э... Да, жара. Страшная жара.

— А вы немного отдохните, — посоветовал Иидзима. — Остынете, тогда и ветерок почувствуете.

— Я пришел к вам с одной просьбой, господин Иидзима, — сказал Аикава. — Очень прошу вас, снизойдите!

— Какая же у вас просьба?

— Я как-то затрудняюсь в присутствии госпожи О-Куни... И слуги опять же... Нельзя ли нам поговорить с глазу на глаз?

— Отчего же, можно... Всем удалиться и сюда не входить! — распорядился Иидзима. — Слушаю вас, — обратился он к Аикаве.

— Господин Иидзима, — сказал Аикава. — Я пришел к вам сегодня с совершенно особенной просьбой. Дело касается болезни моей дочери. Как вам известно, болеет она давно. Я делал все, что в моих силах, но ничего не помогало. Непонятно было, чем она страдает. Наконец вчера вечером она мне призналась. Тут уж я ей задал! Чего же ты раньше молчала, говорю, бесстыжая ты тварь, говорю, где твое уважение к отцу?.. Вы знаете, она у меня семи лет осталась без матери, а сейчас ей восемнадцать, и вырастил я ее, можно сказать, сам, мужской рукой, потому она так и проста, ничего совсем не знает, ну сущее подобие своего глупого родителя, да и только... Прошу вас, господин Иидзима, не смейтесь над моими словами, не презирайте нас...

— Но чем же она больна?

— Как изволите видеть, единственная дочь, мечтал я поскорее взять в дом жениха и отправиться на покой и молился о ее выздоровлении, хотя я не такой уж и верующий, и даже водой при этом

холодной обливался, даром что я старый человек, хотя по летнему времени это ничего, и все зря. А вчера вечером она мне и говорит: вот отчего. И такое она мне сказала, что кормилице ее не расскажешь. Сущая дура, вся в родителя... Вы только не презирайте нас, пожалуйста!

— И отчего же она заболела?

— А я-то беспокоился, все не знал, как ее выходить, всяких врачей приглашал, ну откуда мне знать? От этого ни боги, ни будды не спасут. Что же ты, говорю, сразу не сказала?

— Так что же оказалось?

— Прямо не знаю, как и сказать. А вы не будете смеяться?

— Не понимаю, — признался Иидзима. — В чем все-таки дело?

— По правде говоря, — решился Аикава, — все дело в вашем слуге Коскэ. Вы, господин Иидзима, часто расхваливали его при мне. Говорили, что человек он преданный, происходит из самурайского рода, хотя и опустился сейчас до положения дзоритори, и сыновнему долгу он верен, и вообще малый славный. Вы еще говорили, что нет у него ни родных, ни близких, и потому вы-де сами позаботитесь о нем, отдадите его в какой-нибудь дом наследником и сделаете самураем. И вот я, наслушавшись, как вы его хвалите, прихожу, бывало, домой и об этом рассказываю, слугам своим кричу, чтобы брали пример с Коскэ, что у господина Иидзимы, и кухарка наша О-Сак нахвалиться им не может: и собой, говорит, он хорош, и душой приятен, и благороден, и даже кормилица наша его на все лады расхваливает... В общем, получилось так, что моя дочь, только вы не смейтесь, господин Иидзима... Фу, даже в пот от стыда бросило... Короче говоря, моя дочь, оказывается, в этого Коскэ влюбилась до изнеможения. Срам какой! И ведь никому ни слова не говорила, даже своей бабке-кормилице, и только вчера вечером мне во всем призналась... «Как же ты смела молчать, — я ей говорю, — разве ты не дочь самурая? Разве даже в каком-то дзёрури^[125] не сказано: „Пусть мы бедны, но я — дочь воина“? Как, говорю, ты, дочь самурая, опустилась до того, что влюбилась, забыв о чести и долге, да еще заболела? Да я, говорю, тебя зарублю, хоть ты у меня и одна на всем свете! И чем он тебе приглянулся, говорю, этот Коскэ, у него же за душой ничего, кроме синей куртки и деревянного меча, нет. Неужто, говорю, он такой уж на вид красивый?» Она тогда мне и отвечает: «Нет, говорит, батюшка, я господина Коскэ полюбила не за то, что он красивый». — «А за что же это?» — я спрашиваю. «За его преданность, — она отвечает. — Кто предан своему хозяину, говорит, тот и сыновнему долгу верен». — «Так, — я говорю, — это верно, кто верен родителю, тот верен долгу, а кто верен долгу, тот верен родителю непременно». Тут дочь мне и говорит: «Получаем мы в год на прокорм, говорит, всего сто мешков риса, вот возьмете вы, говорит, в сыновья кого-нибудь со стороны и уйдете на покой, а что будет, если этот человек плохим окажется? Рису мы получаем мало,

говорит, и мне придется плохо, и я не смогу выполнить свой долг перед вами. Не хочу я, говорит, в оплату за ваши благодеяния, быть плохой дочерью. Вот, говорит, я и подумала, что лучше нам взять в дом дзоритори, хоть простого слугу, только бы он был человеком верной души, тогда бы мы с таким мужем служили бы вам верой и правдой. Вот, говорит, почему я полюбила Коскэ и даже заболела от любви...» Ну, тут она залилась слезами и принялась просить у меня прощения. Рассуждения ее показались мне разумными, и я пообещал ей попросить вас, господин Иидзима, отдать мне в наследники вашего Коскэ. Покорнейше прошу не отказать в моей просьбе, пожалуйста, очень прошу!

— Ну что же, — сказал Иидзима, когда Аикава замолчал, — благодарю за честь. Буду только рад.

— Так вы согласны? — вскричал Аикава. — Вот спасибо-то вам!

— Но прежде следует сообщить ему. Не сомневаюсь, что он будет весьма обрадован. Получив его согласие, я немедленно дам вам знать.

— Да зачем мне его согласие? — удивился Аикава. — Достаточно того, что согласны вы!

— Простите, однако ведь не я же иду к вам в наследники!

— Коскэ не может отказать, — убежденно сказал Аикава. — Он верен долгу и согласится на все, что вы ему ни прикажете. Только бы вы приказали ему, господин Иидзима. В этом году мне будет пятьдесят пять, дочери исполняется восемнадцать, и мне хотелось бы прямо сейчас узнать, как решится дело с моим наследником. Покорнейше прошу, не отказывайте мне!

— Хорошо, согласен, — сказал Иидзима. — Если у вас есть сомнения, могу дать клятву на мече.

— Нет-нет, что вы, вполне достаточно вашего слова! Покорно вас благодарю... Ну, побегу сказать дочери, то-то обрадуется! Понимаете, если бы я пришел и сказал, так, мол, и так, господин Иидзима не возражает, но должен сперва спросить согласия у самого Коскэ, она бы страшно расстроилась, что там еще Коскэ скажет. А вот теперь, когда все решилось так определенно, совсем другое дело. Она на радостях съест несколько чашек риса, и болезни ее как не бывало! Только есть, знаете ли, пословица: «С добрым делом поспеши». Так давайте же завтра, когда вы изволите вернуться с дежурства, сразу обменяемся подарками в знак помолвки. И господина Коскэ приведите, пожалуйста, хотелось бы его дочери показать... Ну, бегу!

— Может быть, выпьете чарку? — предложил Иидзима, но Аикава, полный радости и весь мокрый от пота, торопился к дочери и попросил разрешения откланяться немедленно. Повернувшись, он налетел на столб, охнул от боли и выскочил из дома.

— Вот растяпа, — весело сказал Иидзима. — Эй, кто-нибудь, проводите его! — Он был очень доволен и гордо приказал: — Позвать Коскэ!

— Коскэ нездоров, — сказала, входя, О-Куни.

— Это ничего, — сказал Иидзима. — Позови его на минуту.

— О-Такэ, — обратилась О-Куни к служанке. — Ступай и передай Коскэ, что господин требует его к себе.

О-Такэ побежала в людскую.

— Коскэ! — крикнула она. — Вставай, Коскэ! Господин зовет!

— Сейчас иду, — отозвался Коскэ.

«А у меня лоб разбит, — подумал он. — Как появиться в таком виде перед господином?» Но верный слуга должен повиноваться, что бы ни случилось. «Придется идти как есть», — решил Коскэ и явился к Иидзиму.

— Подойди ко мне, Коскэ, — сказал Иидзима, едва увидев его. — А все остальные удалитесь. Оставьте нас одних.

— В такую жару, — пробормотал Коскэ, — господину, должно быть, вредно утомлять себя каждодневной службой...

— Мне доложили, что ты нездоров и лежишь, — начал Иидзима. — Но тем не менее я вызвал тебя, потому что мне надобно поговорить с тобой. Речь пойдет вот о чем. У старика Аикавы, что живет на Суйдобате, есть дочь О-Току. Ей восемнадцать лет. Девушка эта изрядной красоты, а также примерна в отношении долга перед своим родителем. Случилось так, что, восхищенная твоей преданностью, она полюбила тебя и от любви занемогла, Аикава обратился ко мне с настоятельной просьбой отпустить тебя к нему в наследники, и ты пойдешь.

Тут Иидзима взглянул на Коскэ и увидел ссадину на лбу.

— Постой, Коскэ, — сказал он, — что у тебя со лбом?

— Виноват, — пробормотал Коскэ.

— Ты что, подрался? Ну что ты за негодяй! Так изуродовать себе рожу накануне серьезного шага в своей жизни... Преданный слуга получает раны только на службе господина, ты что, не знаешь этого? Да ведь будь ты настоящим самураем, тебе пришлось бы теперь убить себя!

— Я не дрался, — сказал Коскэ. — Я выходил по делу, и возле дома господина Миябэ на меня упала черепица. Угодила прямо в лоб. Неудачно получилось, прошу извинить меня. Я просто в отчаянии, что это вызвало ваше недовольство, господин...

— Что-то мне кажется, что эта ссадина не от черепицы... Ну да ладно. Все же запомни: затевать драки и получать увечья не годится. Нрав у тебя прямой, но, когда противник хитрит, прямо действовать нельзя. Необходимо терпение. Недаром иероглиф «терпение» изображается знаками «меч» и «сердце» под ним. Ибо терпение чрезвычайно необходимо в таких обстоятельствах, когда стоит сделать один лишний шаг, и сердце твое будет пронзено мечом. Помни, поступив на службу, ты уже принадлежишь не себе, а господину

своему. Будь до конца верен долгу. Никогда не поступай опрометчиво. И не выступай против тех, кто силен хитростью.

Поучения господина четко отдавались в груди Коскэ, и он сказал сквозь слезы благодарности:

— Господин, я слышал, что четвертого числа будущего месяца вы собираетесь на рыбную ловлю... Но ведь совсем недавно скончалась барышня, ваша дочь! Пожалуйста, отложите вашу поездку на реку, с вами там что-нибудь случится!

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо сказал Иидзима. — Рыбную ловлю мы отложим, не беспокойся. Не в этом сейчас дело. Так вот, я предложу тебе идти к Аикаве...

— Какое будет поручение?

— При чем здесь поручение? Дочь Аикавы полюбила тебя, и ты пойдешь к нему в наследники.

— Да, понимаю. Кто, вы говорите, идет к нему в наследники?

— Ты идешь!

— Я? — воскликнул Коскэ. — Я не хочу!

— Дурак! — прикрикнул Иидзима. — Ты будешь человеком! Лучшего тебе и желать нечего.

— А я хочу всегда быть возле своего господина! Не гоните меня от себя, позвольте быть рядом с вами!

— Но ты ставишь меня в очень неловкое положение. Ведь я уже дал согласие, я поклялся на мече!

— Не надо было клясться!

— Если я нарушу слово, мне придется вспороть себе живот.

— Сделайте милость!

— Если ты не будешь меня слушаться, выгоню.

— Выгоняйте! А разве нельзя было рассказать мне все толком до того, как вы дали клятву?

— Да, в этом я виноват, — сказал Иидзима. — Виноват и прошу тебя простить меня. Видишь, кланяюсь тебе, уперев руки в пол, и прошу прощения. Теперь ты согласен пойти к Аикаве?

Коскэ сдался.

— Хорошо, господин, раз так — я согласен. Но пусть это пока будет только сговор, — а я останусь у вас еще на десять лет!

— Что ты! — возразил Иидзима. — Завтра устраивается обмен подарками по случаю помолвки. В начале будущего месяца состоится уже брачная церемония.

Коскэ думал о том, что, если он уйдет в наследники, О-Куни и Гэндзиро убьют господина. Значит, заколоть этих двух негодяев пикой и вспороть себе живот придется сегодня ночью. При мысли о том, что он видит своего господина в последний раз, Коскэ побледнел, и из глаз его полились слезы.

— Экий ты упрямый! — с досадой сказал Иидзима. — Неужели тебе так не хочется уйти к Аикаве? Живут они совсем рядом, от нас до

Суйдобате рукой подать, можешь навещать меня хоть каждый день. Совершенно незачем расстраиваться так. Парень ты как будто бравый, а точишь слезы... Мужчина должен иметь твердый дух!

— Господин, — сказал Коскэ. — Я стал вашим слугой пятого марта. Узнав, что нет у меня ни родных, ни близких, вы отнеслись ко мне с особой благосклонностью, и этой вашей доброты я не забуду даже после смерти. Одно только хочу сказать вам. Откушав водки, вы обыкновенно очень крепко спите. Без водки же вам не спится. Кушайте водки поменьше. Даже с героем, если он крепко спит, злодеи могут сделать все что угодно. Я места себе не нахожу, когда думаю об этом. Будьте всегда настороже, господин! И еще не забывайте каждый день принимать лекарство, которое прислал господин Фудзита...

Иидзима нахмурился.

— Что это ты словно в дальние страны собрался? — сказал он. — Такое мне мог бы и не говорить.

Глава 8

Услыхав в покоях Хагивары женские голоса, Томодзо подкрался и заглянул за полог от комаров. Волосы у него встали дыбом, и он со всех ног бросился было за помощью к Юсаю, но был так перепуган, что вместо этого прибежал к себе домой и, весь дрожа, забился в постель. Только на рассвете он постучался в двери Юсая.

— Кто это? — сонно спросил Юсай.

— Это я, Томодзо!

— Чего тебе?

— Сэнсэй, ^[126]откройте, пожалуйста.

— Рано же ты сегодня поднялся, — недовольно проворчал Юсай. — Никогда так рано не встаешь... Да погоди, погоди, сейчас отворю!

Он поднял щеколду и открыл дверь.

— Ну и темно здесь у вас, — сказал Томодзо, входя.

— Так ведь еще не рассвело, — ответил Юсай. — А фонарь я тушу, когда ложусь...

— Вы только не волнуйтесь, сэнсэй...

— Да ты сам весь трясешься! Что случилось? Чего ты пришел?

— С господином Хагиварой беда!

— Что с ним?

— Такое с ним, что не знаю, как быть... Вот и вы, сэнсэй, и я — мы оба снимаем жилье на земле господина Хагивары. Живем мы все вместе. Обо мне и говорить нечего, я у него совсем как вассал, копаю его огород, смотрю за его садом, бегаю по его поручениям, жена моя ему стирает, и он с нас платы даже не берет, а иногда жалуется нам на

мелкие расходы или одежду со своего плеча. Он мой благодетель, и вот с ним такая беда приключилась! Каждый вечер к нему приходят ночевать женщины...

— Он молод и одинок, — заметил Юсай. — Что же удивительного! Впрочем, может быть, это какие-нибудь злоумышленницы?

— Совсем не то. Да вы слушайте, сэнсэй. Вышел я вчера по одному делу, возвращаюсь уже вечером, слышу — в покоях господина Хагивары женские голоса. Подкрался я и заглянул...

— Нехорошо.

— Ничего! Гляжу, там сетка от комаров висит, а за сеткой сидит господин Хагивара с какой-то красивой женщиной. Сидят они, так это любезно беседуют. Она просит ее не бросать, он отвечает, что в жизни никогда не бросит, пусть даже родитель твой, говорит, тебя выгонит из дома, все равно возьму к себе женой, а она клянется, что не бросит его, даже если родитель убьет ее...

— Сколько же можно подглядывать?

— Вся штука в том, — сказал Томодзо, понизив голос, — что женщина эта — не просто женщина!

— Разбойница?

— Да какая там разбойница!.. Понимаете, сэнсэй, заглянул я за полог и вижу, что на самом деле не красавица она, вся тощая, кожа да кости, лик у нее синий, с прически симада свешиваются космы волос, подола у нее нет, и вообще от бедер книзу ничего нет, и вот своей рукой из кожи да кости она вцепилась господину Хагиваре в шею, а господин сидит со счастливым лицом... Рядом сидит еще одна женщина в прическе марумагэ, тоже тощая, одна кожа да кости. Поднимается вдруг она и идет прямо на меня, и подола у нее тоже не видать, от бедер книзу ничего нет, совсем как привидение, как рисуют на картинках... Увидел я это, перепугался, зуб на зуб не попадает, побежал домой и спрятался... Никак не пойму, как это привидения околдовали господина Хагивару!

— Томодзо, — строго сказал Юсай. — Это правда?

— Ну что за глупости — правда, неправда... С чего я стану врать? Если не верите, сходите нынче ночью сами и убедитесь!

— Да нет, мне как-то не хочется... Странное дело, никогда не слыхивал, чтобы привидения ходили на любовные встречи. Впрочем, в одном китайском романе такой случай описан... Да нет, не может этого быть на самом деле! Ты не врешь, Томодзо?

— Я же вам говорю, сходите сами, если не верите...

— Ну что же, — глубокомысленно сказал Юсай. — Сейчас уже рассвело, привидения, наверное, ушли...

— Сэнсэй, вот что я хочу спросить... Раз господин Хагивара спит с привидением, он должен умереть?

— Непременно умрет. Пока человек жив, он исполнен света, он свободен от скверны и чист. Мертвый же, он погрязает во тьме и

исполняется злобы. Вот почему, вступив в плотскую связь с привидением, живой утрачивает чистоту крови и быстро погибает, пусть ему на роду будет написано прожить хоть сто лет.

— Я слыхал, сэнсэй, что незадолго до смерти у человека на лице проступает тень смерти, — сказал Томодзо. — Вы бы сходили и поглядели на господина Хагивару...

— Хагивара благодетельствовал тебя, — важно сказал Юсай, — а я дружил еще с его отцом, господином Хагиварой Синдзаэмоном, и господин Синдзаэмон перед смертью наказал мне присматривать за его сыном, господином Синдзабуро, как же я могу остаться безучастным при таких обстоятельствах? Ты же о том, что случилось, не смей рассказывать никому!

— Еще чего, — сказал Томодзо. — Я даже жене не рассказал, неужели расскажу кому постороннему?

— Вот и помалкивай, никому ни слова...

Тем временем совсем рассвело, и добрый Хакуодо Юсай, постукивая палкой, вместе с Томодзо вышел во двор. Томодзо отправился в свою пристройку, а Юсай остановился у дверей Синдзабуро...

— Господин Хагивара! — крикнул он. — Господин Хагивара!

— Кто там, простите? — отозвался Синдзабуро.

— Это Хакуодо, с вашего разрешения.

— Рано вы изволили подняться, — удивился Синдзабуро и отворил дверь. — Впрочем, пожилые люди всегда встают рано. Доброе утро, входите, прошу вас... У вас, вероятно, какое-нибудь дело?

— Я пришел, — объявил Юсай, — как физиогномист. Позвольте осмотреть вас по правилам моего ремесла.

— Что это вы в такую рань? Живем рядом, могли бы пожаловать в любое время...

— Нет, не скажите, — возразил Юсай. — Лучше всего осматривать в такое время, как сейчас, когда только взошло солнце... Да и отношения у нас с вами еще со времен вашего отца самые близкие... Ну-ка!

Тут Юсай извлек из-за пазухи увеличительное стекло и стал всматриваться сквозь него в лицо Хагивары.

— Что это вы? — испуганно спросил Синдзабуро.

Юсай спрятал стекло и торжественно сказал:

— Господин Хагивара! Физиогномика говорит, что не пройдет и двадцати дней, как вы умрете!

— Я? Умру?

— Умрете непременно. Необъяснимые вещи бывают на свете, и сделать здесь ничего нельзя.

— Как же мне быть? Да, мне говорили, что когда человеку суждено скоро умереть, на лице его появляется тень смерти... Слыхал я также и то, что вы, сэнсэй, знаменитый физиогномист... Но ведь были же исстари люди, которым за добродетельные поступки даровался полный

срок жизни! Может быть, для меня еще есть средство, сэнсэй, чтобы избежать смерти?

— Такого средства нет. Вот разве что, пожалуй, удалить от себя женщин, которые приходят к вам каждый вечер...

— Никакие женщины ко мне не приходят!

— Ну полно, вчера ночью их видели у вас. Кстати, кто это?

— Да нет, она никак не может быть опасной для моей жизни.

— Более опасного ничего для вас нет на свете.

— Послушайте, сэнсэй, это дочь хатамото Иидзимы, что живет на Усигомэ. По некоторым причинам она со своей служанкой О-Юнэ переехала жить в Сансаки, это такая деревня в Янаке... Мне передали, будто она умерла от любви ко мне, а недавно я встретил ее, и теперь мы встречаемся очень часто... В дальнейшем я намерен взять ее в жены.

— Вы сами не знаете, что говорите! — сказал Юсай. — К вам ходят не женщины, а привидения! В этом теперь не приходится сомневаться, раз вам передавали, что она умерла. И она сидит рядом с вами, обняв вас за шею тощими, как нитки, руками из кожи и костей! Кстати, вы бывали у них дома, в деревне Сансаки?

Синдзабуро ответил, что бывать у них ему не приходилось и что он встречался с ними только у себя дома семь вечеров подряд, считая со вчерашним. От слов Юсая ему стало как-то жутко, и он переменялся в лице.

— Вот что, сэнсэй, — сказал он. — Раз так, я сейчас же пойду в Сансаки и все проверю.

Он вышел из дому и отправился в Сансаки. Там он стал расспрашивать, где живут две женщины такой-то и такой-то внешности, но никто ничего не мог ему сказать. Устав от расспросов, он пошел домой, но на обратном пути, проходя мимо храма Симбандзуй-ин, заметил вдруг позади храма новую могилу с большим памятником, а возле могилы — промокший под дождем красивый фонарь с колпаком в виде пиона. Не могло быть никаких сомнений — это был тот самый фонарь, с которым каждый вечер приходила О-Юнэ. Вконец ошеломленный, Синдзабуро зашел на монастырскую кухню и спросил:

— Простите, не скажете ли мне, чья это могила там, позади храма, на которой лежит фонарь с колпаком в виде пиона?

— Это могила дочери хатамото Иидзимы Хэйдзаэмона на Усигомэ, — ответил монах. — Скончалась она недавно, и ее должны были похоронить у храма Ходзю-дзи, но похоронили у нас, потому что наш храм все равно у Ходзю-дзи в подчинении...

— А чья могила еще там рядом?

— А рядом могила служанки этой девушки. Она умерла от усталости, ухаживая за своей больной госпожой, и их похоронили вместе.

— Вот оно что, — в смятении пробормотал Синдзабуро. — Значит, это и верно привидения...

— Как вы сказали?

— Нет-нет, ничего, — сказал Синдзабуро. — До свидания.

Он чуть ли не бегом возвратился домой и рассказал обо всем Хакуодо Юсаю.

— Странное дело, — озабоченно сказал Юсай. — Удивительное. И за какие только грехи привидение влюбилось в вас?

— Горе мне, — отозвался Синдзабуро. — И ведь, наверное, сегодня вечером опять придут...

— Откуда вы знаете? Они обещали?

— Да. Она сказала, что придет обязательно. Сэнсэй, пожалуйста, останьтесь сегодня на ночь у меня, а?

— Ну уж нет, увольте! — испуганно сказал Юсай.

— Тогда сделайте что-нибудь при помощи ваших гаданий...

— Нет, гадания против привидений бессильны... А вот напишу-ка я господину Рёсэки, настоятелю этого самого храма Симбандзуй-ин! Он человек огромного ума, искушенный в молитвословиях... И мы с ним в дружбе. Отнесите ему мое письмо и попросите помочь.

Юсай написал, Синдзабуро отправился в храм и попросил передать письмо настоятелю, господину Рёсэки. Настоятель Рёсэки действительно благоволил к Юсаю. Прочитав письмо, он сейчас же велел проводить Синдзабуро в свои покои. В коричневой рясе поверх белого кимоно, он восседал, неподвижно выпрямившись, на простом дзабутоне. Лет ему было за пятьдесят, и весь его облик свидетельствовал о высоких его добродетелях и самоотверженности в служении Будде. Синдзабуро невольно перед ним склонился.

— Ты и есть Хагивара Синдзабуро? — услышал он.

— Да, я недостойный ронин, и зовут меня Хагивара Синдзабуро. Не знаю, за какие грехи, но меня преследует призрак умершей. Так пишет вам Хакуодо, и это чистая правда. Почтительно молю вас, отгоните от меня этот призрак.

— В письме сказано, что на твоём лице проступила тень смерти. Подойди ко мне, чтобы я мог взглянуть на тебя. Вот так... Да, сомнений нет, в ближайшее время ты умрешь.

— Молю вас, — воскликнул Синдзабуро, — сделайте так, чтобы я избежал смерти!

— Твою судьбу определяют глубоко скрытые причины, — задумчиво произнес настоятель. — Этому трудно поверить, и все же это так. Призрак преследует тебя не из злобы, но от большой любви. Весь ужас и вся неизбежность судьбы твоей в том, что тебя на протяжении вот уже трех или четырех существований, умирая и вновь рождаясь, меняя свой облик, любит одна женщина. Судьбы избежать невозможно. Но чтобы отогнать призрак, я вручу тебе могучий талисман, именуемый «кайоннёрэй», и вознесу молитвы за умиротворение голодной души

этой женщины. Что касается талисмана, то он из чистого золота, и потому его следует беречь от чужих глаз. В нем четыре суна — изрядный вес, жадный человек может польститься и украсть его в надежде получить хорошую цену, продав хотя бы в виде золотого лома. Ты получишь талисман в ларце и будешь носить его либо в поясе, либо за спиной. Далее, я вручаю тебе сутры «Убодарани», возьми их, будешь их читать вслух. Название их означает «Дождь сокровищ», ибо, когда их читают, всевозможные драгоценности дождем сыплются с неба. Можно подумать, будто это сутры для исполнения алчных желаний, но это не так. Талисман «кайоннёрай» именуется так потому, что к уверовавшему в него нисходит будда Нёрай по имени Кайон — Шум Моря. А сутры «Убодарани» некогда вручил будда отшельнику Мёгэцу, когда тот попросил дать денег для помощи беднякам, страдающим от мора... И еще ты возьмешь вот эти ярлыки-заклятия. Ты оклеишь ими свое жилище так, чтобы привидения не смогли проникнуть к тебе, и будешь читать сутры.

Поблагодарив настоятеля за его доброту, Синдзабуро воротился домой, передал все Хакуодо Юсаю, и они вместе принялись обклеивать стены дома ярлыками с заклинаниями. Затем Синдзабуро заперся в своих покоях, опустил полог от комаров и взялся за сутры. Но как он ни старался читать, ничего у него не получалось. «Нобобагябатэйбадзарадара сагяраниригусяя, татагятая, таниятаонсоропэй, бандарабати, богярэасярэйасяхарэй...» Ничего не понять, словно бред иноземца. А тем временем — бо-он... — ударил четвертую стражу колокол в Уэно, эхом откликнулся пруд у холма Синобугаока, плеснула вода в источнике Мукогаока, и огромный темный мир погрузился в тишину, нарушаемую лишь шумом осеннего ветра среди холмов. Но вот, как всегда, со стороны Нэдзу послышался стук гэта. «Идут!» — подумал Синдзабуро. По лицу его струился обильный пот, сжавшись в комок, он истово, изо всех сил громко читал сутры «Убодарани».

У живой изгороди стук гэта внезапно прекратился. Синдзабуро, бормоча молитвы, выполз из-под полога и заглянул в дверную щель. Видит — впереди, как обычно, стоит О-Юнэ с пионовым фонарем, а за ее спиной несказанно прекрасная О-Цюю в своей высокой прическе симада в кимоно цвета осенней травы, под которым, словно пламя, переливается алый шелк. Ее красота ужаснула Синдзабуро. «Неужели это привидение?» Он мучился, как грешник в геенне огненной. Между тем, поскольку дом был обклеен ярлыками-заклятиями, привидения попятились.

— Нам не войти, барышня! — сказала О-Юнэ. — Сердце господина Хагивары вам изменило! Он нарушил слово, которое дал вчера ночью, и закрыл перед вами двери. Войти невозможно, надобно смириться. Изменник ни за что не впустит вас к себе. Смиритесь, забудьте мужчину с прогнившим сердцем!

— Какие обеты он давал! — печально сказала О-Цую. — А сегодня ночью двери его закрыты... Сердце мужчины что небо осеннее! И в сердце господина Хагивары нет больше любви ко мне... Слушай, Юнэ, я должна поговорить с ним! Пока я не увижу его, я не вернусь!

С этими словами она закрыла лицо рукавом и горько заплакала. Она была и прекрасна, и ужасна в своей красоте. Синдзабуро молча трясся у себя за дверью, повторяя про себя только: «Наму Амида Буцу, наму Амида Буцу...»^[127]

— Как вы преданны ему, барышня, — сказала О-Юнэ. — Достоин ли господин Хагивара такой любви?.. Ну что ж, пойдемте, попробуем войти к нему через черный ход.

Она взяла О-Цую за руку и повела вокруг дома. Но и с черного хода войти им не удалось.

Глава 9

Наложница О-Куни, эта гнусная гадина, спала и видела, как бы выгнать из дома Коскэ или поймать его на каком-нибудь проступке. Когда на следующий день господин Иидзима удалился на службу, пришел Гэндзиро. О-Куни встретила его, как будто отношения у нее с ним самые невинные.

— Добро пожаловать! — жеманно произнесла она в ответ на его приветствие. — Ужасная жара стоит эти дни, не правда ли? Надеюсь, у вас все здоровы? Прошу вас, садитесь сюда, здесь ветерок...

Гэндзиро вполголоса спросил:

— Коскэ не проболтался?

— Нет, — так же тихо ответила О-Куни. — Я страшно боялась, что он донесет, но он смолчал. Сказал господину, что лоб ему поранило упавшей черепицей. Я сама не своя была, вот, думаю, сейчас он скажет про обломок лука, как его били. Нет, не сказал. И о том деле ничего не сказал. Что-то это подозрительно, как ты думаешь?.. Прямо не знаю, куда деваться от этой жары! — сказала она громко и продолжала шепотом: — И вот еще что. В нашего Коскэ влюбилась О-Току, дочка господина Аикавы Сингобэя, знаешь, что живет на Суйдобате... Заболела от любви, есть же дуры на свете, ну что ты скажешь! Так старик Аикава притащился к нам весь в поту просить господина, чтобы Коскэ отдал к нему в наследники. И господин дал согласие, потому что благоволит к Коскэ. С тем Аикава ушел, а сегодня у них устраивается обмен подарками по случаю помолвки...

— Вот и хорошо, — обрадовался Гэндзиро. — Коскэ уйдет из дому, и конец волнениям...

— Так, да не так, — возразила О-Куни. — Правда, он идет наследником в дом Аикавы, но ведь господин будет при этом его посаженным отцом! А уж тогда этот парень будет держаться совсем как родня господина. Он и в слугах-то нахален не по чину, а тогда и подавно рассчитается с тобой за побои... И наш разговор тогдашний он вдобавок подслушал! Нет, как ты там хочешь, а Коскэ ты должен убить.

— Он умеет владеть мечом, как же я его убью? — уныло проговорил Гэндзиро.

— Хотелось бы все же знать, почему ты не владеешь мечом?

— Придумал! — сказал Гэндзиро. — У нас есть слуга, этакий молодой дурак Айскэ. Он влюблен в барышню Аикава, и его надо натравить на Коскэ. Когда они подерутся, мы выгоним Айскэ за драку из дома. Но наказание участникам драки полагается одинаковое, и дядюшке из вежливости перед соседями тоже придется прогнать Коскэ... Вот плохо только, что завтра от Аикавы дядюшка и Коскэ будут возвращаться вместе. Нельзя ли устроить так, чтобы Коскэ пошел домой раньше и один?

— Ничего нет легче, — сказала О-Куни. — Я скажу господину, что Коскэ мне будет нужен, и попрошу отослать его домой пораньше. Не сомневаюсь, что господин так и сделает. Пусть этого наглеца встретят за поворотом дороги и как следует изобьют... — Она заговорила в полный голос. — Право, вам не следовало бы уходить так скоро. До свидания.

Вернувшись домой, Гэндзиро поспешил в людскую и застал придурковатого Айскэ, когда тот выводил, гундося, незамысловатую песенку.

— Молодец, Айскэ! — сказал Гэндзиро. — У тебя хорошо выходит! Айскэ вскочил.

— Никак молодой господин? — растерянно сказал он. — Жарко больно нынче, что ни день, то жарища...

— Да, жарко... Кстати, старший брат тоже ставит тебя высоко и всегда хвалит. Айскэ, говорит, у нас лучший слуга — и с хозяйскими делами успевает, и со своими управляет. А поскольку у тебя, кажется, нет никого из родных, он намерен отдать тебя в хороший дом наследником к какому-нибудь самураю. Хочет быть твоим посаженным отцом.

— Покорнейше благодарим, — радостно осклабился Айскэ. — Очень даже благодарим за такую милость. И господина благодарим, и вас, молодой господин, что вы обо мне, недотепа, так полагаете... И сказать толком не могу, как вам благодарен... Только вот трудно мне будет стать самураем, я же неграмотный совсем...

— Говоря по правде, — продолжал Гэндзиро, — старший брат заметил однажды, будто собирается предложить тебя в наследники к Аикаве, да знаешь ты, который живет на Суйдобате. В мужья дочери его О-Току, ей нынче восемнадцать лет.

— Вот это да! — вскричал Айскэ. — Неужто правда? Это здорово! Эта барышня приятная, таких, поди, больше на свете и нет... Щечки такие кругленькие, задок пухлый... Красивая барышня, очень красивая!

— Рисовый паек у них невелик, — продолжал Гэндзиро, — так что им все равно, кого в дом брать, лишь бы был человек серьезный. И совсем было уже договорились, что ты подойдешь, но вмешался этот дзоритори соседский, Коскэ, и все пошло насмарку. Коскэ заявился в людскую Аикавы и наговорил там, что Айскэ, мол, негодяй, пьяница, в пьяном виде ничего не разбирает, всех лупит, даже хозяев, путается с девками, играет на деньги, да еще и вороват вдобавок. Узнав об этом, Аикава, конечно, от тебя отказался, и переговоры наши кончились. А теперь в наследники туда идет сам Коскэ, сегодня, говорят, уже устраивают обмен подарками в честь помолвки. Видишь, даже на дзоритори согласились. А ты ведь как-никак два меча носишь, хоть и деревянных. Представляешь, как бы тебе были рады? Нет, этот Коскэ скотина все-таки!

— Что-о? — взревел Айскэ. — В наследники Коскэ идет? Ах он мерзавец! Мешать моей любви?.. И я же еще вороват!.. И вдобавок хозяев луплю!.. Нет, вы мне скажите, когда это я хозяев своих лупил?

— Какой толк мне это говорить? — сказал Гэндзиро.

— Так обидно же, молодой господин! Ну и подлец же он! Ну, я этого так не оставляю!

— А ты задай ему хорошенько, — посоветовал Гэндзиро.

— Задай... Драться мне с ним нельзя, он меня одолеет. Он же фехтование знает, мне с ним не справиться.

— А ты вот что сделай. Ты знаешь слугу господина Танаки? Его еще зовут Забияка Камэдзо, он весь в шрамах с головы до ног. Вот ты его и подговори, да еще Токидзо, слугу господина Фудзиты. Втроем нападите на Коскэ за поворотом дороги, когда он будет возвращаться от Аикавы, избейте до полусмерти, даже убейте и бросьте в реку.

— Убивать не стоило бы, а излупить надо. А что мне будет, если про драку узнают?

— Если про драку станет известно, я доложу старшему брату, он прикажет немедленно уволить тебя, и тебя прогонят.

— Нет, тогда я драться не буду, — решительно сказал Айскэ.

— погоди, послушай. Как только мы тебя уволим, сосед из вежливости тоже, конечно, уволит Коскэ. А раз его уволят, Аикава не сможет взять его в наследники, потому что у него не будет посаженного отца. Мы же немного погодя снова возьмем тебя и отдадим Аикаве в наследники. Понял?

— Все понял, молодой господин, — сказал Айскэ. — Сердечно благодарим за вашу доброту...

Гэндзиро достал из-за пазухи несколько монет.

— Возьми, — сказал он. — Выпей и угости Камэдзо и Токидзо.

— Ко всему еще и деньги! — обрадовался Айскэ. — Покорнейше благодарим, молодой господин...

Айскэ побежал разыскивать Камэдзо и Токидзо, рассказал им, в чем дело, те из озорства согласились и тут же сговорились обо всем. Между тем Иидзима Хэйдзаэмон, ни о чем не подозревая, в сопровождении Коскэ вернулся со службы домой.

— Господин, — обратилась к нему О-Куни. — Я слышала, что вы сейчас уходите к Аикаве для обмена подарками. Так я хотела попросить вас отпустить Коскэ домой пораньше, у меня есть для него поручение. Как только он управится, я пошлю его встретить вас.

— Хорошо, — сказал Иидзима, и они вместе с Коскэ отправились к Аикаве.

Аикава жил в маленьком домике на Суйдобате.

— Прошу прощения! — крикнул Коскэ у дверей. — Разрешите войти?

— Кто это? — всполошился Аикава. — Эй, Дзэндзо, поди в прихожую, посмотри, кто пришел... Дзэндзо, ты где? Куда, он девался?

— Сами же отослали его по делу, — сказала служанка.

— Совсем запамятовал... Постой, уж не господин ли Иидзима пожаловал? Живо положи в пепельницу уголек, приготовь чай! А вдруг с ним и господин Коскэ? Беги, скажи О-Току! Все приготовь как следует! А я пойду встречать...

Он выбежал в прихожую, где ждали Иидзима и Коскэ.

— Вот уж не знал, что вы так рано пожалуете! — радостно вскричал он. — Прошу вас, проходите прямо сюда... Дом наш, правда, неказист на вид... И господин Коскэ... Впрочем, с вами мы потом... — Тут он, спеша и волнуясь, стукнулся головой о столб и, охнув от боли, проводил Иидзиму в гостиную. — А жарко все по-прежнему... Как мне благодарить вас, господин Иидзима, вы так благосклонно отнеслись к моей вчерашней просьбе... и вот уже все сделано...

— Я должен извиниться перед вами, — учтиво сказал Иидзима. — Вы вчера так спешили, и я не успел вас попотчевать чаркой.

— Прихожу это я вчера от вас и рассказываю дочери, что вы благосклонно согласились отдать господина Коскэ в наш дом и что завтра в вашем присутствии устраивается обмен подарками, так она даже заплакала от радости... Я так рассказываю, что вы можете подумать, будто она легкомысленна, но это совсем не так... Это, говорит, потому, что я все время думаю о вас, это она мне говорит, и я теперь должна поскорее поправиться, потому что, говорит, я и так доставляла вам до сих пор одни только неприятности... Выпила сразу три порошка лекарства и скушала две чашки кашицы. Это, говорит, потому, что придет господин Коскэ. Сегодня она уже совсем поправилась. Боюсь, говорит, что не понравлюсь господину Коскэ в таком неприглядном виде, принарядилась, нарядилась... Кормилица и та себе зубы начернила,^[128] просто беда! Да и то сказать, мне ведь уже пятьдесят пять лет, хочется все передать наследнику и уйти на покой...

И как ни стыдно мне за свою поспешность, но сердечно благодарю вас, господин Иидзима, за то, что вы столь скоро снизошли к моей просьбе.

— Когда я сообщил о своем решении Коскэ, — сказал Иидзима, — он очень обрадовался. «Это просто счастливый случай, — сказал он, — что выбор пал на меня, недостойного». Видимо, он доволен.

— Ну еще бы, — подхватил Аикава. — Он верный человек и делает все, что прикажет господин, даже если это ему не по душе. Таких верных людей нигде не сыщешь. Даже среди хатамото, а их восемьдесят тысяч всадников, нет такого верного ни одного. За это его дочь и полюбила... Эй, кто там? Дзэндзо еще не вернулся? Бабка!

— Что прикажете? — отозвалась кормилица.

— Приветствуй господина Иидзиму.

— Я и то все хочу ему поклониться, — проворчала кормилица, — да вы все говорите, суетитесь, никак не встрянуть... Господин Иидзима, добро вам пожаловать!

— Здравствуй, бабка, — сказал Иидзима. — Позволь поздравить тебя с выздоровлением госпожи О-Току. Ты, верно, совсем с нею извелась, не так ли?

— Вашими заботами, господин, она нынче здорова. Я ведь при барышне давно, еще младенцем она была, нрав ее знаю, а вот подите же, ничего она мне не сказала, все только недавно открылось. И вам хлопот с этим делом доставили, спасибо вам сердечное...

— Что, Дзэндзо еще не вернулся? — сказал Аикава. — Долго он что-то... Подавай сладости, бабка. Как изволите видеть, господин Иидзима, у нас тут довольно тесно... Разрешите, однако, попотчевать вас рыбой и чаркой водки... И еще позвольте обратиться к вам с такой просьбой... У нас здесь тесно, и другой гостиней в доме нет, так что мне хотелось бы пригласить Коскэ сюда, вместе с вами... Хотелось бы сегодня без церемоний, как будто он и не слуга, попотчевать его водкой за одним столом с вами. Разрешите, я схожу за Коскэ...

— Зачем же? — сказал Иидзима. — Давайте я сам позову.

— Нет-нет, — сказал Аикава. — Позвольте уж мне. Он жених моей дочери, мой наследник, он подаст мне на смертном одре последнюю чашку воды...

С этими словами он поднялся и вышел в прихожую.

— Господин Коскэ! — вскричал он. — Рад, что вы в добром здравии. И служите вы, как всегда, хорошо... Пойдемте! — Он повел Коскэ в гостиную. — Хочу сегодня без церемоний угостить вас чаркой за одним столом с вашим господином... Впрочем, прошу прощения, водки вы не пьете, тогда отведайте закуски...

— Очень рад видеть вас во здравии, господин Аикава, — сказал Коскэ. — Мне говорили, что барышня, ваша дочь, нездорова. Надеюсь, ей лучше?

— Что же это вы, — укоризненно сказал Аикава. — Разве свою жену называют барышней?

— Так вы его только смущаете, — сказал Иидзима. — Коскэ, тебя пригласили. Извинись и пройди сюда.

— Действительно, превосходный парень, — восхитился Аикава. — Гм... Э-э... Ну вот, ваш господин был так любезен, что не замедлил выполнить просьбу, которую я изложил ему вчера. Конечно, рисовый паек наш мал, дочь у меня глуповата, сам я, как вам известно, человек легкомысленный... Что с нас возьмешь? Дочь полюбила вас и заявила, что никого, кроме вас, ей не нужно. Может быть, вы думаете, что это ветреность? Вовсе нет. Семи лет она осталась без матери, и до восемнадцати лет воспитывал ее я. Это обо мне она думала, когда полюбила вас за вашу верность долгу и даже заболела от любви. И прошу вас ее любить и жаловать такую, как она есть... А я мешать вам не буду, сразу отойду от дел, забьюсь куда-нибудь в уголок, и все тут, только иногда давайте мне карманные деньги... Вот, правда, подарить вам у меня нечего, разве что меч работы Тосиро Рёсимицу, отделка грубая, а так ничего, вещь стоящая. Его я вам и передам. А уж успех ваш в жизни будет зависеть от ваших достоинств.

— Вы совсем смутили Коскэ, — сказал Иидзима. — Ну, конечно, он очень благодарен вам. Но по некоторым причинам ему хотелось бы отслужить у меня до конца этого года. Пусть уж дослужит, а свадьбу устроим в феврале будущего года. Помолвка, разумеется, состоится сегодня.

— В феврале будущего года... — сказал Аикава. — А нынче у нас июль. Июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль... Через восемь месяцев, значит. Не слишком ли это долго? Ведь за восемь месяцев вещь в закладе и та пропадает...

— Причины весьма основательные, — настаивал Иидзима.

— Ах, вот как? Понял, молодец!

— Поняли все-таки?

— Все понял, — сказал Аикава. — Понятно теперь, почему дочь в него влюбилась. Да я и сам еще прежде нее влюбился. Причина-то, наверное, вот в чем... До конца года Коскэ будет учиться у вас фехтованию, и так руку набьет, что получит диплом! Ну конечно, так оно и должно быть... Господин Коскэ, видно, так полагает: умный я, и собой хорош, но войти наследником в дом самурая без подарка как-то все-таки не годится. Вот он и хочет войти с дипломом в руках. Или хотя бы в списки мастеров попасть. Ведь верно? Молодец, молодец... И держится так скромно...

— Господин, — сказал Коскэ, поднимаясь. — Мне пора возвращаться.

— Уходите? Ну что ж, если по поручению господина, то так, стало быть, и надо... Погодите, однако, разрешите угостить вас, хоть в доме нашем ничего особенного нет... Куда это Дзэндзо запропастился? Послушайте, господин Коскэ, вы, может быть, еще вернетесь сюда сегодня вечером? Впрочем, вы идете по поручению, так что, может

быть, и не вернетесь... Проходите, пожалуйста, в покои О-Току и повидайтесь с нею... Она ведь так вас ждала сегодня, столько пудры извела... Не пропадать же зря пудре!

— Вы опять Коскэ смущаете, — с упреком сказал Иидзима.

— Одним словом, сходите и проведайте...

— Раз тебя просят, — строго сказал Иидзима, — сходи и проведай барышню. Пока ты не вошел наследником в этот дом, ты остаешься слугой дома Иидзимы. Изволь пойти и справиться у барышни о ее здоровье. Отчего же ты мнешься, однако? Ступай и спроси барышню, выздоровела ли она.

Коскэ только кланялся, не зная, куда деваться от смущения.

— Сюда пожалуйста, — сказала кормилица, — дозвоьте вас проводить...

Когда она ввела его в комнату О-Току, он выпалил:

— Долго изволили недужить, барышня, пришел справиться, каково ваше здоровье.

— Вот она у нас какая, господин Коскэ, — сказала кормилица. — Просим любить да миловать... Барышня, к вам господин Коскэ пожаловали! Да что ж вы покраснелись-то так, это тот самый, из-за кого вы исстрадались вся, говорили еще, грозились обиды ему высказать, как он придет... А сейчас только краснеете, вот и задом еще повернулись, да кто же это задом здороваается?

— Разрешите откланяться, — поспешно сказал Коскэ и вернулся в гостиную. — С вашего разрешения, — обратился он к Аикаве, — мне пора. Если успею управиться, снова обеспокою вас.

— Ну что ж, — вздохнул Аикава. — Ступайте... На дворе темно уже, у вас есть что-нибудь?

— Что именно?

— Ну, фонарь какой-нибудь есть?

— Да, фонарь есть.

— А может быть, все-таки в чем-нибудь нуждаетесь? Вот свеча, например, у вас есть?.. Ах, есть? Ну, тогда прекрасно...

Коскэ попрощался и вышел. Если бы он стал возвращаться обычной дорогой, то у поворота его встретила бы троица, о которой мы упоминали. Но Коскэ перешел мост Рюкэйбаси и вернулся домой со стороны холма Каруко. Судьба ему благоприятствовала. О-Куни даже испугалась, когда он доложил о возвращении. Она-то думала, что его сейчас лупят насмерть в три деревянных меча, обшитых медью, а он явился как ни в чем не бывало.

— Откуда это ты, что это ты? — спросила она растерянно.

— Вы приказали вернуться, потому что у вас есть для меня поручение по дому, вот я и вернулся...

— А как же ты шел?

— Из Суйдобаты через мост Рюкэйбаси и дальше через холм Каруко.

— Вот оно что... Ну так вот, я думала, что тебя сегодня задержат у Аикавы, и все сделала сама. Иди обратно и встречай господина. И смотри не разминись с ним. Господин всегда ходит там, где поворот, вот и ступай по этой дороге. На дороге и встретишь его, если он уже вышел. Иди сейчас же, не мешкай.

— Знал бы, не стал бы возвращаться, — пробормотал Коскэ и пустился в обратный путь.

Трое приятелей, сидевших в засаде у поворота с деревянными мечами наготове, ждали его с другой стороны. Но они сразу заметили человека с фонарем. Пригляделись — точно он, Коскэ. Айскэ вышел ему навстречу и крикнул:

— Эй, стой!

— Кто это? — остановился Коскэ. — А, это ты, Айскэ?

— Да, Айскэ! Жду тебя, чтобы задать тебе взбучку!

— Что это ты? С какой стати нам с тобой драться?

— Ты наврал про меня у Аикавы, сволочь, — объявил Айскэ, — и не дал мне стать наследником. Ты наболтал там, будто я воришка! Зачем врал? Сам к барышне пристраиваешься? Дерьмо ты этакое, все остальное бы ладно, но воришку я тебе не спущу. Я тебе так сейчас наkostenю, что долго будешь помнить...

Тут Камэдзо, подойдя сбоку, ударил деревянным мечом по фонарю, который держал Коскэ. Фонарь упал на дорогу и загорелся.

— Без году неделю служишь, сволочь, — сказал Камэдзо, хватая Коскэ за грудь, — подольстился к господину, так думаешь, можешь нос задирать? И вообще ты мне не по нраву...

«Да у них здесь целая шайка!» — подумал Коскэ. Вглядевшись в темноту, он заметил еще одного, сидевшего на корточках у края дороги. И тогда он вспомнил поучение господина: когда врагов много, нельзя терять голову и лучше всего действовать лежа. Воспользовавшись неосторожностью Камэдзо, схватившего его за грудки, он вцепился забиюке в бока, мигом опрокинулся на спину и правой ногой точно ударил его в пах. Камэдзо перевернулся через голову, ударился о землю и остался лежать возле дороги. Айскэ и Токидзо разом бросились на Коскэ слева, но он ловко увернулся, выхватил из-за пояса свой деревянный меч и с треском обрушил его на зад Айскэ. У Айскэ от боли закружилась голова, потемнело в глазах, подкосились ноги, он, шатаясь, пробежал несколько шагов, не разбирая дороги, и повалился в придорожную канаву. Вслед за ним свалился, получив удар, и Токидзо.

— Кто там еще есть, выходи! — закричал Коскэ. — Все вассалы Иидзимы живы и готовы к бою! Но сгорел фонарь с гербом, как я оправдаюсь перед господином?

— Довольно с них, — сказал Иидзима, выступая из темноты. — Успокойся.

— Господин? — опешил Коскэ. — Зачем вы тут? Ну, конечно, вы видели, что я дрался, и теперь мне опять попадет...

— Я возвращаюсь от Аикавы, — объяснил Иидзима, — и вдруг вижу это безобразие. Ну что ж, подумал я, если этот мальчишка не справится, придется помочь ему. Хорошо хоть, что справился... Подбери обломки фонаря и иди за мной.

Когда они вернулись домой, О-Куни была удивлена и испугана второй раз. Но виду она не подала, и вечер прошел, как обычно. А на следующее утро к Иидзиму явился Гэндзиро.

— Доброе утро, дядюшка, — почтительно поздоровался он.

— Доброе утро, — благосклонно отозвался Иидзима.

— Дядюшка, — сказал Гэндзиро. — Вчера вечером у поворота дороги ваш слуга Коскэ и наш слуга Айскэ учинили драку. Айскэ приплелся домой весь избитый. Старший брат мой сильно разгневался, назвал его мерзавцем и выгнал со службы. Известно, однако, что наказание участникам драки полагается одинаковое, поэтому мы надеемся, что будет уволен и Коскэ. Ведь затевать драку из-за личных счетов — проступок для слуги непростительный. Я позволил себе доложить вам обо всем от имени старшего брата.

— Вы прекрасно сделали, — ответил Иидзима. — Но вины на Коскэ нет. Вчера вечером он с фонарем сопровождал меня по дороге домой, как вдруг у поворота на него набросились Камэдзо из дома Танаки, Токидзо из дома Фудзиты и ваш Айскэ. Они не только задержали меня, но еще и сожгли фонарь с моим гербом. Я хотел казнить мерзавцев на месте, но решил, что рубить слуг соседей было бы недостойно. А тем временем разъяренный Коскэ разогнал их своим деревянным мечом. Так что за вчерашний случай он не несет ответственности. Вы, несомненно, правильно сделали, что доложили мне об всем. Прошу и впредь докладывать, если Коскэ подаст повод для вашего недовольства. И вы совершенно правильно сделали, что уволили негодяя, посмевшего заступить мне дорогу. Держать таких слуг, разумеется, нельзя. Так и доложите вашему старшему брату. А я сейчас напишу Танаке и Фудзите, чтобы уволили Камэдзо и Токидзо...

Гэндзиро, видя, что план его провалился и Коскэ остался в доме Иидзимы, так растерялся, что удалился домой, не попрощавшись.

Глава 10

Томодзо, которому в том году исполнилось тридцать восемь лет, жил со своей женой, тридцатипятилетней О-Минэ, небогато, но благодаря Хагиваре Синдзабуро вполне сносно. Томодзо возделывал огород Хагивары, убирал его сад и двор, О-Минэ готовила Хагиваре

обед, стирала на него, солила и мариновала овощи, и Хагивара относился к ним, как к родовым вассалам. Он не только не брал с них денег за жилье, но время от времени жаловал им карманные деньги и одежду со своего плеча. Надо сказать, что Томодзо был ленив и никаким ремеслом не занимался, работала одна лишь О-Минэ, просиживая над рукоделем каждый вечер до восьмой, а то и до девятой стражи.

Раз вечером О-Минэ по обыкновению сидела за своим рукоделем, а Томодзо валялся на спальной циновке за пологом от комаров и болтал ногами. Полог был дырявый и весь в узлах от веревочек, стягивавших дыры. Колокол вдали пробил четвертую стражу, мир затих, только изредка слышался звонкий плеск воды в источнике да ночной осенний ветер как-то жутко шуршал в листьях и траве, когда же порывы ветра стихали, тишина становилась еще более тоскливой и глубокой. В такой тишине хорошо слышен малейший шорох, и вот О-Минэ, к своему изумлению, услышала, что ее муж с кем-то шепчется за пологом. Она подкралась и осторожно взглянула сквозь тень, которую фонарь отбрасывал на сетку. Видит — Томодзо поднялся и сидит прямо, положив руки на колени. И кто-то еще есть за пологом, кто разговаривает с ним. Но кто, разглядеть она как следует не смогла, только показалось ей, что голос женский, и в груди ее зашевелился червячок ревности. Высказать свою ревность открыто она не посмела, ведь ей было уже тридцать пять лет, не молоденькая; а пока она всячески поносила мужа про себя, женщина скрылась. О-Минэ на этот раз промолчала, но на следующий вечер женщина пришла опять и снова шепталась с Томодзо за пологом. И так продолжалось три вечера подряд. На третий вечер О-Минэ уже еле удерживалась, нос у нее заострился, и она раздувала ноздри.

— О-Минэ, — позвал из-за полога Томодзо, — пора спать, ложись.

— Дура я, дура, — сказала О-Минэ. — Работаю до четвертой, до пятой стражи.^[129]

— Не ворчи, иди и ложись скорее.

— Дурой надо быть, чтобы работать так без сна...

— Идешь ты под полог или нет?

О-Минэ со злости рывком высоко подняла полог и вошла к мужу.

— Кто же так под полог входит? — закричал Томодзо. — Ты же комаров напустила полно!

— Томодзо, — сказала О-Минэ, — что за женщина приходит к тебе каждый вечер?

— Не твое дело, — буркнул Томодзо.

— Может, и не мое, но я этого терпеть не буду. В самом деле, я ночей не сплю, работаю на тебя в поте лица, а тебе на все наплевать, девок сюда таскаешь... Какая там я ни на есть, постыдился бы... Мог бы прямо сказать, так, мол, и так...

— Погоди, — сказал Томодзо. — Совсем не в этом дело. Я уже давно хотел поделиться с тобой, да все боялся испугать тебя...

— Это меня-то испугать? Ну уж нет! Тебя эта дрянь, может быть, и испугала чем-нибудь, ты ей, верно, сказал, что есть у тебя жена и ты с другими девками путаться не можешь, а она тебе пригрозила отомстить или что-нибудь в этом роде... Вот дрянь бессовестная! Нагло влезла в дом к женатому мужчине и еще смеет грозить! Да пусть только попробует вытащить нож, я ей покажу!..

— Да не то это совсем, — остановил ее Томодзо. — Ладно, я расскажу, только ты не пугайся. Женщина, что сюда каждый вечер приходит, служанка одной барышни, влюбленной в господина Хагивару. И барышня эта к нему все время ходит...

— Господин Хагивара имеет на то доходы господина Хагивары, а ты куда из своей нищеты за ним тянешься? Порезвиться захотелось? Значит, ты с этой прислугой спутался?

— Говорю тебе, здесь совсем другое! Вот что было по-настоящему. Позавчера вечером, только я задремал, появляется со стороны источника женщина в летах с фонарем в виде цветка пиона и ведет за собой молоденькую барышню. Подходят они к нашему дому, а я и думаю, зачем бы это женщинам такой благородной наружности могли понадобиться такие люди, как мы с тобой. Однако старшая женщина заходит ко мне, кланяется и спрашивает: «Вы Томодзо?» Я отвечаю, что да, я, мол, Томодзо и есть. «Вассал господина Хагивары?» — спрашивает. Да, говорю, все равно что вассал. «Ну так вот, — говорит она. — Господин Хагивара очень жестоко обошелся с моей госпожой. Барышня его любит всем сердцем, и они сговорились встретиться нынче ночью, но он, видно, разлюбил ее и устроил так, что мы не можем к нему войти. Так поступают только бессердечные люди. А в дом его мы не можем войти потому, что на окошко, которое выходит на задний двор, наклеен ярлык с заклятием. И я очень прошу вас, из жалости к моей госпоже, отклейте этот ярлык, окажите любезность». Ну что ж, говорю, раз вы так просите, завтра, так и быть, сдеру вам этот ярлык. «Только не забудьте, пожалуйста», — сказала она и ушла. Но вчера я целый день копался на огороде и совсем забыл об этом деле. Вечером она опять приходит и спрашивает: «Почему же вы не отклеили?» Эх, говорю, забыл, но уж завтра сдеру непременно. Нынче утром собираюсь на огород, зашел по пути на задний двор и вижу — действительно, на маленьком окошке наклеен ярлык со святой молитвой. Как же так, думаю, никакой человек через такое узкое окошко не пролезет. И вспомнил тут я, что мне рассказывали, будто барышня эта умерла и ходит к господину Хагиваре в виде привидения. Так вот, думаю, в чем дело! Значит, ко мне два вечера подряд привидения ходили... У меня от страха даже волосы дыбом встали.

— Что за глупые шутки, — сердито произнесла О-Минэ.

— Решил я, что больше они не придут, — продолжал Томодзо. — Нет, пришли-таки. Но сегодня я знал, что это привидения, и от страха не мог рта раскрыть, только обливался холодным потом и весь заостенел. Было мне так тяжело, будто меня чем-то придавили. «Что же вы не отклеили? — спрашивает старшая женщина. — Смотрите, мы можем на вас рассердиться...» И лицо у нее при этом стало такое жуткое, что сказать нельзя. Ладно, ладно, говорю, завтра обязательно все сделаю. С тем они и ушли. Я сижу весь сам не свой, а тут еще ты со своей ревностью... И вот что я думаю. Мне совсем не хочется, чтобы привидения обратились против меня, но если содрать ярлык, они господина Хагивару загрызут либо как-нибудь по-иному убьют, так что я решил отсюда переехать.

— Врешь ты все, — сказала О-Минэ. — Хочешь меня одурачить. Разве такое может случиться?

— Если сомневаешься, завтра сама их встретишь и будешь разговаривать. А с меня довольно, я в шкаф спрячусь.

— Значит, это правда?

— А вот поговоришь с ними и увидишь.

— Но ведь я слышала стук гэта, когда она уходила...

— Да. И она очень красивая женщина. Только от этого еще страшнее. И завтра вечером, когда они явятся, ты будешь со мной рядом.

— Ужас какой... Нет, я не хочу.

— Барышня в узорчатом кимоно, в причёске симада, служанка тоже очень благородной наружности... Этак вежливо кланяется до земли, с грустным таким, исхудалым лицом, и говорит: «Господин Томодзо, вы...»

— Боюсь! — взвизгнула О-Минэ.

— Фу-ты, напугала меня! Что ты так кричишь?

— Как же быть, Томодзо, страх-то какой!.. У нас ведь есть чем губы помазать только милостями господина Хагивары... А ты вот что сделай! Завтра, как привидения явятся, ты уж соберись с духом и скажи им: так, мол, и так, дело обыкновенное, вы собираетесь свести с господином Хагиварой какие-то счета, но мы-то с супругой, скажи, только милостями его и живы, и если с ним что случится, жить нам будет не на что. Так что, скажи, сделайте такую милость, принесите мне сто рё золотом, и я сразу же сдеру ярлык... Конечно, тебе будет очень страшно, но ты всегда хвалился, что, если выпьешь водки, тебе все нипочем. Я эту ночь поработаю и куплю тебе завтра пять го^[130] водки, а ты выпьешь, запьянеешь и скажешь им все...

— Вот дура, — сказал Томодзо. — Да откуда у привидения деньги?

— Вот в том-то и дело! Не принесете денег, не отклею ярлык. Нет такого непонятливого привидения, которое убило бы тебя за то, что ты отказываешься сдирать ярлыки даром. Вдобавок против тебя ведь они

ничего не имеют. То, что ты им скажешь, вполне разумно. А принесут деньги, тогда, так и быть, отклеивай...

— И верно, — сказал Томодзо. — Эти привидения с понятием, если им все как следует объяснить, они согласятся и уйдут. А может, и впрямь принесут сто рё!

— Тогда отклей этот ярлык! Подумай только, если у нас будет сто рё, да мы всю жизнь с тобой ни в чем нуждаться не будем!

— Да, это было бы здорово, — сказал Томодзо. — А ведь обязательно принесут деньги! Ладно, попробуем.

Страшная это вещь — жадность. Весь день супруги ждали захода солнца. Когда стемнело, О-Минэ объявила, что смотреть на мертвецов боится, и забралась в шкаф. Близилась четвертая стража, и Томодзо залпом осушил большую чашу водки. Он твердо решил, что говорить с привидениями будет в пьяном виде. Вот колокол у пруда Синобадзу ударил четвертую стражу. О-Минэ в шкафу, несмотря на жару и духоту, зарылась в тряпье и застыла, скорчившись в три погибели. Томодзо ждал, восседая за пологом. Со стороны источника слышался стук гэта, и, как всегда, словно в тумане, у живой изгороди появились две женщины с пионовым фонарем. Томодзо затрясся, будто его облили ледяной водой, хмель мигом слетел с него, так что выпитые им три го водки пропали даром... Так он сидел и дрожал, когда привидения приблизились к пологу и окликнули его.

— Да-да, — проговорил Томодзо. — Добро пожаловать...

— Простите нас за то, — сказала старшая женщина, — что мы приходим и беспокоим вас каждый вечер. Но ведь и сегодня ярлык не отклеен, и нам не войти к господину Хагиваре. А барышня капризничает, я совсем извелась с нею. Сжальтесь же над нами, пожалуйста, отклейте ярлык!

Томодзо сказал, стуча зубами.

— Да-да, все это верно, конечно... Да только дело-то в том, что мы с женой живы ото дня ко дню одними милостями господина Хагивары. Если с ним что случится, нам же с женой жить не на что будет. Вот если бы вы принесли нам на бедность сотню золотых рё, я бы этот ярлык с превеликой радостью отодрал...

Он говорил с трудом, обливаясь холодным потом. Женщины поглядели друг на друга и задумались, опустив головы. Затем служанка сказала:

— Теперь вы сами изволите видеть, барышня, что мы зря беспокоим этого доброго человека. Он ведь не сделал нам никакого зла. Что делать, сердце господина Хагивары вам изменило, напрасно вы стремитесь к нему. Будьте мужественны, забудьте о нем!

— Я не могу, О-Юнэ, — сказала девушка и тихо заплакала, закрыв лицо рукавом. — Дай господину Томодзо сто рё и пусть он отклеит ярлык. Прошу тебя. Я должна увидеть господина Хагивару.

— Да где же мне взять сто золотых? — сказала О-Юнэ. — Ну ладно, я что-нибудь придумаю и достану... Но это еще не все, господин Томодзо. Нам мешает не только ярлык. За пазухой у господина Хагивары хранится святой талисман «кайоннёррай», и талисман этот тоже не дает нам приблизиться к господину Хагиваре. Завтра днем вы должны выкрасть его и куда-нибудь выбросить. Сможете вы сделать это?

— Изловчусь, — ответил Томодзо. — Выкраду и талисман. Вы только деньги принесите.

— Ну что ж, — сказала О-Юнэ, — пойдемте, барышня. Придется подождать до завтра.

— Опять возвращаться, не повидав его! — простонала девушка.

О-Юнэ взяла ее за руку и увела.

Глава 11

Двадцать первого числа господин Иидзима ушел на ночную службу, а О-Куни долго лежала без сна, мечтая о том, как она в конце концов все-таки соединится с Гэндзиро. Четвертого числа будущего месяца господин должен будет отправиться с Гэндзиро на рыбную ловлю, и там Гэндзиро утопит его, после чего станет в этом доме наследником. Замысел хорош, но о нем пронюхал Коскэ. Как сделать, чтобы господин либо уволил Коскэ, либо в гневе зарубил его? О-Куни ломала над этим голову, пока не задремала от усталости. Вдруг она открыла глаза и увидела, что фусума в ее комнате тихо раздвинулись.

В те времена в самурайских домах еще не было бамбуковых штор, и сёдзи на верандах, а также фусума в покоях задвигались на ночь даже во время жары. И вот фусума в спальне О-Куни раздвинулись, и слышались крадущиеся шаги. Затем раздвинулись фусума в покоях рядом. «Что это? — подумала О-Куни. — Неужели кто-нибудь в доме еще не ложился?» Было слышно, как кто-то подергал дверцу стенного шкафа и заскрипел отпираемый замок. Не успела О-Куни опомниться, как фусума с треском захлопнулись и ночной посетитель, шурша одеждой, быстро удалился в сторону кухни. «Странно», — подумала О-Куни. Она была женщиной не робкого десятка, поэтому тут же поднялась, зажгла фонарь и обошла покои. Никого. Она подошла к стенному шкафу. Дверца была раскрыта, и наружу свисал край шелкового кошелька. Шкатулка господина, в которой хранился кошелек, оказалась взломанной, а из кошелька пропало сто золотых. «Вор!» — подумала О-Куни, и по спине ее побежали мурашки.

Но тут в голове ее мелькнула мысль. Да ведь это просто удача, что пропали деньги! Теперь можно будет обвинить Коскэ в воровстве и

уговорить господина либо казнить, либо выгнать его. И то и другое будет хорошо, нужно только подстроить доказательство. О-Куни спрятала кошелек в рукав и вернулась в спальню. Утром она как ни в чем не бывало позвала Коскэ, вручила ему бэнто^[131] и послала встречать господина. В это время в сад с веником в руке вышел старший слуга Гэнскэ и принялся подметать дорожки. О-Куни окликнула его.

— А, с добрым утром, — добродушно сказал Гэнскэ. — Приятно видеть вас всегда в добром здравии. А то по нынешним временам жара стоит невыносимая. Свирепая нынче жара, хуже, пожалуй, чем в разгар лета была...

— Я заварила чай, Гэнскэ, выпей чашечку.

— Покорно благодарю. И ведь на высоком месте наш дом, ветерок со всех сторон обдувает, а у ворот не продохнуть все равно... Спасибо большое. Водки я, видите ли, не пью, так что чай мне в самый раз. Самое для меня что ни на есть большое удовольствие, когда меня чашечкой чая жалуют...

— Послушай, Гэнскэ, — сказала О-Куни. — Ты у нас уже восемь лет служишь, и человек ты прямой и честный. Как тебе нравится Коскэ? Он поступил к нам только пятого марта, но очень уж возгордился тем, что наш господин благоволит к нему. Боюсь, тебе трудно приходится из-за его своеволия, ведь ты с ним живешь в одной комнате...

— Ну что вы, — засмеялся Гэнскэ. — Я такого славного парня, как наш Коскэ, и не встречал. Господину всей душой предан, если господину что нужно, работает как бешеный. И всего-то ему двадцать один год... Очень преданный человек. И добрый на удивление. Вот болел я недавно, так он всю ночь ходил за мной, глаз не сомкнул, а утром, бодрый, как всегда, пошел сопровождать господина... Нет, человек он сердечный, душевный человек, я его люблю.

— Ловко тебя Коскэ одурачил, — сказала О-Куни. — Он же тебя перед господином оговаривает!

— Как это — оговаривает?

— А ты и не знал? Я своими ушами слышала. Жаловался он господину, что-де, мол, Гэнскэ человек скверный, служить с ним трудно... что жить с тобой в одной комнате одно мучение, что ты его не учишь, а, наоборот, стараешься делать так, чтобы он оплошности совершал... Что когда господа жалуют в людскую чай и вкусную еду, ты все сам съедаешь, ничего ему не даешь... Скверный, говорит, человек этот Гэнскэ. Господин, конечно, рассердился, посетовал, что ты в свои годы стыд потерял, и решил в скором времени выгнать...

— Да ведь Коскэ же наврал все! — вскричал Гэнскэ. — Зачем же он на меня наговаривает такое? Вот, например, когда жалуют нам вкусные вещи, я же, наоборот, все Коскэ отдаю, ешь, говорю, ты молодой, тебе больше надо... Зачем же он так?

— И это еще не все. Коскэ обворовывает господина... А раз ты живешь вместе с ним, тебя посчитают за соучастника!

— Да неужто он украл что-нибудь?

— Вот тебе и неужто! Не знаешь, так вот как раз и попадешь в соучастники. Я точно знаю, что украдено у господина. У служанок я уже искала. А теперь принеси сюда ящик с вещами Коскэ...

— Я не причастен к этому, — проговорил Гэнскэ.

— Я господину так и сказала, — успокоила его О-Куни. — Ступай принеси ящик Коскэ, да так, чтобы не заметил никто...

Гэнскэ, человек простодушный, ни о чем не подозревая, побежал в людскую, принес ящик с вещами Коскэ и поставил его перед О-Куни. О-Куни открыла крышку и, делая вид, что копается в ящике, незаметно вытряхнула в него из рукава кошелек.

— Какой ужас! — воскликнула она. — Здесь оказалась очень ценная для господина вещь! Господин доверил мне ее, а я даже не заметила, что она пропала! Какая же я нерадивая... Нет, это надлежит расследовать со всей строгостью. Пусть вернется господин, и мы осмотрим вещи всех слуг прямо при них...

— Надо же, — растерянно сказал Гэнскэ, — а на вид такой честный парень...

— Смотри, — сказала О-Куни, — никому не говори, что я смотрела в его ящике.

— Ладно, не скажу, — уныло проговорил Гэнскэ, отнес ящик в людскую и поставил его обратно на полку. В час Овцы, а по-нынешнему в четвертом часу, все домочадцы вышли к парадному входу встречать господина. Господин проследовал в покои, уселся на дзабутон и тут заметил, что О-Куни, которая обыкновенно сразу же принималась развлекать его болтовней, что-то не в духе.

— Почему ты грустна, О-Куни? — осведомился он. — Ты больна? Что случилось?

— Ах, мой господин, — ответила О-Куни, — я просто не знаю, как оправдаться перед вами... Вчера вечером в ваше отсутствие к нам забрался вор. Пропали сто золотых. Они были в шелковом кошельке и пропали вместе с кошельком... А дело было так. Ночью мне показалось, будто кто-то раздвинул сёдзи на кухне. Я встала и все осмотрела. Никого нет, все двери наружные крепко заперты. И вдруг я заметила, что взломана шкатулка, которая хранится в шкафу, что в вашем кабинете. Это меня очень испугало. Я помолилась Бисямону^[132] и обратилась к гадальщику. Гадальщик сказал мне, что кража, несомненно, учинена кем-то из домашних... Я думаю, следует обыскать ящики и корзинки у всех слуг.

— Не надо этого делать, — возразил Иидзима. — Вряд ли среди моих домашних есть хоть один, у кого достанет смелости украсть сто золотых. Это дело рук пришлого вора.

— Да ведь ворота были на крепком запоре, — сказала О-Куни, — а сёдзи открывали только на кухне... Нет, я всех обыщу. О-Такэ! О-Кими! Все идите сюда!

— Беда-то какая! — воскликнула О-Такэ, когда О-Куни объяснила в чем дело. А О-Кими затараторила:

— Я, кроме как для уборки, в господские покои и не захожу никогда, то-то, должно быть, в огорчение вам эта пропажа, а я и не знала ничего, что вчера ночью случилось, просто странно мне это как-то, правду говорю...

— Я вас не подозреваю, — объявил Иидзима. — Но, поскольку это случилось в мое отсутствие, когда дом был оставлен на О-Куни, она считает непременно, чтобы я всех обыскал.

— Пожалуйста, господин, — сказали служанки. — Будьте так любезны.

Они, не мешкая, притащили на веранду свои корзинки.

— Ну-ка, — сказал Иидзима, — посмотрим, что в корзинке у Такэ... Так, женщина ты бережливая, я вижу здесь полотенце, которое тебе пожаловали в позапрошлом году. Молодец, такой и положено быть женщине. Всякую тряпочку заверни в бумажку и сохрани... Давай сюда твою корзину, О-Кими!

О-Кими, смущенно хихикая, попросила:

— Если можно, господин, пусть мою корзинку кто-нибудь другой осмотрит...

— Нет, так нельзя, — возразил Иидзима. — Я осмотрел вещи Такэ, и если не осмотрю твои, она может обидеться...

— Ну, пожалуйста...

— Что ты так смущаешься?.. А, вот в чем дело! Накопила полкорзины срамных книжек...^[133]

— Простите великодушно, я их не копила, это мне родственники прислали...

— Ладно, можешь не оправдываться. Читай на здоровье. Говорят, от этого охота пуще становится...

— А теперь надо обыскать Коскэ и Гэнскэ, — распорядилась О-Куни. — О-Такэ, беги и пришли их сюда с вещами.

О-Такэ побежала в людскую.

— Коскэ! Гэнскэ! — крикнула она. — Вас господин зовет!

— Что там случилось, Такэ? — спросил Гэнскэ.

— Пропало сто золотых! Берите свои вещи и идите, всех сейчас обыскивают! Говорят, что украл кто-то из домашних!

— Вот беда, — сокрушенно сказал Гэнскэ. — И откуда только к нам вор пробрался? Ну да ладно, сейчас идем.

Они вынесли свои ящики на веранду и поставили перед Иидзимой. Гэнскэ запричитал:

— И как это могло случиться, ума не приложу... Сто золотых рё пропало, это что же такое! Мы же с Коскэ так строго ворота охраняем... Вот ведь несчастье какое...

— Мы обыскиваем потому только, — объяснил Иидзима, — что это случилось в мое отсутствие, когда дом был на попечении О-Куни, и это ее очень взволновало...

— Коскэ, — сказала О-Куни. — И ты, Гэнскэ. Мне очень жаль, но вы тоже оказались под подозрением. Давайте сюда ваши вещи.

— Вот, проверьте, пожалуйста, — сказал Гэнскэ.

— Больше у тебя ничего нет?

— Это все, что я имею. Больше у меня ничего нет.

— Ай-яй-яй... Как же ты укладываешь кимоно, подвернув рукава? Надо складывать как следует... А это что? Ночное кимоно? Неряха, скатал в комок и сунул как попало... Тесемка какая-то... От вещей? Все в грязи, засалено... Ну, ладно. Давай твой ящик, Коскэ. У тебя только этот ящик, больше нет?

О-Куни запустила руки в ящик Коскэ и принялась неторопливо перекидывать вещи. Подброшенный кошелек, конечно, оказался там. О-Куни подцепила его ручкой веера, подняла на всеобщее обозрение и, повернувшись к Коскэ, осведомилась:

— Как попал этот кошелек в твой ящик?

Коскэ остолбенел.

— Что такое? — проговорил он. — Откуда это? Впервые вижу!

— Не прикидывайся! — строго сказала О-Куни. — Сто золотых пропали вместе с этим вот кошельком! Я уж не знала, что и подумать, даже к гадальщику обращалась. Я отвечаю за эти деньги перед нашим господином, немедленно верни их!

— Да не брал я их! — закричал Коскэ. — И не думал брать, хоть вы что угодно говорите! И как этот кошелек ко мне попал, не понимаю!

— Гэнскэ, — сказала О-Куни. — Ты служишь в этом доме дольше всех. Ты старше всей челяди по возрасту. Я думаю, Коскэ воровал не один. Он был в сговоре с тобой. Сознавайся, Гэнскэ. Сознайся первым.

— Это... Я ведь... — забормотал Гэнскэ и вдруг завопил: — Что же это, Коскэ? Что ты наделал? Ведь теперь из-за тебя и меня запутают! Я здесь уже восемь лет служу, меня всегда честным считали, а теперь будут подозревать, потому что я старше всех!.. Не дай меня запутать, Коскэ, скажи все!

— Я ничего не могу сказать!

— Это ты говоришь, что не можешь! А как же кошелек у тебя в вещах оказался?

— Да откуда я знаю, сам по себе оказался!

— Этим ты не отделаешься, — сказала О-Куни. — Кошелек сам собой в твой ящик попасть не мог. Я теперь тебя насквозь вижу, какой ты есть! И не смей притворяться! Конечно, наружность у тебя милая, невинная, а на поверку выходит, что ты жулик! Это таких, как ты, называют скотами, псами, не знающими ни чести, ни благодарности! Из-за тебя я виновата перед господином! Свинья!

Она пнула Коскэ в колено.

— Что вы делаете! — вскрикнул Коскэ. — Не знаю я ничего! Не знаю, говорю вам, не знаю!

— Гэнскэ, — сказала О-Куни. — Сознавайся ты первым.

— Коскэ, опомнись! — умоляюще сказал Гэнскэ. — Ведь меня же подозревают, думают, что это я тебя подбил на это дело! Признайся, и дело с концом!

— Не знаю я, — твердил Коскэ. — Что ты пристал ко мне? Ну как это можно, чтобы слуга украл у господина сто золотых? Это же подумать страшно! Не знаю я, говорят тебе!

— Не знаешь? — разозлился Гэнскэ. — Твердишь, что не знаешь, а как кошелек у тебя очутился? Украл, а я из-за тебя страдать должен? Признавайся, негодник, живо признавайся, ну? — Он ударил Коскэ. — Будешь ты признаваться или нет?

Коскэ со слезами твердил, что он не виноват. О-Куни торжествовала. Вот она, месть за ту ночь! Господин сегодня же либо зарубит, либо выбросит Коскэ из дома. От избытка чувств она изо всех сил ущипнула Коскэ за ногу и прошипела:

— Так не скажешь, Коскэ, нет?

Коскэ плакал от обиды и отчаяния, не понимая, как это могло произойти, зная только, что ему не оправдаться перед господином.

— Бейте, щипайте сколько угодно, — бормотал он. — Все равно я ничего не знаю, все равно ничего не могу сказать...

— Ну что ж, — сказала О-Куни, — тогда сознавайся ты, Гэнскэ.

Тот ударил Коскэ и крикнул:

— Признавайся!

— За что ты бьешь меня?

— Я за тебя страдать не желаю, — прорычал Гэнскэ и ударил снова. — Признавайся, ну?

Они били и щипали Коскэ с двух сторон, и тогда он закричал голосом, полным нестерпимой обиды:

— Бей, Гэнскэ, бей, все равно я ничего не знаю! Тебе стыдно должно быть, ведь мы живем с тобой в одной комнате, ты меня хорошо знаешь! Ты знаешь, что когда я убираю в саду, я веточки, травинки стараюсь не сломать! Ты знаешь, что когда я гвоздь ржавый подберу, я его тебе сразу несу показать! Как же ты можешь, зная меня, подозревать во мне вора?.. А вы что визжите? Чтобы восстановить против меня господина?

Иидзима, до того молча слушавший эту перебранку, заорал:

— Молчать, Коскэ! Как ты смеешь, мерзавец, поднимать голос, не стесняясь своего хозяина? Говори, как попал кошелек в твой ящик! Отвечай немедленно! Как там оказался кошелек?

— Не знаю я!

— Ты полагаешь, что так тебе удастся отвертеться? Негодяй! Я так заботился о тебе, старался вывести в люди, а ты в благодарность обокрал меня? Где твой стыд? Нет, верно, ты не один, у тебя и

сообщники есть... Так вот знай, если не расскажешь все начистоту, зарублю своей рукой!

Тут Гэнскэ перепугался.

— Пойдите, господин, — сказал он, — погодите его рубить! Вдруг это все-таки кем-нибудь подстроено? Пожалуйста, отложите казнь, позвольте мне сперва как следует допросить Коскэ!

— Молчать, Гэнскэ! Хочешь, чтобы я и тебя подозревал? Попробуй мне только еще раз вступить за этого негодяя, я и тебя зарублю!

— Проси прощения, Коскэ, — шепнул Гэнскэ.

— Мне не в чем просить прощения, — отозвался Коскэ, — я ни в чем не виновен. Господин зарубит меня? Так ведь это же счастье для вассала — умереть от руки господина! Моя жизнь принадлежит господину с первого дня службы, я всегда был готов умереть за него... Плохо только, что господин считает меня бессовестным негодяем, это омрачает радость смерти от его руки... это несправедливо, но ничего, видно, не поделаешь. Все равно когда-нибудь объявится настоящий вор, и тогда все скажут: «Да, украл не Коскэ, мы напрасно обвинили Коскэ!» А сейчас я умру с легким сердцем. Прошу вас, господин, казните меня! Убейте одним ударом!

С этими словами Коскэ на коленях подполз к ногам господина.

— Нет, — сказал Иидзима холодно, — пролить в доме кровь при солнечном свете — это дурная примета. Я казню тебя вечером, когда наступят сумерки. А сейчас ступай и запишись в своей комнате. Эй, Гэнскэ, стереги его, чтобы не сбежал!

— Проси же прощения, — прошептал Гэнскэ.

— Я не буду просить прощения, — сказал Коскэ. — Я прошу только, чтобы меня скорее убили.

— Слушай меня, Коскэ, — сказал Иидзима. — Случается иногда, что люди недостойные, подлого звания, возмев обиду на господина своего и обвинив его в черствости и жестокости, из упрямства откусывают себе язык или вешаются. Ты же происходишь из самураев и самоубийства совершить не должен. Ты будешь ждать казни от моей руки.

Коскэ дрожащим от обиды голосом произнес:

— Я умру только от вашей руки. Но прошу вас, убейте меня скорее! Гэнскэ повел его в людскую.

— Почему ты не просишь прощения? — сердито спросил он.

— Я не вор, — ответил Коскэ.

— Смотри, — продолжал Гэнскэ, — господин ведь никогда никому, бывало, грубого слова не скажет, а тут как разволновался... Ну, конечно, сто золотых пропало, дело нешуточное... А может, ты попросишь молодого соседа, господина Гэндзиро, пусть замолвит за тебя словечко перед господином...

— Я скорее откушу себе язык, чем пойду к нему с какой-нибудь просьбой!

— Тогда попроси господина Аикаву... господина Сингобэя...

— Нечего мне просить, нет за мной никакой вины! Настоящий вор потом все равно отыщется, ведь говорят же, что небо открывает правду! И тогда господин вспомнит обо мне и скажет: «Да, жаль, что с Коскэ так получилось». Для моей души на том свете это будет самой большой наградой... Послушай, Гэнскэ, ты делал для меня много доброго, и я думал отблагодарить тебя хотя бы карманными деньгами, когда стану наследником Аикавы, но сам видишь, теперь все пошло прахом. И я теперь тебя об одном только прошу: когда меня не станет, служи нашему господину за двоих, береги его, будь ему верен до конца... И еще вот что, Гэнскэ... Я знаю, ты слаб здоровьем, так следи за собой, старайся не болеть... Ну до чего обидно, что обвинили меня в воровстве, о котором я даже и знать не знаю.

Коскэ разрыдался и бросился ничком на пол. Гэнскэ тоже зашмыгал носом и стал вытирать глаза.

— Прощения бы попросил, — пробормотал он. — Попросил бы, а?

— Ладно, — сказал Коскэ. — Не будем так убиваться.

Он решил, что перед казнью откроет господину все. И то, что Гэндзиро вступил с О-Куни в преступную связь, и то, что они задумали совершить четвертого числа будущего месяца на Накагаве. Он сразу успокоился и стал терпеливо ждать. Когда стемнело и зажглись огни, женские голоса вдруг закричали у дверей:

— Коскэ! Гэнскэ! Господин зовет!

А что произошло, вы узнаете позже.

Глава 12

Пока Томодзо разговаривал с привидениями, его жена О-Минэ, обливаясь потом и едва дыша, пряталась в шкафу, зарывшись в тряпье. Наконец О-Юнэ взяла О-Цую за руку, и они удалились, словно растворившись в тумане. Томодзо постучал по шкафу кулаком.

— Можешь выходить, О-Минэ! — крикнул он.

— А вдруг они еще здесь? — отозвалась жена.

— Ушли, ушли. Выходи.

— Ну как? — спросила О-Минэ, выбравшись из шкафа.

— В общем, я держался изо всех сил, — стал рассказывать Томодзо, — но все равно сразу протрезвел. Понимаешь, когда я пьяный, я даже самурая не испугаюсь, но тут, как подумал, что рядом со мной привидения, меня будто холодной водой окатили, весь хмель из головы вылетел, слова не могу выговорить...

— Я было в шкафу прислушалась, — сказала О-Минэ, — так голоса едва слышны были. А страшно до чего!

— Вот я и говорю привидениям, — продолжал Томодзо, — принесите, говорю, сто рё золотом. Если, говорю, с господином Хагиварой что случится, нам с женой жить не на что будет. А как только принесете деньги, мигом ярлык одеру, говорю. Привидение говорит, деньги, говорит, мы завтра принесем, а ты отклей ярлык да еще, говорит, изловчись, выкради и выброси у господина Хагивары талисман «кайоннёрай», который он носит на шее, потому что, говорит, этот талисман тоже мешает нам войти к нему. А ты знаешь, что это за талисман? Он из чистого золота, больше четырех сунов в длину. Я его недавно видел, когда поднимали занавес перед статуей Будды. Один монах еще тогда что-то о нем рассказывал... Что же он рассказывал?.. Да говорил, что это, дескать, очень ценное изделие... Не украсть ли его, как думаешь?

— Это было бы неплохо! — согласилась О-Минэ. — Ну и везет нам, ничего не скажешь... Ведь его, наверное, продать где-нибудь можно...

— Только не здесь, не в Эдо. Продадим в провинции, где о нем не знают. Я думаю, на лом продать, и то можно взять сто или двести рё.

— Да что ты говоришь! Ну, если у нас будет двести рё, мы всю жизнь с тобой проживем припеваючи... Ты уж постарайся, сил не жалей!

— Само собой... Только вот в чем дело — он же висит у господина Хагивары на шее. Что бы тут придумать?

— Господин Хагивара давно уже не мылся, — сказала О-Минэ. — Он только и делает, что читает сутры под пологом от комаров. Скажи ему, что от него воняет потом и ему пора мыться... А пока я буду его мыть, ты потихоньку украдешь.

— Правильно! — воскликнул Томодзо. — Но ведь он ни за что не согласится выйти во двор...

— Я искупаю его прямо в покоех. Уберу циновки, и все будет в порядке.

На следующий день они нагрели воды, и Томодзо отправился к Хагиваре.

— Господин, — сказал он, — мы нагрели воды, можно искупаться. Мойтесь первым.

— Нет-нет, — испугался Хагивара, — мне нельзя мыться. По некоторым причинам купание мне сейчас противопоказано...

— В такую жару вредно не мыться. У вас ведь даже постель отсырела от пота. Ну хорошо, пока ясная погода, а как пойдут дожди, что тогда? Ведь все тело у вас сопреет...

— Купаются перед вечером, и надо выходить наружу, а я по некоторым причинам из дому выходить не могу. Нельзя мне, понимаешь?

— А зачем выходить? Поднять три циновки, и мойтесь на здоровье в покоех.

— Все равно нельзя. Придется раздеться догола, а раздеваться догола мне никак невозможно...

— Наш сосед физиогномист Хакуодо, — значительно произнес Томодзо, — часто говаривал, что грязь вызывает болезни и привлекает оборотней и привидения. Ежели содержать себя в чистоте, никакие привидения не приходят. А ежели быть неопрятным, изнутри вылезают всякие болезни, и еще к грязному человеку являются привидения.

— К грязному человеку являются привидения?

— И не одно, а сразу по двое, взявшись за руки.

— Вот беда, — озабоченно сказал Хагивара. — Придется и впрямь искупаться. Подними, пожалуйста, циновки...

«Дело сделано», — подумали супруги.

Томодзо крикнул жене,

— Тащи сюда кадку, неси горячую воду!

Они быстро приготовили все для купания. Хагивара разделся, снял с шеи талисман и протянул Томодзо.

— Этому талисману цены нет, — сказал он. — Положи его пока на божницу.

— Слушаюсь, — сказал Томодзо. — О-Минэ, помой господина. И смотри хорошенько мой, осторожно.

О-Минэ принялась за дело.

— Не поворачивайтесь, господин, стойте смирно, — приговаривала она, — голову склоните и шею вытяните... Еще больше склонитесь...

Она притворилась, будто моет ему шею, стараясь только, чтобы он не видел Томодзо, а тот тем временем развязал матерчатый кошелек и извлек из него ларец, покрытый черным матовым лаком. В ларце лежал «кайоннёрай» литого золота, завернутый плотно в черный шелк. Томодзо сунул талисман за пазуху, а на его место положил припасенную заранее глиняную фигурку бога Фудо^[134] того же примерно веса. Затем он положил кошелек на божницу и сказал:

— Ну что ты так копаешься, О-Минэ? Если долго мыться, у господина может голова заболеть... Может быть, довольно?

— Да, пожалуй, хватит, — сказал Хагивара.

Он вылез из кадки, обтерся и надел купальный халат.

— Хорошо-то как стало, — пробормотал он. Не будучи богом, не знал он, что купальный халат этот станет вскоре его саваном, а это купание было омовением мертвого тела. Чувствовал он себя прекрасно, позакрывал все двери и, забравшись за полог от комаров, снова принялся прилежно, читать сутры «Убодарани».

Томодзо же с супругой, заполучив вещь, подобной которой они никогда не имели, возликовали и вернулись домой.

— Какая красивая штука! — сказала О-Минэ. — И дорогая, верно...

— Нам-то, конечно, не понять, — сказал Томодзо. — Но талисман этот могучий, если из-за него привидения в дом попасть не могут.

— Везет нам...

— Пстой, однако, — встревожился Томодзо. — Ведь и к нам привидения, значит, войти не смогут из-за — этого талисмана, когда принесут деньги! Как же быть?

— Выйдешь к ним и поговоришь с ними на улице...

— Дура, да я же помру со страха!

— Тогда отдай кому-нибудь на сохранение.

— Нельзя, у Томодзо таких вещей быть не может, это всякий знает. Начнут спрашивать, откуда это у меня, откроется, что я украл, вот мы и пропали... В заклад снести нельзя, дома оставить тоже нельзя. Привидения заберутся к господину Хагиваре через окошечко, с которого я сдеру ярлык, а затем заедят или как-либо по-иному расправятся с ним. Когда власти узнают об этом, начнется следствие. Сразу увидят, что талисмана на теле нет. Кто украл? Заподозрят скорее всего Хакуодо и меня. Хакуодо знают как честного старика, поэтому подозрение падет на меня. Обыщут наш дом, найдут талисман, что тогда? Вот что я сделаю. Положу талисман в коробку из-под пастилы и зарю на огороде, место замечу бамбуковой палкой, тогда все будет в порядке, пусть обыскивают. Потом мы на время скроемся, а через полгода или год когда все успокоится, вернемся и откопаем. И все будет шито-крыто...

— Правильно, — сказала О-Минэ. — Только гляди, закапывай поглубже...

Не теряя времени, Томодзо уложил талисман в старую коробку из-под пастилы, вынес в огород и глубоко закопал. Сверху он воткнул для приметы бамбуковую палку и возвратился домой. Супруги заранее отпраздновали это событие, проведя остаток дня за водкой и болтовней. Когда стало смеркаться, О-Минэ опять забралась в шкаф, а Томодзо все сидел и ждал, подкрепляясь водкой. Но вот колокол у Синобуоки пробил четвертую стражу, и мир погрузился в тишину, словно и воды застыли, и травы заснули. Еле слышно и уныло запели сверчки на стенах, и тогда снова со стороны источника явственно донесся зловещий стук гэта. «Они», — подумал Томодзо, и волосы на его теле завились в колечки от страха. Он взглянул. Привидения приближались к живой изгороди. Он зажмурился, а когда открыл глаза, привидения были уже у веранды.

— Господин Томодзо! — позвала О-Юнэ.

Томодзо почувствовал, что язык ему не повинуется. Собрав все силы, он выговорил:

— Слушаю вас...

— Простите нас за назойливость, — сказала О-Юнэ. — Мы каждый вечер обращаемся к вам с одной и той же просьбой. Но ведь ярлык на окне у господина Хагивары все еще не отклеен. Отклейте, пожалуйста, барышня так хочет повидаться с господином Хагиварой. Она меня измучила, у меня нет больше сил. Прошу вас, сжальтесь надо мною, уберите ярлык!

— Уберу, — сказал Томодзо. — Сейчас уберу. Деньги вы принесли?

— Да, я принесла вам сто золотых. Но вы убрали талисман «кайоннёрай»?

— Конечно. Он у меня, и я припрятал его.

— Вот, возьмите ваши деньги, — произнесла О-Юнэ и протянула ему сверток.

Томодзо не очень верил, что это будут настоящие деньги, но когда руки его ощутили тяжесть золота, он понял, что теперь у него столько денег, сколько не было никогда в жизни. Он даже страх забыл и тут же, трясаясь от волнения, спустился во двор.

— Идите за мной, — сказал он призракам, взял лестницу и направился к дому Хагивары. Он приставил лестницу к стене, вскарабкался на дрожащих ногах к окну и стал отдирать ярлык. Но руки его тряслись, и он никак не мог закончить дело. Наконец он вцепился в ярлык и рванул, в тот же миг лестница качнулась, он кувырком полетел на землю и выкатился в огород. Не в силах подняться, он остался лежать, сжимая в руке ярлык, и только бормотал про себя: «Наму Амида Буцу... Наму Амида Буцу...»

Привидения радостно переглянулись.

— Ну вот, барышня, — сказала О-Юнэ. — Сейчас вы увидите господина Хагивару и сможете высказать ему все свои обиды. Пойдемте же!

Она взяла О-Цюю за руку, покосилась на Томодзо, все еще лежавшего на земле, заслонила рукавом от ярлыка в его стиснутых пальцах и проплыла через окно в дом.

Глава 13

О-Куни злорадно думала о том, что настырный негодяй Коскэ, знавший о ее сговоре с Гэндзиро, нынче же ночью умрет от руки господина, как вдруг к ней вошел Иидзима и сказал:

— Куни, Куни, что я наделал! Правду говорят: «Семижды поищи у себя, а тогда только подозревай». Пропавшие деньги нашлись! Место, где прячешь дома деньги, надо время от времени менять, вот я и перепрятал их и совершенно забыл об этом. Очень сожалею, что переполошил всех. Но деньги нашлись, радуйся же!

— Ой, как хорошо! — воскликнула О-Куни. — От души поздравляю вас.

Про себя она считала, конечно, что поздравлять тут не с чем. Она была весьма встревожена и озадачена. В самом деле, как они могли найтись, эти пропавшие деньги?

— Зови сюда всю прислугу, — приказал Иидзима.

О-Куни позвала О-Такэ и О-Кими, и те, узнав, что произошло, тоже поздравили господина.

— Позвать сюда Коскэ и Гэнскэ, — распорядился Иидзима.

Служанки наперегонки побежали в людскую.

— Коскэ! — закричали они. — Гэнскэ! Господин зовет!

Услыхав это, Гэнскэ встрепнулся.

— Слушай, Коскэ, попроси прощения. Деньги, видно, ты не крал, да что поделаешь, кошелек-то нашли в твоём ящике, значит, такая уж у тебя судьба. Попроси прощения, ладно?

— Хорошо, хорошо, — проговорил Коскэ. — У меня есть что сказать господину, когда он занесет меч. И, думается мне, ты тоже обрадуешься, когда услышишь,

— Что уж мне радоваться, — вздохнул Гэнскэ. — Ну, пойдем, господин ждет нас.

Они вышли из людской и остановились перед верандой.

— Коскэ и Гэнскэ, — сказал Иидзима. — Подойдите ко мне.

— Господин, — торопливо сказал Гэнскэ, не трогаясь с места. — Я сейчас по-всякому говорил с Коскэ у нас в людской. Не воровал он, по моему, господин. Вы, конечно, совершенно справедливо изволите гневаться на него, но позвольте покорнейше просить вас, господин, отложить казнь до следующего двадцать третьего числа...

— Погоди, Гэнскэ, — сказал Иидзима. — Коскэ, подойди сюда.

— Казнь будет в саду? — осведомился Коскэ. — Позвольте постелить рогожу, чтобы не залить все кровью.

— Поднимись на веранду.

— Слушаюсь... Значит, казнь будет на веранде. Это неслыханная честь. Благодарю вас, господин...

— Мне неприятно, Коскэ, что ты говоришь так, — сказал Иидзима. — Слушайте, ты, Гэнскэ, и ты, Коскэ. Я виноват перед вами. Деньги нашлись, я вспомнил, что перепрятал их в другое место. Радуйтесь же. И я рад, ведь не было бы мне прощения, если бы я заподозрил чужих людей, а не собственных слуг. Я прошу вас извинить меня.

— Так деньги нашлись, — радостно вскричал Коскэ. — Значит, я больше не вор? Меня больше не подозревают?

— Да, — сказал Иидзима. — Тебя никто не подозревает. Я совершил оплошность.

— Благодарю вас, господин! Я всегда был готов умереть от вашей руки, но каково идти на смерть с мыслью о том, что вы считаете меня вором! А теперь я чист от подозрений! Казните же меня!

— Я поступил опрометчиво, — возразил Иидзима. — И хорошо еще, что ты мой вассал. Будь на твоём месте кто-нибудь из моих друзей, мне пришлось бы вспороть себе живот... Даже этого, может быть, оказалось бы мало. Мне стыдно, что я так глупо обвинил своего верного вассала. — Иидзима низко склонился перед Коскэ, уперев руки в половицы. — Прошу твоего прощения.

— Не надо, господин, — проговорил Коскэ. — Я не заслуживаю этого... Какая радость, правда, Гэнскэ?

— Еще бы! — сказал Гэнскэ.

— Гэнскэ, — торжественно сказал Иидзима. — Ты же подозревал Коскэ и даже бил его! Проси у него, прощения!

— Конечно, — с готовностью сказал Гэнскэ. — Прости и меня, Коскэ, прошу тебя...

— И ты тоже хоть чуть-чуть, а подозревала Коскэ, не так ли, Такэ?

— Не то чтобы подозревала, — сказала О-Такэ, — а просто думала, что непохоже это на нашего Коскэ... Самую малость подозревала.

— Вот и проси прощения. И ты тоже, Кими!

Служанки извинились перед Коскэ и поздравили его. Тогда Иидзима повернулся к О-Куни.

— Слушай, Куни, — строго сказал он, — Ты подозревала Коскэ сильнее всех. Ты пинала его и била. Проси у него прощения... Что же ты? Даже я извинялся, кланяясь ему до земли! Тебе же надлежит извиниться еще более учтиво!

О-Куни была вне себя от разочарования и злости. Ее замысел снова сорвался. Мало того что нашлись деньги, ее еще заставляют просить извинения у этого Коскэ! Обида была нестерпимой, однако делать было нечего.

— Прости, пожалуйста, Коскэ, — пробормотала она. — Я очень виновата перед тобой...

— Это все пустяки, — сказал, усмехаясь, Коскэ. — Деньги нашлись, и хорошо. Я-то думал рассказать кое-что господину перед смертью...

Иидзима поспешно перебил его:

— Не надо, Коскэ, ничего не рассказывай. Молчи, если любишь меня.

— Не буду, извините, господин, — сказал Коскэ. — Но вот какое дело. Если деньги нашлись, то как попал в мои вещи кошелек?

— Как! — воскликнул Иидзима. — Разве ты не помнишь? Ты как-то сказал, что тебе хотелось бы иметь какой-нибудь старый кошелек. Я тогда и подарил тебе этот...

— Да не говорил я...

— Ты сказал, что тебе нужен кошелек!

— Да на что мне, дзоритори, шелковый кошелек?

— У тебя скверная память, друг мой.

— У вас память еще хуже моей! Вы забыли даже, куда перепрятали сотню золотых...

— Это тоже справедливо. Одним словом, все кончилось хорошо, и пусть всех угостят чашкой гречневой лапши.

Иидзима не сомневался в верности Коскэ. Деньги действительно пропали, но он знал, что Коскэ не мог их украсть, и показал О-Куни другой сверток с золотом. Дело было таким образом улажено, и если Иидзима любил Коскэ, то Коскэ готов был пойти на смерть за господина

в любой момент. Кончился месяц, наступило третье августа. Завтра господин свободен от службы и хочет отправиться с Гэндзиро ловить рыбу на Накагаву... Сегодня ночью Гэндзиро, разумеется, опять заберется к О-Куни. Коскэ был уже сам не свой от беспокойства. «Если мне не удастся уговорить господина отказаться от рыбной ловли, — думал он, — я подстерегу этого мерзавца Гэндзиро в коридоре у лестницы на второй этаж. Коридора ему не миновать, поскольку О-Куни спит на втором этаже. Я заколю его, затем кинусь наверх и прикончу О-Куни и там же, не сходя с места, вспорю себе живот. Тогда, конечно, не будет ни шума, ни огласки...» Так Коскэ хотел отблагодарить своего господина за все благодеяния, но прежде следовало попытаться отговорить его от завтрашней рыбной ловли.

— Господин, — сказал Коскэ, — вы все-таки собираетесь завтра на Накагаву?

— Да, — ответил Иидзима.

— Покорно прошу простить меня за настойчивость, но я опять беру на себя смелость просить вас отказаться от этого намерения. Ведь мы только что похоронили барышню...

— Слушай, Коскэ, — сказал Иидзима. — Я очень люблю рыбную ловлю, а других удовольствий у меня в жизни нет. Почему я должен отказываться от этого? Ты знаешь, как я устаю на службе.

— Нельзя вам развлекаться возле воды, — убеждал Коскэ. — Ведь вы не умеете плавать... Ну ладно, раз уж вы так твердо решили, позвольте мне завтра сопровождать вас. Возьмите меня с собой...

— Да ты же рыбную ловлю терпеть не можешь! Никуда я тебя с собой не возьму. И что за склонность портить мне удовольствие! Отстань от меня, пожалуйста.

— Тогда придется со всем сегодня покончить, — пробормотал Коскэ. — Благодарю вас за ваши милости, господин мой.

— Что-что?

— Простите, это я о своем... Я вот что хотел сказать вам, господин. С первого же дня, когда я пришел к вам, вы отличали меня своей благосклонностью на зависть всем другим, и этого я не забуду после смерти. Когда я умру, я стану призраком и буду охранять вас от всяких бед... И вот еще что. Прошу вас, кушайте поменьше водки. Без водки вы почти глаз не смыкаете, а когда выпьете, спите как убитый. Оно конечно, водка помогает рассеяться, поэтому кушайте понемногу на здоровье, но не напивайтесь допьяна, ведь как бы хорошо ни владели вы мечом, злодей вас в таком состоянии возьмет голыми руками... Вот о чем беспокоюсь я больше всего!

— Не смей говорить мне таких вещей, — сердито сказал Иидзима. — Поди прочь.

Коскэ поднялся и пошел из покоев, но при мысли о том, что он видел сейчас господина в последний раз, он остановился, не в силах уйти, и снова взглянул на Иидзиму. Глаза его были полны слез.

Иидзиме это показалось странным. Он скрестил руки на груди и на некоторое время задумался, склонив голову. А Коскэ направился в прихожую, взял пику, висевшую над входом, и осмотрел ее, снявши чехол. Наконечник пики был весь красный от ржавчины. Коскэ спустился в сад, принес точило и принялся затачивать наконечник. За этим занятием его застал Иидзима.

— Что это, Коскэ? — с любопытством осведомился он. — Что ты делаешь?

— Это пика, — сказал Коскэ смущенно.

— Я спрашиваю: зачем ты точишь ее?

— Да уж слишком она ржавая. Даже в наше спокойное время в дом могут ворваться какие-нибудь бандиты, так разве такой пикой с ними справишься?.. Вот я и решил привести ее в порядок, благо мне сейчас все равно делать нечего.

Иидзима усмехнулся.

— На что же ты годишься, — если не можешь проткнуть человека ржавой пикой? Если у тебя рука мастера, ты самой ржавой, самой тупой пикой пробьешь железную доску толщиной в палец... Так стоит ли точить? Тем более что ненавистного тебе человека лучше всего убивать именно ржавой пикой. Ему больнее, а тебе приятнее...

— Ваша правда! — проговорил Коскэ, пошел и повесил пику на место, а Иидзима вернулся в свои покои.

Вечером явился Гэндзиро, и было устроено пиршество. О-Куни распевала нагаута,^[135] подыгрывая себе на сямисэне не то «Весенний дождик», не то еще что-то. Сидели до часа Крысы, по-нынешнему до полуночи, а затем отошли ко сну. Постель для Гэндзиро устроили в гостиной, завесив сеткой от комаров, что же касается О-Куни, то она поднялась в спальню на втором этаже. Когда в доме ночевали гости, она всегда ложилась на втором этаже, так было удобно для Гэндзиро, если бы ему вздумалось забраться к ней. Потянулись ночные часы, в доме все стихло. Коскэ, обмотав лицо полотенцем до самых глаз, затянутый плоским оби по синему переднику, с пикой под мышкой, тихонько выбрался во двор, раздвинул в двух местах щиты коридора, спрятался в клумбе и, засунув пику под полу, стал ждать. Колокол пробил четвертую стражу. Это был колокол на Мэдзиро, он всегда бил немного раньше времени. С шорохом раздвинулись сёдзи, и кто-то в ночном кимоно, осторожно ступая, появился в коридоре. Коскэ вгляделся, вытянув шею. «Гэндзиро, конечно», — подумал он. В коридоре было темно, лишь слабый свет ночника падал на сёдзи, и различить черты лица человека было невозможно. Но человек этот крался к лестнице на второй этаж, и Коскэ больше не сомневался. Он пропустил его мимо себя и молча, изо всех сил ударил пикой через щель между щитами, целя в бок. Удар пришелся точно. Человек пошатнулся, ухватился правой рукой за древко и, выдернув наконечник из своего тела, отпихнул пику. Толчок опрокинул Коскэ на спину. Не

выпуская из руки окровавленное древко, человек, шатаясь и спотыкаясь, спустился во двор и сел на каменную ступеньку.

— Коскэ, — хрипло сказал он, — выходи в сад, Коскэ...

Услышав этот голос, Коскэ ахнул. Перед ним был не Гэндзи-ро. Он проткнул бок своему господину и благодетелю. Он был так ошеломлен этим, что не мог даже плакать, голова его шла кругом, он только заикался и вскрикивал.

— Пойдем, Коскэ, — проговорил Иидзима.

Он все старался зажать рану рукавом, но кровь хлестала через руку и лилась на землю. Он поднялся и, опираясь на пику, побрел по плитам садовой дорожки к живой изгороди, отделявшей сад от храма Кэнниндзи. Коскэ, у которого от горя и ужаса отнялись ноги, полз за ним на четвереньках. Они остановились у цветочной клумбы.

— Какая ошибка... Какая ошибка!.. — бормотал Коскэ.

— Сними с меня пояс, Коскэ, и перевяжи рану, — приказал Иидзима.
— Живее.

Но у Коскэ так тряслись руки, что он ничего не мог делать. Иидзима сам перевязал свою рану, крепко прижал ее левой рукой и без сил опустился на каменные плиты, Коскэ заплакал.

— Что я натворил, господин! Что я натворил! — повторял он.

— Тихо, — сказал Иидзима. — Нельзя допустить, чтобы об этом узнали. Что, хотел проткнуть Миянобэ Гэндзи-ро, да обознался и проткнул Хэйдзаэмона?

— Страшную беду я натворил, — сказал Коскэ. — Но теперь я вам все расскажу. Служанка О-Куни и ваш сосед Гэндзи-ро давно уже находятся в преступной связи. В прошлом месяце, ночью, когда вы были на дежурстве, Гэндзи-ро пробрался в спальню О-Куни... Мне тогда случайно удалось подслушать их разговор... Они решили известить вас, господин, утопить на рыбной ловле, как раз завтра на Накагаве... А потом они хотели обратиться к начальнику хатамото, чтобы сделать Гэндзи-ро вашим наследником и зажить припеваючи. Слушая все это я не выдержал и невольно застонал от злости. О-Куни увидела меня, я мы с нею стали ругаться, но тут вышел Гэндзи-ро и показал мне ваше письмо, в котором вы просили его зайти и починить рыболовную снасть... Этим он припер меня к стене, а затем избил обломком лука так, что до сих пор у меня шрам на лбу виден. Я было хотел на следующий же день все открыть вам, но какие у меня были доказательства? Подслушанный разговор? Положение Гэндзи-ро не сравнить с моим, меня бы просто выгнали из дома. И я все затаил в своем сердце, надеясь только на то, что мне как-нибудь удастся отговорить вас от поездки на Накагаву. Но вы не послушались меня, господин. Мне оставалось только убить прелюбодеев и покончить с собой. Так я думал спасти вас от беды, и вот что из этого получилось!.. Все обернулось против моих намерений. Страшная ошибка! Думал отомстить за своего господина, а вместо этого убил его! Да неужто нет

ни богов, ни Будды на свете? Несчастливая моя судьба... Простите меня, господин мой!

С этими словами Коскэ упал на колени и склонился перед Иидзимой, уперев руки в каменную плиту. Иидзима, корчась от мучительной боли, проговорил:

— Во мне, недостойном, ты почитал своего господина, и я тебе благодарен. И хотя мы с тобой заклятые враги, смерть от пики в твоих руках является для меня лишь справедливым возмездием. Поистине, нельзя безнаказанно отнять у человека жизнь!..

— Что вы говорите, господин? — испуганно спросил Коскэ. — Разве я враг вам?

— Слушай, — сказал Иидзима. — Помнишь, когда ты только что поступил ко мне, я стал расспрашивать тебя о твоих родных, и ты рассказал, что отец твой, Курокава Кодзо, бывший вассал Коидэ, восемнадцать лет назад погиб жалкой смертью от руки неизвестного перед лавкой оружейника Фудзимураи Симбэя... Ты сказал мне тогда, что живешь мечтой отомстить за своего отца, что ты с детства стремился поступить в услужение к самураю и просишь, чтобы я научил тебя искусству владеть мечом... Ты помнишь это? Признаться, я был удивлен, выслушав тебя. Знай, что человек, зарубивший в пустячной ссоре твоего отца, есть я, Иидзима Хэйдзаэмон!

Ноги у Коскэ подкосились, он сразу весь обмяк и тяжело опустился на землю. Некоторое время он ошеломленно глядел на Иидзиму, бормоча бессмысленные слова. Затем он закричал:

— Почему же вы сразу не сказали мне об этом, господин? Зачем вы так жестоко обошлись со мной?

— Ты не знал, кто убийца твоего родителя, — сказал Иидзима. — Ты был верен своему господину, и ты был предан сыновнему долгу. Я видел все это, и у меня болело сердце, потому что я не знал, как открыться перед тобой и дать тебе отомстить... Ведь ты мой вассал, обнажи ты против меня меч, и тебя обвинили бы в предательском убийстве своего господина... Долго я ломал голову, ища способ дать тебе возможность безнаказанно отомстить за родителя, и вдруг Аикава обратился ко мне с просьбой отдать тебя к нему в наследники. Намерение мое осуществлялось — став самураем, ты мог убить меня. Но давеча я увидел в саду, как ты точишь пику. Я понял, что ты задумал убить гнусных прелюбодеев, О-Куни и Гэндзиро, и счел этот случай подходящим. Да, я устроил так, чтобы ты принял меня за Гэндзиро, чтобы удар пикой достался мне и чтобы ты наконец утешил свое верное сыновнее сердце... Ах, Коскэ, что мне эта боль от удара ржавой пикой по сравнению с той мукой, которую я испытал, когда ты, сложив передо мной руки, умолял научить тебя владеть мечом!.. Возможно, тебе хочется завершить свою месть, но если ты сейчас снимешь с меня голову, тебя обвинят в убийстве господина. Лучше сделай не так. Для успокоения сердца своего срежь у меня с головы пучок волос и, не

мешкая, оставь этот дом... Ступай к Аикаве Сингобэю, расскажи ему обо всем и тайно договорись, что делать дальше... Возьми вот этот меч. Это тот самый, который я торговал у Фудзимураи Симбэя... Меч этот работы Тэное Сукэсады, и им я зарубил твоего отца в драке восемнадцать лет назад... Дарю его тебе на память. Возьми еще вот этот сверток, в нем сто золотых и письмо с завещанием... Там сказано о моем имуществе... А если ты будешь лить слезы и не уйдешь отсюда, род Иидзimy лишится званий и владений...^[136] не говоря уже о том, что тебя обвинят в моем убийстве... Хорошенько пойми это и уходи!..

— Господин! — воскликнул Коскэ. — Пусть будет что будет, я не уйду отсюда! Вы убили моего родителя? Так что же, значит, родитель мой был виноват перед вами!.. Разве могу я бежать и оставить любимого господина? Чего стоит верность сыновнему долгу, если человек не предан до конца своему господину! Да, я совершил преступление. Я нанес удар копьем, пусть по ошибке, хозяину, у которого я служу. И я знаю только один способ искупить свою вину. Здесь, прямо перед вами, я вспорю себе живот.

— Глупости, — возразил Иидзима. — Я не стал бы утруждать так себя, если бы просто хотел, чтобы ты вспорол себе живот... Брось пустые разговоры и уходи... Если все это дойдет до чужих ушей, что будет с именем Иидзimy? Я поручаю тебе важное дело, обо всем узнаешь из завещания, уходи же скорее... И вот что, Коскэ... Нас связывают отношения господина и вассала... Месть мостью, а добро добром... Ты уже отомстил, так считай же впредь наши отношения прочными и неизменными, и да останутся они такими в трех наших существованиях после смерти... Не знаю почему, но с первого же дня твоей службы я полюбил тебя, как родного сына.

Коскэ, плача навзрыд, проговорил:

— И подумать только, ведь это вашими заботами я научился владеть мечом и пикой... А сегодня это обернулось таким злом! Мне бы никогда не нанести такой раны, останься я неучем... Простите меня, господин!

— Ступай, Коскэ, — нетерпеливо сказал Иидзима. — Торопись, иначе имя Иидзimy погибло!

Коскэ поднялся, всхлипывая, засунул за пояс меч — подарок господина, взял сверток с деньгами и письмом и, повинуясь приказу Иидзimy, срезал у него с головы кинжалом прядь волос. Затем он вновь упал на колени перед господином.

— Прощайте, — вымолвил он сквозь слезы.

Прокравшись за ворота, он со всех ног бросился на Суйдобату к дому Аикавы.

— Дзэндзо! — позвал Аикава, встрепенувшись от стука. — Стучит кто-то, слышишь, Дзэндзо! Может, указ какой-нибудь принесли. Выйди спроси...

— Иду, иду, — заспанным голосом проговорил Дзэндзо.

— Что же ты? Ты не только отвечай мне, но и дело делай...

— Иду, сейчас открою... Темнота-та какая, ничего не видно... — Но спросонок Дзэндзо не мог вспомнить, где выход и налетел на столб. — Ай! — вскрикнул он. Протирая глаза, он выбрался во двор. — Гляди-ка, снаружи куда светлее. Сейчас, сейчас! Кто это там?

— Коскэ! — отозвались за воротами. — Слуга из дома Иидзимы! Доложите хозяину!

— А-а, добро пожаловать, — сказал Дзэндзо. — Просим прощения, что заставили ждать... Сейчас откроем.

Он распахнул створки ворот, и Коскэ вошел во двор.

— Извините, что беспокою ночью, — сказал он. — У вас, наверное, уже спят...

— Господин у нас, поди, и не ложился, слышно, как он книгу читает... Проходите, пожалуйста.

Дзэндзо побежал вперед в комнату Аикавы.

— Господин, — доложил он, — пришел господин Коскэ от господина Иидзимы.

— Так проси его сюда! — воскликнул Аикава. — Ты... Это... Да проснись же, Дзэндзо! Крючок полога сними и перевесь вот туда... Опять спит, дурак... Ладно, убирайся, иди спать к себе... — Аикава вышел в прихожую. — О, никак, это вы, господин Коскэ? Входите, входите, мы ведь теперь родственники, так что без стеснений... Сюда, пожалуйста.

Они вошли в гостиную и уселись.

— У вас, верно, что-нибудь срочное, господин Коскэ? — осведомился Аикава. — Слушаю вас. Что-нибудь случилось?.. Что это, никак вы плачете? Если мужчина плачет, причина на то должна быть серьезная! Что с вами?

— Простите, что беспокоил вас в ночное время, — сказал Коскэ. — Дело мое вот в чем. По воле странной судьбы, по вашей просьбе и по желанию господина моего решено было, что я войду в ваш дом наследником. Но сейчас обстоятельства переменялись. Весьма важные причины вынуждают меня срочно отправиться в далекие страны, а посему соблаговолите согласиться расторгнуть мою помолвку с вашей дочерью и взять в наследники какого-нибудь другого человека...

— Вот оно что, — произнес Аикава — Ну что же, пусть будет так. Раз мы вам не по нраву пришлись, делать нечего... Конечно, рисовый паек у нас невелик, дочка моя глуповата, сам я известный вертопрах, позариться у нас не на что... Однако дочь моя полюбила вас за верность долгу, она даже заболела от любви... Я говорил с вашим господином, я получил ваше согласие... Нет, я не могу расторгнуть помолвку только

потому, что этого просите вы. Ведь раз вы решаетесь нарушить волю вашего господина, у вас должны быть для этого серьезные основания... Возможно, какая-нибудь обида... Расскажите толком, что случилось? Вам не нравится моя дочь? Плох тесть? Мал рисовый паек? Что же, наконец?

— Причина совсем не в этом, — сказал Коскэ.

— Может быть, вы в чем-нибудь провинились перед господином Иидзимой? Пожалуйста, не притворяйтесь удивленным. Я понимаю. Совершив провинность, вы спохватились и, как человек преданный, собрались либо вспороть себе живот, либо уехать подальше отсюда... Но так поступать не следует! Провинились? Ничего, я вместе с вами пойду к господину Иидзиме и буду просить о прощении... Да, да, ведь мы уже обменялись подарками в знак помолвки, я уже распорядился, чтобы мои домашние звали вас не Коскэ, а господин Коскэ, вы все равно что мой сын теперь, только я оставил вас до будущего февраля на попечение вашему бывшему хозяину... Да разве я позволю, чтобы из-за какой-то там пустяковой оплошности все расстроилось? Ничего подобного не будет. Собирайтесь, пойдемте вместе...

— Да нет, — простонал Коскэ, — дело вовсе не в этом!

— А в чем же?

— Я даже не знаю, как об этом сказать, настолько оно серьезно...

— А, понял! Ладно. Так оно и должно было получиться. Как преданный вассал, вы не посмели послушаться господина Иидзиму, когда он приказал вам идти в наследники к Аикаве. Между тем вы хороши собой, и у вас, конечно, есть возлюбленная, которой вы дали обещание. Узнав о вашей помолвке, эта девушка пригрозила вам, что, если вы нарушите слово, она пойдет и самолично расскажет обо всем вашему господину. Так она, наверное, и сказала... Или еще что-нибудь в этом роде... И тогда вы решили, что господин вам этого не простит... Пообещали этой женщине увезти ее в далекие страны... Но для чего? Почему бы вам не иметь одну наложницу? Нужно только известить об этом начальника хатамото, и все будет улажено. Самое обычное дело! Или можно устроить так, чтобы по закону вашей женой была моя дочь, а настоящей женой пусть будет эта женщина... Я буду отдавать этой женщине свою долю в рисовом пайке... Я пойду и сам уговорю ее. Кто она такая? Гейша?

— Да нет, нет у меня никаких женщин...

— В чем же дело тогда? Что случилось?

— Ладно, я все скажу, — решился Коскэ. — Господин мой ранен...

— Что? Ранен? — вскричал Аикава. — Что же вы сразу не говорили? Теперь все понятно... В дом ворвались бандиты, и господин Иидзима, несмотря на все свое искусство, отступает перед их натиском... Пока он с ними рубился, вы прорвались через их кольцо и прибежали ко мне за подмогой... Мечом я, правда, владею плохо, но в молодые годы учился биться пикой и умения этого не забыл... Побегу на помощь...

— Погодите, совсем не это случилось. Выслушайте меня. Служанка О-Куни и Гэндзиро из соседнего дома давно уже находятся в преступной связи и...

— Значит, они и вправду любовники? Поразительно... Слухи об этом ходили, но... Каков мерзавец! Покуситься на любовницу своего благодетеля! Тварь, не человек... Ну а дальше, дальше что?

— Двадцать первого числа прошлого месяца, — продолжал Коскэ, — когда господин был на ночном дежурстве, Гэндзиро забрался к О-Куни, и они сговорились известить господина, столкнув его с лодки во время рыбной ловли... Я их подслушивал, и они меня заметили. Мы изрядно повздорили, но я всего лишь дзоритори, а противник мой был отпрыском самурайского дома, и я в этом споре проиграл. Мало того, меня еще избили обломком лука... видите, на лбу шрам.

— Подлый негодяй!.. А почему вы не доложили сразу хозяину?

— Я думал доложить, но ведь это были бы только слова, доказательств у меня не было, а у Гэндзиро оказалось письмо от господина, в котором господин приглашал его в любое время дня и ночи зайти и починить рыболовную снасть... Нет, выступить открыто я никак не мог, господину пришлось бы непременно выгнать меня хотя бы для того, чтобы не обидеть соседей, и тогда эти негодяи убили бы хозяина. Мне нужно было во что бы то ни стало остаться возле господина, и поэтому я должен был молчать... А дальше случилось вот что. Как раз завтра господин собрался на рыбную ловлю с этим Гэндзиро. Я попытался отговорить его, но он меня не послушался. Тогда, чтобы спасти господина, я решил сегодня ночью убить прелюбодеев и вспороть себе живот. Я взял пику, засел во дворе и стал ждать...

— Великолепно! — сказал Аикава. — Ваше намерение достойно всяческих похвал! Нет, действительно, вот за что я люблю вас больше, чем вас любит моя дочь. Я восхищен!.. Колоть их, мерзавцев, надо, колоть без пощады, и нечего из-за них убивать себя... Я сам пойду и доложу обо всем начальнику хатамото... А что было дальше?

— По коридору проходил человек в ночном кимоно. Я подумал, что это Гэндзиро, и ударил его в бок пикой... Произошла ужасная ошибка. Это был мой господин.

— Ну как же это ты... Но рана-то хоть не тяжелая?

— Рана смертельная.

— Что вы наделали! Ну что бы вам сначала окликнуть его? Вот всегда так... тычут, пиками куда попало, беда прямо... Но вы ведь без злого умысла, по ошибке... Вы не изменили долгу, ведь правда? Господин знает об этом? Вы рассказали ему?

— Господин знает все. Он сам устроил так, чтобы я принял его за Гэндзиро и ударил пикой...

— Что вы говорите? Для чего ему эта глупая затея?

— Я не знаю его сокровенных замыслов, — сказал Коскэ и протянул Аикаве сверток. — Здесь есть его завещание. Возможно, оно объяснит все...

— Посмотрим, посмотрим, — пробормотал Аикава. — Где это? Ага, вот... Сверток изрядный, однако... Передник какой-то... Да это же бабкин передник! Вот, безобразие! Кто его здесь бросил? Убрать его отсюда!.. Послушайте, господин Коскэ, вон там, в книге, мои очки, подайте мне их...

Он водрузил очки на нос, поправил фитиль фонаря, проглядел письмо и пораженный, глубоко вздохнул.

Глава 14

Томодзо ни жив ни мертв лежал на огороде, а когда привидения исчезли из виду, он кое-как поднялся на ноги, весь дрожа, покрытый грязью, прибежал домой и крикнул:

— О-Минэ, где ты там? Выходи!

О-Минэ выбралась из шкафа.

— Ну как там? — спросила она. — Я от жары не знала куда деться. Вся мокрая от пота, едва вытерпела...

— Ты вот от жары потела, а я холодным потом обливался, — сердито сказал Томодзо. — Привидения вошли в дом через окошко, что на заднем дворе. Убьют они господина Хагивару, как ты думаешь?

— А я думаю, что не убьют, — сказала О-Минэ. — Они ведь явились к нему с любовью, а не из ненависти... Приходят, а войти нельзя, ярлыки наклеены. Тут и живой человек стал бы плакать и жаловаться... Узнать бы, что у них там сейчас происходит? Сходил бы посмотреть.

— Не болтай глупости.

— Да ты потихонечку. Зайди со стороны переднего входа и загляни.

Томодзо на цыпочках вышел во двор и через некоторое время вернулся.

— Как ты долго, — сказала О-Минэ. — Ну, что там?

— А ты, пожалуй, права, — проговорил Томодзо. — Слышно было, как они о чем-то разговаривают. Заглянул я, да ничего не видать из-за полога от комаров. Тогда я пошел на задний двор, но, пока ходил, разговаривать перестали. Видать, помирились все-таки и он со своим привидением завалился в постель...

— Срам слушать, что ты болтаешь, бесстыдник...

Пока они так беседовали, ночь пришла к концу.

— Гляди, О-Минэ, — сказал Томодзо. — Уже рассвело! Пошли к господину Хагиваре вместе, зайдем и посмотрим!

— Ну нет, — возразила О-Минэ. — Мне все равно страшно...

— Пойдем, пойдем...

Томодзо вытащил жену во двор, и они пошли к дому Хагивары.

— Открывай дверь, О-Минэ, — приказал Томодзо.

— Нет-нет, мне страшно...

— Ничего не страшно. Ты эту дверь каждое утро открываешь. Открывай, ну?

— Открой сам. Просунь руку в щель и надави, там засов упадет...

— Ты ведь каждое утро приходишь сюда готовить завтрак. Просовывай руку и сбрось засов, тебе говорят...

— Ни за что не стану!

— Беда с тобой, — проворчал Томодзо.

Он просунул в щель руку, сбросил засов и отворил дверь.

— Господин! — позвал он. — Простите, господин, уже рассвело!.. Господин! Слушай, О-Минэ, он не отвечает...

— Потому-то я и не хотела...

— Проходи вперед, — сказал Томодзо. — Ты в этом доме все равно что своя, все комнаты знаешь.

— Что ты, ничего я не знаю, у меня от страха все из головы вылетело...

— Господин, позвольте войти!.. Слушай, чего ты боишься? Ведь уже рассвело. Никаких привидений при солнце не бывает, они его пуще всего боятся... Нет, страшно все-таки, правда, О-Минэ? Ничего нет на свете страшнее!

— Ой, замолчи ты! — вскрикнула О-Минэ.

Бормоча себе что-то под нос, Томодзо раздвинул сёдзи. В покоех было совершенно темно.

— Господин! — окликнул Томодзо, вглядываясь. — Надо же, как разоспался... Все хорошо, О-Минэ, он спит без задних ног.

— Правда?.. Господин, уже утро, разрешите котел растопить.

— Позвольте двери раскрыть, господин...

Томодзо наклонился над постелью и вдруг с воплем шарахнулся назад. О-Минэ завизжала и выскочила в прихожую.

— В жизни ничего страшнее не видывал, — проговорил Томодзо, выскочив вслед за нею. — И ты еще кричишь, совсем меня перепугала...

— Что там стряслось?

— Стряслось такое, что и сказать нельзя. Страшное дело. За то одно, что мы здесь были и все видели, нас могут запутать в эту историю, и тогда нам плохо придется... Надо сходить за стариком Хакуодо, пусть будет свидетелем...

Томодзо побежал к Хакуодо Юсаю и забарабанил кулаками в его дверь.

— Сэнсэй! — кричал он. — Откройте, сэнсэй! Это я, Томодзо!

— Перестань стучать! — откликнулся Хакуодо. — Я же не сплю, я давно уже проснулся!.. Не стучи, ты же дверь ломаешь! погоди, сейчас открою... Ай, что же ты меня по голове бьешь?

— Простите, сэнсэй, это я от поспешности... Сэнсэй, идите скорее к господину Хагиваре, там беда с ним приключилась!

— Что такое? Какая беда?

— Страшная беда, не спрашивайте! Мы сейчас с О-Минэ увидели и так перепугались... Ступайте скорее, сэнсэй, будьте свидетелем!

Встревоженный Юсай схватил свою палку и заковылял за Томодзо. У дверей Хагивары они остановились.

— Иди вперед, Томодзо, — сказал Хакуодо.

— Не хочу, боюсь...

— Тогда ты, О-Минэ!

— Нет! Ни за что, я и так от страха без памяти...

— Ладно, — сказал Хакуодо и решительно шагнул в дом. В темноте ничего не было видно. — О-Минэ, раздвинь-ка сёдзи... Ну что, господин Хагивара, вы плохо себя чувствуете? Что с вами?

С этими словами Хакуодо подошел к постели, взглянул и, задрожав, отпрянул.

Глава 15

Вот что прочитал Аикава, торопливо пробегая строки завещания Иидзимы:

«Меня и Коскэ связывали отношения господина и вассала, но мы были кровниками. Любя и уважая Коскэ за его преданность и глубокую верность сыновнему долгу, я решил дать ему возможность отомстить за смерть родителя, избегнув при этом обвинения в убийстве господина. С этой целью я сделаю так, чтобы он, Коскэ, принял меня за Гэндзио и поразил меня своею рукой. Затем я удалю его, Коскэ, из дома, проникну в спальню О-Куни и заставлю Гэндзио убить меня. Род Иидзимы на мне прекратится. Убив меня, прелюбодеи должны будут бежать, причем убегут они, несомненно, к родителям О-Куни в Мураками, что в провинции Этиго. Тебе, Коскэ, надлежит, не теряя времени, пуститься за ними в погоню, настигнуть их и вернуться с их головами. Ты явишься к начальнику хатамото, доложишь ему, что отомстил за господина, и подашь прошение о восстановлении рода Иидзимы. При этом ты попросишь посильного содействия господина Аикавы. Поскольку ты связан обещанием стать наследником Аикавы, живи с его дочерью О-Току в мире и согласии, ребенка же, родившегося от вас, все равно мужского или женского пола, твою плоть и кровь, завещаю тебе определить наследником имени и рода Иидзимы...»

Коскэ, который слушал все это затаив дыхание, роняя на колени горячие слезы умиления и благодарности, внезапно побледнел и вскочил на ноги.

— Что с вами, господин Коскэ? — испугался Аикава. — На вас лица нет!

— Из того, что вы сейчас читали, — сказал Коскэ дрожащим голосом, — я понял, что господин, отослав меня, хотел вернуться в гостиную и вызвать Гэндзиро на бой... Пусть Гэндзиро не владеет мечом, но ведь господин тяжело ранен, и Гэндзиро одолеет, убьет его! Враг рядом, а я сижу здесь и жду, пока он зарубит моего благодетеля и покровителя... Нет, я должен быть там, я помогу господину своим мечом!

— Вы не сделаете этого, — сурово остановил его Аикава. — Вы подумали о том, для чего ваш господин оставил это завещание? Если вы не хотите, чтобы род Иидзими исчез, останьтесь и ждите здесь до утра. Вы слышали завещание, так постарайтесь сделать так, чтобы оно не превратилось в пустой клочок бумаги!

Говорят, что мудрость лет сильнее черепашьего панциря. Коскэ нечего было ответить на слова старика, и он повалился на пол, содрогаясь всем телом, плача от бессильной ярости.

А между тем Иидзима Хэйдзаэмон, отослав Коскэ, оперся на окровавленную пику и с трудом, чуть ли не ползком, словно краб, вскарабкался на веранду. Раздвинув сёдзи, он вошел в гостиную, содрал полог от комаров и остановился над Гэндзиро. Тот храпел во все носовые завертки. Иидзима похлопал его по щеке мокрым от крови наконечником пики и сказал:

— Вставай!

Услыхав этот голос и почувствовав холод на щеке, Гэндзиро открыл глаза. Он увидел Иидзиму. С землистым лицом, с налитыми кровью глазами, в растрепанной прическе без пучка на темени, Иидзима стоял над ним, протянув к его лицу окровавленную пику. Гэндзиро сразу все понял. «Все пропало, — мелькнуло у него в голове. — Либо он догадался о моих шашнях с О-Куни, либо этот подлец Коскэ все-таки донес ему о нашем замысле. Теперь пощады не будет». Великолепный мастер школы «синкагэ», не имеющий равных себе среди восьмидесяти тысяч хатамото, готовился нанести ему смертельный удар. Весь сжавшись, Гэндзиро поспешно притянул к себе лежавший у изголовья меч и проговорил дрожащим голосом:

— Что это вы, дядюшка?

От ужаса и напряжения лицо его тоже сделалось серым, глаза налились кровью, и это словно уравнило противников. Но, судорожно цепляясь за рукоять меча, Гэндзиро никак не мог решиться принять вызов. Он был в каком-то оцепенении.

— Что вы хотите со мной сделать, дядюшка? — пробормотал он.

— Ты еще спрашиваешь, наглец, — сказал Иидзима, едва держась на ногах. — Ты, который погряз в гнусной связи с моей служанкой... Ты, который замыслил утопить меня и предательски завладеть моим

именем и домом... Неблагодарный мерзавец, отвратительный преступник... Готовься, я убью тебя сейчас вот этой пикой!..

Он знал, что шалопай и развратник Гэндзиро не искушен в боевых искусствах и плохо владеет мечом, но он знал также, что рана, нанесенная верным Коскэ, смертельна и Гэндзиро неизбежно убьет его. И теперь он думал только о том, чтобы перед смертью успеть поразить Гэндзиро пикой в руку или в ногу, искалечить негодя и этим помочь Коскэ, когда тот будет мстить за своего господина. Он поднял пику, прицеливаясь.

— Дядюшка! — завизжал Гэндзиро. — За что? Я ничего не сделал!

— Молчать! — яростно крикнул Иидзима и, шагнув вперед, сделал выпад.

Гэндзиро ахнул и отскочил, но не успел увернуться. Пика глубоко вонзилась в его бедро. Иидзима вновь размахнулся, однако силы уже оставили его. Он зашатался. Между тем удар пики привел Гэндзиро в бешенство. Выхватив меч из ножен, он бросился на Иидзиму. Застонав сквозь стиснутые зубы, тот отступил перед натиском, и тогда Гэндзиро разрубил ему плечо. Иидзима упал со сдавленным криком, а Гэндзиро вскочил на него и принялся рубить его тело, как рыбаки на морском берегу разделявают тушу тунца. На шум прибежала со второго этажа О-Куни в ночном кимоно. Увидев, что происходит, она перепугалась, и снова бросилась к себе наверх, и снова спустилась в гостиную. Тем временем Гэндзиро нанес последний смертельный удар. Она подбежала к нему.

— Гэн! — крикнула она. — Гэн, ты не ранен?

Гэндзиро только отдувался и не отвечал.

— Что же ты не отвечаешь, Гэн? — тормошила его О-Куни. — Отвечай! Ты не ранен?

— Нет, — запыхавшимся голосом, как во сне, ответил Гэндзиро. — Кто это?.. А-а... О-Куни... Нет, я не ранен.

— Как же так, смотри, у тебя из ноги кровь течет!

— Это меня пикой... Ну, не ожидал я, что так легко с ним справлюсь... Думал уже, что мне конец... Однако оставаться нам здесь нельзя... Нам с тобой надо бежать. Давай скорее собирайся!

О-Куни и сама понимала это. Она бросилась в свои покои и принялась собирать деньги и ценные вещи.

— Этот ларчик подвесь к поясу, Гэн, — говорила она. — Вот это надень на себя...

Гэндзиро напялил несколько кимоно, опоясался тремя оби, обвесился семью драгоценными ларчиками, заткнул за пояс шесть мечей и кинжалов. Наконец приготовления к побегу были закончены. Взявшись за руки, они уже хотели незаметно выскользнуть из дома, как вдруг в гостиную влетела разбуженная суматохой О-Такэ. Увидев окровавленное тело господина, она закричала: «Убили!» — и кинулась было вон, но Гэндзиро, выхватив меч, прыгнул за нею следом и одним

ударом разрубил ее толстенное тело от плеча до спины. О-Такэ только пискнула и испустила дух, остальные служанки от страха забились кто куда. Одни спрятались в чан для мойки посуды, другие забрались в дровяной ящик. Воспользовавшись этой сумятицей, Гэндзиро и О-Куни выскользнули из дома и скрылись. И только тогда Гэнскэ понял, что в доме происходит что-то неладное, выскочил из людской и принялся изо всех сил дубасить кулаками в забор к соседям, крича, словно его резали:

— На помощь! Бандиты! На помощь!

Миянобэ Гэнноскэ, старший брат Гэндзиро, услышав этот шум и крики, решил, что идти на помощь, конечно, надо, но торопиться при этом не следует. На такого человека, как Иидзима, бандиты могут решиться напасть только очень большой шайкой, а потому есть все основания дожидаться рассвета. Он разбудил всю челядь и принялся отдавать распоряжения. Он велел нести из кладовой нагрудный панцирь, затем приказал приготовить боевые перчатки и нарукавники. Он собирался долго и основательно, а тем временем понемногу рассвело. Тогда он подумал, что бандиты уже скрылись, и в сопровождении двенадцати слуг явился в дом Иидзимы. Он стоял в гостиной и осматривался, ничего не понимая, когда из чана для мытья посуды выползла одна из служанок, поклонилась ему, уперев руки в пол, и сказала: «Бандитами нынешней ночью были ваш младший брат господин Гэндзиро и О-Куни. Они давно уже состояли в преступной связи, а вчера вечером убили господина и бежали неизвестно куда, захватив деньги и ценные вещи». Миянобэ был потрясен. Он немедленно вернулся к себе и тут же стал писать донесение начальнику хатамото.

В дом Иидзимы явились мэцукэ.^[137] Осмотрев труп, они обнаружили рану от удара пикой и пришли к заключению, что Гэндзиро, не умея владеть оружием, напал на Иидзиму, когда тот спал, ударил его пикой и затем изрубил мечом. На Гэндзиро был объявлен розыск. Но род Иидзимы за недостойную и неотмщенную гибель его главы был лишен всех прав и вычеркнут из списка самурайских родов, самого же Иидзиму тайно и поспешно схоронили у храма Симбандзуй-ин. Все это, время Коскэ сам не свой от тоски провел в доме Аикавы. Мысль о том, что господин не пожалел за него своей жизни не давала ему покоя. Но вот Аикава, вернувшись от начальника хатамото, сказал:

— Ну-ка, бабка, ступай отсюда, мне надо поговорить с господином Коскэ. Да смотри не суй сюда нос.

— Чего изволите? — не расслышала кормилица.

— Ничего я не изволю... Ступай, говорю, отсюда... Постой, постой, чаю нам принеси да еще поставь курительные палочки в честь покойного... Так вот, господин Коскэ. Давайте поговорим. Садитесь поближе. Вот так... Ну что же, рассказывать об этом никому нельзя, конечно, но все идет согласно завещанию вашего господина, так что

огорчаться особенно не стоит. Вы отомстили за отца, а теперь вы должны отомстить за господина и восстановить род Иидзимы...

— Мне не надо об этом напоминать, — возразил Коскэ. — Я готов мстить. Прошу только не оставить меня своими заботами в этом деле.

— Что ж, я стар, — сказал Аикава, — но буду стараться за род Иидзимы, не щадя живота. Когда вы собираетесь в путь?

— Медлить нельзя ни часу, — ответил Коскэ. — Я отправлюсь завтра же рано утром.

— Вот как? Уже завтра... Вы не слишком спешите? Впрочем, для дела мести, для такого славного дела не стану вас отговаривать... Действительно, откладывать нельзя ни на день... Но пока вы еще здесь, у меня есть к вам большая просьба. Обещайте исполнить ее.

— Обещаю, что бы то ни было.

— Я прошу вас до отъезда совершить церемонию бракосочетания с моей дочерью О-Току. Это мое единственное желание... Прошу вас, исполните его!

— Я дал слово, — сказал Коскэ, — и я готов сочетаться с вашей дочерью... Но господин мой условился с вами, что это произойдет в феврале будущего года. Мы обидим табличку с посмертным именем господина, если поженимся прямо сейчас, после всего, что произошло... Прошу вас, давайте подождем, пока я отомщу и вернусь, а тогда уже отпразднуем свадьбу.

— Я знаю, — сказал Аикава, — что, раз уж вы взяли дело мести в свои руки, вы непременно исполните долг и вернетесь к нам, может быть, даже в самом скором времени... Но ведь неизвестно, куда бежали враги. Неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы разыскать их. Может быть, пять лет, может быть, десять... А я уже стар, я не уверен в своем завтрашнем дне, и если я уйду в дорогу, по которой не возвращаются, так и не увидев этой радости, дорога будет для меня тяжелой... И дочь так любит вас... Успокойте же мое сердце, давайте сегодня и совершим церемонию, пусть хотя бы в домашнем кругу... Вдобавок, если вы отправитесь в путь простым слугой Иидзимы, вам придется ехать с деревянным мечом. Так не лучше ли стать наследником Аикавы, доложить властям о свершившемся усыновлении и выехать настоящим самураем? Тогда в пути вам не придется страдать от грубости всякого дорожного сброда... Соглашайтесь, отпразднуем свадьбу в домашнем кругу!

— Ваши доводы справедливы, — сказал Коскэ. — И, если это будет в домашнем кругу, я согласен.

— Согласны? — радостно вскричал Аикава. — Ну вот и спасибо. Не знаю, как и благодарить вас... Аикава беден, но будьте спокойны, он сумел отложить кое-что на свадебные расходы. У меня найдется полсотни золотых для прощального вам подарка, и вы возьмете их с собой в дорогу...

— Но у меня есть деньги, — возразил Коскэ. — Господин оставил мне сто золотых, мне больше не нужно...

— Деньги никогда не помешают, сколько бы их ни было... Особенно в дальней дороге. А если даже и будут мешать, все равно ничего, потерпите... Я, кстати, собираюсь выбрать монеты помельче и зашить их вам в нательную куртку, эту куртку вы никогда не снимайте, смотрите... На дорогах полно всяких мошенников, так что будьте осмотрительны, и еще возьмите вот этот ларчик с кистями и тушью, а кроме того, примите обещанный мною меч работы Тосиро Рёсимицу... тяжелый, ведь правда? А вы заткните его за пояс. Если у вас за поясом будет этот меч и меч работы Тэное Сукэсады, пожалованный вам господином, вы совершите славные подвиги. Ведь это все равно, как если бы в пути вас незримо сопровождали ваш тесть и ваш господин.

— Благодарю вас покорно, — сказал Коскэ.

— Ну вот. А сегодня ночью мы устроим ваше бракосочетание с моей недостойной дочерью. Эй, бабка! Поди сюда... Завтра господин Коскэ отправляется в трудный и славный путь, и по этому случаю мы решили сегодня сыграть заодно его свадьбу. Ступай приberi нашу О-Току, причеши ее, пусть она покрасится... Да, а сначала вот что ты сделай. Вот эти деньги зашей в нательную куртку. Дзэндзо! Дзэндзо, беги в харчевню, ну, знаешь, в «Ханая», и возьми праздничной закуски... так три хороших рыбы целиком. Заодно заверни в винную лавку, купи два го водки да один го мирина,^[138] а на обратном пути купи десять пачек бумаги, двадцать золотников табаку и выбери варадзи^[139] получше...

Приготовления закончились быстро. В гостиной выставили водку и закуску. Аикава, родитель, ставший на то время и сватом, затянул «Спокойны волны четырех морей»,^[140] молодые трижды по три раза обменялись чарками, на том брачная церемония и закончилась. Тут же решили разойтись.

— Вот мы и отпраздновали, бабка, — сказал Аикава.

— Хорошо отпраздновали, — сказала кормилица, — поздравляю вас. Уж я так рада, так рада, ходила ведь за барышней с ее младенческих лет, а теперь вот довелось у нее на свадьбе послужить... А ваше-то сердце, поди, как успокоилось!..

— Ты, бабка, смотри не подведи... Знаешь, завтра мы все встанем рано, так ты свари рису, накорми господина Коскэ рыбой и горячим рисом, прямо с огня, чтобы пар шел, ладно? Ну вот... Теперь можно и расходиться. Ложитесь спать... И прошу вас, господин Коскэ, всегда ее любите... Она у нас еще молоденькая, неловкая, ничего совсем не знает, вы ее жалеите... Ну ладно, сват, как говорится, нужен только перед свадьбой. Слышишь, бабка?.. Ты уж не подведи...

— Что вы все — «не подведи», «не подведи»... — сказала кормилица. — Кого не подвести-то?

— Вот непонятливая... Поставь там ширму, что ли... Чтобы не стыдились. Понимаешь? Видишь, она стыдится и робеет... Чтобы сумела это самое...

— Что-то вы чудное руками показываете, господин, не пойму я...

— Вот ведь дурища... Вот у тебя, к примеру, муж был, так и дети получились... Получились дети, пошло молоко... Вот ты и пошла в кормилицы... А дочка еще молодая, так ты ей по-хорошему... это самое... Ладно?

— Что вы, господин, все ее за младенца считаете? — рассердилась кормилица. — Не извольте беспокоиться, все будет хорошо...

Кормилица крикнула молодым:

— Барин! Барышня! Извольте ложиться почивать!

Коскэ, погруженный в беспокойные мысли о предстоящей погоне за О-Куни и Гэндзиро, сидел, скрестив руки, на постели. Лечь О-Току не могла, поэтому сидела рядом.

— Приятной вам ночи, барин и барышня, — сказала кормилица. — Барышня, вы не забыли, что я вам давеча говорила?

— Ложитесь, пожалуйста, — стесненно проговорила О-Току, обращаясь к Коскэ.

— Нет-нет, — сказал Коскэ, — мне еще надо кое о чем подумать немного... А вы не стесняйтесь, ложитесь и спите.

— Бабка! — жалобно позвала О-Току. — Поди сюда!

— Чего изволите? — спросила кормилица.

— Барин не ложится... — сказала О-Току и запнулась.

— Вы бы легли, барин, а то барышня лечь не может...

— Сейчас ложусь, — сказал Коскэ. — Не беспокойтесь, не обращайтесь на меня внимания,

— Очень уж вы серьезные, — проворчала кормилица, — и стесняетесь все... Спокойной ночи.

— Вы бы хоть немного прилегли... — попросила О-Току.

— Сначала ложитесь вы... — сказал Коскэ.

— Бабка! — позвала О-Току.

— Вот наказание-то... Послушайте, извольте ложиться!

— Бабка!

Коскэ наконец очнулся и почувствовал угрызения совести. Он лег, склонив голову на подушку, и между молодыми завязалась первая любовная беседа, за которой они полюбили друг друга навечно. А на следующий день, еще затемно, Коскэ стал готовиться к отъезду. Аикава уже был на ногах.

— Эй, бабка! — суетился он. — Все готово? А как завтрак? Горячий? Я пошлю Дзэндзо проводить Коскэ до Итобаси... Вынеси-ка вещи в прихожую! Господин Коскэ, завтракать!

— Доброе утро, батюшка, — сказал Коскэ, выходя в гостиную. — Доброе утро, барышня... Еду я далеко и писать вам часто, наверное, не смогу... Что меня беспокоит, так это ваше здоровье, батюшка. Берегите

себя, пока я не вернусь, выполнив свой долг... Хочу увидеть радость на вашем лице, когда покажу вам головы врагов.

— И вы берегите себя, — сказал Аикава. — Отправляйтесь в добрый час, и счастливого вам пути... Много хочется сказать вам, да сами видите, как я волнуюсь. Нет, ничего больше не скажу... Дочка, что ты меня за рукав все тянешь?

— Когда мой господин вернется, батюшка? — робко спросила О-Току.

— Экую несурязицу говоришь! Ведь не маленькая уже... Твой муж уезжает, чтобы отомстить за своего господина, а не на богомолье в храм Исэ или там на прогулку... Вернется не прежде, чем отомстит... Ну вот, чего же ты плачешь?

— Ну хоть примерно, когда он вернется?..

— Не знаю. Может быть, через пять лет, а может быть, и через десять...

— Значит, не будет он дома пять или десять лет... — проговорила О-Току и горько заплакала.

— Ну-ну, перестань, — сказал Аикава. — Отомстить за господина — это славный долг самурая. Ты спасибо скажи, что у тебя такой достойный супруг... У нас праздничные проводы, зачем же ты не улыбаешься? Смотри, господин Коскэ разлюбил тебя... Подумает, раз ты плачешь, да еще дочь небогатого самурая, значит, ты слаба, у тебя нет мужества... Господин Коскэ, она еще сущий ребенок, не обращайтесь внимания... А ты чего еще расплакалась, бабка?

— Жалко расставаться, вот и плачу, — сказала кормилица. — Да вы и сами плачете...

— Я старик, мне можно, — пробормотал Аикава, вытирая слезы.

— Прощайте, будьте здоровы, — произнес Коскэ и вышел в прихожую.

Он стал обувать варадзи, когда к нему подползла на коленях О-Току, вцепилась в его рукав и, глядя на него полными слез глазами, прошептала: «Берегите же себя...» Коскэ приласкал ее и поспешно вышел в сопровождении Дзэндзо.

Глава 16

Когда Хакуодо Юсай откинул покрывало с постели Хагивары Синдзабуро, волосы его встали дыбом от ужаса и по всему телу с ног до головы побежали мурашки. И не даром! Хагивара был мертв, и смерть его, наверное, была страшной. Лицо у него было серое, как земля, зубы оскалены, а пальцы скрючены, словно он хватался за воздух. Тут же в постели, вцепившись ему в горло костяными руками, лежал

развалившийся скелет, череп валялся у изголовья. Хакуодо был потрясен.

— Что же это такое, Томодзо... — проговорил он. — Мне шестьдесят девять лет, но такой страх я вижу впервые в жизни... В китайских романах часто пишут о том, как женились на лисах, встречались с привидениями... Чтобы этого не случилось здесь, я и попросил помощи у господина Рёсэки, настоятеля храма Симбандзуй-ин... Он одолжил господину Хагиваре чудодейственный талисман, который господин Хагивара с тех пор все время носил на шее... Нет, видно, от судьбы не уйдешь, сделать ничего было нельзя... Томодзо, сними у него с шеи талисман.

— Нет уж, увольте, — сказал Томодзо. — Я боюсь.

— Иди сюда, О-Минэ!

— Я тоже боюсь, не буду!

— Ну хоть щиты на веранде раздвинь!

Щиты раздвинули. Хакуодо сам снял с шеи мертвого Хагивары белый матерчатый кошелек, вытряхнул из него ларец, покрытый черным матовым лаком, поднял крышку ларца — и что же? Вместо талисмана «кайоннёррай» из литого золота в ларце оказался неизвестно как и откуда взявшийся глиняный бог Фудо, покрытый медной фольгой. Хакуодо опешил.

— Томодзо, — сказал он. — Его украли.

— Я что-то не пойму, о чем вы говорите, — сказал Томодзо.

— Здесь был несравненной благодати талисман «кайоннёррай». Это предмет такой святости, что весь мир тьмы в страхе отступает перед ним. Господин Рёсэки из сострадания одолжил его господину Хагиваре, и господин Хагивара носил его на шее, не снимая... Как же его подменили? Что за чудеса?

— Поистине чудеса... — согласился Томодзо, — А мы-то ничего не знали... Как вы говорите? «Канон...»

— Слушай, Томодзо, — решительно сказал Хакуодо. — Я не могу тебя подозревать, но в доме господина Хагивары живем только мы с тобой. Не думаю, чтобы украл ты... А впрочем, если человек присваивает чужое, это непременно отражается на его обличье. Покажи мне твое лицо, Томодзо, я хочу исследовать его.

С этими словами Хакуодо Юсай вынул из-за пазухи увеличительное стекло. Томодзо испуганно отшатнулся. «Как бы и вправду не узнал, беда тогда», — подумал он и крикнул:

— Вы эти шутки бросьте, господин! Нечего вам мою харю разглядывать, все одно она от этого краше не станет, харя-то...

Хакуодо сразу понял, в чем дело. «Значит, украл все-таки Томодзо», — подумал он. Но он поостерегся настаивать, боясь спугнуть вора, и заметил только:

— Ну хорошо. Смотрите, однако, никому пока ни о чем не рассказывайте. Слышишь, О-Минэ? А я сейчас пойду в Симбандзуй-ин, доложу настоятелю...

Опираясь на палку, он отправился в храм и был сразу допущен в покои. Настоятель Рёсэки в простой голубой рясе неподвижно восседал на дзабутоне.

— Рад видеть вас в добром здоровье, как всегда, — произнес Хакуодо. — А жаркий сезон в этом году что-то затянулся...

Настоятель взглянул на него.

— Выбрался ко мне все-таки, — сказал он. — Ну что ж, подойди ближе... Да, вот и с Хагиварой неладное приключилось. Умер, бедняга...

— Я вижу, вам уже, известно...

— Сделать ничего было нельзя. Возле него все время крутился дурной человек, да и судьба у него злая. Все предопределено, так стоит ли волноваться?

— Не зря говорят, — заметил Хакуодо, — что за ваши высокие добродетели вам дано видеть события на сто лет вперед. Мне остается только благоговеть перед вашим искусством все предвидеть. Я же, недостойный, совершил оплошность...

— Ты имеешь в виду украденный талисман? Сейчас он зарыт в землю. Не беспокойся о нем, его обнаружат в августе будущего года.

— Я прожил долгую жизнь, — сказал Хакуодо, — видел хорошее и плохое, я умею предсказывать будущие блага и несчастья и определять суть человека, а вот этого узнать не сумел!

— Не все ли равно... Послушай, у Хагивары был, вероятно, свой храм, но ты похорони его рядом с могилой дочери Иидзимы. Судьбы их связаны крепко. Поставь над ним памятник и отслужи панихиду, ведь ты пользовался его благодеяниями.

Хакуодо пообещал все исполнить и вышел из храма. На обратном пути он не переставал удивляться способности настоятеля все предвидеть и угадывать, а вернувшись домой, сказал Томодзо:

— Господин Хагивара был добр к тебе и ко мне, давай же проводим его к месту упокоения...

Покойника обрядили и схоронили у храма Симбандзуй-ин.

Чтобы скрыть свое злодеяние, Томодзо решил переехать в другое место. Но как это сделать, чтобы никто не заподозрил неладное? Он долго ломал над этим голову, прикидывал так и этак и наконец придумал. Он стал рассказывать соседям о том, что к господину Хагиваре хаживали привидения. «Сам видел, — говорил он. — Приходили два привидения, молоденькая женщина в прическе симада и женщина постарше с фонарем в виде пиона... Кто их увидит, тот через три дня умирает. Страшно мне здесь жить, сил моих нет...»

Соседи пошли приделывать к этим рассказам хвосты, к хвостам еще хвосты, и начали люди толковать, будто к господину Хагиваре привидения наведывались целыми толпами, а у источника в Нэдзу по

ночам слышен женский плач. Наконец Хакуодо Юсай, будучи человеком робким, не выдержал и переехал в Канда на улицу Хатаго. Томодзо только того и ждал. Заявив, что страха больше вытерпеть не может, он вместе с О-Минэ переселился в родные места — в уезд Курихаси, через который идет дорога Накасэн-до.

Глава 17

Рассудив, что на сто рё, полученные от привидений, можно начать новую жизнь, Томодзо через своего приятеля, погонщика лошадей Кюзо, приобрел за двадцать золотых добротный дом, благо цены в те времена были дешевы, и под именем Сэкигутия Томодзо открыл на пятьдесят золотых мелочную лавку. Первое время муж и жена работали усердно. Приобретали товар дешево, продавали тоже дешево, так что о них прошла добрая слава. Стали говорить, что у Сэкигутия-де товар хороший да дешевый, покупать к ним сходились со всей округи, и дела у них процветали.

Но разве не справедливы золотые слова древних: «Боги не мешают процветанию смертных. Добиваясь процветания, человек побеждает небо, но вот он достиг желаемого, и небо побеждает его». Никогда еще не было и никогда не будет так, чтобы шальные деньги принесли добро. К апрелю следующего года Томодзо уже забыл про прежнее свое нищее житье, и захотелось ему пороскошествовать. Захотелось шелковых одежд с гербами, захотелось парчовых оби, захотелось кожаной обуви. Как-то раз, попивая вино в харчевне «Сасая», заметил он там одну красотку служаночку. Девка эта была собой приметная, лет двадцати семи, а на вид не больше чем двадцати четырех, и сердце Томодзо затрепетало. Поднявшись на второй этаж, он стал расспрашивать хозяина об этой служанке и узнал вот что. Не так давно в этом доме остановились путники, муж и жена. Муж, как стало известно, самурай, был где-то ранен в ногу, да так тяжело, что не мог стоять. Прожили они при харчевне довольно долго, вконец проелись, и поскольку кормить их за свой счет стало накладно, хозяин нашел им домик у дамбы, а жену взял в харчевню служанкой. Так они теперь и живут на ту мелочь, что зарабатывает жена. Выслушав хозяина, Томодзо решил, что за деньги эта баба разрешит все что угодно. В тот вечер он одарил ее несколькими медяками и ушел восвояси, однако с тех пор зачастил в «Сасая», принялся красотку улещивать, не жалея ни денег, ни слов, и в конце концов сошелся с нею.

Женщина эта была, конечно, О-Куни. Убив и ограбив Иидзиму Хэйдзаэмона, она вместе со своим любовником Миянобэ Гэндзиро бежала из Эдо к родным в Этиго. Но оказалось, что родных ее там

больше нет. Не зная куда деваться, они долго блуждали по тракту Осюдзи, вышли на дорогу Симокайдо и еле живые добрались до Курихаси. Благодаря заботам хозяина харчевни им удалось продержаться еще немного, а затем О-Куни и вовсе опустилась, и тут ее нашел Томодзо. Хитрая и злобная О-Куни сразу поняла, что это скоробогач и из него можно извлечь пользу, поэтому позволила ему склонить себя к любовной связи. А Томодзо в свои сорок с лишним лет вообразил, что эта молодая красавица в него влюбилась, совсем потерял голову и проводил в «Сасая» все ночи напролет.

Между тем его жена О-Минэ места себе не находила от ревности и едва сдерживала себя, стесняясь прислуги. Однажды, заметив погонщика Кюдзо, проходившего мимо лавки со своей лошадью, она окликнула его:

— Эй, Кюдзо, что же это ты проходишь и не заглянешь к нам?

Кюдзо остановился.

— Здравствуй, хозяйка, — сказал он. — Это верно, давно у вас не был. И рад бы заглянуть на минуточку, да вот, видишь, спешу, груз тут надо в одно место отвезти. Нет, никак не могу. Спасибо тебе еще раз за деньги, что дала мне тогда...

— Ладно, ладно, не выдумывай, ты ведь нам все равно что родственник... Может быть, все-таки зайдешь? Я бы тебе чарку поднесла...

— Что, чарку? В таком разе зайду, прошу прощения... — Кюдзо, не мешкая, привязал лошадь возле лавки и с черного хода вошел в комнаты. — Меня теперь все любят, как я есть вроде бы родственник вашему хозяину... Богач он стал с прошлого года, вот я и задираю нос.

О-Минэ завернула в клочок бумаги несколько монет и протянула ему.

— Вот, возьми, — сказала она. — Парень ты хороший, купишь себе что-нибудь.

— Каждый раз я от вас с деньгами, — ухмыльнулся Кюдзо. — Ну, спасибо. Неловко вроде бы, да как не принять, когда от чистого сердца дают... Ого, на ощупь там, кажется, денег немалая толика, глядишь, и на кимоно какое-нибудь достанет... Благодарю покорно.

— Будет тебе, не рассыпайся так, мне даже неловко... Кстати, вот я хочу от тебя кое о чем узнать. Мой хозяин с апреля только и знает, что ночует в «Сасая», говорят, и ты с ним вместе там гуляешь, правда? Ну-ка, расскажи, что у него там такое?

— Ничего я такого не знаю, — сказал Кюдзо.

— Не прикидывайся, — сказала О-Минэ. — Мне все известно.

— Не знаю, что там тебе известно...

— Я говорю об этой бабе в «Сасая», — пояснила О-Минэ. — Да ты не беспокойся, хозяин мне сам вчера во всем признался. И не думай, что я ревную. Я уже старуха, куда уж мне ревновать, я только за хозяина боюсь... Знаешь ведь, какой он у нас славный... Вчера вечером мне все

рассказал и сам же над собой смеется. А ты-то все мнешься, упираешься, проходишь мимо и зайти боишься... Эх, ты!

— Вот оно что... — сказал Кюдзо. — Надо же, а хозяин-то мне говорит, молчи, мол, говорит, если ты не проболтаешься, она никогда не узнает... Ну мне что, я и молчу. Зачем, думаю, говорить тебе об этом. Еще обидишься... Жена как-никак... А хозяин, оказывается, сам все рассказал... Вот потеха-то!

— Все рассказал, все как есть... А ты с ним часто ходишь?

— Эта его сучка, она из господских подстилок. Мужа ее зовут, кажись, Гэндзиро, в ногу он раненный и не может ходить. Живут они у дамбы. Она в «Сасая» прислуживает, там хозяин ее послушал, зажалел, она его враз окрутила... Деньги стал ей жаловать. В первый раз дал три медяка, во второй раз два золотых отвалил! Ну, звать ее О-Куни, лет ей, говорят, двадцать семь, собой, конечно, красавица, тебе с нею не срав... В общем, совсем другая, не такая, как ты, господская штучка, гордая, но ничего, хорошенькая бабенка...

— А давно он с ней закрутил, не знаешь? Он говорил вчера, да я запомнятовала...

— Со второго апреля, что ли...

— Вот подлец! — вскричала О-Минэ. — Крутил с чужой бабой со второго апреля и мне хоть бы словечко сказал! Бесстыдный негодяй! А я кого ни спрашиваю, ну никто ничего толком не говорит! Ну, спасибо тебе, Кюдзо. Теперь я буду знать!

— Постой, — сказал Кюдзо. — Так хозяин тебе и не говорил ничего?

— Конечно, нет! Что он, дурак, что ли, мне о таких вещах рассказывать?

— Ну, теперь он мне задаст... Он же мне строго-настрого наказывал никому об этом не болтать! Плохо мое дело...

— Да ты-то можешь не беспокоиться, про тебя я ему не скажу...

— Спасибо и на этом... Смотри не проговорись!

Кюдзо ушел. О-Минэ, кипя ревностью, села за работу и стала дожидаться Томодзо. Тот вернулся поздно ночью.

— Эй, Бунскэ! — окликнул он с улицы слугу. — Открывай!

— Добро пожаловать, — сказал Бунскэ. — Входите, пожалуйста.

— Приказчикам лечь спать, живо, — распорядился Томодзо. — Хозяйка легла? — Он вошел в комнату. — Ты чего не спишь, О-Минэ? — удивился он. — Перестань ты работать по ночам, это же для здоровья вредно, надо меру знать... Давай-ка пропустим по чарке да завалимся спать. И закусить что-нибудь подай, все равно что...

— А ничего и нет, — резко сказала О-Минэ.

— Принеси хоть соленых овощей...

— Да стоит ли? Что хорошего выпивать дома? Закуски нет, прислуживает старуха жена... Ступай-ка ты лучше в «Сасая».

— В «Сасая», конечно, все что угодно есть, харчевня как-никак... Впрочем, мне много не надо, всего-то выпить чарку на сон грядущий. Поджарь хоть немного морской капусты...

— Закуска что, не в закуске дело. А вот не понравится тебе, кто наливает! Иди в «Сасая», там тебе О-Куни нальет!

— Какая еще О-Куни? Что ты мелешь?

— А чего ты скрываешь? Не надо скрывать! Мне не двадцать лет, скрываться от меня нечего. Мы с тобой уже в годах, так не обижай меня, расскажи все откровенно!

— Что рассказать?

— Про О-Куни. Красивая, говорят, бабенка. Ей двадцать семь, выглядит, говорят, всего на двадцать два или двадцать три. Такая красотка, что я и то влюбилась, а уж как не влюбиться тебе!

— Никак в толк не возьму, о чем ты говоришь... Кстати, погонщик Кюдзо не заходил сегодня?

— Нет, не заходил.

— Послушай, я понимаю, в последнее время я часто отлучаюсь по разным делам, и ты меня подозреваешь... Дело обычное. Но таких вещей ты мне лучше не говори!

— Почему же? Дело твое мужское, развлекайся как хочешь, но я же о тебе забочусь! Ведь муж-то у этой бабы самураишка, это она для него так старается... А ну как он узнает, что тогда? Он же с тобой не знаю что сделает, вот чего я боюсь... Путаешься с этой бабой со второго апреля, и хоть бы слово мне сказал, разве так можно? Брось ты ее!

— Да, я вижу, тебе все известно, — сказал, помолчав, Томодзо. — Ну ладно, я виноват, прости... Я все думал, как бы рассказать тебе, но неловко было... Сама посуди, ну как бы я с серьезным видом мог объявить, что так, мол, и так, обзавелся я любовницей... Но ты не беспокойся, я на своем веку погулял немало, видел всякое, из меня много денег не вытянешь, так что все будет в порядке, вот увидишь!

— Еще бы! — сказала О-Минэ насмешливо. — Сначала ты дал ей три медяка, потом два золотых, потом три золотых, пять золотых, а потом отвалил сразу двадцать...

— И все-то ты знаешь... Верно, заходил Кюдзо, а?

— Никто не заходил!.. Тебе вот что надо сделать. Баба эта, раз уж она от живого мужа с тобой сошлась, в тебя влюбилась. Но если муж узнает, тебе конец. Лучше всего для тебя откупить ее и взять в наложницы, а меня отпустить. Я стану жить и вести дело отдельно от тебя, выделюсь из лавки «Сэкигутия» и открою свою лавку. А вы с этой О-Куни сами по себе трудитесь...

— Ну что ты болтаешь? — вскричал Томодзо. — Для чего это нам с тобой расходиться? Ведь бабенка эта, она же любовница самурая, у нее свой хозяин есть, не станет она со мной все время путаться... Я же просто так, невзначай, спяна подзакусил ею! Ну я виноват, ну прошу прощения... Ну хочешь, никогда больше не пойду туда? Хочешь?

— Нет уж, ты иди. Раз она от живого мужа до этого дошла, значит, любит тебя. Так что ты уходи к ней...

— Ну что мне с тобой делать... Глупости ведь городишь!

— Нет уж, ты меня отпусти.

Томодзо разозлился.

— Заткнись! — заорал он. — Ты с кем разговариваешь? Кто здесь хозяин? Кто всему делу голова? Что хочу, то и делаю! Сколько полюбовниц мне нужно, столько и буду держать, тебя не спрошу! Не молодая, нечего со своей ревностью соваться!

— Ах, ах, простите, не то сказала, извините великодушно... Хозяин! — презрительно произнесла О-Минэ. — Всему делу голова! Подумаешь, заважничал! А кем ты был в прошлом году, у господина Хагивары на побегушках служил? В каморке ютился? Радовался, когда господин Хагивара медяками тебя оделял да старым тряпьем? Забыл об этом?

— Не кричи так, приказчики услышат...

— Пусть слышат! Хозяин, голова, наложницу завел, а кто ты такой — забыл?

— Тише, ты! Ладно, можешь убираться на все четыре стороны...

— И уберусь! Только сначала ты дашь мне сто золотых. Работали вместе, вместе и наживали...

— Еще чего! Раскричалась тут, как разносчик на празднике бога богатства... Придержи язык!

— Нет уж, я все скажу! Работали мы вместе, я сил для дела не жалела, босиком ходила... А когда у господина Хагивары жили? Я ему готовила, прибирала у него, ты же при нем на побегушках состоял, все жаловался, что на водочку тебе не хватает... Я по ночам работала, только чтобы на водку тебе заработать! Забыл это? Загордился? Восемь лет я на тебя спину гнула! Хозяин, голова... Смотрите-ка на него! А я вот, чтобы прошлого не забывать, и сейчас в простой одежде хожу, по ночам работаю... Помнишь, как в позапрошлом году весной ты размышлялся выпить под жареную кету?..

— Тише, ты, тише!.. Приказчики же услышат!

— А мне все равно... Нищими ведь жили, я три ночи из последних сил работала, глаз не смыкала, купила тебе водки и жареной кеты... Помнишь, как ты тогда обрадовался? Помнишь, что сказал? Забыл? Ты тогда сказал, что главное в жизни — это жена...

— Перестань орать, — прошипел Томодзо. — Я же сказал уже тебе, что больше к ней не пойду...

— А вот буду орать!.. И можешь ходить к своей О-Куни сколько хочешь, мне все равно... Слишком много понимать стал о себе!..

— Молчи, сука! — сказал Томодзо и ударил ее кулаком по голове.

— Дерешься? — со слезами взвизгнула О-Минэ. — Давай мне сто золотых, я уйду! Я здесь ни за что не останусь! Сам из Курихаси, кругом полно родственников, затащил меня сюда... А я родом из Эдо, у меня здесь никого нет, заступиться некому! Стара я для тебя? С бабами

принялся беситься? Деваться мне, мол, некуда, без тебя я с голода помру... А ты мне дай денег, и я уйду!

— Уходишь, так уходи. А денег тебе никаких не будет.

— Ах, вот как? Не будет? А кто придумал выпросить у привидений сто золотых?

— Тише, говорят тебе...

— Ничего, ничего, рот ты мне не заткнешь... Все, что теперь нажито, началось с тех денег! Да что говорить! А кто убил Хагивару, кто украл талисман «кайоннёррай» и закопал в клумбе у источника?..

— Тише, сумасшедшая! Услышат ведь!

— Пусть слышат! Пусть меня хватают и рубят мне голову! Тебе все равно тоже несдобровать... Давай мне сто золотых, и я уйду от тебя!

— Ну что мне с тобой делать, — сокрушенно сказал Томодзо. — Ну виноват я перед тобой, прошу прощения, что еще? Жили мы с тобой до этого хорошо, жаль, конечно, что ты меня разлюбила, ну раз так, бери тогда лавку и дом целиком себе. Ты, верно, думала, что я с этой бабой собираюсь бежать куда-либо? Не так это. Я наводил кое-какие справки и узнал, что за нею водятся некрасивые дела, так что я и сам хотел уже порвать с нею... А хочешь, давай продадим лавку за двести или за триста золотых и уедем отсюда куда-нибудь в Этиго, хотя бы в Ниигату, пусть там опять распустится цветок нашего успеха... Как ты, согласна еще раз все начать босиком?

— Думаешь, мне так уж хочется уходить от тебя? — сказала О-Минэ, всхлипывая. — Просто ты теперь не любишь меня, вот я и говорила все это... Как-никак восемь лет вместе прожили, и раз ты не собираешься бросить меня, уедем отсюда куда-нибудь вместе...

— Ну вот и хорошо, и не будем злиться друг на друга. Давай в знак дружбы опрокинем по чарке и завалимся в постель.

С этими словами Томодзо взял О-Минэ за руку и притянул к себе. «Ну тебя, — сказала О-Минэ, — ну что ты, право...» Как говорится в одном стихе:

Славным мужским оружием

Супруге ревнивой своей

Он рога обломал.

На следующее утро Томодзо объявил, что хочет купить О-Минэ материи на кимоно, которую та давно облюбовала. Они отправились в Саттэ, купили в галантерейной лавке отрез, выпили в харчевне и пошли обратно домой. На дамбе Томодзо вдруг остановился и, оглядевшись, стал спускаться вниз.

— Ты это куда, хозяин? — удивилась О-Минэ.

— Когда я ездил в прошлый раз в Эдо за товаром, — ответил Томодзо, — мне удалось прихватить оттуда тот самый талисман

«кайоннэрай». Я его здесь закопал, а сейчас думаю откопать и взять с собой.

— Ну вот, и мне даже не сказал ничего... Выкапывай тогда скорее, пока никто не видит!

— Возьмем его и завтра продадим господину Кога... Что это, никак, дождь пошел? Спускайся сюда, будешь сторожить... Гляди, вон там у переправы двое, они не сюда идут?

— Никто не идет, где ты видишь?

— Да вон же, смотри внимательно!

Там, вдали, от тракта отделялись две дороги, вились вдоль рек Синтонэ и Отонэ и исчезали в тумане под хмурым дождевым небом. Едва видные огоньки в деревенской хижине трепетали, готовые погаснуть. Кругом не было ни души, и что-то зловещее нависло над миром. О-Минэ все всматривалась, ни о чем не подозревая, когда Томодзо выхватил нож из медных ножен у пояса и молча изо всех сил ударил ее в спину. Он метил ей между лопаток, и она с визгом упала на землю, цепляясь за его рукав.

— Ты убиваешь меня, ты хочешь жениться на О-Куни! — вскричала она.

— А ты как думала? — прохрипел Томодзо. — Возьму бабу, какую полюбил... Ну, молись!

С этими словами он перехватил нож лезвием вниз и старательно погрузил его в тело О-Минэ, в ямку над ключицей. О-Минэ, корчась от мучительной боли, вцепилась Томодзо в подол. Она никак не хотела умирать, и тогда Томодзо уселся на нее верхом и перерезал ей горло. О-Минэ испустила дух, но руки ее не отпускали подол мужа, и чтобы освободиться, ему пришлось один за другим обрезать ей пальцы. Только тогда он встал, обтер и вложил в ножны клинок и, не оглядываясь, поднялся на дорогу. Затем он со всех ног пустился домой, добежал до своей лавки и заколотил в дверь кулаками.

— Открывай, Бунскэ! Скорее! — закричал он.

— Кто это там? — отозвался слуга. — А, хозяин... Сейчас, сейчас.

Не успел он отодвинуть засов, как Томодзо вскочил внутрь.

— Беда, Бунскэ! — сказал он. — На дороге на нас напали пятеро бандитов, меня схватили, но я вырвался и убежал... А вот О-Минэ скатилась по дамбе вниз, и я не знаю, что с ней... Не ранили бы ее... Собирай всех, пошли туда!

Перепуганные слуги, вооруженные палками и дубинками, отправились с Томодзо на дорогу и обнаружили над дамбой мертвую, страшно изувеченную О-Минэ. Отчаянию Томодзо не было предела. Обливаясь притворными слезами, он кричал:

— Жалость-то какая!.. Что бы нам хоть чуть-чуть раньше прибежать, не умерла бы она такой ужасной смертью!..

Кто-то побежал сообщить властям. Власти осмотрели труп, велели забрать его домой. Вскоре тело предали земле, тут же, неподалеку от

деревни. О том, что Томодзо — убийца, никто не догадывался. День шел за днем, и вот на седьмой день, едва Томодзо вернулся из храма, приказчик сообщил ему, что внезапно заболела одна из служанок, тридцатилетняя О-Масу. Она ни с того ни с сего затряслась, вскрикнула и упала, а сейчас лежит без памяти и говорит в бреду какие-то несуразности. Томодзо отправился провести ее.

— Что с тобой стряслось? — спросил он, присев у постели.

— Томодзо, — проговорила О-Масу, — если бы ты знал, как больно мне было, когда ты повернул нож в моем теле...

— Странные вещи она говорит, хозяин, — испуганно сказал Бунскэ.

— Очнись, О-Масу, — сказал Томодзо. — Простудилась она, наверное, вот и жар у нее... Укройте ее одеялами!

Принесли тяжелые одеяла и навалили на больную, но она вдруг одним движением отбросила их, села и уставилась в лицо Томодзо.

— Что это она? — сказал Бунскэ.

— Уж не лиса ли в тебя вселилась, О-Масу? — встревоженно спросил Томодзо.

— Знаешь, Томодзо, — произнесла О-Масу, — никогда еще мне не было так больно... Особенно когда ты ударил меня в ямку над ключицей. Лезвие пронзило тело и вошло в грудь, и это была такая мука, что рассказать нельзя...

Томодзо стало не по себе.

— Что она болтает, — сказал он, — с ума, что ли, сошла?

— Восемь лет мы прожили с тобой в нищете, — продолжала О-Масу. — И вот теперь, когда все стало так хорошо, ты жестоко убил меня, чтобы жениться на О-Куни...

— Видно, ей очень плохо, — сказал Томодзо.

Он был поражен и решил, что О-Масу необходимо вылечить как можно скорее. Как раз незадолго до этого кто-то говорил ему, будто в деревню из столицы приехал хороший лекарь, и Томодзо сейчас же послал за ним.

Глава 18

Итак, на седьмой день после похорон О-Минэ внезапно заболела служанка О-Масу и принялась говорить в бреду странные слова. То она говорила о богатстве, нажитом на деньги, которые получены от привидений, то об убийстве какого-то господина Хагивары Синдзабуро, то о краже талисмана «кайоннёрай», зарытого где-то в клумбе у источника. Слуги слушали и ничего не понимали, считая все это горячечным бредом, но Томодзо-то так не считал. Он догадался, что убиенная О-Минэ, не сумев овладеть им, вселилась в О-Масу и

намеревается отомстить ему, разболтав о всех его злодеяниях, чтобы слухи об этом дошли до властей и его схватили бы и казнили. «Не отослать ли О-Масу к ее родным, чтобы и духу ее здесь не было? — подумал Томодзо. — Да нет, если она станет болтать такое и у себя дома, я все равно пропал». Действовать нужно было осмотрительно. Пока Томодзо размышлял, вернулся Накаскэ, посланный в Саттэ за лекарем.

— Привел я его, хозяин, — объявил Накаскэ. — Вот это он и есть, знаменитый лекарь из Эдо. Насилу я его упросил пойти к нам...

— Благодарствуйте, благодарствуйте, — произнес Томодзо, кланяясь лекарю. — Мы здесь в лавке торговлей занимаемся, так что сами видите, какой у нас беспорядок, а вот не угодно ли вам будет пройти в комнаты?

Он провел лекаря в гостиную, усадил на почетное место и склонился перед ним, уперев руки в пол.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал он. — Зовут меня Сэкигуття Томодзо, и разрешите от души поблагодарить вас за то, что вы согласились взять на себя труд посетить меня...

— Да-да, и я рад познакомиться, — сказал лекарь. — У вас, говорят, кто-то внезапно заболел... э-э... жар, говорят, странный бред... — Он вдруг пристально поглядел на Томодзо и воскликнул: — Э-э-э, а давненько мы с тобой не виделись, парень! Надо же, а! Как ты поживаешь, Томодзо? Как всегда, здоровый и бодрый, это хорошо... Смотри, как неожиданно встретились! Вот никогда не думал... Это твой новый дом? Превосходно... Впрочем, так оно и должно было быть. Еще когда ты с женой жил у господина Хагивары Синдзабуро, я считал вас парой дельной, всегда думал, что вы далеко пойдете... На это я всеми десятью пальцами указывал и не ошибся... И лавку ты хорошую держишь, отличное дело...

Томодзо, недоуменно таращивший на него глаза, наконец узнал.

— Никак, это господин Ямамото Сидзё! Ну, совсем не ожидал с вами встретиться здесь...

— Говоря между нами, — сказал Сидзё, — в Эдо я окончательно проелся, даже лекарствовать не мог. Домик у меня с кошкин лоб, так я его продал и поехал в Никки к знакомым. Остановился переночевать на постоялом дворе в Саттэ, там меня попросили осмотреть одного постояльца, больного лихорадкой... Ну, пользовал я его, пользовал, он на мое счастье и выздоровел. Сам выздоровел, я тут ни при чем. Но сразу разнесся слух, будто я великий лекарь, и теперь у меня от больных отбоя нет. Лечу их через пень колоду, однако деньги платят хорошие, вот я и решил остановиться в здешних местах... Честно говоря, лекарь я никудышный, хотя томик-другой «Сёканрона»^[141] прочесть мне в свое время пришлось. Но ведь я терпеть не могу больных, мне к их вонючим постелям подходить противно... А чуть денежки заведутся, тут уж я и вовсе бросаю все и принимаюсь пить...

Так я и проелся в Эдо... А что твоя жена? О-Минэ, кажется... Давно ее не видел... Здорова она?

— Она... — Томодзо запнулся. — Ее восемь дней назад зарубили на дамбе бандиты... Собрал я кое-как ее тело по кускам и схоронил.

— Какое несчастье! — воскликнул Сидзё. — Как же это так вдруг? Представляю, какое это горе для тебя... Мне тем более жаль, что мы с тобой в свое время были в добрых отношениях... Хорошая была женщина, преданная... Видно, есть все-таки судьба, о которой толкуют монахи. Да, жаль, жаль... Значит, больная у тебя — это не жена?

— Нет, это просто служанка. У нее жар, и в бреду она такие вещи бормочет, что слушать страшно...

— Ну что ж, пойдем посмотрим ее, а потом недурно было бы выпить и поболтать за чаркой о прошедших временах... Приятно все-таки встретить старого друга в незнакомом месте... А если у больной жар, то мы с ним справимся в два счета...

— Бунскэ! — крикнул Томодзо. — Принеси сюда чай и сладости! Хотя господин лекарь сладостей не любит... Сюда пожалуйста, здесь женская половина.

— Ага, — сказал Сидзё. — Ну и духота же здесь. Сниму-ка я хаори.

— О-Масу, — позвал Томодзо. — Слышишь, О-Масу! К тебе господин лекарь пожаловал, он тебя сейчас осмотрит... — Так что крепись, постарайся не бредить...

— Как ты себя чувствуешь, что болит? — бодро осведомился Сидзё, присаживаясь возле постели больной.

Вдруг О-Масу, сбросив с себя тяжелые одеяла, села и уставилась на него.

— Я вижу, у тебя жар, — продолжал Сидзё. — Ты, верно, простудилась, правда? Тебя не знобит?

— Здравствуйте, господин Ямамото Сидзё, — произнесла О-Масу. — Давно мы с вами не виделись.

— Что за чудеса! — поразился Сидзё. — Имя мое назвала...

— Я же говорю вам, бредит она, — поспешно сказал Томодзо.

— Все же странно, откуда она знает мое имя? Ладно, посмотрим, что это с нею.

— Когда Томодзо ударил меня ножом вот сюда, — сказала О-Масу, — и повернул нож в ране, я...

— Ну что она несет такое! — проговорил Томодзо.

— Ничего, ничего. Погоди, — остановил его Сидзё. — Ну а потом что было?

— Вы знаете, — сказала О-Масу, — как мы бедно жили у господина Хагивары Синдзабуро. Он обращался с нами, как с прислугой, мы для него босиком бегали. А потом к господину Хагиваре привязались привидения. Он обратился к настоятелю храма Симбандзуй-ин и получил ярлыки-заклятия, отгоняющие демонов и чудовищ. Один ярлык

он наклеил на окно, которое выходит на задний двор. Тогда Томодзо получил от привидений сто золотых и отклеил этот ярлык...

— Что ты врешь! — закричал Томодзо.

— Нет-нет, погоди, — сказал Сидзё. — Мне, например, очень интересно. Продолжай!

— С этих денег и пошло наше богатство. Но это не все. Кроме того, Томодзо украл с шеи господина Хагивары золотой талисман «кайоннёрый» и закопал в Нэдзу возле источника. И вдобавок он запинал господина Хагивару насмерть, чтобы замести следы...

— Не смей! — крикнул Томодзо. — Что за несуразицу ты несешь?

— Погоди, не мешай, она же мне рассказывает, а не тебе... Прямо чудеса, да и только. Ну, и что было дальше?

О-Масу повернулась к Томодзо.

— А дальше ты пустил эти шальные деньги в оборот, разбогател и принялся ухлестывать за чужими бабами. И, как зверь, убил меня, чтобы я тебе не мешала!

— Ну что мне с ней делать, — пробормотал Томодзо. — Вот так все говорит и говорит...

— Да, случай удивительный, — деловито сказал Сидзё. — Но беспокоиться тебе нечего. Уволь ее и поскорее отправь домой к родным... Ты, может быть, опасаясь, что она будет болтать то же самое и там? Ничего подобного. Там это у нее как рукой снимет. Она и бредит только потому, что находится в этом доме... В молодости, помнится, пришлось мне вместо своего учителя пользоваться двух таких вот больных, так с ними тоже так было. Вернулись домой, и все кончилось. Не сомневайся и увольняй...

Томодзо был испуган, однако тут же последовал совету лекаря и вызвал родных О-Масу, чтобы забрали больную. Едва О-Масу очутилась за воротами, как перестала бредить и пришла в себя. Тогда застонал и свалился без памяти приказчик Бунскэ. Его уложили в постель и накрыли одеялами, но он вдруг вскочил и принялся рассказывать о том, что все богатство здесь нажито-де на деньги, которые получены от привидений, а когда отправили со двора и его, сейчас же заболел и начал бредить мальчишка-посыльный. Кончилось дело тем, что Томодзо отправил по домам всех слуг и приказчиков и остался в доме вдвоем с Ямамото Сидзё.

— Ну вот, — сказал Сидзё. — Теперь моя очередь бредить. Удивительное дело! Послушай, Томодзо, рассказал бы ты мне все откровенно, а? Я слыхал, что Хагивару преследовали привидения и что умер он в обнимку со скелетом. Говорили также, что ему подменили какой-то важный талисман, который он носил на шее, и куда этот талисман девался, никто не знает. Говорили еще как будто, что старый гадалщик по имени Хакуодо заподозрил неладное и рассказал настоятелю храма Симбандзуй-ин и что настоятель якобы все уже знал и открыл, будто украденный талисман зарыт в землю... Нынче из бреда

больных я понял, что все это твоих рук дело. Нечего больше таиться от меня, рассказывай, как было дело, и подумаем вместе, как поступить. Откройся, обсудим все по порядку... И жену, конечно, убили не бандиты, а ты сам, потому что она мешала тебе, ведь верно?

Томодзо понял, что заператься больше не имеет смысла.

— Вот как все было, — сказал он. — Историю с привидениями и удивительную гибель господина Хагивары подстроил я. Я сам убил господина Хагивару пинками под ребра, я сам пробрался ночью на кладбище у храма Симбандзуй-ин, вырыл там скелет и подложил его в постель к Хагиваре, и это я одурачил старика Хакуодо, внушив ему, будто Хагивара убит силами тьмы... Мне удалось также украсть талисман «кайоннэрай» и припрятать его в клумбе возле источника в Нэдзу. После этого я выжил соседей всякими небылицами, воспользовался тем, что все они со страха разъехались кто куда, и тоже удрал из Эдо вместе с О-Минэ. Имея сотню золотых, мы приехали сюда и открыли доходное дело. Но тут я связался с одной бабой. Жена взбесилась от ревности и стала грозить, что донесет на меня. Пришлось заманить ее на дамбу и прикончить. Никто об этом не догадался, я так ловко разыграл горе, что все убеждены, будто ее убили бандиты. Ну а потом я ее быстренько похоронил.

— Здорово ты рассказываешь! — воскликнул Сидзё. — Просто замечательно. Обыкновенному человеку так не рассказать. Прямо и без обиняков. «Я убил...» Злодей, настоящий злодей, да и только! Ну что ж, ты был со мной откровенен, и я никому ничего не скажу, хотя, признаться, болтун я порядочный... Но мне бы хотелось, чтобы ты исполнил одну мою маленькую просьбу. Не подумай только, будто я зарюсь на твое состояние, вовсе нет...

— Ничего, ничего, я все понимаю, — сказал Томодзо. — Можешь просить все, что тебе угодно, только держи язык за зубами... — Он извлек из-за пазухи сверток с двадцатью пятью золотыми и положил перед Сидзё. — Вот тебе «кусочек», не обессудь, что мало...

— Ага, — сказал Сидзё. — Плата за молчание, а не за лечение. Все понятно. Ну что же, деньги есть, теперь можно и погулять. Самое время выпить и поговорить о прошедших временах... Только здесь у тебя как-то мрачно, пойдем куда-нибудь в другое место.

— Ладно, раз так, пойдем в «Сасая», это у нас здесь такая харчевня...

Приятель отправились в «Сасая», сели друг против друга и принялись пить. Вскоре Томодзо заметил:

— Плохо что-то пьется в мужской компании. Давай позовем женщин.

Он послал за О-Куни, и та сейчас же явилась.

— Здравствуйте, хозяин, — сказала она. — Добро пожаловать к нам. Давно мы не виделись. А я слыхала, что с вашей супругой приключилось несчастье, и очень сочувствовала вам в вашем горе...

Мне как раз хотелось повидаться с вами, хозяин... Дело в том, что рана у моего мужа совсем зажила и мы в скором времени собираемся отбыть в Этиго. Тогда уж нам с вами больше не увидаться... Я об этом все время думаю, и сейчас вот думала, когда вы послали за мной. Я так обрадовалась, что прямо как на крыльях к вам полетела...

— Поздоровайся с моим приятелем, О-Куни, — сказал Томодзо.

— Ах, простите, пожалуйста, — спохватилась О-Куни и повернулась к Сидзё. — Что такое? Это вы, господин Ямамото? Вот так встреча!

— Удивительная встреча, — согласился Сидзё. — Никогда бы не подумал, госпожа О-Куни, что вы окажетесь в таком месте... Чудеса, ничего не скажешь. Впрочем, я кое-что слышал... Как говорится, «с любимым хорошо и в дебрях диких». Поразительно! Просто невероятно...

О-Куни перепугалась. Ведь Сидзё прекрасно знал всю ее подноготную и мог рассказать Томодзо!

— Простите, господин Сидзё, — сказала она, отошла в соседнюю комнату и позвала оттуда: — Хозяин, можно вас на минутку?

— Иду, — сказал Томодзо, поднимаясь. — Ты подожди меня здесь, Сидзё, я сейчас...

— Сколько угодно, — ответил Сидзё. — Можешь не торопиться. Мне это нипочем, я к таким штучкам привык. Не стесняйся, делай, как тебе удобно...

Когда Томодзо вышел к О-Куни, она спросила:

— Как случилось, хозяин, что вы встретились с Сидзё?

— Я вызвал его к больному слуге...

— Вы ему не верьте, хозяин, этому лекарю. Он такой лгун, что другого такого не сыщешь... Если его слушать, можно ужасных вещей натворить. Разлучник он, скверный человек, вы его сегодня вечером отправьте куда-нибудь, а сами останьтесь здесь один, я сбегая домой, уложу мужа спать и вернусь к вам, мне с вами надобно о многом поговорить. Хорошо?

— Ладно, — сказал Томодзо. — Ты только скорее управляйся с домашними делами и приходи.

— Обязательно приду, ждите меня.

На этом они расстались, и Томодзо вернулся к Сидзё.

— Прости, — сказал он, — ты, верно, заждался...

— Ну что ты... Вот, друг мой, этой женщине, вероятно, уже под сорок, а до чего молодо выглядит! Молодчина ты, ловко обвел ее вокруг пальца. Впрочем, не стану говорить тебе неприятности, ведь мы теперь с тобой одной веревочкой связаны... Кстати, вот ты ей покровительствуешь, а знаешь ли ты что-нибудь о ее прошлом?

— Нет, не знаю. Но ты-то, верно, знаешь ее хорошо?

— У этой женщины есть любовник, зовут его Миянобэ Гэндзиро. Он сын хатамото. Так вот, этот парень — преступник. Когда отец девушки, которая влюбилась в господина Хагивару, Иидзима Хэйдзаэмон

женился, его жена привела к нему в дом служанку, вот эту самую О-Куни. Впоследствии Иидзима сделал ее своей наложницей, а она спуталась с Гэндзиро. Они вдвоем зарубили своего хозяина и благодетеля, украли из его дома двести шестьдесят золотых, три пары мечей и кинжалов, сколько-то там драгоценных шкатулок и удрали. Воры и убийцы, иначе их не назовешь. Мне говорили, что их ищет, чтобы отомстить за смерть господина, один верный вассал, Тоскэ или Коскэ, не помню, как его... И знаешь, что я думаю? Ничего она в тебя не влюбилась. Она с тобой сошлась из-за своего любезного Гэндзиро, потому что решила извлечь из тебя для него пользу. И сделала она это с его согласия, он ее телом денежки зарабатывает... Вот она сейчас сказала тебе, что собирается в Этиго. Не иначе, рассчитывает, что ты от меня отделаешься и останешься один, а тогда этот Гэндзиро нагрянет к тебе и сдерет с тебя две сотни золотых за прекращение связи. Понял, в чем дело? Так что оставаться тебе здесь на ночь никак нельзя. Давай натянем им обоим нос, уйдем отсюда куда-нибудь в заведение с девками...

— Действительно, — сказал Томодзо. — Надо же... Давай так и сделаем...

Они ушли из харчевни и провели всю ночь в публичном доме «Цуруя». Тем временем в «Сасая» появились Гэндзиро и О-Куни. Когда им сказали, что Томодзо ушел, они были очень разочарованы. На обратном пути Гэндзиро решительно произнес:

— Теперь, О-Куни, мне остается только явиться к нему прямо в лавку. А если он притворится, будто ничего не знает...

— Тогда появлюсь я, — подхватила О-Куни, — и, не дав ему рта раскрыть, вытрясу из него все золото.

На следующее утро, едва Томодзо и Сидзё вернулись домой, обмениваясь веселыми впечатлениями ночи накануне, у дверей лавки появился Гэндзиро.

— Можно войти? — крикнул он.

— Что за чудеса? — удивился Томодзо. — Какой это чужак просит разрешения войти в лавку?

— Смотри-ка, — сказал Сидзё. — А ведь это, кажется, тот самый Гэндзиро, о котором я тебе вчера рассказывал...

— Ты тогда спрячься где-нибудь...

— Если тебе придется трудно, я выскочу, ладно?

— Ладно, ладно, уходи... — Томодзо поспешил к двери. — Простите, — обратился он к Гэндзиро, — у нас здесь еще беспорядок, лавка закрыта. Прошу пожаловать, когда откроем...

— Я вовсе не в лавку, — возразил Гэндзиро. — Мне нужно поговорить с хозяином. Откройте, пожалуйста.

— А, тогда другое дело. Прошу вас.

— Простите, что беспокою вас так рано...

— Здесь у нас лавка, так что прошу пройти в комнаты.

— С вашего разрешения...

Не выпуская из рук меча^[142] с коричневой рукояткой и в ножнах воскового цвета, небрежно отстранив Томодзо, Гэндзиро вошел в комнату и уселся на почетное место.

— С кем имею честь? — осведомился Томодзо.

— Да, мы незнакомы... Я недостойный Миянобэ Гэндзиро, проживаю я возле дамбы. Моя жена О-Куни, которая работает за нищенское жалованье в «Сасая», рассказала мне, будто вы, хозяин, внезапно обратили на нее благосклонное внимание и стали оказывать ей покровительство. К сожалению, у меня так болела нога, что я не мог ходить и не в состоянии был лично предстать перед вами, чтобы засвидетельствовать свою глубокую благодарность.

— Чувствительнейше рад с вами познакомиться, — сказал Томодзо. — Прошу только снисхождения к моему невежеству, человек-то я простой. Слышал я о вашем недуге, и мне приятно, что у вас уже все прошло... Что же до моего покровительства госпоже О-Куни, то покровительством одним сыт не будешь, боюсь, оно мало пользы принесло... Значит, она ваша супруга? Не знал, простите великодушно. Честь-то какая! Жалко, право, что ей приходится по службе ублажать всяких погонщиков да таких, как я... А наш брат частенько бывает неучтив, извините.

— Пустяки, это ничего, — сказал Гэндзиро. — Я, собственно, к вам с очень большой просьбой, господин Томодзо. Дело в том, что мы с супругой сильно поиздержались в дороге, особенно из-за моей болезни, сами понимаете, лекарства, то-се, одним словом, кошелек наш пуст. Теперь я наконец поправился, и мы собираемся отбыть в Этиго, а денег на дорогу почти нет. Я просто не знал как быть, но тут жена посоветовала мне обратиться к вам. Хозяин Сэкигутия, говорит, человек добрый, он не откажет нам в слезной просьбе и поможет деньгами. И вот я у вас. Мы были бы очень благодарны вам, если бы вы ссудили нам немного на дорогу.

— Как отказать в такой учливой просьбе! — воскликнул Томодзо и положил перед Гэндзиро бумажный сверток с деньгами. — Здесь, правда, немного, но от чистого сердца...

Гэндзиро развернул сверток и обнаружил в нем горсть медяков.

— Как! — с негодованием произнес он. — И это все? Послушайте, хозяин, вы всерьез полагаете, что на эту мелочь можно довести до Этиго человека с больной ногой? Нет уж, прошу прибавить, хотя бы из сострадания...

— Этого мало, вы говорите? А сколько бы вы, к примеру, хотели?

— Да хотя бы сто золотых.

— Сто золотых? Шутить изволишь, господин хороший. Сто золотых — это тебе не дрова, на полу такие деньги не валяются. И вообще, в таких делах принято брать, что дают. По-моему, нет таких законов, чтобы положено было давать столько-то и столько-то. Нет, ста золотых

вам не будет. Да ведь смотря как и путешествовать... Есть такие, кому тысячи золотых не хватает, посылают домой за деньгами, а иному на паломничество в Исэ хватит сотни грошей... Вон рассказ есть, как с двумя медяками дошли до храма Компира. Так что все дело в том, как себя вести в дороге... А таких денег дать я вам не могу. У торговца свободных денег не бывает, хоть в лавке у него на вид все благополучно, а случается, что он одному золотому рад... Ишь ты, сто золотых ему! А с какой это стати, спрашивается?

— О-Куни пользовалась твоим покровительством, больше я ничего не скажу. Перестань болтать и давай сюда сто золотых.

— На что это ты намекаешь? Что я с твоей О-Куни путался, что ли?

— Да! Ты был ее любовником и уплатишь мне сто золотых отступного, понял?

— Ну да, спала она со мной, ну и что такого?

— Молчать! — яростно заорал Гэндзио. — Как смеешь говорить мне такое, мерзавец? — Он притянул к себе меч и, надавив большим пальцем на гарду, выдвинул его немного из ножен. — Я уже давно подозревал вас, да молчал, терпел, думал, что как-нибудь обойдется... А вчера О-Куни призналась мне во всем, как ты воспользовался нашей бедой и принудил ее к мерзкой связи... Я чуть не зарубил ее на месте, да пришлось простить, деваться некуда... И я пришел к тебе, чтобы уладить все тихо и мирно, а ты, наглая скотина, позволяешь себе своим грязным языком вслух распространяться о ее позоре? Ну, я тебе этого не спущу... Я с тобой так разделаюсь...

— Ну ты, потише, — холодно оборвал его Томодзо. — Соседей у меня нет, но здесь тебе не деревня без старосты. Ты что, думаешь, я испугаюсь твоего крика и твоего меча? Ах, не рубите меня, пожалуйста, возьмите сто золотых! Не на такого напал, ошибаешься! Да мне в моей жизни три головы надо, и то не хватило бы, вот какой я человек! Ты лучше меня послушай. Я с одиннадцати лет от рук отбился, послали меня на богомолье, а я в Эдо сбежал, через огонь и медные трубы прошел, украсть или убить для меня было все равно что воды напиться или пончик проглотить, я в кости с жульем играл, где кулаком в нос расплачивался, я в бандитских притонах любого за горло брал... Теперь-то я рубцы и ожоги белыми носочками скрыл, разговариваю, как дурак-деревенщина, так ты и решил, что можешь тягаться со мной?.. Разболтался здесь о любовниках, о мерзких связях, а ведь эта баба твоя была наложницей Иидзимы Хэйдзаэмона, ты с нею спутался, и вы убили его, стащили у него оружие и деньги и удрали. Вот и выходит, что ты самый настоящий вор. А О-Куни твоя спала со мной не по любви, а из жалости к тебе, чтобы выкачать из меня деньги на лекарства. Я-то это знал, да мне было вроде бы наплевать, мы, мужики, неразборчивы, каюсь, моя оплошность... Я бы тебе ничего этого говорить не стал, дал тебе горсть медяков, а сам думал подарить на дорогу двадцать пять золотых, вот они, видишь? Но, теперь ничего не дам, нечего было

требовать у меня сотню. Ни гроша больше не получишь, хоть голову мне руби, ей все одно долго на плечах не удержаться... И вот еще что послушай. Если ты со своей бабой и дальше будешь ошиваться поблизости от Эдо, плохо вам придется. На вас нацелился какой-то Коскэ, хочет отомстить за своего господина. Так что смотри, ваши головы могут полететь раньше моей.

Когда Томодзо умолк, пораженный и испуганный Гэндзиро ударил себя кулаком в грудь.

— Я понятия не имел, что вы такой опытный человек, — проговорил он. — Считал вас, признаться, обыкновенным простаком лавочником, думал напугать вас и заставить раскошелиться. Простите меня... А это, с вашего разрешения, я у вас одалживаю...

— Бери и убирайся, а то в беду попадешь, — усмехнулся Томодзо.

— Разрешите откланяться...

— Иди, уноси ноги!

Гэндзиро удалился. Сидзё вылез из стенного шкафа и восторженно закричал:

— Вот это было здорово! Я просто в восторге! Как это ты ему... «Все равно что воды напиться или пончик проглотить...» Вот что значит настоящий бандит!

О том, как после этого Томодзо и Сидзё отправились в Эдо, как Томодзо откапывал талисман «кайоннёррай» и в конце концов попался, будет рассказано в следующем раз.

Глава 19

Продолжаем нашу повесть «Пионовый фонарь».

Коскэ, верный вассал Иидзимы Хэйдзаэмона, в погоне за Миянобэ Гэндзиро и О-Куни, убийцами господина, отправился в провинцию Этиго и прибыл в Мураками. Но сколько он ни расспрашивал, никто не мог сказать ему, куда девались беглецы. Заодно он попытался отыскать свою родную мать О-Риэ. Он надеялся, что она еще жива, и хотел повидаться с нею. Она была младшей сестрой господина Савады Уэмона, одного из вассалов князя Найто Кии-но-ками. Порасспросив в замке князя, Коскэ узнал, что супруги Савада давно уже скончались, дом их унаследовал приемный сын, а куда уехала мать, неизвестно. Он ездил туда и сюда, останавливался на несколько дней там и сям, всюду расспрашивал о матери и тщательно искал следы врагов, но все безрезультатно. Так закончился год. В новом году Коскэ свернул с тракта Этиго и пустился искать сначала по тракту Синанодзи, а затем вдоль тракта Минодзи, но и там ничего не было известно о Гэндзиро и О-Куни. Близилась годовщина смерти господина Иидзимы, и Коскэ

решил побывать в Эдо. Через несколько дней, третьего августа, он прибыл в столицу и сразу отправился в храм Симбандзуй-ин. Там он возложил на могилу господина курительные палочки, поставил чашку с водой и, склонившись перед могилой в поклоне, произнес:

— Господин мой! По нерасторопности мне еще не удалась встретиться с негодьями О-Куни и Гэндзио, я еще не исполнил своего долга, а вернулся в Эдо только потому, что наступила годовщина вашей смерти. Отслужу по вас панихиду и сразу же вновь отправлюсь на поиски врагов. Теперь я поеду в другом направлении и надеюсь непременно найти их, где бы они ни были. Окажите мне покровительство из вашей могилы, господин, помогите мне поскорее отыскать негодяев...

Так Коскэ говорил с господином, словно с живым. Затем, помолившись, он постучался в храм. На стук вышел служка и спросил, чего ему надобно.

— Я вассал господина Иидзимы Хэйдзаэмона, что жил когда-то на Усигомэ, — ответил Коскэ. — Я посетил могилу господина по случаю годовщины его смерти, а теперь хотел бы удостоиться чести лицезреть господина настоятеля, если это возможно.

— Я доложу, подождите немного, — сказал служка.

Служка доложил, и ему приказали ввести посетителя. Коскэ ввели в покои, где восседал на дзабутоне, неподвижно выпрямившись, настоятель Рёсэки, во всем величии благородной мудрости и духовной чистоты. Лицо его выражало такую мощь духа, что голова Коскэ сама собой склонилась перед ним.

— Впервые я удостоился чести предстать перед вами, святой отец, — сказал он. — Меня зовут Аикава Коскэ, я приехал в Эдо по случаю годовщины смерти своего господина — Иидзимы Хэйдзаэмона. Вот здесь пять золотых, позвольте просить вас отслужить панихиду по господину...

— Да, видимся мы впервые, — произнес настоятель. — Подойди ближе. Дело доброе... Ну-ка, кто-нибудь, подайте нам чаю!.. Так ты и есть вассал Иидзимы? Ты прекрасный человек, Коскэ, намерения твои благородны. Ты долго был в пути, следовательно, вряд ли у тебя много денег, и нам придется обойтись одним или двумя плакальщиками. Чтобы не слишком тратиться, постную трапезу закажем нашим же монахам, все необходимое приготовим у нас в храме, а провести службу пригласим настоятеля соседнего храма. Слишком рано не приходи, нам не управиться, придешь после обеда, так, чтобы поужинать здесь. А теперь ты, вероятно, пойдешь на Суйдобату? Ступай, там тебя очень ждут. В доме твоём большая радость, поспеши, тебя можно поздравить.

— Я действительно иду на Суйдобату, — удивленно сказал Коскэ. — Но откуда вам это известно? Просто удивительно... Так что, если

позволите, я приду сюда завтра после обеда. Прошу вас не оставлять меня своими милостями. До свидания.

Выйдя из храма, он думал: «Странный, однако, настоятель! Как он узнал, что я собираюсь на Суйдобату? Совсем как гадалщик...» Так, размышляя и удивляясь про себя, он дошел до дома Аикавы Сингобэя. Почти год назад он уехал отсюда, едва успев стать приемным сыном, и теперь постеснялся войти через парадную дверь. Он вошел со двора на кухню и окликнул Дзэндзо:

— Здравствуй, Дзэндзо, вот я и вернулся. Слышишь? Эй, Дзэндзо!

— Кто это там? — проворчал Дзэндзо. — Мусорщик пришел, что ли?

— Да нет, это я...

— Ох, простите великодушно, тут в это время всегда мусорщик приходит, вот я дал маху... Добро пожаловать, входите, пожалуйста! Господин! Господин! Вернулся господин Коскэ!

— Что такое? — послышался из покоев голос Аикавы. — Коскэ вернулся? Да где же он?

— Здесь, на кухне...

— Где? Почему? — В кухню вбежал Аикава. — Почему же ты на кухне? Как водонос какой-нибудь... Дзэндзо! Эй, Дзэндзо, ну что ты вертишься на одном месте! Бабка! Бабка, иди сюда, наш Коскэ вернулся!

— Что? — откликнулась кормилица. — Молодой господин вернулись? То-то, верно, намаялись... Очень приятно видеть вас в добром здравии.

— Батюшка, — сказал Коскэ, — я рад видеть вас бодрым и здоровым. Мне все хотелось написать вам с дороги, но послать в пути письмо очень трудно, так и не собрался. Я очень беспокоился о вас и теперь так рад видеть вас снова...

— Я тоже без меры рад твоему возвращению, — торжественно сказал Аикава. — Я, Сингобэй, заявляю, что полностью удовлетворен. Хоть и «бывают дни, когда ворон не каркает», а я-то о тебе ни на миг не забывал. Когда шел снег, я думал, через какие поля на своем коне ты скачешь? Ни в снег, ни в ветер я не забывал про тебя. И вот неожиданно ты возвратился! Дочь моя тоже только и думала что о тебе. В первое время она много плакала, так что мне пришлось даже пожуричь ее. Не смей так горевать, говорил я ей, так ведь и заболеть недолго, крепись...

— Я как сегодня приехал в Эдо, — сказал Коскэ, — так сейчас же отправился в храм Симбандзуй-ин. Я и вернулся сюда, чтобы панихиду отслужить по господину, завтра годовщина его смерти...

— Ну да, — вздохнул Аикава, — я и то уж хотел завтра вместо тебя сходить помолиться на могилу... Бабка! Ты видишь, господин Коскэ вернулся!

— И то вижу, — отозвалась кормилица, — радость-то какая. Вы как уехали, так дня у нас не было, чтобы о вас не говорили... И не похудели нисколько, все такой, как были, только будто загорели маленько...

— Ну-ка, бабка, неси его сюда, — распорядился Аикава.

— Нельзя, — возразила кормилица, — спит он сейчас. Вот проснется, глазки протрет, тогда и покажем... Лучше его показать, когда он смеется...

— Это правильно, — согласился Аикава. — В первый раз показывать плачущим не годится, а он непременно расплачется, если разбудить. А как выпится, сразу же принеси...

Вбежала, плача от радости, О-Току. Она сидела у себя в комнате возле спящего младенца, когда ей доложили, что вернулся муж.

— Здравствуйте, господин мой, — проговорила она, — не могу даже сказать, как хорошо, что вы столь скоро вернулись... Мы каждый день вспоминали вас... И еще радостно мне, что вы даже не осунулись ничуть...

— И я рад, что ты здорова, — сказал Коскэ. — И спасибо тебе, что заботилась о батюшке, пока меня не было. Прости, что не прислал тебе письма с дороги. Все равно я думал о тебе каждый день... Радостно мне видеть всех вас живыми и здоровыми...

— А я вчера ночью как раз видела вас во сне, — сказала О-Току, — будто вы уезжаете куда-то. Говорят, если видишь во сне, как человек отправляется в путь, то непременно с этим человеком скоро свидишься... Я так обрадовалась, что увижусь с вами, только не думала, что вы уже сегодня вернетесь...

— И я такой же точно сон видел, — заявил Аикава. — Ну, ладно, бабка, неси его, проснулся уже, наверное...

Кормилица вышла и вернулась с младенцем на руках.

— Взгляни, Коскэ, — с гордостью сказал Аикава. — Славный мальчик, правда?

— Чей же это такой? — спросил Коскэ.

— Как чей? Твой!

— Шутить изволите, — недоверчиво сказал Коскэ. — Я выехал в августе прошлого года, откуда же у меня может быть ребенок?

— Дети и от одного раза рождаются, — засмеялся Аикава. — Ты же перед отъездом провел ночь с моей дочерью, вот сынок у тебя и родился. И то, что у вас дите народилось с первого же раза, означает, что связь между вами крепкая... Дочь, как ты уехал, затосковала было, но я ей строго-настрого сказал, что этим она себе повредит, если будет печалиться во время беременности, а там она и родила... Дал я твоему сыну имя. Взял один иероглиф твоего имени и назвал мальчика Котаро... А на тебя до чего похож, взгляни-ка!

— Поистине, как странно все получается, — сказал Коскэ. — Помните, в своем завещании господин приказал, что если от меня, вашего приемного сына, родится ребенок, все равно мальчик или

девочка, этот ребенок должен унаследовать дом Иидзимы и восстановить его род... Уж не возродился ли мой господин в этом младенце?

— Может быть, и так, — сказал Аикава. — А знаешь, что мне дочь сказала, когда он родился? Батюшка, говорит, я хоть и думаю все время о супруге своем, но с младенцем, который так на него похож, мне стало легче, говорит, будто я снова с супругом... В другой раз, когда я что-то очень уж сильно прижал мальчишку, она вдруг как закричит... Не надо так, кричит, вы ему руку сломаете! Потеха да и только с нею... Дзэндзо!

— Тут я, — отозвался слуга.

— Дзэндзо!

— Тут я, чего изволите?

— А, вот ты где... Послушай, ведь это ты, кажется, провожал молодого господина до Итобаси...

— Правда ваша, я и ходил... И приятно снова видеть молодого господина живым и здоровым... Уж так мне было тогда жалко расставаться с вами, домой весь в слезах вернулся...

— Спасибо тебе, — сказал Коскэ, — я тогда доставил тебе немало беспокойства...

— Все это хорошо, — спохватился вдруг Аикава, — а вот узнал ли ты, где искать врагов?

— Еще нет, — ответил Коскэ. — Мне так и не довелось с ними встретиться, и сразу после панихиды я снова выеду на поиски.

— Вот оно что... Завтра, значит, идешь на панихиду?

— Непременно, батюшка, и я хотел бы, чтобы вы пошли вместе со мной... Кстати, мне много приходилось слышать о мудрости настоятеля Рёсэки, говорили, что просветлен он безгранично и предвидит все на сто лет вперед, а нынче я сам в этом убедился. Вот его собственные слова, когда мы прощались: «В доме твоём большая радость, поспеши, тебя можно поздравить». Ведь это значит, что ему известно было о рождении ребенка...

— Ну и ну, — удивился Аикава, — неужели ему и такие вещи известны? Мудрость, говорят, происходит от опыта жизни и ума. Я, правда, слыхал, будто настоятель Рёсэки был учеником какого-то мудреца в Янаке и постиг у него все тайны йоги, но не думал, что он настолько могуч... Эй, Дзэндзо, беги со всех ног в «Ханая» и возьми там по случаю такого праздника три блюда рыбы и еще немного сладостей, ведь в пути хороших сладостей не найдешь, да и суси^[143] в дороге доброго не бывает, так что возьми и суси, и еще пять го водки, а поскольку господин Коскэ водки не пьет, возьми для него два го самого лучшего мирина... И гречневой лапши! В дороге попадается гречневая лапша, но соус подают скверный, так что возьми выпаренной гречневой лапши в корзиночках и закажи еще сируко...^[144]

Скоро все яства были принесены, радостная встреча была отпразднована, и Коскэ с О-Току отправились почивать. Всю ночь они

провели в беседах, поэтому не успели оглянуться, как наступило утро. На следующий день, определив заранее время, Коскэ с Аикавой вышли из дому, прошли Суйдобату, через Кириситан вышли на Консикаву, затем по склону холма Хакусан спустились на Дэнгодзаку и оказались в Янаке перед храмом Симбандзуй-ин. Их уже ждали.

— Что же плакальщики так опаздывают? — встретил их настоятель Рёсэки. — Монахи давно собрались в главной молельне, прощу вас, поспешим...

Коскэ и Аикава торопливо проследовали в главную молельню. Сорок или пятьдесят монахов отслужили торжественную панихиду, затем последовала молитва о спасении покойного от ярости голодных сил мрака. Тем временем солнце склонилось к вершинам западных гор, монахам подали угощение и отпустили их. Настоятель Рёсэки пригласил Коскэ и Аикаву в свои покои, и они втроем уселись за отдельный столик выпить по чарке. Аикава сказал, кланяясь:

— Впервые в жизни имею честь лицезреть вас, господин настоятель. Позвольте представиться: недостойный Аикава Сингобэй. Панихида была просто замечательная, и моление тоже, мне кажется, покойный в могиле остался доволен...

— Я тоже впервые встречаю тебя, — сказал Рёсэки. — Ты ведь тестем приходишься господину Коскэ? Тебе повезло: Коскэ хорош собой, справедлив и честен, да и умен предостаточно... А вот ты, мне кажется, человек изрядно легкомысленный.

— И все-то вам, святой отец, известно, — смущенно пробормотал Аикава. — Даже неловко...

— Теперь вот еще что, — продолжал настоятель. — Я слышал, что господин Коскэ собирается в путь. Спешить ему, однако, пока не следует. Я кое о чем поразмыслил и полагаю, что завтра после обеда, примерно в час Овцы,^[145] тебе, Коскэ, надлежит сходить на улицу Хатаго, что в Канде. Там живет гадальщик-физиогномист по имени Хакуодо Юсай, весьма бодрый старичок семидесяти лет. В физиогномике это настоящий мастер. Обратись к нему, и ты, надо думать, узнаешь все, что стремишься узнать.

— Покорно благодарю, — сказал Коскэ, — Канда, улица Хатаго... Все будет исполнено.

— И еще, позволь мне сделать подарок тебе в дорогу. Деньги, которые ты выдал на панихиду, останутся здесь, но вот возьми от меня эти пять золотых и курительные палочки. В свое время я получил их в дар, возьми коробку... На домашней божнице перед дощечкой с именем покойного всегда должны быть курительные палочки и цветы. Дарю это тебе от всего сердца.

— Спасибо, святой отец, — сказал Аикава. — Только вот получать курительные палочки от монаха... Как-то это шиворот-навыворот...

— Не будем говорить об этом. Возьми, Коскэ.

— Благодарю вас.

— Мне очень жаль, Коскэ, — торжественно произнес настоятель, — но над тобой нависла страшная опасность. Ты сейчас словно на лезвии меча. Если ты испугаешься и отступишь, то твой черный день будет твоим последним днем. Тебе остается только идти вперед. Сказано: «Наступающий выигрывает, отступающий проигрывает». Не робей, скрепись духом, и если даже на твоём пути встанет железная стена, найди в себе силы проломить ее.

— Покорнейше благодарю, — сказал Коскэ.

— Ну, а здесь вот постное угощение, господин тесть. Готовили его, говоря по правде, не у нас, это из харчевни, и потому не очень-то вкусно, но прими его в подарок вместе с ларцом, и можешь скормить хотя бы слугам в своём доме.

— Ко всему ещё и гостинец пожаловали, — проговорил Аикава. — Не знаю, право, как и благодарить вас...

— Послушай, Коскэ, — сказал настоятель. — Мне видится, что сейчас на обратном пути тебя ожидает удар меча. Избежать его невозможно, помни о нём, когда пойдёшь домой...

— Кто же это нападет на него? — всполошился Аикава.

— Да, избежать этого удара невозможно, — продолжал настоятель, не обращая на Аикаву внимания. — Вероятно, ты будешь ранен, если все обойдётся благополучно, рана твоя будет легкая, но, может быть, тебя ранят тяжело или даже зарубят насмерть, если ты совершишь оплошность... Здесь твоя судьба, уйти от неё нельзя.

— Мне уже пятьдесят пять лет, — сказал Аикава, — и мне всё равно, что бы со мной ни случилось. Но Коскэ должен остаться в живых, перед ним великое и важное дело... Помогите ему, спасите его!

— Помочь ему я бессилен. Здесь судьба, избежать которой невозможно.

— Тогда оставьте Коскэ ночевать в храме, а я пойду домой один!

— Это будет слабость, а слабый ни на что не годен, — возразил настоятель, — Самое главное для самурая — это умение владеть мечом. А в чём состоит высший смысл этого умения? Знать, что делать, когда над головой твоей молнией блеснет разящая сталь. В учении Будды есть вопрос: «Как быть, когда острие меча касается лица твоего?» Сейчас это важный вопрос для тебя, Коскэ, и ты должен знать, как на него ответить. Пройди через огонь, тогда всё остальное будет тебе нипочем. А теперь ступай. Не к лицу тебе робеть в подобных обстоятельствах. Ты не сгоришь в огне и не потонешь в воде, скрепись же духом и иди вперед...

— Позвольте тогда оставить здесь этот ларец, — сказал Аикава...

— Нет, это гостинец, возьми с собой.

— Может быть, можно куда-нибудь бежать?

— Я всё сказал. Ступайте прямо по дороге.

— Одолжите нам, пожалуйста, фонарь...

— Вам лучше идти без фонаря.

— Вот ведь злюка этот настоятель... — проворчал себе под нос Аикава. Кое-как попрощавшись, он вместе с Коскэ вышел за ворота храма Симбандзуй-ин.

Глава 20

Итак, после панихиды по господину настоятель храма Симбандзуй-ин, прославленный мудростью Рёсэки, объявил Коскэ, что на пути домой его ждет удар меча, ранение, а если не повезет, то и смерть. Аикава Сингобэй был страшно испуган этим. Коскэ был молод, он был мужем любимой дочери, и ему еще предстояло совершить великое дело отмщения за господина. Терзаемый страхом и беспокойством, Аикава рука об руку с Коскэ возвращался домой. А Коскэ думал о том, что если он испугается чего бы то ни было и отступит хоть на шаг, ему не удастся исполнить свой долг. Поэтому он с первых же шагов держал меч наготове, утопив защелку на эфесе и слегка выдвинув лезвие из ножен, и настороженно поглядывал по сторонам, весь напрягшись и ежеминутно ожидая нападения. «Здесь ступай осторожно, Коскэ...» — проговорил Аикава, шедший рядом с ларцом в руках, как вдруг кустарник сбоку раздался, на дорогу выскочил человек с окровавленным мечом наголо и молча, без единого слова, нанес Коскэ рубящий удар.

Это был бродяга Томодзо из Курихаси. Свою лавку в Курихаси вместе с товаром он продал, выручив большие деньги, а затем вместе с Ямамото Сидзё отправился в Эдо. Несколько дней приятели прожили у одного знакомого Сидзё, лекаря, на улице Сакума, что в Канда. Третьего августа, дождавшись темноты, они прокрались к источнику в Нэдзу и откопали зарытый там золотой талисман «кайоннёрай». Быстро сунув талисман за пазуху, Томодзо подумал: «Теперь один только Сидзё знает о моих делишках, оставлять такого свидетеля в живых опасно...» Не долго думая, он выхватил меч, бросился на Сидзё и ударил что было силы. Сидзё ахнул и упал, а Томодзо уселся на него, взял меч, как кинжал, лезвием вниз, вонзил Сидзё глубоко под ребро и повернул в ране. Сидзё застонал, затрясся и испустил дух. Так окончил дни свои Ямамото Сидзё, сообщник и соучастник Томодзо в его злодеяниях. Не удалось ему избежать небесной кары. Томодзо поднялся, взглянул на труп и хотел было пуститься бежать, но тут со всех сторон послышались крики: «Именем власти, берите его!» Он очутился в кольце стражников. Ужас и отчаяние удесятирили его силы. Как бешеный отбивался он, разя мечом направо и налево, пока не вырвался из кольца. Продравшись через кустарник, он очутился на

большой дороге. Здесь он столкнулся с Коскэ и, приняв его за стражника, нанес ему страшный удар.

Будь на месте Коскэ любой другой человек, он был бы разрублен напополам. Но недаром Коскэ обучался фехтованию у Иидзимы Хэйдзаэмона, недаром он постиг все тайны школы «синкагэ-рю». К тому же он ожидал нападения и был наготове. Меч он обнажить не успел. Отступив на шаг, он отразил удар гардой, и когда Томодзо пошатнулся, увлекаемый силой удара, схватил его руку и вывернул к лопаткам.

— Попался, негодяй, — проговорил он.

— Простите, покорнейше прошу... — задыхаясь, отозвался Томодзо.

— Как он налетел! — сказал Аикава. — Коскэ, ты не ранен?

— Не ранен, — ответил Коскэ. — Ну, бандит, почему ты хотел меня зарубить, говори!

— Обознался я! — выкрикнул Томодзо. Затем, понизив голос, он объяснил: — Только что здесь, неподалеку, я повздорил с приятелями. Они всем скопом накинулись на меня, грозя забить до смерти... Я бежал сломя голову, ничего не видя, вас, господин, принял за одного из них и совершил непростительную оплошность... Прошу вас, извините меня и отпустите, ведь если они найдут меня, мне конец... Отпустите, пожалуйста!

— А ты не врешь?

— Не вру я.

— Ух и напугался же я, — проговорил Аикава. — Обознался он, видишь ли... А если бы зарубил, что было бы толку в том, что обознался? Экий олух... Как я испугался! Но ты подумай, как точно все сказал настоятель Рёсэки, чудо, право!.. И в этой кутерьме я потерял ларец... Куда он девался?

Он принялся оглядываться по сторонам, но тут к ним подбежали Исико Бансаку и Каная Тотаро, сыщики службы князя рды Будзэн-но-Ками, и почтительно обратились к Коскэ:

— Позвольте поблагодарить вас, господин! На этого человека объявлен розыск, это опасный преступник, за которым числятся многие старые преступления. Мы подкараулили его неподалеку отсюда и чуть было не упустили. Если бы не вы, он бы ушел от нас. Позвольте выразить вам нашу благодарность и просить вас передать его нам.

— Так что же это? — удивился Аикава. — Значит, это разбойник?

— Известный бандит.

— Вот ведь мерзавец, правда, батюшка? — сказал Коскэ. — Бесстыжий негодяй...

— Что же ты врал, что обознался? — спросил Аикава. — Да знаешь ли ты, что ложь есть начало воровства?.. Впрочем, ты и так давно уже вор, что с тебя взять... Берите его и вяжите.

— Покорно благодарим, — сказали сыщики. — Спасибо вам, господин, что помогли нам поймать его. Позвольте, однако, узнать имена ваши...

— Незачем вам наши имена, — возразил Аикава. — Подумаешь, задержали мерзавца... Вот лучше найдите мне ларец, я его где-то тут уронил... Ага, вот этот самый! Молодцы! Чуть было не потерял.

— А правильно ли мы делаем, батюшка, — нерешительно проговорил Коскэ, — что выдаем этого человека, какой бы он ни был злодей, сразу после панихиды по господину?

— Может, и не надо бы, но иначе нельзя, — ответил Аикава. — А вы скорее вяжите его и выводите...

Сыщики связали Томодзо и увели. Потом вы узнаете, какому наказанию его подвергли после окончания следствия. Что же касается Аикавы и Коскэ, то они вернулись домой, обрадованные тем, что все обошлось благополучно. На следующее утро Коскэ отправился в сторону кварталов Коами, намереваясь купить кое-какое снаряжение для дороги. Проходя по улице Хатаго, он вдруг заметил белое полотнище-вывеску, на которой крупными иероглифами значилось: «Гадальщик-физиогномист Хакуодо Юсай». «А ведь это тот самый гадальщик, — вспомнил Коскэ, — к которому настоятель Рёсэки велел мне зайти в час Овцы. У него я узнаю все, что хочу узнать... Может быть, я узнаю у него, где скрываются враги, и настигну наконец Гэндзи-ро и О-Куни? Одним словом, к нему мне надлежит обратиться». Он остановился у ворот дома Юсая. Не похоже было, чтобы в таком доме жил знаменитый человек. Окна забраны были бамбуковой решеткой, да еще загорожены темными от копоти сёдзи, сбоку на дощечке было написано: «Физиогномист Хакуодо Юсай», перед домом, видно, никогда не подметали, всюду валялся мусор. Коскэ, ступая на цыпочки, чтобы не наступить во что-нибудь, пробрался к двери и попросил разрешения войти.

— Что такое? — отозвался голос гадальщика. — Кто там? Открывай и входи... Да обувь, смотри, не оставляй снаружи, а то еще стащат, бери обувь с собой...

— Слушаюсь, — сказал Коскэ. — С вашего разрешения...

Он раздвинул сёдзи и вошел в тесную комнатку. На почернелой жаровне имадоского обжига стоял глиняный чайник с отбитым носиком, тут же валялась чашка. Сбоку у стены был маленький столик, а на нем несколько гадательных книг, пенал с короткими гадательными палочками и маленькая круглая тушечница. Перед столиком, погруженный в рассеянную задумчивость, восседал сам Хакуодо Юсай. Возможно, и был он знаменитым человеком, но по виду его сказать этого было нельзя. Не чувствовалось в нем ни важности, ни мощи ума, и к тому же он был очень неопрятен. Коскэ, однако, помня слова настоятеля Рёсэки, склонился перед ним в низком поклоне.

— Господин Хакуодо Юсай — это вы? — осведомился он.

— Да, это я, — ответил Хакуодо. — Меня зовут Юсай, и в этом году мне исполнилось семьдесят лет.

— У вас не по годам отменное здоровье...

— Не жалуюсь... Ты что, хотел, чтобы я погадал тебе?

— С вашего разрешения. Я осмелился посетить вас по указанию настоятеля храма Симбандзуй-ин господина Рёсэки и покорнейше прошу определить, что мне предстоит...

— Ага, ты, значит, знаком с настоятелем Рёсэки? Великий монах. Мудрец. Настоящий живой Будда... Чай вон там, наливай себе и пей... Я вижу, ты самурай. Сколько тебе лет?

— Двадцать два года.

— Придвинься, покажи лицо... — Юсай достал увеличительное стекло и некоторое время рассматривал физиономию Коскэ. Затем, безо всяких пышных слов, какие обычно употребляют гадалщики, произнес:

— Ну что же, ты не очень родовит, с сильными мира сего судьбы тебе пока не было, и по этой причине на тебя частенько валились всякие неприятности...

— Это правда, — вздохнул Коскэ, — с сильными мира сего мне не судьба...

— До сих пор, — продолжал Юсай, — ты словно шел по тонкому льду или по острию меча... Я вижу, тебе многое пришлось пережить. Не так ли?

— Все так, просто поразительно... Вы все угадали точно. Я то и дело попадал в разные переделки...

— И у тебя, видимо, есть одно желание.

— Есть! Но вот исполнится ли оно?

— Желание твое может исполниться в самом близком времени, — сказал Юсай. — Но тут тебя подстерегает большая опасность. И исполнение желания может не совершиться, если в нужное время у тебя неостанет духу пройти через огонь. Знай, если отступишь, то неминуемо потерпишь поражение, а если будешь наступать, то победишь. Стоит тебе оплошать, и ты погиб, я вижу угрожающие тебе мечи. Но коль скоро ты смело прорвешься через огонь и выйдешь на простор, все будет так, как ты захочешь. Дело тебе предстоит тяжелое, будь осмотрителен... Все. Больше ничего не вижу. Можешь идти домой.

— Спасибо, — сказал Коскэ. — Но позвольте еще один вопрос. Вот я издавна ищу одного человека. Мне кажется, что я с ним так никогда и не встречу, но все же хочется знать, жив ли этот человек... Не можете ли вы поглядеть?

— Ну-ка, покажи... — Юсай снова взял увеличительное стекло и пригляделся. — Хм... Речь идет о ком-то из старших...

— Совершенно верно, — обрадовался Коскэ.

— Ты уже встречался с этим человеком.

— Нет, не встречался...

— Нет, ты встречался!

— С этим человеком я расстался девятнадцать лет назад, — объяснил Коскэ. — Если бы мы и встретились случайно теперь, я бы его не узнал... Может быть, мы были рядом, но не знали об этом?

— Нет-нет, ты с ним встречался.

— Мы расстались, когда я был совсем маленьким... Возможно, мы как-нибудь разошлись на улице? А встретиться с ним мне так и не пришлось...

— Я тебе точно говорю, что вы встречались.

— Я еще в малолетстве...

— Ты мне надоел, — объявил Хакуодо. — Я тебе сказал, что вы встречались, и больше мне сказать нечего. Так значит у тебя на лице, что же я еще могу сделать? Конечно, встречались!

— Здесь какая-то ошибка, — с сомнением заметил Коскэ.

— Никаких ошибок! Я тебе сказал то, что есть. И покончим на этом. Мне пора ко сну, ступай.

Но Коскэ очень хотелось расспросить обо всем подробно, поэтому он замялся, и в ту же минуту женский голос снаружи попросил разрешения войти.

— Еще кого-то принесло, — проворчал Хакуодо. — Поспать не дают. Кто там?.. Вас двое? Ах, это твой слуга? Ладно, оставь слугу на улице, а сама заходи...

В комнату вошла женщина.

— Простите, господин, — сказала она, — но мне много говорили о вас... Пожалуйста, расскажите мне мое будущее!

— Подойди сюда, — приказал Хакуодо. Он внимательно осмотрел ее лицо и проговорил: — Плохо твое дело. Сколько тебе лет?

— Сорок четыре года, — испуганно ответила женщина.

— Скверно... Все, смотреть больше не буду. Очень плохо. С младшим тебе не повезло. Вдобавок очень скоро ты умрешь. Здесь и гадать больше нечего.

Женщина опечалилась. Некоторое время она молчала.

— Жизнь имеет предел, — произнесла она наконец. — Короткая она или долгая, исход один, с этим ничего не поделаешь. Но я разыскиваю одного человека. Неужели я умру, не повидавшись с ним?

— Ты с ним встречалась, — сказал Хакуодо.

— Нет, не встречалась я с ним. Мы расстались, когда он был совсем младенцем. Он, наверное, совсем не помнит меня, да и я почти не помню лица его. Мы можем пройти мимо друг друга и не знать об этом...

— И все-таки вы встречались, — упрямо сказал Хакуодо. — И больше я ничего не скажу.

— Это был мальчик, — проговорила женщина. — Ему и четырех не было, когда мы расстались...

«Неужели она?» — затаив дыхание, подумал Коскэ. Он подполз на коленях к женщине.

— Простите, госпожа, — сказал он дрожащим голосом. — Позвольте задать вам несколько вопросов... Я не знаю, кто вы такая, но вот вы сказали сейчас, что расстались с четырехлетним мальчиком... Не случилось ли это где-нибудь в Хонго? И не сестра ли вы господина Савады Уэмона, вассала князя Найто Кин-но-ками?

— Откуда вы все это знаете? — изумленно спросила женщина. — Да, так оно и есть!

— И ваше имя — госпожа О-Риэ, и вы вышли замуж за господина Курокаву Кодзо, вассала князя Коидэ Синано-но-ками, а затем с ним разошлись...

— Вы угадали даже имя мое... Какое мастерство! Верно, вы ученик господина Хакуодо?

Коскэ подполз к ней вплотную.

— Вы совсем забыли меня, матушка, — произнес он. — Мы расстались с вами девятнадцать лет назад, когда мне было четыре года... Ведь это я, ваш сын Коскэ!

Женщина отшатнулась.

— Что?.. Как?.. Вы мой сын? Коскэ?

— Я же говорил вам давеча, что вы встречались, — проворчал Хакуодо.

— Как это неожиданно... — говорила О-Риэ, утирая счастливые слезы. — Словно во сне... Какой ты стал большой, красивый! Ну конечно, как мне было бы узнать тебя, если бы мы и встретились?..

— Поистине, это воля богов свела нас вместе, — сказал Коскэ. — Как я тосковал по вас, матушка! В прошлом году я ездил в Этиго и узнал там, что господина Савады Уэмона уже нет в живых, и никто не мог сказать мне, куда уехали вы... Нет, думаю, все равно найду ее! И вот надо же, мы встретились... Вы живы и здоровы, это самое главное... Кажется, никогда я не был так счастлив!

— Да, я тоже счастлива... Но ты, верно, в обиде на меня?

— Послушайте, — вмешался Хакуодо. — Меня эти ваши разговоры не интересуют нисколько. Я понимаю, вы девятнадцать лет не видались, поговорить есть о чем... Мое дело сторона, но, по-моему, лучше будет, если вы пойдете разговаривать куда-нибудь в другое место, хотя бы в харчевню какую-нибудь. Есть же у вас о чем поговорить с глазу на глаз...

— Вы правы, конечно, — сказал Коскэ. — Большое вам спасибо за все, что вы сделали для нас... И можно только поражаться мудрости настоятеля Рёсэки и вашему мастерству.

— Мастерство мое здесь ни при чем. Все свершилось волею судеб, так что платить мне не надо. Ступайте себе... Что? Хотите заплатить? Ну что же, не откажусь...

— От всего сердца благодарю вас, — сказала О-Риэ. — Коскэ, нам действительно надо о многом поговорить. Давай сделаем так... Я остановилась на постоялом дворе «Симоцукэя», это в третьем квартале

Бакуро. Я пойду вперед и отошлю слугу за покупками, а затем придешь ты, так, чтобы он тебя не заметил...

— До чего же вы рады, наверное... — проговорил Хакуодо.

— Хорошо, давайте так и сделаем, — согласился Коскэ. — Я незаметно последую за вами, матушка...

Он достал из-за пазухи сверток с деньгами, с благодарностью положил перед физиогномистом, попрощался и вышел следом за матерью. Дойдя незаметно до ворот «Симоцукэя», он подождал, пока не вышел посланный за покупками слуга, и попросил служанку показать покои О-Риэ. Мать уже ждала его.

— Входи, входи! — воскликнула она. — Сядь здесь, ближе ко мне. Дай поглядеть на тебя... Какой ты стал, просто чудо! У меня все перед глазами твое лицо, когда ты был ребенком, а теперь ты стал так похож на отца! Просто красавец... Что отец, жив ли еще? При нем ли ты сейчас?

— В соседних комнатах никого нет? — осторожно спросил Коскэ.

— Никого. Я здесь недавно, но уже знаю, что днем все уходит за покупками и гулять... Возвращаются только под вечер, а сейчас прислуга и та, наверное, спит.

— В таком случае, разрешите рассказать все по порядку... Вы расстались с отцом из-за его пьяного буйства в феврале, а одиннадцатого апреля он уже погиб жалкой смертью — его зарубили в квартале Хонго, перед лавкой оружейника Фудзимураи...

— И все его пьянство, — горестно сказала О-Риэ. — Много я из-за него настрадалась... и все же ни за что не разошлась бы с ним, ведь ты был тогда такой маленький, мне было так жалко тебя! Но старший брат был человеком очень строгих правил. Заявил, что не позволит мне жить с таким негодяем, не разрешит мне любить мерзавца, которого господин выгнал за пьянство со службы... Он насильно и бесцеремонно разлучил меня с твоим отцом. Я же нигде и никогда его не забывала... Кто же воспитал тебя, когда отца не стало?

— Меня взял на воспитание некий господин Ясубэй, поручитель отца. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, он рассказал мне, как погиб отец, и тогда я решил: пусть я теперь стал простолюдином, но я сын самурая и должен отомстить убийце. Я задумал поступить в услужение к какому-нибудь самураю и научиться у него искусству владеть мечом. Волею судьбы пятого марта прошлого года я стал слугой в доме хатамото на Усигомэ. Моего господина звали Иидзима Хэйдзаэмон, и он служил дежурным начальником охраны в покоях сёгуна. Он полюбил меня, как родного сына, и я, рассказав ему о себе и о своем замысле, попросил научить меня искусству фехтования. Мой господин неустанно обучал меня, иногда даже по ночам, невзирая на утомление после дежурства. Благодаря его стараниям я неожиданно для себя даже диплом получил...

— Подумать только... — прошептала О-Риэ.

— А в доме господина, — продолжал Коскэ, — была одна служанка по имени О-Куни. Ее привела с собой супруга господина, госпожа Миякэ с Суйдобаты. Когда госпожа скончалась, господин приблизил эту служанку к себе, и она стала его наложницей. Эта О-Куни вступила в позорную связь с соседом, Миянобэ Гэндзиро, и они задумали извести господина... Господин был мастером в воинских искусствах, убить его было не так-то просто, поэтому прелюбодеи решили утопить его, заманив на рыбную ловлю. Случилось так, что я подслушал их замысел. Мне пришло в голову тайно прикончить Гэндзиро и О-Куни и так спасти жизнь своему хозяину и благодетелю. Вечером третьего августа прошлого года я прокрался с пикой в сад и... смертельно ранил в бок господина, приняв его за Гэндзиро.

— Как же это ты? — ахнула О-Риэ.

— Я чуть ума не лишился от страха... Господин сошел в сад и тайно покаялся передо мной. Оказалось, что это он убил тогда моего отца. Это случилось восемнадцать лет назад, когда его звали Хэйтаро и он не был еще главою своего рода. Рассказал он, что давно уже мечтал позволить мне отомстить, но боялся, как бы меня не объявили преступником. В тот вечер, однако, заподозрив, что я собираюсь разделаться с прелюбодеями, он счел случай подходящим и подставил себя под мой удар вместо Гэндзиро. Он передал мне свое завещание и приказал поступать так, как в нем указано, посоветовавшись с господином Аикавой, моим приемным отцом. «Считай, что ты отомстил за отца, — так он сказал, — и помни, что месть местью, а благодеяние благодеянием. Помни, что я остаюсь твоим господином в трех существованиях, и восстанови род Иидзимы». Затем он приказал мне немедленно уйти, и я побежал к тестю на Суйдобату. Мы вскрыли завещание и прочли, что господин собирался пробраться в дом, вызвать Гэндзиро на бой и погибнуть от его руки. Так оно и случилось, мой господин в эту ночь был убит. Еще в завещании говорилось, что О-Куни и Гэндзиро сбегут в Мураками, а потому я должен, чтобы отомстить за господина, последовать туда за ними. Я договорился с тестем и пустился в погоню. Я изъездил Этиго вдоль и поперек, расспрашивал всех, но найти негодяев мне не удалось. Расспрашивал я и о вас, матушка, и тоже тщетно... Подумать только, вернуться в Эдо всего на несколько дней, чтобы помянуть господина, и встретить здесь вас! Вот неожиданность!..

Пораженная услышанным, О-Риэ сказала, понизив голос:

— Да, это поистине неожиданность!.. Знаешь ли ты, что эти твои О-Куни и Гэндзиро скрываются в моем доме? Вот ведь судьба моя несчастная!.. Невероятно!.. Мне было двадцать шесть лет, когда я разошлась с твоим отцом и вернулась на родину в Мураками. Тут старший брат стал настаивать, чтобы я снова вышла замуж, и надо же было случиться так, что я стала женой галантерейщика Хиногуття Гобэя, который приносил товары к нам на дом... Он был вдовец, у него

был сын, тринадцатилетний Городзабуро, и восьмилетняя дочь О-Куни. У этой О-Куни еще в детстве был скверный характер, из-за нее в доме постоянно происходили ссоры, поэтому, как только ей исполнилось одиннадцать, мы отправили ее на житье в Эдо, служанкой в дом хатамото Миякэ на Суйдобате... Мерзкая девка сообщила только, что перешла со своей госпожой на жительство в Усигомэ, и больше ни одного письма не прислала... Подумай только, когда ей написали о смерти отца, моего мужа Гобэя, она не только не приехала на похороны, но даже не ответила ничего! Понятия у нее не было о верности дочернему долгу. Городзабуро был очень зол на нее... Потом по некоторым причинам мы покинули Этиго и переехали жить в Сугивару, что в провинции Уцуномия. Там на имя Городзабуро открыли мы галантерейную лавку, и с тех пор прошло уже семь лет... И вдруг как снег на голову является она к нам, эта самая О-Куни, вместе со своим Гэндзиро. «Я, говорит, перешла с госпожой в один самурайский дом на Усигомэ и там по молодости вступила в недозволительную связь с господином Гэндзиро. Его за это изгнали из отчего дома, он из-за меня пострадал, ему теперь негде голову преклонить. Мы поступили опрометчиво, но все же разрешите укрыться у вас...» Ни словом не обмолвилась, что они убийцы: Гэндзиро, мол, живет у нас в Уцуномии потому, что она чувствует себя перед ним виноватой... И вот, пожалуйста, получила я от Городзабуро деньги, приехала в Эдо посмотреть столицу и вдруг встречаю тебя и узнаю о них такую вещь!..

— Значит, О-Куни и Гэндзиро в Уцуномии, — проговорил Коскэ. — Жаль, не знал я, что они так близко. Исходил Этиго и Ното и вернулся ни с чем... Матушка, прошу вас, помогите мне отомстить врагам и восстановить род моего господина!

— Непременно помогу, — сказала О-Риэ. — Я, не мешкая, возвращаюсь в Уцуномию, и ты едешь со мной. Да, но как быть со слугой? Он может услышать и все разболтать... Чего доброго, спугнет негодяев... — Она подумала. — Лучше мы сделаем так. Я выеду завтра рано утром, ты поедешь следом, но скрытно, как шел за мной сегодня. В пути мы с тобой незнакомы, разговаривать не будем. Когда же доедем до Сугивары, я отправлю слугу вперед и мы с тобой сговоримся о знаках и прочем. Согласен?

— Спасибо, матушка, — сказал Коскэ. — Так и сделаем. Тогда я поспешу домой. Представляю, как обрадуется тесть, когда я расскажу ему!.. Значит, завтра рано утром я буду ждать у ворот этого дома. Да, матушка, я давеча совсем забыл сказать вам... Господин мой отдал меня в наследники Аикаве Сингобэю, и теперь у меня родился сын. Очень хотелось показать вам первого вашего внука, да ничего не поделаешь, раз такая спешка... Покажу вам потом, когда исполню свой долг.

— Поздравляю тебя от души, — сказала О-Риэ. — Радость-то какая! Мне тоже очень хочется полюбоваться первым внуком... Но это потом,

а сейчас мне хочется, чтобы ты скорее наказал Гэндзио и О-Куни... Ничего, вот приедем в Уцуномию, я помогу тебе отомстить!

Они обменялись клятвой верности делу, и Коскэ поспешил домой на Суйдобату.

— Что-то ты рано вернулся, Коскэ, — встретил его Аикава. — Сделал покупки?

— Нет, — ответил Коскэ. — Ничего не купил.

— Отчего же не купил? Или другим делом пришлось заниматься?

— Неожиданный случай произошел, батюшка...

— На свете часто происходят неожиданные случаи. Что, уж не черный ли туман поднялся над рекой Регоку?

— Да нет... Я побывал у гадальщика, к которому вчера указал мне сходить настоятель Рёсэки.

— Вот оно что... Да, действительно, это, говорят, знаменитый человек. Ну так что, хорошо он тебе гадал?

— Все совпало с тем, что говорил настоятель Рёсэки. Я иду словно по лезвию меча, победить смогу, только если буду наступать, а если отступлю, то погибну... В общем, все, как говорил настоятель.

— Все то же, говоришь?.. Да, физиогномика — это все равно что дар предвидения. А все-таки что еще он нагадал?

— Я спросил его, исполнится ли мое заветное желание. Он ответил, что желание это исполнится, но что впереди меня ждут удары меча.

— Так и сказал про удары меча? Это худо. Вдруг опять такие же, как вчера... А он не сказал, нельзя ли как-нибудь этих ударов избежать? Не говорил, что помолится об этом?

— Нет, ничего такого он не говорил... Потом я спросил, встречусь ли я с матерью... Вы знаете, я расстался с нею четырех лет... Хакуодо мне вдруг отвечает, что я уже встречался с нею. Я ему толкую, что расстался с нею ребенком, так что даже узнать не смог бы, если бы увидел где-нибудь на улице. А он твердит, что я уже встречался. Тут мы заспорили...

— Здесь он, видно, дал маху, — заметил Аикава. — Да и то сказать, предсказания могут сбыться, а могут и не сбыться... Всего ведь не угадаешь. Видно, он заупрямился и хотел тебя обмануть. Да, маху он дал. Ты ему хоть сказал об этом? Что он маху дал?

— Тут является к нему женщина лет сорока четырех, — продолжал Коскэ, — и тоже спрашивает, встретится ли она с тем, кого ищет. Хакуодо ей так же, как мне, отвечает, что она уже с этим человеком встречалась. Женщина ему возражает, не встречалась я, говорит, а Хакуодо твердит, что встречалась...

— Ну, какой же он тогда мастер? Ничего не знает. Видно, не так просто угадывать... Осрамился Хакуодо, опозорился... А вы что? Задали ему вместе с этой женщиной? Что потом было?

— Потом произошла совершенно необыкновенная вещь. У меня как сердце чуяло, спросил я у этой женщины, не зовут ли ее госпожой О-Риэ. И точно, оказалась она моей матушкой. Как она поразилась!..

— Ага, — произнес Аикава несколько смущенно. — Он все-таки настоящий мастер, этот гадалщик... Удивительно... Действительно... Хм...

Он был удивлен и обрадован, когда Коскэ затем рассказал ему о том, что убежище О-Куни и Гэндзиро открылось и что матушка согласна помочь в отмщении. «Само небо покровительствует тебе, — сказал он, — смотри же отправляйся завтра пораньше, чтобы не опоздать, с честью исполни свой долг и возвращайся!» На следующее утро Коскэ выехал в путь. О том, как он отомстил, мы расскажем в следующий раз.

Глава 21

Итак, после девятнадцатилетней разлуки Коскэ встретился со своей матерью, они отправились на постоянный двор «Симоцукэя» и там поведали друг другу обо всем, что с ними случилось за это время. Коскэ был поражен, когда узнал, что О-Куни и Гэндзиро скрываются в доме его матери. Когда мать пообещала ему помочь отомстить, он едва не запрыгал от радости и поспешил домой, чтобы рассказать все своему тестю Аикаве Сингобэю. Рано утром шестого августа он покинул Суйдобату, подошел к воротам «Симоцукэя» и стал ждать. Скоро, как было условлено, появилась в сопровождении слуги его мать в дорожных одеждах, и Коскэ незаметно последовал за нею. Женские ноги неспешны, поэтому путники, оставив за собой Саттэ, Курихаси, Кога, Мамада и Судзуномию, прибыли в Уцуномию только вечером девятого числа. Неподалеку от Сугивары О-Риэ отправила слугу вперед предупредить Городзабуро о своем возвращении, а затем подождала к себе Коскэ.

— Вон впереди мой дом, видишь? — тихо сказала она. — На дверях синяя занавеса с надписью «Этигоя» и с изображением горы, на которой знак «пять». Перед домом, как видишь, тянется забор. Если пойти вдоль этого забора и завернуть за угол, там будет проулок, узкий как тропинка. Свернув туда и пройдя три-четыре дома, ты увидишь по левую руку калитку в три сяку шириной. Если войти в эту калитку и пройти через двор, справа будет крошечная пристройка. В ней и скрываются О-Куни с Гэндзиро. Нынче же вечером я отодвину засов калитки. Прокрадись туда после пятой стражи, и ты захватишь их, как мышей в мышеловке. Только смотри, чтобы тебя никто не заметил...

— Большое вам спасибо, матушка, — сказал Коскэ. — Никогда я не думал, что только благодаря вам мне удастся выполнить свой долг.

Когда я вернусь в Эдо и восстановлю род господина, я войду в права наследника Аикавы и уж тогда непременно возьму вас к себе. Я намерен выполнить перед вами свой сыновний долг... Я выполню долг верности и долг преданного сына, какое это будет счастье!.. Ну хорошо, а где мне лучше подождать условленного часа?

— Говорят, постоянный двор «Сумия» на улице Икэгами — очень солидное заведение. Остановись там. И не забудь, пятая стража!

— Не забуду, — сказал Коскэ. — До свидания, матушка!

Расставшись с матерью, он отправился в «Сумия» и стал ждать, пока колокол пробьет пятую стражу, а О-Риэ пошла к себе домой. Городзабуро был очень удивлен.

— Как быстро вы изволили вернуться! — сказал он. — Вот уж не ожидал! Я полагал, вы пробудете дольше... Верно, и посмотреть ничего толком не успели?

— Что делать, — ответила О-Риэ. — Я и сама не думала вернуться так скоро, а вот пришлось... Так спешила, что даже подарков для челяди купить не успела.

— Ну, зачем вам еще о таких вещах беспокоиться, — возразил Городзабуро. — А я думал, матушка, что вы и в театре побываете, и в других местах, пробудете в столице месяц-другой, ведь за такой срок дом родной не забывают... Посмотрите то, другое... Совсем не думал, что вы вернетесь так внезапно...

— Вот остаток денег, что ты давал мне на дорогу, — сказала О-Риэ. — Нехорошо разбрасываться деньгами, но сделай одолжение, раздай прислуге...

Деньги завернули в бумагу и роздали слугам, а О-Риэ, кроме того, отобрала для них кое-что из ношенной одежды.

— Обошлись бы и деньгами, — заметил Городзабуро.

— Ничего, — сказала О-Риэ. — Это я оттого, что у меня как-то тяжело на сердце... Вещи старые, поношенные, отдай их служанкам, они всегда заботились обо мне... А что, О-Куни и этот Гэндзиро по-прежнему живут в дальней пристройке?

— Мне перед вами совестно, матушка, — вздохнул Городзабуро. — Негодяи они... Вот навязались на мою голову! Держу их только потому, что честь требует, Гэндзиро-то этот все-таки из самурайского дома, хоть и выгнали его... Вам они, наверное, очень неприятны...

— Я хотела бы поговорить с О-Куни без помех, — сказала О-Риэ. — Будь так любезен, поступишь на сегодня делами, закрой лавку пораньше и уложи челядь спать. А я пойду в пристройку и поговорю с О-Куни и Гэндзиро... Вели подать туда водку и закуски.

— Еще и угощать их...

— Нет, иначе нельзя. Я им ничего не купила, так что прикажи подать.

Городзабуро неохотно повиновался. Мать он жалел и послушаться ее не мог. Приготовили угощение. Отнесли в пристройку. Когда слуги наконец улеглись, О-Риэ отправилась к О-Куни и Гэндзиро.

— Матушка! — воскликнула О-Куни. — Вы уже изволили вернуться? Вот уж не думала, не ждала! А говорили, что вернетесь не раньше, чем через месяц... Удивительно просто, как вы скоро!

— Покорнейше благодарю за гостинец, — сказал Гэндзиро, кланяясь. — Нам здесь сейчас подали водки и закуски.

— Не стоит благодарности, — сказала О-Риэ. — Думала привезти вам что-нибудь, но так торопилась, что не собралась купить... Однако мне хотелось бы поговорить с вами начистоту. Нас здесь никто не слышит... Расскажи, пожалуйста, О-Куни, как случилось, что ты покинула дом в Эдо, где ты служила. Расскажи все, ничего не скрывая.

— Мне очень стыдно говорить об этом, — проговорила О-Куни, — но я, по молодости и неопытности, сошлась с господином Гэндзиро, вот с ним... Его за это изгнали из родного дома, и деваться ему было некуда. Ну, я подумала, что все это случилось по моей вине, и тоже сбежала из дому... Я знала, конечно, что поступаю дурно, но ничего не могла поделать. И вот мы с Гэндзиро, взявшись за руки, явились к брату и теперь, как изволите видеть, пользуемся его милостями...

— Молодые люди нередко впадают в грех прелюбодеяния, — сказала О-Риэ. — Ты пришла в дом господина Иидзимы со своей госпожой, не так ли? Потом, когда госпожа скончалась, ты служила господину. За это время ты сблизилась с соседом, господином Гэндзиро, и вступила с ним в недозволенные отношения... А не случилось ли потом так, что вы сговорились, убили господина Иидзиму и бежали, присвоив его деньги, оружие и одежду?

О-Куни и Гэндзиро побледнели.

— Что вы говорите, матушка? — закричала О-Куни. — Вы меня напугали даже... Кто это вам наговорил такое? Ничего подобного не было! Страшно подумать...

— Не надо запираться, — сказала О-Риэ. — Я все знаю. Признавайся, не скрывай ничего.

— Гэндзиро, кто мог наговорить на нас такое? — сказала О-Куни.

Гэндзиро уже пришел в себя.

— Это оскорбительное подозрение, матушка, больше ничего, — произнес он с достоинством. — Чтобы я, Миянобэ Гэндзиро, убил соседа и обворовал его? Кто вам сказал об этом? Ничего этого я не делал!

— Нет-нет, не отрицайте, — сказала О-Риэ. — В Эдо я встретила нежданно-негаданно человека, с которым не виделась много лет... Он рассказал мне все.

— И кто же это такой? — осведомился Гэндзиро.

— Он был дзоритори в доме господина Иидзимы. Его зовут Коскэ.

— Коскэ... Этот негодяй Коскэ! — простонал Гэндзиро.

— Это мерзавец! — закричала О-Куни. — Он украл у господина сто золотых! Он что угодно мог выдумать! Разве можно верить хоть одному слову этого хама? И откуда дзоритори знать, что творится в господских покоях?

— Молчи, О-Куни, — сказала О-Риэ. — Этот Коскэ — мой родной сын! О-Куни и Гэндзио в ужасе отшатнулись.

— Семнадцать лет исполнилось с тех пор, как я стала женой хозяина этого дома, — продолжала О-Риэ. — Но первого моего мужа звали Курокава Кодзо. Он был вассалом господина Коидэ, служил у него конюшим и получал сто пятьдесят коку риса в год. За пьяное буйство его прогнали со службы, и когда мы жили в подворье храма Маруяма Хоммсдзи, он был ронином. Мой старший брат Савада Уэмон был человеком строгих правил и заставил меня расстаться с мужем. Он считал, что лучше мне вернуться на родину, чем быть женой пьяницы и буяна. Я не могла его послушаться, оставила четырехлетнего сына и поселилась затворницей в Мураками. Спустя два года я вышла замуж за твоего отца, О-Куни. И вот нынче в Эдо я неожиданно встретила со своим сыном Коскэ. Кровь у нас одна, мы говорили откровенно, и я узнала, что вы убили господина Иидзиму, присвоили его деньги, оружие и даже одежду и сбежали. Я была испугана. Из-за вас погиб род Иидзимы. Сын мой со слезами на глазах поведал мне, что если он не отомстит, род Иидзимы не будет восстановлен, что ему предназначено найти вас и отомстить. На радостях я обещала ему помочь и сообщила, что вы укрываетесь в моем доме. Это было ошибкой. Коскэ — мой сын по крови, но он из дома Курокавы, от которого я отказалась. Я вышла замуж вторично, этот дом стал моим домом, и ты, О-Куни, стала моей единственной дочерью. Если я, послушавшись голоса крови, помогу сыну казнить тебя, я нарушу тем самым долг свой перед твоим покойным отцом, господином Хиногутя Гобэем. Я думала об этом всю дорогу сюда. Я не знала как быть. Я поняла, что допустила оплошность. А Коскэ ехал рядом со мной, то впереди, то позади меня... Он здесь, сегодня ночью, после пятой стражи, он проникнет к вам. Мне не будет прощения, если я дам ему казнить тебя. Признайтесь во всем, и я помогу вам бежать. Городзабуро дал мне на поездку тридцать золотых. Я истратила немного, у меня осталось двадцать шесть или двадцать семь рё... Я отдам их вам. Берите их и скорее бегите. Перейдите гору за храмом Мёдзин, перед храмом Дзикодзи сверните и перейдите гору Яхата, тогда вы выйдете на тракт Никко, оттуда будет полтора ри до местечка Дзюрогаминэ по дороге на Кануму, еще через полтора ри вы выйдете к Кануме, а там через ущелье дойдете до деревни Нарамуры на Танумской дороге. В этом ущелье вас никто не заметит. Уходите как можно скорее и затеряйтесь где-нибудь в провинции, а когда сами поймете, какое зло вы совершили, обрежьте головы, облачитесь в грубые ряссы и денно и нощно молитесь за упокой души убиенного вами господина Иидзимы Хэйдзаэмона. Может быть, так вы спасетесь...

Жаль мне сына родного, моего Коскэ. Он не будет знать, куда бежали враги, на всю жизнь ему суждена горькая участь скитальца, и дом его господина никогда не восстанет из праха... Когда до вас дойдет, что вы натворили, измените ваши сердца, станьте добрыми людьми... А сейчас бегите скорее!

Она протянула им деньги, и так прекрасен был порыв матери, жертвующей всем во имя долга, что даже эти двое смущенно переглянулись...

— Спасибо, — пробормотала О-Куни. — Мы не знали... Поэтому мы и молчали... Простите нас...

— Поистине, ваши искренние слова... — подхватил Гэндзи. — Да, я совершенно уничтожен... Понимаете, я вовсе не хотел убивать господина Иидзиму, но наша связь была раскрыта, и он напал на меня с пикой в руках... Мне ничего не оставалось... Спасибо, мы понимаем вас, но мы исправимся, непременно исправимся и снова навестим вас, чтобы выразить вам нашу благодарность... Смотри, О-Куни, нам даже деньги пожаловали, на всю жизнь запомни!..

— Простите нас, матушка! — воскликнула О-Куни.

— Бегите же скорее, — торопила их О-Риэ. — Скоро пятая стража, спешите!

Они стали поспешно собираться, как вдруг сёдзи раздвинулись и в комнату вошел Городзабуро.

— Прошу вас, матушка, — произнес он, — погодите немного. Поди сюда, О-Куни! Наглая ты тварь... Не знаю даже, как тебя назвать! Ты что сказала, когда явилась сюда? Что этого вот Гэндзи выгнали из дому за то, что он с тобой спутался? Что деваться ему некуда и ты из жалости притащила его с собой? Бесстыдно обманула меня? Да тебе ли, мерзавке, жить в нашем доме? Сколько раз мы тебе писали, когда скончался батюшка, ты хоть одним словом ответила? Не человек ты... Ты моя единственная сестра, но я давно махнул на тебя рукой, ты для меня все равно что умерла... И вот на тебе — приезжает как ни в чем не бывало, позвольте, мол, пожить у вас... Ладно, думаю, оставайся, живи. Да разве мог я подумать, что ты вдобавок стала еще убийцей и воровкой? Дрянная негодная, я ушам своим не поверил, когда сейчас услышал... Я очень благодарен вам, матушка. Вы даете этим негодьям бежать, вы поступили так из чувства долга перед покойным родителем, но лучше бы вам промолчать. Все равно им не избежать небесной кары, пусть бы Коскэ зарубил их... Слышишь, О-Куни? В память о нашем отце матушка даже деньги тебе на дорогу дала, даже путь указала, разве это не истинное благодеяние для тебя? Я не знаю, что и сказать... Проклятая девка, тебе одиннадцать лет было, а ты уже тогда всех в доме натравливала друг на друга, ссорила отца с матушкой и со мной, житья от тебя не было... Это я упросил отца отдать тебя в чужой дом, да подальше, чтобы ты не прибежала обратно! Я-то тебя видел насквозь! Это по моему совету тебя отправили на услужение в Эдо! Я

думал, что в самурайском доме ты утихомиришься, и это была моя оплошность... Ты не научилась ничему хорошему, ты обзавелась любовником и бежала, при этом еще убила и обокрала своего господина... Мерзавцы вы! Мерзавцы! Ваше счастье, что матушка — человек необыкновенный... Сделай она вид, что ничего не знает, и Коскэ нынче же ночью изрубил бы вас, как собак... И правильно бы сделал, это был бы гнев небесный. Совершить такое преступление!.. Да он и меня мог бы убить, как родственника и соучастника врага, и никто бы не осудил его... Собака, скотина, забывшая долг, забывшая честь! Единственная сестра, женщина, тебе бы воду мне подать на смертном одре, а ты что?.. И за какие грехи в семье нашей уродилась такая стерва? Отец был честный человек, я тоже ничего плохого в жизни не совершал... и вот, пожалуйста, позор нашему роду, горе! Скоты, грязные скоты, убирайтесь отсюда, да поскорее!..

О-Куни и Гэндзиро собрали пожитки, поспешно распрощались и покинули дом Городзабуро. Добравшись до дороги за храмом Мёдзин, они вышли к горе Яхата. Там и днем бывает сумрачно, а в середине ночи не видно ни зги. Ежась от страха, они стали подниматься по склону, и вдруг навстречу им из рощи криптомерий вышли двое и остановились перед Гэндзиро, преградив дорогу. Лица их были обмотаны тряпкой.

— Эй ты, будь паинькой! — рявкнул один. — Раздевайся догола, оставь все здесь и убирайся... Что, выкрал из веселого дома девку и убегаешь с ней?

— Выкладывай деньги! — приказал второй.

Видимо, они не подозревали, что Гэндзиро — самурай и что под его одеждой скрыты мечи. Гэндзиро, потянув меч из ножен, проговорил дрожащим голосом, заикаясь от испуга:

— Кто вы такие? Бандиты?

Девятидневный месяц тускло озарил все вокруг, и тут Гэндзиро, взглядевшись в лица грабителей, узнал бывшего слугу Танаки забияку Камэдзо со старым шрамом на физиономии и своего бывшего слугу Айскэ. Гэндзиро опешил.

— Это ты, Айскэ? — воскликнул он.

— Никак, это молодой господин... — растерянно сказал Айскэ. — Здравствуйте, давно не виделись.

— Фу-у, ну и напугали же вы меня, — сказал Гэндзиро.

— У меня от страха прямо ноги отнялись, — сказала О-Куни. — А это, оказывается, Айскэ...

— Срам-то какой, — проговорил Айскэ.

— Ты что, такими делами занимаешься? — спросил Гэндзиро.

— Да что же, — вздохнул Айскэ, — как уволили нас, пошли мы втроем с Камэдзо и Токидзо куда глаза глядят, а идти-то и некуда... Думали-думали, куда деваться? Добрели до Уцуномии, нанялись носить паланкины, сначала кое-как перебивались, потом Токидзо поморозился

и помер, деньги все вышли... Тут мы с отчаяния и на воровство пошли, с этого все началось... Здесь по этой дороге часто люди проходят, выманят девку из какого-нибудь заведения в Уцуномии и бегут в сторону Канумы... Слабые они, я даже с мечом обращаться не умею, а они со страха все отдают и удирают без памяти... Нынче вот на вас наскочили мы, обознались, а что бы вы меч наголо, да и зарубили бы нас? Подумать страшно...

— И ты, Камэдзо, значит, тоже грабить пошел?

— А что такого? — сказал Камэдзо. — Паланкины таскать — на водку не заработаешь. Надо так, чтобы сразу и много... Вот и занялся.

Гэндзиро задумался, склонив голову набок.

— Это кстати, что я с вами встретился, — произнес он наконец. — Вы ведь тоже, наверное, имеете зуб на иидзимского Коскэ?

— Как не иметь, — сказал Камэдзо. — Он меня так швырнул, что я голову о камень себе расколол. Досталось нам с Айскэ от него тогда у поворота, еле домой приползли... И нас же за это уволили, а Коскэ остался служить. До сих пор зубами скриплю, как об этом вспоминаю... Сейчас-то он что делает?

— Нас здесь не подслушают? — спросил Гэндзиро.

— Да кому здесь быть? — ответил Айскэ.

— Тогда слушайте меня внимательно, — сказал Гэндзиро. — Коскэ гонится за нами, чтобы казнить нас. Почему — это не ваше дело. Мы некоторое время укрывались у брата О-Куни, торговца Городзабуро. Мать у них не родная, и, как это ни странно, она оказалась родной матерью Коскэ. На днях она побывала в Эдо и встретила там с Коскэ, который все ей во всех подробностях рассказал. Решив помочь ему казнить нас, она привела его в Уцуномию, но здесь одумалась. Ей показалось, что нехорошо будет перед покойным мужем дать убить О-Куни, она предупредила нас и даже дала денег на дорогу. Как видите, мы бежали. Но ведь Коскэ ей родной сын, она наверняка укажет ему дорогу и направит в погоню, так что скорее всего через некоторое время он будет здесь... И вот, если вы поможете мне убить Коскэ, я вас вознагражу. Много я не смогу, предлагаю двадцать золотых...

— Согласен, — прорычал Камэдзо. — Он у нас получит...

— Постой, постой, Камэдзо, — поспешно заговорил Айскэ. — Ты так легко не соглашайся. Забыл разве драку у поворота? Забыл, как он покидал нас в канаву, как мы наглотались грязи и еле притащились домой? Я-то помню... Он же мастер меча, ему побить нас — раз плюнуть!

— Ничего, — сказал Камэдзо. — У нас тоже есть кое-что в запасе. Пусть-ка попробует с мечом против мушкета... Мы засядем где-нибудь возле Дзюрогаминэ. Господин Гэн спрячется под каменным мостом через поток, а мы укроемся в роще. Как только Коскэ перейдет мост, я суну ему под нос дуло мушкета. Он, конечно, подастся назад, а

господин Гэн выскочит и ударит его мечом в спину... Возьмем его в ножницы. Все будет в порядке. Он не сможет ни бежать, ни отступить...

— Смотрите же, держаться дружно, — сказал Гэндзиро.

После этого Камэдзо притаился откуда-то три мушкета и ушел к дому Городзабуро на разведку, а остальные затаились у Дзюрогаминэ и стали ждать.

Глава 22

Между тем Аикава Коскэ сидел на постоялом дворе «Сумия» и ждал, когда колокол ударит пятую стражу. «Наверное, теперь уже скоро», — подумал он и стал собираться. Шнурами от мечей он подвязал рукава, утопил защелки на эфесах, сунул за пояс слева меч мастера Тосиро Рёсимицу, подаренный тестем, а справа — меч мастера Тэное Сукэсады, завещанный Иидзимой Хэйдзаэмоном, вышел со двора, пересек мост и подкрался к забору. Калитка оказалась приоткрыта! «Это матушка открыла...» — подумал он и пробрался в сад. Вот и пристройка, о которой говорила мать. Он приблизился к щитам, закрывавшим веранду, и прислушался. В доме было тихо, только слышался храп прислуги. Со стороны моста доносился плеск воды. Неужели все спят? Коскэ прислушался снова и на этот раз услышал тихий голос, произносивший молитвословие. «Кто бы это мог молиться?» — удивился он и слегка отодвинул щиты. На веранде сидела его мать О-Риэ. Перебирая в руках четки, она читала молитвы. Коскэ смутился.

— Матушка, — тихо позвал он. — Я, кажется, ошибся, здесь ваша спальня?

— Ты не ошибся, — ровным голосом ответила О-Риэ. — Но О-Куни и Гэндзиро давно уже бежали. Я помогла им.

— Вы помогли им бежать? — ошеломленно проговорил Коскэ.

О-Риэ сказала:

— Да, я встретила тебя после девятнадцатилетней разлуки и на радостях пообещала тебе помочь наказать О-Куни и Гэндзиро... Так могла поступить только опрометчивая женщина. По дороге сюда я все время думала о том, что предаю память своего второго мужа. Хозяин этого дома, Городзабуро, с тринадцати лет кормит меня и дает мне кров, он мне тоже как родной сын... А ты, Коскэ, ведь ты сын Курокавы, человека, с которым я разошлась, мы с тобой не родные, потому я и помогла им бежать. Я это сделала, и иначе сделать я не могла. Убей меня, Коскэ, как родственницу твоих врагов, беги за ними в погоню, настигни и казни своей рукой, без помощи со стороны...

Коскэ поднялся на веранду...

— Не говорите, что мы с вами не родные, матушка, — жалобно сказал он. — Что с того, что вам пришлось покинуть отца и меня, когда мне было четыре года? Ведь он был пьяным буяном, он мучил вас, и я вас нисколько не осуждаю... Пусть порвались семейные узы, кровные-то узы порваться не могут, вы все равно остались для меня настоящей матерью. Сколько я себя помню, я все время думал о вас, живы ли вы, здоровы ли... Когда я встретился с вами, то подумал, что это боги вознаградили меня за мою веру... А когда вы сказали, что поможете мне наказать О-Куни и Гэндзио, радости моей и благодарности не было предела. И что же, теперь вы говорите мне, что нет между нами уз родства, что эти узы связывают вас только с детьми вашего второго мужа... Где же ваше сердце, матушка? Как могли вы отвернуться от меня? И если вы так думали всегда, то почему не открылись мне еще в Эдо? Ведь я бы понял вас... Я сам искал бы своих врагов, я буду искать их, переберу весь свет по травинке, но найду и казнь их... Но как мне быть теперь? Вы предупредили их, они изменят свой облик... Если я не настигну их, то не смогу восстановить род господина... Пусть расторгнуты узы семьи, но ведь нельзя расторгнуть узы крови! Пусть вы расторгли и узы крови, но как это жестоко, как могли вы так поступить?..

Забывшись от обиды, Коскэ положил руки на колени матери и затряс ее. О-Риэ была спокойна и холодна.

— Ты недаром служил в доме самурая, — произнесла она. — Ты говоришь, как благородный человек... Ты прав, даже когда расторгаются семейные узы, остаются еще узы крови. Я не помогла тебе казнить твоих врагов, и род твоего господина ты не восстановишь... Но я искуплю свою вину!

С этими словами она быстрым движением выхватила из-под одежды кинжал и вонзила себе в горло. Коскэ в ужасе схватил ее за руки.

— Что вы делаете, матушка? — закричал он. — Зачем вы убили себя? Матушка! Матушка!

О-Риэ была мужественной женщиной. Она выдернула кинжал из раны и прикрыла ладонью хлынувшую кровь. Дыхание ее прерывалось, лицо стало серым. Жизнь покидала ее.

— Коскэ... — пробормотала она. — Коскэ... Это выше разума... Хотя узы крови остаются, даже когда нет семейных уз... Я еще раньше решила помочь им бежать и затем убить себя... Помнишь, в Эдо... когда Хакуодо смотрел на меня... Он сказал, что видит на моем лице тень смерти... Он знает свое дело, теперь я поняла смысл этих слов... Разве не злой рок преследует меня?.. Моя приемная дочь убила твоего господина... Я умираю... Сейчас я перестану дышать, и меня не станет. Ты так и считай, что с тобой говорит привидение... Нет у меня долга перед Городзабуро... Слушай... Я научу тебя, по какой дороге сбежали О-Куни и Гэндзио... Слушай...

С этими словами она сжала руку Коскэ и притянула к себе. «Злосчастная судьба!..» — вырвалось у него во весь голос. Этот вопль достиг ушей Городзабуро, он встревожился и прибежал в пристройку посмотреть, что случилось. Раздвинув сёдзи и взглянув, он, простая честная душа, кинулся к матери.

— Матушка! — вскричал он. — Матушка!.. Ну вот, я же говорил! Коскэ-сан, позвольте, я представляюсь вам позже... Впрочем, я — старший брат О-Куни... Матушка, с тринадцати лет вы холили и нежили меня... Мне и лавку-то только ради вас отдали... Неужто надо было так блюсти долг чести перед этой мерзавкой?.. Зачем вы убили себя?

Услыхав его голос, О-Риэ вперила в лицо Городзабуро пристальный взгляд и, мучительно переводя дыхание, прохрипела:

— Ты с детства был... честным человеком... Городзабуро... А вот О-Куни была не такая... Но я дала ей бежать... ради памяти покойного мужа... и тем нарушила свой долг перед Коскэ... хоть он со мной одна кровь... Не будет восстановлен род его господина... человека, что был его благодетелем... Вот почему я убила себя. Не будь на меня в обиде, Городзабуро... я скажу ему, по какой дороге бежали О-Куни и Гэндзиро...

— Ну при чем здесь моя обида... — всхлипывая, проговорил Городзабуро. — Я и сам скажу ему, а то вам трудно... Слушайте, господин Коскэ! За Уцуномией есть храм Дзикодзи. Если пройти его и свернуть направо, будет гора Яхата, потом сопка Дзюрогаминэ, а оттуда прямая дорога на Кануму. По ней и ступайте. Женские ноги, наверное, не успели уйти далеко. Поспешите, срубите головы О-Куни и Гэндзиро и принесите их матушке, пока она не скончалась, пока видят ее глаза! Торопитесь!

Коскэ, плача, произнес:

— Ты слышишь, матушка? Городзабуро объяснил мне, по какой дороге бегут О-Куни и Гэндзиро... Пока они не ушли далеко, я поспешу им вслед, срублю головы и покажу вам!

О-Риэ уже едва слышала его.

— Смелые слова... — пробормотала она. — Накажи врагов, восстанови род господина, и ты станешь настоящим человеком... Городзабуро! У Коскэ нет ни братьев, ни сестер... Ты тоже один как перст... Враги врагами... а вам надлежит стать отныне братьями... Помогайте друг другу и старайтесь для спасения души моей... — Она взяла их руки и привлекла к себе. Они склонились над нею. Голос ее становился все глуше. Протянув Коскэ окровавленный кинжал, она из последних сил проговорила: — Иди... Иди скорее...

Ей еще хотелось сказать: «Этим кинжалом ты нанесешь им последний удар!» Но язык больше не повиновался ей. Коскэ стер с лезвия кровь и подумал про себя: «Хорошо бы показать головы врагов матушке, но, видно, не успею, гляжу на нее в последний раз...» Он сказал:

— Оставляю матушку на ваше попечение, Городзабуро...

Затем он пошел было к выходу, но при мысли о том, что мать его умирает, остановился и повернул назад. О-Риэ, вся в крови, поползла ему навстречу.

— Что же ты мешкаешь? — еле слышно прошептала она. — Ступай.

— Иду, — отозвался Коскэ и, оставив сердце с умирающей матерью, бросился вон. Теперь он думал только о том, что враги бегут и их нужно догнать.

А Камэдзо, прокрадываясь к дому и подслушавший весь разговор, со всех ног помчался к своим сообщникам. Он знал дорогу и далеко обогнал Коскэ.

— Вот что, господин Гэн, — сказал он. — Мать Коскэ перерезала себе глотку, Коскэ узнал, по какой дороге вы бежали. Он вот-вот будет здесь, готовьтесь. Меч наголо и прячьтесь под мост. Когда он перейдет мост, мы пугнем его мушкетами, а как только он попятится, рубите его сзади!

— Ладно, — ответил Гэндзиро. — Ну, смотрите, держитесь...

Гэндзиро укрылся под каменным мостом и стал ждать с мечом наготове, а остальные поднялись в рощу на склоне Дзюрогаминэ и засели там с мушкетами. Прошло некоторое время, и на мосту, тяжело дыша, появился ни о чем не подозревавший Коскэ.

— А ну, стой! — рявкнул Камэдзо.

Коскэ остановился. Перед ним стоял человек с мушкетом.

— Кто это здесь с фитилем? — сказал Коскэ, всматриваясь.

— Забыл меня? — крикнул забияка Камэдзо. — Помнишь Камэдзо с Усигомэ? Помнишь, как ты избил меня? Что, гонишься за господином Гэном? Ничего не выйдет, сейчас я прихлопну тебя...

— И я здесь, Коскэ! — заорал Айскэ. — По твоей милости меня выгнали на улицу, я стал вором! А теперь тебе конец, пристрелю, как собаку...

— Тебе не уйти, Коскэ! — взвизгнула О-Куни и тоже прицелилась. — Здесь ты и сдохнешь!

Коскэ попятился, обнажая меч.

— Гэндзиро! — воскликнул он громовым голосом. — Ты трус! Выслал против меня челядь и бабу, а сам спрятался в роще? Разве ты самурай! Ты подлый трус!

Гулкое ночное эхо отозвалось на его крик. Коскэ обернулся. Сзади подходил Гэндзиро. Впереди мушкеты, позади меч. Нельзя ступить ни шагу назад, ни шагу вперед. Коскэ весь напрягся, тело его покрылось потом. И вдруг в его душе зазвучали слова настоятеля Рёсэки: «Наступающий выигрывает, отступающий проигрывает... Если ты испугаешься и отступишь, то твой черный день станет твоим последним днем. Прорвись через огонь...» Время настало. Если сейчас оробеть и отступить, все пропало. «Что для меня одна-две мушкетных пули? — подумал Коскэ. — Надо броситься вперед и рубить негодяев!»

Камэдзо, полагая, что Коскэ испугался мушкетов и вот-вот побежит, сунул дуло ему под нос. «Подлец!» — воскликнул Коскэ, взмахнул мечом и прыгнул вперед. Камэдзо с воплем шарахнулся в сторону, но было уже поздно. Перерубленная рука вместе с перерубленным мушкетом упала на землю. Издавна были славные мастера удара, которые разрубали медные кувшины и железные шлемы, но Коскэ такого мастерства не достиг. Мушкет же Камэдзо он разрубил потому, что это не был настоящий мушкет. Вокруг Уцуномии располагалось множество бататовых полей, и Камэдзо просто-напросто последовал примеру местных грабителей, которые обирают прохожих, пугая их стеблями батата с прицепленными тлеющими фитилями. Ну, а стебель батата перерубить может каждый, даже я, Энтё.

Как только Камэдзо упал, Айскэ повернулся и бросился бежать. Коскэ ударил его мечом в спину. О-Куни завопила: «Убивают!», выронила свой мушкет и помчалась обратно в рощу. Но оби ее зацепилось за ветви, и, пока она пыталась освободиться, Коскэ настиг ее и нанес удар. Она взвизгнула и упала. Гэндзиро, бежавший за ними следом, крикнул: «Ты убил ее, негодяй!» Он размахивал мечом, но деревья мешали ему, а Коскэ, услышав позади себя шаги, быстро повернулся и сунул ему меч между ребер. О-Куни и Гэндзиро были еще живы. Коскэ схватил их за волосы, подтащил к большому каштану и привязал обоих к стволу.

— Неблагодарный негодяй, — произнес Коскэ, обращаясь к Гэндзиро. — Двадцать первого июля прошлого года ты в отсутствие моего господина забрался к О-Куни. Когда я заспорил с тобой, ты показал мне письмо господина и избил меня обломком лука. Но главное в том, что ты, мерзавец, убил моего господина и покушался присвоить его имя и имущество вместе со своей подлой любовницей. Ты помнишь это, подлец?

С этими словами он снова схватил обоих за волосы и потер их лица о кору каштана. Они плакали, просили пощады, умоляли о прощении, но Коскэ не слышал их.

— А ты, О-Куни? — продолжал он. — Мать моя в память о твоём покойном отце помогла тебе бежать и даже показала дорогу. А знаешь ли ты, что из-за тебя она себя убила? Это ты убила ее, мою дорогую мать! И я жестоко расплачусь с тобой за все, ты подлая убийца моего господина, подлая убийца моей матери! — Он обнажил меч работы Тэное Сукэсады. — И подумать только, что такая тварь, как ты, обманывала господина! — произнес он и крест-накрест полоснул ее мечом по лицу. — А ты, Гэндзиро? Вот этой пастью ты обливал меня грязной руганью! — И он полоснул Гэндзиро мечом поперек рта.

Затем он прикончил их кинжалом матери, отрезал головы и поднял за волосы, но эти головы показались ему страшно тяжелыми, и он, обмякший и сразу ослабевший от радости свершенной мести, опустился на землю.

— Благодарю бога, чтимого мною, и имя ему Хатиман-Цукудо-Мёдзин, — пробормотал он, — за то, что привел меня исполнить свой долг и отомстить врагам...

Помолившись, он встал и собрался уходить, но вдруг услышал крики: «Убийство! Убийство!» Это Камэдзо и Айскэ, обезумевшие от ужаса, бежали сослепу прямо на него. «Последние враги», — подумал Коскэ и зарубил их. Шатаясь и спотыкаясь, с двумя головами в руках, он вступил на улицы Уцуномии. Прохожие в страхе уступали ему дорогу. Да и как не испугаться, когда на тебя идет человек и несет отрубленные головы? Слуги побежали рассказывать своим господам. Добравшись до дома Городзабуро, Коскэ рассказал ему о том, как свершилась месть. «Видят ли еще глаза матушки?» — спросил он. Городзабуро, застыв при виде головы сестры, едва нашел в себе силы ответить, что матушка скончалась. Дело было серьезное, доложили князю, правителю провинции. Поскольку речь шла о мести, князь отправил Коскэ с сопровождающим в Эдо. Вернувшись домой, Коскэ сообщил все подробно своему тестю Аикаве, а тот немедленно доложил начальнику хатамото господину Кобояси.

Кобояси подал прошение на высочайшее имя. Коскэ отомстил за смерть господина, поэтому, согласно завещанию, род Иидзимы был восстановлен с Котаро, сыном Коскэ, во главе. Коскэ же был назначен его опекуном, и жизнь в доме Иидзимы вновь потекла радостно и спокойно.

На следующий день после этих перемен казнили Томодзо. Прочитав на месте казни сутэфуда,^[146] Коскэ с изумлением узнал, что преступник принялся творить злодеяния после того, как барышня Иидзима сошлась с Хагиварой Синдзабуро. Говорят, что именно Коскэ ради своего господина, ради его дочери и ради Хагивары Синдзабуро воздвигнул возле храма Симбандзуй-ин статую Будды Под Открытым Небом. Эта статуя стоит там и сейчас. На этом и закончим нашу повесть, и надеемся, что она хоть немного поощрит добро и унижит зло.

перевод А. Стругацкого

ВЕДЬМА

Рассказы

Акутагава Рюноскэ

ВЕДЬМА

Возможно, вы не поверите мне. И даже подумаете, что я лгу. Ведь то, о чем я расскажу вам сейчас, случилось не в давние времена, а в годы Тайсё.^[147] Более того, в том самом Токио, к которому мы так привыкли. Где по улице мчатся трамваи и автомобили, где в доме непрерывно звонит телефон, где в газетах пишут о забастовках и женском движении. И сколько бы я ни уверял вас, что событие это, достойное пера По или Гофмана, действительно произошло в одном из уголков этого большого города, вы ни за что мне не поверите, и пусть на улицах Токио горят миллионы фонарей, невозможно рассеять мрак, окутывающий город с заходом солнца, и вернуть день. Так же как невозможно нарисовать карту загадочного мира, таящегося в глубинах природы, сколько бы ни говорили, что радио и самолеты покорили ее. А раз так, почему в Токио, озаренном светом цивилизации, таинственные духи, которые нагледят обычно в то время, когда люди спят, не могли бы иногда случайно сотворить чудо, подобное, скажем, такому, которое произошло в погребке Ауэрбаха?^[148] И не только иногда и случайно. Если позволите, то скажу: вы, наверно, замечали, что рядом с нами расцветают, будто ночные цветы, сверхъестественные явления. Вам приходилось, например, видеть, как поздней зимней ночью на Гиндзе^[149] соберутся в кучку несколько бумажек и кружатся по ветру. Попробуйте, любопытства ради, сосчитайте, в скольких местах это происходит. От Симбаси до Миякобаси^[150] в трех местах — справа, и слева — в одном. И непременно вблизи перекрестков. Вряд ли это можно объяснить воздушными потоками или еще чем-нибудь в этом роде. Приглядитесь более внимательно, и в каждой кучке вы непременно заметите красную бумажку — это либо клочок кинорекламы, либо обрывок тиёгами,^[151] либо спичечная этикетка, — но обязательно красного цвета. Стоит налететь ветру, и этот красный клочок первым взвивается вверх, будто хочет увлечь за собой остальной мусор. Из легкой песчаной пыли как бы доносится тихий шепот, и клочки белой бумаги, разбросанные там и сям, мгновенно исчезают с асфальта. Нет, они не исчезают насовсем. Сначала они быстро кружатся, а потом плавно летят, будто плывут. И когда ветер стихает, происходит то же самое — красная бумажка, как я заметил, утихомиривается раньше других. Даже вам такое не может не показаться странным. Я-то, конечно, нахожу это удивительным и, по правде говоря, раза два-три останавливался на улице и пристально глядел на непрерывно кружащиеся в обильном свете ближайшей витрины обрывки бумаги. Я заметил: если так смотреть, можно различить, правда смутно и неясно, обычно невидимые человеческому

глазу вещи, так же, как можно увидеть сливающихся с темнотой летучих мышей.

Однако странным в Токио кажется не только мусор, кружащийся на Гиндзе. Иногда с удивительными вещами, противоречащими здравому смыслу, можно столкнуться и в ночном трамвае. К чему, например, красный и синий трамваи,^[152] едущие по безлюдным улицам, останавливаются на остановках, где нет ни души? Если вы не верите мне, как и в случае с бумажным мусором, возьмите и проверьте, хоть сегодня ночью. Особенно часто это случается на линиях Досака и Сугамо, хотя трамваи там совершенно такие же, как везде. Да вот взять хотя бы недавний случай. Дней пять назад ночью красный трамвай, на котором я ехал, остановился как раз у Данго-сакасите на линии Досака, хотя на остановке не было ни одного человека. Причем кондуктор, дергая за веревку звонка, наполовину высунулся из вагона и, как обычно, крикнул: «Есть кто-нибудь на посадку?» Я сидел неподалеку от него и сразу же выглянул в окно. И что же? Ни у столба на остановке, ни на широкой улице, где все двери домов были закрыты, не оказалось ни души. Лишь луна тускло светила сквозь легкую дымку. «Странно!» — подумал я, кондуктор дернул за веревку, и трамвай поехал. Однако я продолжал глядеть в окно, и, по мере того как мы отъезжали, мне стало казаться, что в лунном свете маячат, все уменьшаясь, человеческие тени. Возможно, это игра моего больного воображения, но зачем же тогда кондуктор красного трамвая, мчавшегося вперед, остановил его там, где не было людей? И притом такое случалось не только со мной, но и с несколькими моими приятелями. Так что вряд ли можно сказать, что кондуктор трамвая в тот раз просто спросонья остановил трамвай. Один из знакомых рассказывал мне, что однажды он одернул кондуктора: «Не видишь, что ли? Никого нет!» Кондуктор же изумленно возразил: «А я думал, там полно народу».

Число этих чудес бесконечно: дым из трубы арсенала почему-то плывет не по ветру, а против него; глухой ночью загудит вдруг колокол на колокольне собора святого Николая,^[153] два трамвая с одинаковыми номерами проходят в сумерках друг за другом по Нихонбаси, а в совершенно пустом зале Кокугикан^[154] каждый вечер слышатся громкие аплодисменты, — словом, и на улицах процветающего Токио непрерывно проявляется «иная сторона ночной природы», порхая с места на место, как прекрасный мотылек. Следовательно, и то, о чем я хочу теперь вам рассказать, вовсе не такое уж совершенно немыслимое, оторванное от реальности событие, как вы можете себе вообразить. Более того, теперь, когда вы узнали кое-какие тайны Токио, вы не станете зря потешаться над моим рассказом. И если, дослушав его до конца, вы все же почувствуете запах светильников времен Цуруи Намбоку,^[155] знайте, дело не в том, что само событие неправдоподобно, а в том, что я оказался неспособен передать вам все так же искусно, как По и Гофман. Когда двенадцать лет назад участник

этого события, сидя летней ночью напротив меня, подробно рассказал мне о странных вещах, с которыми он столкнулся, мне показалось, что вокруг воцарился какой-то таинственный ужас, которого я до сих пор не могу забыть.

Случилось это с молодым хозяином маленькой типографии в районе Нихонбаси. Он частенько заходил ко мне и обычно, закончив деловой разговор, тотчас же удалялся, а тут засиделся — сначала, видно, потому, что на закате вдруг хлынул дождь и он решил переждать его, а потом просто так. Чинно присев на краю веранды, освещенной бумажным фонарем, белолицый, худощавый, с нахмуренными бровями, он говорил со мной о том о сем до позднего вечера. Тогда-то я и услышал от него рассказ о ведьме, который собираюсь вам поведать. «Очень хотел как-нибудь рассказать вам, сэнсэй!» — медленно вымолвил он, сильно волнуясь. И сейчас еще ясно стоит у меня в памяти этот молодой человек в дорогом летнем хаори цвета расплывшейся туши, тихим шепотом, словно боясь своих слов, начавший повествование. И еще я не могу забыть странно врезавшиеся мне в память, громоздящиеся по всему небу последожденные черные тучи и на их фоне узор осенних трав на его мощном торсе, неясно вырисовывающийся от света бумажного фонаря над головой.

Началось с того, что Синдзо (назовем так этого молодого человека, дабы не навлечь на него иных неприятностей), встретивший свое двадцать третье лето, ходил советоваться по одному беспокоившему его делу к старой гадалке, проживавшей в то время в районе Хонсехитоцумэ. А до этого, в конце июня, он повел своего друга по коммерческой школе, готовившей торговцев мануфактурой, в харчевню «Суси Ёхээ» и там за чаркой сакэ нечаянно проболтался о своем деле. Приятель, по имени Тай, принял в нем участие и горячо воскликнул: «А что, если тебе сходить к старухе О-Сима?» Когда Синдзо спросил, кто такая эта старуха О-Сима, то оказалось, что она переехала в их район из Асакусы года два-три назад. Занималась она ворожбой и заклинаниями (поговаривали даже, что она и колдовать может). «Ты, верно, знаешь, что недавно утопилась любовница торговца рыбой, так вот тело ее никак не всплывало. Тогда старуха О-Сима дала бумажный ярлык, который бросили в воду с моста Итинобаси. И что же ты думаешь? В тот же день тело и всплыло. Да как раз у той самой сваи, где бросили ярлык. Был вечерний прилив, и, к счастью, тело заметил капитан камневоза. Поднялся шум: „Ба! Никак, гость пожаловал! Суший Додзаэмон!“^[156] И труп утопленницы немедленно доставили к полицейскому посту у моста. Когда я проходил мимо, полицейский уже подошел к утопленнице. Я заглянул через головы — утопленница, только что вытащенная из воды, была покрыта соломенной циновкой, а на вздувшейся ноге, высунувшейся из-под циновки... что, ты думаешь, я увидел? Я увидел ярлык, плотно прилепившийся к икре. У меня даже мороз по коже пробежал». Когда Синдзо слушал рассказ своего

приятеля, у него тоже по спине пробежали мурашки, перед глазами сразу предстал вечерний прилив, свая моста, а под ней качающийся на воде труп любовницы торговца рыбой. Однако он, будучи слегка навеселе, храбро сказал: «Интересно! Непременно схожу к этой старухе». — «Я провожу тебя, — сказал приятель. — У нас добрые отношения, с тех пор как я ходил к ней советоваться о денежных делах». — «Ну что ж, проводи», — сказал Синдзо. Они вышли из харчевни «Суси Ёхээ» в летних пальто, с зубочистками в зубах и, прикрываясь от заходящего солнца соломенными шляпами, не спеша направились к старой гадалке.

Теперь надо рассказать вам о том, что беспокоило Синдзо. В их доме была служанка по имени О-Тоси. Более года они любили друг друга, и вот однажды в конце прошлого года она пошла навестить больную матушку и бесследно исчезла. Этому исчезновению удивился не только Синдзо, но и его мать, которая заботилась о судьбе девушки. Ее долго искали поручитель и знакомые, однако так и не нашли. Разные были слухи — одни говорили, что она стала содержанкой, другие — сиделкой, но толком никто ничего не знал. Синдзо сначала тревожился, потом стал сердиться и, наконец, впал в уныние. Его удрученный вид, наверно, прибавил забот матери, которая догадывалась об их отношениях. Она пыталась развеять его тоску разными способами — посылала в театр, предлагала поехать на горячие источники, заставляла вместо отца посещать деловые банкеты. В тот день она велела ему походить по мелочным лавкам и положила в кошелек деньги на расходы, тем самым как бы позволяя развлечься. К счастью, в Хигасирегоку у него был друг детства, тот самый Тай, и он повел его в ближайшую харчевню, где подавали суси. Так что у подвыпившего Синдзо были серьезные причины, чтобы пойти к старухе О-Сима. Сразу же у моста Хитоцумэ они свернули налево, прошли примерно тё по безлюдной набережной реки Татэкава в сторону моста Футацумэ и между домом штукатур и лавкой кухонной утвари увидели дом с бамбуковыми решетками на окнах и закопченными раздвижными дверями — это и было жилище старой гадалки. Синдзо охватило мрачное предчувствие, будто судьба О-Тоси и его собственная зависели от одного только слова этой странной старухи О-Сима, и весь хмель сразу же вылетел из головы. Действительно, достаточно было взглянуть на ее дом, чтобы впасть в тоску. Одноэтажный, с низко нависшим карнизом, он производил удивительно мрачное впечатление — казалось, на заплесневелых от недавних дождей камнях вот-вот вырастут грибы. Вдобавок между домом старухи и соседним домом торговца кухонной утварью росла развесистая ива, и ветви ее, свешиваясь, закрывали окна старухиного дома, бросая густую тень. Так что казалось, будто за тонкой бумажной перегородкой таится мрачный лес, хранящий зловещую тайну.

Однако Тай-сан, ничуть не смущаясь, небрежно остановился перед решетчатым окном и, оглянувшись на Синдзо, сказал пугающе: «Ну-ка, пойдём взглянем на ведьму. Но, чур, ничему не изумляйся!» — «Что я, дитя малое! — усмехнулся Синдзо. — Кого может напугать какая-то старуха!» Однако Тай-сан, мрачно глядя на приятеля, заметил: «Конечно, старуха вряд ли тебя удивит. Но там есть девушка, прямо-таки красавица. Поэтому я и предупреждаю. — И, положив руку на решетку окна, Тай-сан крикнул: — Простите, можно войти?» — «Пожалуйста!» — раздался приглушенный голос, и миловидная девушка лет семнадцати — восемнадцати, стоя на коленях, тихо раздвинула сёдзи. Недаром Тай-сан предупредил Синдзо, чтобы тот не удивлялся. У девушки было тонкое белое лицо с высокой переносицей и красиво очерченным лбом, особенно поражали глаза — ясные, прозрачные, но в облике ее было что-то болезненное, какая-то изможденность; Казалось даже, что пояс оби из шерстяного муслина, с разбросанным по нему рисунком в виде пышных гвоздик, чересчур сильно стискивает ее грудь, обтянутую скромной темно-синей касури.^[157]

Взглянув на девушку, Тай-сан снял соломенную шляпу и спросил: «А матушка?» Девушка с заученным выражением лица тотчас ответила: «К сожалению, ее нет дома» — и покраснела, будто застыдившись чего-то. Потом, нечаянно бросив грустный взгляд на решетчатую дверь, она вдруг переменялась в лице и, тихонько вскрикнув, попыталась вскочить на ноги. Тай-сан, учитывая место, где они находились, подумал было: не злой ли дух пролетел между ними, и поспешно оглянулся — Синдзо, до сих пор отчетливо вырисовывавшийся в лучах заходящего солнца, куда-то исчез. Удивляться было некогда, потому что дочь старой гадалки, цепляясь за его платье, задыхающимся голосом быстро проговорила: «Передайте вашему спутнику, чтобы он больше не появлялся здесь, иначе жизнь его может оказаться в опасности». Тай-сан стоял совершенно ошеломленный, ничего не понимая. Он сказал растерянно: «Хорошо, передам». И, не надевая шляпы, выскочил на улицу и побежал вдогонку за Синдзо. Он пробежал примерно половину тё — на тоскливой набережной реки Татэкава, где были лишь телеграфные столбы да закат над ними, неподвижно стоял Синдзо, уныло уставившись себе под ноги и сложив руки на груди. «Ну и напугал же ты меня! — выпалил Тай-сан, подбегая к нему. — Я ему: не пугайся, мол, а получилось наоборот. Ты что, знаешь эту красотку?» — «Конечно, знаю. Это О-Тоси», — отвечал Синдзо взволнованно, шагая в сторону моста Хитоцумэ. Тай-сан в третий раз удивился. Да и как же было не удивиться, когда девушка, о которой они хотели спросить у старухи, оказалась не кем иным, как ее дочерью. Более того, он не мог не поразиться ее странной просьбе. Тай-сан нахлобучил шляпу и тут же передал приятелю предупреждение О-Тоси о том, чтобы тот не появлялся больше вблизи старухиного дома. Синдзо молча выслушал его. Потом нахмурился и, недоуменно взглянув на Тай-сана, сказал

сердито: «Что не появляться — это понятно, а вот предупреждение, что жизни моей угрожает опасность, если приду, — это странно. И не так странно, как нагло». Тай-сан выскочил из дома старухи, так и не расспросив девушку, а только выслушав ее просьбу, поэтому утешить Синдзо он не мог, как ни старался. И тогда Синдзо вовсе умолк, как посторонний, и пошел быстрее. Они вышли к тому месту, откуда уже была видна вывеска харчевни «Суси Ехээ», Синдзо вдруг обернулся к Тай-сану и с грустью сказал: «Хорошо, что я повидался с О-Тоси». И тогда Тай-сан, как ни в чем не бывало, бросил как бы в шутку:

«А что, давай еще раз сходим». Потом-то он понял, что подлил масла в огонь — душа Синдзо сгорала от страстного желания повидаться с О-Тоси. Затем Синдзо расстался с Тай-саном и сразу же завернул в харчевню «Боевой петух», что перед храмом Икоин, и, поджидая, пока не стемнеет, осушил там две-три бутылочки сакэ. Когда же на землю опустилась тьма, он снова выскочил на улицу и, дыша винным перегаром, с развевающимися позади рукавами накинутого на плечи летнего пальто, помчался к О-Тоси, к дому старой гадалки.

Ночь выдалась темная, без единой звезды. Погода была обычная для сезона дождей — от земли шел тяжелый пар, изредка налетал холодный ветер. Синдзо, разумеется, был разъярен и полон решимости не уходить от девушки до тех пор, пока не узнает всей правды. Не обращая внимания на мрачный вид низкого дома у высокой ивы со светящимся решетчатым окном на фоне черного, как тушь, неба, он с грохотом раздвинул дверь и, войдя в тесную прихожую, рявкнул: «Добрый вечер!» По одному голосу можно было сразу же понять, кто пришел. И, наверно, нежный, тихий голос, ответивший ему тогда, дрожал. Тихо раздвинулись сёдзи, и в свете, проникавшем из другой комнаты, перед ним предстала печальная фигурка О-Тоси, склонившейся в глубоком поклоне, — казалось, она все еще плачет, однако сакэ делало свое дело, и, холодно взглянув на нее, с заломленной на затылок шляпой, он сказал с притворным равнодушием: «Ваша матушка дома? Я пришел посоветоваться по одному делу. Спросите, не может ли она меня принять». Как тяжело было О-Тоси слышать это! Она сникла, убитая горем, и тихо Ответила: «Слушаюсь!» И верно, проглотила слезы. Дохнув винным перегаром, который повис в прихожей, как радуга, Синдзо собирался было еще раз сказать: «Спросите!» — как вдруг из-за фусума раздался тихий, гнусавый старушечий голос — словно шептала жаба: «Кто там? Что за человек? Заходите без стеснения». — «Наглая! Спрятала О-Тоси. Сначала с ней разделаюсь». Синдзо с разъяренным видом сбросил пальто и, сунув соломенную шляпу в руки О-Тоси, невольно пытавшейся остановить его, бесцеремонно ввалился в комнату старухи. Бедная О-Тоси, не прибирая пальто и шляпу, бессильно припала к фусума,

установилась полными слез глазами в потолок и, сложив на груди ослабевшие руки, стала шептать слова молитвы.

Пройдя в комнату старухи, Синдзо рывком сунул под колени дзабутон и заносчиво огляделся: как он и представлял себе, комната размером в восемь татами^[158] была неприглядной и неряшливой, с закопченным потолком и столбами. Прямо перед собой он увидел невысокую нишу в шесть сяку, в ней висел свиток с иероглифами: «Великий дух Басара». Под ним зеркало, две фарфоровых бутылочки для сакэ, несколько маленьких веток с разноцветными молитвенными бумажками — налево, сразу же за верандой, видимо, протекала река Татэкава. И может быть, ему показалось, но только за задвинутыми сёдзи он даже услышал тихий плеск воды. Справа от ниши, перед комодом, где стояли рядами подношения посетителей: деревянная коробка со сладостями, сидр, кулек сахара, корзинка с яйцами, — занимая всю циновку, громоздко восседала похожая на водяное чудовище бледная одутловатая старуха в одном черном кимоно с распахнутым воротом, с коротко остриженными волосами, приплюснутым носом и большим ртом. Веки ее с редкими ресницами были сомкнуты, отекавшие пальцы рук сплетены. Я сказал, что голос ее напоминал шепот жабы, когда же Синдзо увидел ее, ему почудилось, будто перед ним и в самом деле жаба-оборотень в облике человека и что эта жаба вот-вотдохнет на него ядом. И на что уж Синдзо был отважным человеком, но даже и ему стало жутко, даже показалось, будто лампа над головой потускнела.

Но раз уж Синдзо решился прийти сюда, он твердо произнес: «Прошу вас предсказать мне судьбу. Речь идет о женитьбе». — «О чем? — переспросила старуха, разлепив наконец узкие глаза и приложив руки к уху. И таким же тусклым голосом глумливо хихикнула: — Женщину захотелось?» — «Да, захотелось! Потому и пришел погадать. Иначе кто же сюда...» — сказал он грубо и ухмыльнулся, так же как старуха. Старуха, взмахнув рукой, приложенной к уху, — будто летучая мышь крылом, — прервала Синдзо, чуть усмехнувшись: «Не гневайтесь! Дурная привычка — язвить». И уже другим тоном спросила: «Сколько лет?» — «Мужчине двадцать три, родился в год Курицы».^[159] — «А женщине?» — «Семнадцать». — «Год Зайца, стало быть?» — «Месяц рождения...» — «Не надо. Достаточно и года», — сказала старуха и стала загибать пальцы рук, лежавших на коленях, видимо определяя звезду судьбы. Потом раскрыла глаза с тяжело нависшими веками и, уставившись на Синдзо, угрожающе вскричала: «Нельзя! Нельзя! Не судьба! Не судьба! — И тут же тихо пробормотала, словно разговаривая сама с собой: — Если заключить этот брак, кто-нибудь из двух, мужчина или женщина, распрощается с жизнью». Тут-то Синдзо и осенило: значит, О-Тоси намекала ему о смерти по наущению старухи! Он уже не мог больше сдерживаться. Раздраженно придвинувшись к старухе и дохнув на нее винным перегаром, он надменно бросил: «Пусть не

судьба! Что для влюбленного смерть! Умереть — проще простого! Вспомните: во время бедствий — наводнений, битв и пожаров — любят еще сильнее». Старуха, сузив глаза, насмешливо пробормотала толстыми губами: «Каково женщине, потерявшей мужчину! Но мужчина, лишившись женщины, воет и плачет». «Попробуй только, гадюка, коснись О-Тоси хоть пальцем!» — подумал Синдзо и, злобно глядя на старуху, бросил ей в лицо: «У женщины есть мужчина». — «А у мужчины?» — ухмыльнулась старуха сальными губами, сложив на груди руки. Синдзо рассказывал потом, что он невольно вздрогнул при этих словах старухи. Ему стало жутко, потому что старуха, как видно, бросала ему вызов. Заметив, что Синдзо переменялся в лице, старуха высунула голову из воротника черного кимоно и проквакала: «Сколько бы ты ни думал, ни гадал, у человеческих сил есть свой предел. Брось ерепениться!» И вдруг, сверкнув широко, открытыми глазами, зловеще прошептала, приставив обе ладони к ушам: «Вот и доказательство! Слышишь дыхание?» Синдзо невольно застыл и настороженно прислушался. Однако ничего не услышал, кроме дыхания О-Тоси, приникшей к фусума. «Значит, ты не слышишь дыхания такого же, как и ты, молодца на камнях Исигаси?» — спросила старуха, сверкая глазами, и придвинулась на коленях к нему, так что тень ее, вдруг увеличившись, легла на шкаф позади нее. Синдзо обдало кислым старушечьим духом, и все вокруг: и сёдзи, и фусума, и бутылочки с сакэ, и зеркало, и комод, и дзабутон — все приняло странный, зловещий вид. «Тот молодец, как и ты, ослепленный сладострастием, воспротивился Великому духу Басара, вселившемуся в меня, но его настигла божественная кара, и скоро он лишится жизни. Хороший урок для тебя. Слушай!» Шепот старухи лез в уши Синдзо со всех сторон, будто шорох крыльев целого сонма мух.

И в этот миг ночную темноту за сёдзи прорезал тяжелый всплеск падающего в реку тела. Перепуганный до смерти Синдзо, не в силах более оставаться у старухи, позабыв даже проститься с плачущей О-Тоси, выскочил, шатаясь, из старухино дома.

На другое утро, развернув газету в своем доме на Нихонбаси, он прочел, что прошлой ночью в реку Татэкава бросился человек — это был сын бочара с улицы Камэдзава, причина самоубийства — несчастная любовь. Место происшествия — Исигаси — между Итинобаси и Нинобаси. То ли от нервного перенапряжения, то ли еще от чего, только у Синдзо вдруг сделался жар и он трое суток пролежал в постели, но, само собой, тревога о любимой его не покидала. Теперь он понимал, что О-Тоси не переменялась к нему и что ее внезапный уход из дома и запрещение приходить к ней — все это дело рук старухи О-Сима. Ему стало стыдно, что он усомнился в любви О-Тоси, и удивительно, отчего это старуха О-Сима, до сих пор не питавшая к нему никакой злобы, вдруг учинила такое. Жить в одном доме с ведьмой, которая заставляет человека топиться! Какой это ужас! Разве

можно бросить О-Тоси одну, как высохшую сосновую иголку, чтобы она металась вокруг старого столба в доме, где властвует какой-то Великий дух Басара?! Синдзо заметил, что мысли об этом не дают ему спокойно спать. Поэтому на четвертый день он, как только встал с постели, тотчас же собрался пойти к своему приятелю Тай-сану посоветоваться, но тот сам позвонил ему, чтобы сообщить об О-Тоси. Оказалось, что накануне поздно вечером она пришла в дом Тай-сана. Сказала, что хотела бы увидеться с молодым хозяином и поведать ему обо всем, но позвонить в дом, где она служила, естественно, не может. Просила сообщить об этом молодому хозяину. Синдзо, разумеется, тоже хотел повидать О-Тоси, поэтому, судорожно сжимая трубку, взволнованно закричал: «Где я могу с ней встретиться?» Но обстоятельный Тай-сан начал издали: «Поверь мне, если уж такая застенчивая девушка приходит ко мне, человеку едва ей знакомому, значит, она не в силах справиться со своими чувствами». Мне стало как-то неловко, и я подумал было о чайном домике, но тут же услышал, что она пойдет в баню, чтобы старуха не заподозрила неладное. Правда, сказала она, идти за реку далековато, но другого подходящего места нет... Я предложил ей второй этаж моего дома, но О-Тоси наотрез отказалась — не хочет меня беспокоить. Я подумал, что она не зря стоит на своем, и спросил, нет ли у нее на примете какого-нибудь местечка, тогда она покраснела и тихо проговорила: «Может молодой хозяин прийти завтра на закате на набережную Исигаси? — И добавила: — Свидание под открытым небом не вызовет сплетен». Однако Синдзо было не до смеха. «Значит, на набережной Исигаси?» — нетерпеливо перебил он. «Ничего не поделаешь, так она решила, — был ответ. — Велела прийти между шестью и семью вечера. Когда освободишься, загляни ко мне». Синдзо поблагодарил, сказав, что зайдет. Поспешно положил трубку и стал с нетерпением ждать заката. Считал на счетах, помогал составлять баланс, делал указания насчет подарков по случаю праздника О-Бон. И все время раздраженно поглядывал на стрелки часов, стоявших на конторке.

Когда после тягостного ожидания он наконец улизнул из типографии, было около пяти часов и солнце еще не зашло. Всунув ноги в гэта, приготовленные для него мальчиком на побегушках, он выбрался на покрытую асфальтом — улицу, оставив позади запах свежей краски на плакатах с рекламой новых изданий, и тут случилось нечто странное. Не успел он ступить на асфальт, как прямо перед его носом, почти касаясь полей его соломенной шляпы, пролетели две бабочки. Кажется, их называют «Кавалер ксут». Черные крылья их отливали зловещим зеленоватым блеском. Он проводил бабочек рассеянным взглядом, пока они не исчезли в вечернем небе, будто кто-то снизу подтолкнул их, и вскочил в подвернувшийся, к счастью, трамвай, направлявшийся в Уэно. На Суде он пересел на другой трамвай, сошел перед Кокугиканом. И снова, едва не касаясь полей его

шляпы, мимо пролетели две черные бабочки. Вряд ли бабочки летели следом за ним от Нихонбаси до того места, где он сейчас находился; однако он и на этот раз не обратил на них внимания, и поскольку до встречи оставалось еще время, он решил заглянуть в опрятную харчевню с бамбуковой чашей на вывеске, которую заметил на повороте к Хитоцумэ. В этот день он не выпил и капли сакэ и чувствовал странное стеснение в груди. Съев тарелку холодной гречневой лапши, в сумерках он, словно беглец, скрывающийся от людских глаз, крадучись, выскользнул из харчевни. Только он вышел на улицу, как, словно преследуя его, у самого его носа вспорхнули прямо вверх две черные бабочки, сине-зеленая пыльца как бы отпечаталась на черном бархате их крыльев. Видимо, из-за нервного напряжения ему показалось тогда, что бабочки, коснувшись крылышками его лба, вырисовывались в холодно-прозрачном вечернем воздухе, как большие птицы. И когда он невольно остановился в страхе, они уменьшились в размере и, порхая друг над другом, растаяли у него на глазах в темном небе. Синдзо сказал, что из-за этого странного порхания бабочек он стал сомневаться, идти ему или не идти к Исигаси, не появится ли у него желания кинуться в воду, когда он будет стоять на набережной. Но тревога за жизнь О-Тоси, которая этим вечером должна прийти на свидание, взяла верх. Он сразу же опомнился и поспешил прямо к назначенному месту по улице мимо монастыря Докоин, где людские тени мелькали в сумерках, как летучие мыши. Однако, когда он примчался туда, с неба над набережной, там, где гранитные псы сторожили вход в храм, снова слетели, порхая друг над другом, две черные бабочки с сине-зеленым отливом на крыльях и, влекомые ветром, исчезли у подножия телеграфного столба, где еще было пятно света.

Поэтому, прохаживаясь в ожидании О-Тоси по набережной, он был сам не свой: то снимал шляпу, то снова ее надевал, то доставал из рукава часы и поглядывал на них, и этот час ожидания вызвал в нем раздражения больше, чем время, проведенное за конторкой в типографии. Однако О-Тоси не приходила, и он невольно пошел с набережной по направлению к дому старухи О-Сима и, пройдя с половину тё, увидел справа платную баню. На вывеске с намалеванным большим персиком красовались иероглифы: «Баня „Лепестки персика“ — средство от всех хворей». «Уж не та ли это баня, о которой говорила О-Тоси?» — подумал он. И как раз в это время, откинув норэн,^[160] занавешивающий вход в женское отделение, в сумерки улицы вышла О-Тоси. На ней было то же самое кимоно из темно-синего дешевого касури в белый горошек, перетянутое оби из шерстяного муслина, с рисунком в виде пышных гвоздик. Только лицо ее мило покраснелось после бани и боковые локоны прически «бабочка» блестели — видимо, еще не высохли. Осторожно прижимая к себе ящичек с мокрым полотенцем и мылом, она с опаской оглядывалась по сторонам. Но,

видно, сразу заметив Синдзо, улыбнулась, все еще с тревогой в глазах, и, кокетливо приблизившись к нему, сказала: «Извините, что заставила вас ждать». — «Ну что ты, я нисколько не ждал. Спасибо, что пришла», — ответил Синдзо, и они, не спеша, пошли обратно на набережную Исигаси. Спутница его все еще беспокойно оглядывалась, и он спросил, подтрунивая над ней: «Что это ты? Уж не гонится ли кто за тобой?» — «Ах, извините! Забыла поблагодарить вас за то, что пришли», — сказала О-Тоси, но в голосе ее по-прежнему чувствовалась тревога. Тогда и Синдзо забеспокоился и спросил, что же все-таки произошло. Но О-Тоси, болезненно улыбаясь, лишь твердила: «Вы и не знаете, какой страшной опасности вы подвергли не только меня, но и себя, когда пришли к старухе и попросили ее погадать!» Между тем они подошли к набережной Исигаси, и, увидев гранитных сторожевых псов, О-Тоси вздохнула наконец с облегчением. Синдзо опасливо вошел за нею на набережную и, усаживаясь небрежно на влажный от вечерней росы камень в тени сторожевых псов и радуясь, что они никому не попались на глаза, снова спросил: «Что же угрожает моей жизни? О какой опасности ты говоришь?» О-Тоси молча обвела взглядом темную воду реки Татэкавы, бьющей о каменный парапет, — будто молилась про себя, — потом радостно улыбнулась Синдзо и тихо прошептала: «Теперь уже ничего не случится. Раз мы дошли до этого места». Синдзо, словно заколдованный, молча уставился на О-Тоси. И когда О-Тоси, усевшись с ним рядом, сбивчиво обо всем рассказала, Синдзо наконец понял, какого страшного врага они себе нажили. И не мудрено, что О-Тоси боялась за их жизнь.

Люди думали, что старуха О-Сима — мать О-Тоси, на самом же деле она приходилась ей дальней теткой, и родители О-Тоси, когда были живы, даже не общались с ней. Отец О-Тоси, потомственный плотник, строитель храмов, бывало, говаривал: «Поверьте моему слову, эта самая Сима — не человек. Если я вру, взгляните на ее бока. Непременно увидите рыбы чешуйки». А когда встречал ее на улице, тут же высекал из огнива огонь и посыпал землю солью.^[161] Вот до чего доходило! Незадолго до смерти отца у старухи О-Сима появилась воспитанница, болезненная девочка-сирота, которая приходилась племянницей матери О-Тоси и с детства была подружкой О-Тоси, и, естественно, установились какие-то родственные связи между домом О-Тоси и домом старухи О-Сима. Но и это продолжалось всего год-два, потому что вскоре у О-Тоси умерла мать. Ни братьев, ни сестер, которые могли бы позаботиться о девочке, не было, и не прошло и ста дней,^[162] как О-Тоси определилась в услужение в дом Синдзо на Нихонбаси. Связь со старухой О-Сима, таким образом, оборвалась. Почему О-Тоси снова стала навещать старуху О-Сима, я расскажу потом.

О-Тоси ничего не знала о прошлом старухи О-Сима, хотя, конечно, могла спросить об этом у покойного отца, только слышала от матери или еще от кого-то, что О-Сима была раньше жрицей, обладавшей

способностью сноситься с душами умерших, но к тому времени, когда с ней познакомилась О-Тоси, она занималась уже заклинаниями и гадала с помощью таинственной силы Великого духа Басара. Происхождение этого Великого духа Басара было так же туманно, как и самой старухи О-Сима. Ходили разные слухи: кто говорил, что это тэнгу, кто думал, что это лиса. О-Тоси же считала, что дух этот непременно должен быть обитателем подводного царства. Недаром же старуха О-Сима всякую ночь, как пробьет два часа, спускается по лестнице с веранды с обратной стороны дома, погружается в воду реки Татэкавы по самую шею и сидит там более получаса. В такую хорошую погоду, как сейчас, это куда ни шло, но она ведь и в холодные дни, когда идет снег попеременно с дождем, в одной набедренной повязке, словно выдра с человеческим лицом, плюхается в воду. Однажды О-Тоси, забеспокоившись о ней, взяла фонарь и, открыв калитку, осторожно заглянула в реку. И что же она увидела? В темной воде, казавшейся еще чернее из-за того, что на крышах амбаров, выстроившихся в ряд на другом берегу, лежал белый снег, словно плавучее гнездо какой-нибудь птицы, торчала коротко остриженная голова, старухи. Деяния же старухи — заклинания и гадания — имели свои последствия. За деньги она наслала смерть на родителей, мужей и братьев многих, да всё, говорят, хороших людей. Ведь погубила же она без всякой жалости юношу в угоду одному богатому рисоторговцу, который влюбился в ту же гейшу с Янагидабаси, что и этот юноша. И может, какая в том есть тайная причина, неизвестно, только никакие ее заклинания не могут причинить вреда людям, которые находятся в том месте, где, как вот на этой набережной Исигаси, кто-нибудь да погиб по ее воле. Более того, даже она, ясновидящая, не может увидеть ничего, что творится в таком месте. Поэтому-то О-Тоси нарочно вызвала Синдзо на набережную Исигаси.

Отчего же старуха О-Сима так ожесточенно препятствовала любви О-Тоси и Синдзо? Дело в том, что один биржевой маклер, который с весны повадился ходить к старухе гадать о курсе акций, заметил красоту О-Тоси и, посулив старухе большие деньги, добился ее обещания отдать О-Тоси ему в жены. Если бы все обстояло только так, дело можно было бы уладить деньгами. Но была еще одна удивительная причина ее упорства — старуха О-Сима не смогла бы ни гадать, ни предсказывать, уйди от нее О-Тоси. Когда она приступала к ворожбе и заклинаниям, прежде всего она вселяла духа Басара в О-Тоси и получала его указания из уст О-Тоси. Казалось бы, чего проще: разговаривай сама с духом. Так нет. Оказывается, тот, кто входит в состояние, когда не различают уже, где сон, где явь, и начинает общаться с неведомым людям миром, — очнувшись, совершенно не помнит, что с ним было и с кем он беседовал. Так что старуха поневоле должна была вселять духа Басара в О-Тоси и из ее уст получать его повеления. А раз так, посудите сами, могла ли старуха О-Сима

расстаться с девушкой? Однако биржевой маклер метил дальше: по-видимому, он хотел и похоть ублажить, и набить карман. Когда О-Тоси станет его женой, рассуждал он, старуха непременно последует за ней. Тогда он заставит старуху бесплатно предсказывать ему биржевой курс, и он сможет стать королем биржи. А каково О-Тоси? Хотя она и делала все во сне, но старуха вершила свои злодеяния, все же следуя ее словам. О-Тоси чувствовала смутную тревогу, подозревая, что ее используют в злодейских целях. Этого не понять тому, кто не имеет совести. Воспитанницу свою, ту, о которой я говорил раньше, старуха О-Сима как взяла в дом, так все время терзала, вселяя в нее духа Басара, и девочка, без того уже слабая здоровьем, совсем зачахла. В конце концов, измученная угрызениями совести, она повесилась, когда старуха спала. И О-Тоси отпросилась уйти из дома Синдзо как раз тогда, когда умерла воспитанница старухи. Видно, старуха под предлогом, что должна передать ей предсмертное письмо, оставленное подружкой детства, хотела поскорее приспособить О-Тоси вместо умершей воспитанницы. Так она ловко заманила О-Тоси к себе в дом, а там стала угрожать, что убьет, но ни за что не отпустит. О-Тоси, которая была обручена с Синдзо, хотела в тот же вечер убежать от старухи, но старуха была настороже. О-Тоси часто поглядывала за решетчатую дверь, но всякий раз видела там огромную змею, свернувшуюся толстыми кольцами, и не осмеливалась сделать и шагу. И потом она пыталась улизнуть, уловив момент, однако все время наталкивалась на препятствия и не могла осуществить свое намерение. Тогда она решила, что это не иначе как предопределение судьбы, и волей-неволей покорилась старухе.

Однако после прихода Синдзо, когда старуха узнала об их отношениях, и без того жестокая, она стала еще больше мучить О-Тоси. Она била ее и щипала, странным образом подвешивала ее глубокой ночью в пустоте за руки, обвивала ее шею змеями, — словом, измывалась над бедной девушкой так, что у Синдзо волосы дыбом встали от страха, когда он представил себе это. Но горше всего было слышать, что старуха в промежутках между пытками, ехидно ухмыляясь, злобно пугала О-Тоси, говоря, что если та не перестанет думать о Синдзо, то, даже лишив его жизни, она не отпустит ее от себя. О-Тоси совсем отчаялась от всего этого и надумала было покончить с собой, но мысль о том, что с Синдзо может случиться непоправимое, привела ее в ужас, и она решила обо всем поведать Синдзо без утайки. Однако, подумав о том, что Синдзо, узнав о ней такие ужасные подробности, может проникнуться презрением и отвращением к ней, женщине, которая невольно совершает страшные злодеяния, она прибежала к Тай-сану. Из всего этого можно представить себе, в каком смятении была ее душа.

Окончив рассказ, О-Тоси подняла свое бледное лицо и, глядя в глаза Синдзо, сказала: «Как ни горько, как ни печально, но, раз уж

такая у меня судьба, давай расстанемся, как будто между нами ничего и не было...» И не в силах сдержать охватившее ее отчаяние, она припала к коленям Синдзо и, закусив рукав, заплакала. Синдзо сильно огорчился. Глядя О-Тоси по плечу, он то увещевал ее, то подбадривал, но, к сожалению, не мог придумать способа избавиться от старухи О-Сима и спасти их любовь. Однако показывать слабость перед О-Тоси было бы некстати, и поэтому он сказал уклончиво и нарочито бодрым голосом: «Ну зачем же так беспокоиться? У нас еще есть время, что-нибудь придумаем». О-Тоси перестала плакать, подняла голову с колен Синдзо и с тоскою в голосе неуверенно сказала: «Время-то есть, но вряд ли что-нибудь можно сделать. Старуха сказала, что послезавтра ночью снова вселит в меня духа Басара, и если я тогда нечаянно проговорюсь...» Тут Синдзо вздрогнул и совершенно пал духом. Раз это произойдет послезавтра, надо срочно найти какой-нибудь выход. Иначе на него самого и на О-Тоси обрушится непоправимое несчастье. Но как за это короткое время обуздать зловещую старуху?! Обратиться в полицию? Однако преступления, совершаемые в потустороннем мире, не подлежат наказанию по закону. Воззвать к общественному мнению, рассказав всем о злодеяниях старухи О-Сима? Оставят без внимания, как смехотворное суеверие. И Синдзо ничего не оставалось, как молча стоять, сложив на груди руки. Некоторое время тянулось это тягостное молчание. Потом О-Тоси подняла полные слез глаза и, глядя на темное небо с тусклыми звездами, прошептала: «Лучше бы мне умереть!» И вдруг, словно испугавшись чего-то, боязливо огляделась вокруг и сказала, как человек, совершенно измученный душой и телом: «Пойду я. А то старуха снова будет мучить меня, если поздно вернусь». И точно, прошло, пожалуй, уже полчаса, как они пришли туда. Их окружала сумеречная мгла, напоенная запахом прилива, гора дров на другом берегу реки и лодки, привязанные у этой горы, слились в один безбрежно-синий цвет, и только вода реки Татэкавы волнисто белела, как брюхо большой рыбы. Синдзо обнял О-Тоси за плечи и, нежно целуя, ободрил, как мог: «Приходи сюда завтра вечером. А я до тех пор раскину умом, да что-нибудь и придумаю». Вытирая слезы на щеках влажным полотенцем, О-Тоси молча кивнула с печальным видом. Затем, грустно поднявшись с каменного парапета, она хотела было направиться с Синдзо, тоже очень огорченным, к пустынной улице, мимо сторожевых псов у храма, но слезы снова вдруг хлынули из ее глаз, и, опустив уныло голову, отчего, — даже в темноте, стал виден ее красиво очерченный затылок, она снова грустно прошептала: «Ах, лучше бы мне умереть». И тут у того самого столба, где недавно исчезли две черные бабочки, смутно выплыл из темноты большой человеческий глаз. Величиной в три сяку, без ресниц, мутный, подернутый синеватой пленкой, глаз глядел из темноты, не прикрепленный ни к чему. Он появился вдруг, как пузырек пены на воде, потом немного отплыл в сторону над землей и застыл. И вдруг его

грязноватый, цвета копоты с желтизной, зрачок скосил в уголок. И странно: несмотря на то что глаз этот смутно вырисовывался в полной темноте улицы, он излучал какой-то зловещий блеск. Синдзо, сжав кулаки и заслонив собой О-Тоси, с ужасом вперил взгляд в этот чудовищный призрак. Спина его вдруг похолодела, словно по ней пробежал ледяной ветер, и дыхание остановилось. Он хотел было закричать, но не издал и звука. К счастью, Синдзо, по-видимому, устоял в глаз со всей злобой и ненавистью, на которую был способен, и глаз постепенно потускнел, захлопнул свое большое, как ракушка, веко, и странное видение у столба исчезло. Только, показалось ему, что-то похожее на черную бабочку вспорхнуло и улетело. Возможно, это была летучая мышь, коснувшаяся крылом земли. Синдзо и О-Тоси, словно очнувшись от дурного сна, переглянулись, совершенно бледные, и, прочитав в глазах друг у друга отчаянную решимость, невольно крепко схватились за руки и задрожали как осиновые листья.

Некоторое время спустя Синдзо, все еще с дикими глазами, сидел в прохладной задней гостиной у Тай-сана и рассказывал тихим шепотом о чудесах, с которыми он столкнулся этим вечером. И черные бабочки, и тайна старухи О-Сима, и огромный глаз в темноте — все это покажется современным молодым людям совершенным вздором. Однако Тай-сан, ожидавший услышать рассказ о таинственной силе старухиных заклинаний, несколько не удивился; затаив дыхание, он внимал гостю, угощая его мороженым. А тот продолжал: «Когда таинственный глаз исчез, О-Тоси, побледнев как полотно, сказала: „Что же делать? Старухе уже известно, что мы встретились“. Тогда я твердо заявил: „Раз уж так все, получилось, считай, что между нами и старухой началась война. Так что, узнала она или нет — не все ли равно“. Хуже всего то, что завтра я назначил О-Тоси свидание на той самой набережной Исигаси. Но если старуха заметила сегодняшнее ее отсутствие, вряд ли она отпустит ее завтра. И пусть даже мы придумаем план спасения О-Тоси из когтей старухи за эти два дня — если не удастся мне завтра вечером увидеть О-Тоси, план этот так и не будет осуществлен. Мне кажется, что я забыт и богами и буддой. Как я шел к тебе, расставшись с О-Тоси, уж и не знаю!» И Синдзо, окончив рассказ, словно опомнившись, стал обмахивать себя веером, с тревогой глядя в лицо Тай-сана. А Тай-сан, несколько не удивляясь, смотрел, как тихо кружится на ветру папоротник, свисающий с козырька крыши, и наконец, обратив взор на Синдзо, сказал, сдвинув брови: «Значит, чтобы достигнуть цели, ты должен выполнить три задачи: во-первых, благополучно, — да, благополучно, — вырвать О-Тоси из рук старухи О-Сима; во-вторых, сделать это непременно до послезавтра, для чего завтра нужно увидеться с О-Тоси. Если будут осуществлены первая и вторая задачи, третья сама собой отпадет». — «Как это?» — уныло спросил Синдзо. Тогда Тай-сан сказал с поразительным хладнокровием:

«Не беспокойся. Ты не встретишься, я...» Но тут же осторожно огляделся вокруг и, обратив все в беспечную шутку, сказал: «Давай-ка лучше подержим это в секрете. Похоже, старуха расставила вокруг тебя крепкие сети. Лучше держать язык за зубами. Думаю, что и с первой и со второй задачей мы справимся. Во всяком случае, поручи это дело мне. А сегодня пей пиво да набирайся мужества». Синдзо слушал его с раздражением и нетерпением, но когда стал пить пиво, случилось нечто, отчего можно было подумать, что предосторожность Тай-сана была не лишней. Когда они начали разговаривать о том о сем, Тай-сан заметил, что на подносе Синдзо вместе с тарелочкой копченой кеты стоял стакан, до краев наполненный пивом, и пена уже осела. Он поднял бутылку с каплями влаги на дне и сказал весело: «Давай-ка осушим по стаканчику». Синдзо, ничего не подозревая, поднял стакан и собирался было выпить его залпом — в блестящей поверхности пива в стакане отразилась электрическая лампочка, висевшая на потолке, и дверь, — тут он увидел, что на какое-то мгновение там же появилось странное человеческое лицо. И не просто странное человеческое лицо, непонятно было, человек это или животное; не то птица, не то зверь, а может быть, змея или лягушка. И даже не все лицо, а только верхняя его часть, и эта часть с глазами и носом, словно пытаясь заглянуть через плечо Синдзо в его стакан, загородила свет лампочки, бросив отчетливую тень на стену. Все это длилось какие-то секунды, хотя рассказываю я долго. Глаза непонятного существа из стакана с темным пивом быстро взглянули в глаза Синдзо. И тут же исчезли. Синдзо поставил стакан с пивом, которое собирался выпить, обратно на столик и с опаской оглянулся. Лампочка светила, как и прежде, колыхались на ветру пучки папоротника, свисавшие с козырька крыши, никакого загадочного существа в этой прохладной комнате не было. «Что случилось? Муха попала?» — спросил Тай-сан, и Синдзо, вытерев пот с лица, нехотя ответил: «Знаешь, какое-то странное лицо отразилось в стакане». — «Странное лицо?» — переспросил Тай-сан и заглянул в стакан Синдзо. Разумеется, он ничего не увидел теперь, кроме своего собственного лица. «Может быть, тебе почудилось? Какой бы ни была старуха ясновидицей, но до моего дома ей не дотянуться!» — «Да ты сам только что сказал, что она раскинула плотную сеть вокруг меня!» — «Что верно, то верно, и все же... и все же она вряд ли стала бы отхлебывать из твоего стакана. Поэтому пей спокойно». Так Тай-сан пытался всячески подбодрить впавшего в уныние приятеля. Однако Синдзо становился все мрачнее и мрачнее и наконец, даже не пригубив стакан, стал собираться домой. Тогда Тай-сан, делать нечего, распрощался с ним ласково, наказав не падать духом и ехать на такси, а не на трамвае, потому что так надежнее.

В ту ночь Синдзо хоть и спал, но все время его мучили кошмары — ему снились какие-то странные сны. И как только настало утро, он тотчас же позвонил Тай-сану, чтобы поблагодарить за заботу. Трубку

поднял приказчик из лавки Тай-сана и сказал: «Хозяин рано утром куда-то уехал». Синдзо подумал, что Тай-сан уехал, вероятно, к старухе О-Сима, но спросить об этом прямо не смог, да если бы и спросил, вряд ли приказчик мог что-нибудь знать, и, хорошенько наказав приказчику передать хозяину, чтоб позвонил ему, когда вернется, повесил трубку. Перед полуднем Тай-сан позвонил Синдзо — оказалось, он, как и задумал, ходил утром к старухе О-Сима справиться о расположении своего дома.^[163] «К счастью, я видел О-Тоси и тихонько передал ей записочку со своим планом. Ответ должен быть завтра. Во всяком случае, О-Тоси, видимо, согласится, потому что дело не терпит отлагательств», — сказал Тай-сан. Синдзо, чувствуя, что все как будто налаживается, захотел узнать о намерениях Тай-сана. «Что же ты задумал?» — спросил он, но Тай-сан, как и прошлым вечером, усмехнувшись, сказал: «Подожди денька два-три. Мы же имеем дело со старухой, так что надо быть начеку. Давай-ка я тебе сам позвоню. До свидания!» Переговорив по телефону, Синдзо, как обычно, сел за конторку. Думая, что в эти два дня решится судьба его и О-Тоси, он не ощущал ни уныния, ни нетерпения, ни радости, а только странное возбуждение. Ему не хотелось брать в руки ни тетради, ни счетов. И под предлогом, что у него все еще держится жар, он ушел после полудня на второй этаж и лег спать. Но его все время беспокоила мысль, что кто-то неотступно следит за каждым его шагом. Эта мысль неотвязно преследовала его, спал ли он или бодрствовал. Часов около трех пополудни ему показалось, что у лестницы наверху кто-то сидит на корточках и смотрит на него сквозь решетчатую дверь. Он вскочил и пошел взглянуть, кто бы это мог быть. Но там никого не оказалось. На блестящем, хорошо отполированном полу неясно отражалось лишь небо за окном.

На следующее утро Синдзо не находил себе места, ожидая телефонного звонка Тай-сана. Его позвали к телефону в то же самое время, что и вчера. Еще более бодрым, чем накануне, голосом Тай-сан торжествующе повел речь: «Ну вот, у меня уже есть ответ О-Тоси. Все идет по моему плану. Как я получил ответ? Да сам явился к старухе якобы по делу. О-Тоси сразу же вышла, как я просил в записке, и незаметно сунула мне ответ. Славно так написано хираганой: „Согласна“». ^[164] Так Тай-сан разглагольствовал, но на этот раз почему-то в их разговор вклинился еще какой-то голос. Слов было не разобрать, но, в отличие от ясного голоса Тай-сана, это был гнусавый, слабый, задыхающийся тягучий шепот. Он влез в разговор, будто мрак в солнечную погоду, и тягуче лился из телефонной трубки. Сначала Синдзо подумал было, что это на линии помехи, и, не обращая на них внимания, торопил Тай-сана, весь поглощенный вестью о любимой. «А потом, что же потом?» — подгонял он Тай-сана. Между тем этот странный голос услышал, по-видимому, и Тай-сан. «Что это за шум? У тебя?» — спросил он. «Да нет. У меня тихо. Помехи, наверно», —

ответил Синдзо. Тай-сан щелкнул с досады языком: «Положи трубку, я перезвоню». Он звонил раза три, коротко переговорил с телефонисткой, соединился снова как положено, но брызжащий голос, похожий на жабий шепот, не исчез. Наконец Тай-сан пришел в себя и продолжил рассказ: «Ничего не поделаешь. Видно, где-то повреждение. Вернемся к предмету разговора. Раз О-Тоси согласилась, думаю, все успешно закончится, как и задумано. Жди спокойно вестей». Синдзо, тревожась о том, что там придумал Тай-сан, спросил его снова, как и вчера: «Что же ты собираешься делать?» — но Тай-сан отделался шуточкой: «Подожди еще денек. Думаю, завтра в это же время непременно тебе сообщу. И не спеши. Представь себе, что ты плывешь на большом корабле. Ведь есть же поговорка: „Хороших вестей жди лежа“». И не успел затихнуть его голос, как до слуха Синдзо вдруг донесся тусклый шепот: «Брось ерепениться!» Голос явно насмеялся над ним. «Что это? Этот голос?!» — невольно воскликнули разом Синдзо и Тай-сан, но в трубке все смолкло, гнусавый шепот прекратился. «Плохо дело. Это же старуха! Может статься, что наш план... Ну, ладно. Завтра поглядим». В голосе Тай-сана звучало явное смятение. Раз уж старуха О-Сима стала совать нос в их телефонные разговоры, она, несомненно, заметила и тайную переписку между Тай-саном и О-Тоси. Значит, беспокойство Тай-сана не напрасно. Если старуха узнала о плане Тай-сана, все пропало. И то, что он даже не знает этого плана, ничего не изменит. Положив трубку, Синдзо в расстроенных чувствах рассеянно поднялся на второй этаж и до заката солнца смотрел оцепенело на голубое небо за окном. А в небе — может, это ему и казалось, оттого что он был не в себе, — кружили стаи мрачных черных бабочек, словно плели какой-то зловещий цветной узор. Однако Синдзо был так измучен и душой и телом, что даже не почувствовал всей странности этого явления.

В ту ночь он снова маялся кошмарами и не смог хорошенько выспаться. Однако на рассвете у него отлегло от сердца, и, съев наспех завтрак, показавшийся ему безвкусным, словно песок, он тут же позвонил Тай-сану. «Ты что так рано! Не слишком ли жестоко будить меня в такую рань? Ведь ты знаешь, я люблю поспать утром!» — недовольно сказал Тай-сан сонным голосом. Но Синдзо, не отвечая ему, твердил, будто капризный ребенок: «Вчерашний телефонный разговор лишил меня покоя, и я не могу сидеть дома. Сейчас еду к тебе. Наш разговор тревожит меня. Ты меня понял? Я немедленно еду к тебе». Услышав возбужденный голос Синдзо, Тай-сан нехотя сказал: «Ну, приезжай. Жду». Едва окончив говорить, Синдзо с озабоченным лицом бросился вон из типографии, не сказав встревоженной матери, куда он идет.

На небе клубились темные тучи, а на востоке, в разрывах между ними, полыхали медным цветом облака. Сильно парило, и было душно. Разумеется, Синдзо было не до того, чтобы обратить на это внимание,

он тотчас же вскочил в трамвай, к счастью пустой, и уселся в середине вагона. Может, вновь сказалась усталость, которая отпустила его на время, или еще отчего-нибудь, — только Синдзо опять помрачнел, а голова заболела так сильно, что даже соломенная шляпа, казалось, сжимает ее, будто клещи. Пытаясь как-то отвлечься, он поднял глаза, до того устремленные лишь на кончики гэта, и огляделся. И что же? Трамвай тоже был каким-то странным: кожаные ремешки, свешивавшиеся с потолка по обеим сторонам вагона, качались, словно маятники, от движения трамвая, и только те ремешки, что висели над головой Синдзо, собрались в кучку и висели неподвижно. «Странно как-то», — подумал Синдзо, но не придавал этому особого значения. Мало-помалу им вновь стало овладевать противное ощущение, что кто-то следит за ним. Он решил пересесть, чтобы уйти от этих неподвижных ремней, и занял свободное место в углу на другой стороне. Однако, взглянув случайно наверх, увидел, что качавшиеся ремни внезапно остановились, словно их перевесили, а те, что висели неподвижно, будто радуясь свободе, принялись сильно раскачиваться. Синдзо охватил невыразимый страх. Он даже забыл о боли и, невольно ища спасения, обвел глазами лица пассажиров, и тут старушка, сидевшая напротив и наискосок от него, высунула голову из воротника своего черного хифу^[165] и пристально взглянула на него сквозь очки в зеленой оправе. Конечно, она не имела никакого отношения к старухе-прорицательнице, но Синдзо, поймав на себе ее взгляд, вспомнил бледное одутловатое лицо старухи О-Сима и не мог усидеть на месте. Сунув билет кондуктору, он быстрее карманного воришки, пойманного за руку, прыгнул с трамвая. Трамвай мчался с большой скоростью, и поэтому, когда ноги его коснулись земли, с головы слетела шляпа. Ремешки гэта лопнули. Он упал ничком на землю. Ободрал коленку. И если бы в ту же секунду не вскочил на ноги, его переехала бы машина, вывернувшаяся неизвестно откуда в облаке пыли. Весь в грязи, окутанный гарью бензина, на желтом заднем борту проскочившей мимо машины он увидел черную бабочку — торговый знак фирмы, и тут понял, что бог спас его от смерти.

Случилось это происшествие неподалеку от остановки Куракакэбаси. К счастью, ему попался свободный рикша. Он кое-как вполз в тележку и, все еще не в себе, покатил к Хигасирегоку. Сердце его учащенно билось, содранные колени болели, и вдобавок, напуганный происшествием, он все время опасался, как бы не перевернулась тележка, в которой он сидел, так что был ни жив ни мертв. К тому же, когда рикша подвез его к Регокубаси, он, увидев, что в небе над Кокугиканом — черные облака, подернутые серебристой дымкой, а на водной глади широкой реки — голубоватые, как крылья бабочек сидзими, паруса, впал в мрачное уныние, полагая, что близок час его смертной разлуки с О-Тоси, и невольно слезы наполнили его глаза. Поэтому, когда рикша перебежал через мост и опустил

наконец свои оглобли у ворот дома Тай-сана, душа его словно окаменела: он уже не знал, то ли ему радоваться, то ли печалиться. Всунув в руки ошеломленного рикши непомерно большую горсть монет, он тут же нырнул в лавку Тай-сана.

Увидев лицо Синдзо, Тай-сан чуть ли не за руку потащил его в заднюю гостиную и, заметив ссадины на руках и ногах приятеля и порванное хаори, изумлённо спросил: «Что с тобой?! Ты в таком виде?!» — «С трамвая упал, — ответил Синдзо. — Выпрыгнул у Куракакэбаси и встал на четвереньки». — «Должен же быть предел глупости! Ты ведь не из деревни. А для чего тебе понадобилось там выпрыгивать?» — спросил Тай-сан. Тут Синдзо поведал Тай-сану о чудесах, которые произошли с ним в трамвае. Тот выслушал все от начала до конца, непривычно для него нахмурился и пробормотал себе под нос: «Да, плохи наши дела. Уж не попалась ли О-Тоси?» Услышав имя О-Тоси, Синдзо вдруг заволновался и строго спросил: «Что значит попалась? Какое дело ты поручил ей?» Но Тай-сан, не отвечая, продолжал смущенно бормотать: «Возможно, это моя вина. Если бы я не проговорился тебе по телефону, что передал ей записку, старуха не пронюхала бы о моем плане». И Тай-сан даже вздохнул от огорчения. Терпение Синдзо лопнуло, и он закричал сердито, дрожащим голосом: «Будет очень жестоко с твоей стороны, если ты сейчас же не расскажешь о своем плане. Из-за тебя я страдаю вдвойне». — «Конечно, вдвойне страдаешь, — сказал Тай-сан, успокаивая его жестом. — Вдвойне. И я хорошо понимаю тебя. Но знай, это неизбежно. Ведь у нас такой враг, как старуха. Я и вправду думаю: промолчи я о записке, которую передал О-Тоси, дела наши, возможно, шли бы теперь лучше. Потому что старуха следит за каждым твоим шагом, а после того разговора по телефону и с меня глаз не спускает. Но со мной таких чудес, как с тобой, еще не бывало, так что я буду держать все у себя в голове, сколько бы ты ни сердился, пока не узнаю совершенно точно, что мой план не удался». Тай-сан утешал и утешал Синдзо, тот же, все еще беспокоясь об О-Тоси, сердито сдвинув брови, напал на Тай-сана: «Не случилось ли все же какого-нибудь несчастья с О-Тоси?» На что Тай-сан лишь промычал неопределенно: «Гм!» — и задумался. Потом спохватился и, быстро взглянув на настенные часы, сказал: «Что-то мне тревожно. Давай-ка, не заходя в дом к старухе, походим там около, поглядим». Синдзо, конечно, тотчас же согласился. Потому что тоже не мог больше сидеть сложа руки, не находил себе места. Через каких-нибудь пять минут они в хаори поспешно вышли из дома Тай-сана.

Но не прошли они и полквартала, как услышали за спиной топот. Оба сразу обернулись, однако подозрительного никого не обнаружили — мальчик из лавки Тай-сана бежал за хозяином, таща на плече зонтик «змеиный глаз». «Зонтик, что ли, принес?» — «Ага, приказчик велел взять — похоже, дождь будет». — «Мог бы и для гостя захватить!» — натянуто улыбнувшись, сказал Тай-сан. Мальчик растерянно почесал в

затылке и, неуклюже поклонившись, со всех ног помчался обратно в лавку. И действительно, над головой громоздились черные ливневые облака, а небо, просвечивающее кое-где сквозь них, было зловеще-холодного, как блестящая сталь, цвета. Синдзо, шагая рядом с Тай-саном, заметив цвет неба, опять подумал о мрачном предзнаменовании и молча ускорил шаг в темноте, не поддерживая беседы со спутником. Тай-сан мелко трусил за ним, озабоченно вытирая пот, но потом это ему надоело, и он не спеша пошел следом под зонтиком, поглядывая иногда с жалостью на спину друга. У Итинобаси они свернули влево, и когда пришли к набережной Исигаси, где Синдзо и О-Тоси видели в сумерках огромный глаз, сзади их нагнал рикша. Он промчался мимо Тай-сана, и когда Тай-сан увидел человека, сидящего в коляске, он вдруг нахмурился и громко окликнул Синдзо: «Эй, остановись!» Синдзо поневоле остановился, неохотно оглянулся на друга и спросил недовольно: «Ну что там?» Тай-сан поспешно догнал его и задал ему странный вопрос: «Ты видел лицо человека, который только что проехал на рикше?» — «Видел. Худощавый мужчина в темных очках», — ответил Синдзо и снова зашагал вперед. Тай-сан, не отступая, сказал вдруг многозначительно: «Знаешь, это мой постоянный клиент, биржевой игрок по прозванию Кагисо. Я думаю, уж не он ли имеет виды на О-Тоси? Не то чтобы я был очень уверен, однако мне почему-то так показалось». — «Показалось, наверно», — бросил Синдзо уныло, шагая мимо той самой бани «Лепестки персика», не глядя на вывеску. Но Тай-сан, указывая зонтиком, куда идти, сказал: «Нет, не показалось. Взгляни! Рикша остановился у дома старухи». И он торжествующе посмотрел на Синдзо. И действительно, тот самый рикша, что пробежал мимо них, сидел теперь между оглоблями своей коляски, задом к ним, с золотым гербом на спине, под низко свесившимися ветвями ивы, ожидавшей дождя.

При виде рикши унылое лицо Синдзо немного оживилось, но он все так же монотонно и скучно ответил: «Ведь у старухи не только Кагисо бывает, другие биржевые маклеры тоже заходят погадать». Тем временем они уже поравнялись с лавкой штукатур, соседней с домом старухи О-Сима. Не настаивая на своей версии, Тай-сан не спускал глаз с окрестностей, и словно прикрывая собой Синдзо, пошел рядом с ним. Прижавшись друг к другу плечами, они прошли мимо дома старухи О-Сима. Не поворачивая головы, искоса взглянули на дом, пытаясь заметить что-нибудь необычное, но не увидели ничего, кроме коляски рикши, на которой приехал маклер. Теперь они видели ее вблизи: рикша с окурком сигареты за ухом читал газету, сидя посреди глубокой колеи, оставленной резиновыми шинами как раз напротив отверстия для стока воды из дома штукатур. Все остальное: и бамбуковое решетчатое окно, и замызганная решетчатая входная дверь, и камышовая дверь были совершенно такими, как прежде, не изменился и цвет старых сёдзи, и в доме было тихо, как в дремучем лесу, точно

так же, как и на днях. Хоть бы мелькнул случайно рукав скромного темно-синего кимоно О-Тоси! Они прошли мимо дома старухи О-Сима к соседней лавке хозяйственных товаров. Их душевное напряжение нисколько не уменьшилось, наоборот, они были сильно удручены оттого, что надежды их рухнули.

Однако, когда они приблизились к хозяйственной лавке, заваленной свертками туалетной бумаги фирмы «Асакуса», мочалками в виде черепахи, порошками для мытья головы и завешанной большими красными фонарями с надписью «Ароматические палочки от москитов», они увидели... О-Тоси, которая стояла в лавке и разговаривала с дочерью хозяина. Они переглянулись и не долго думая бодро бросились с развевающимися подолами хаори прямо в лавку. Почувствовав, что кто-то вошел, О-Тоси обернулась, и бледные щеки ее слегка порозовели, но она постаралась скрыть свое волнение от дочери хозяина лавки. Стоя под ветвями ивы, спускавшимися прямо ей на плечи, она, с трудом сдерживая радость, лишь воскликнула удивленно: «Ах, это вы?» И тогда Тай-сан, стараясь быть спокойным, слегка прикоснулся к своей соломенной шляпе и как ни в чем не бывало спросил: «Ваша матушка дома?» — «Да», — ответила О-Тоси. «А вы почему тут?» — «Я вышла купить писчей бумаги, гость попросил...» — промолвила О-Тоси, и еще не успела договорить, как в лавке, затененной ветвями ивы, стало вдруг еще темнее и по красным фонарям с рекламой курений против москитов вдруг резко хлестнули косые холодные нити дождя. Листья ивы затрепетали, и тут же грянул гром. Воспользовавшись этим, Тай-сан, выскакивая из лавки, весело засмеялся, глядя на О-Тоси и дочь хозяина лавки, и сказал: «Не могли бы вы передать матушке, что я пришел к ней погадать, спросил ее у ворот, но никто не откликнулся, — видно, важный гость у нее заболтался». Разумеется, ничего не зная дочь хозяина лавки не должна была заметить, как ловко разыграл он спектакль. «Тогда иди скорее, О-Тоси!» — поторопила она девушку, а сама, подгоняемая дождем, стала убирать красные фонари с рекламой курений против москитов. «Пока, тетушка!» — сказала О-Тоси и вышла из хозяйственной лавки вместе с Тай-саном и Синдзо. Не останавливаясь у дома старухи, они поспешили к Хитоцумэ, загораживаясь от крупных капель дождя зонтом. По правде говоря, несколько минут не только влюбленные, но и обычно не унывающий Тай-сан думал, что наступил самый решительный момент, когда жребий брошен и надо ждать, что выпадет: чет или нечет. До набережной Исигаси они, словно сговорившись, шли молча, опустив глаза, не обращая внимания на усилившийся ливень.

Между тем они подошли к сторожевым псам, и Тай-сан, подняв голову, обернулся к влюбленным: «Это, говорят, самое безопасное место, так что переждем тут дождь». Укрывшись зонтом, они прошли между нагромождениями камней к навесу в углу набережной,

покрытому циновкой. Дождь усилился и висел сплошной белой пеленой, так что не было видно противоположного берега реки, и одна циновка, конечно, не спасла бы их. Кроме того, капли дождя, впитавшие запах влажной земли, проникая под навес, обволакивали их, как туман. Поэтому, не закрывая зонта, они уселись рядышком на полуобтесанный камень, напоминающий столб ворот, и Синдзо тут же заговорил: «О-Тоси, а я думал, что больше уже не увижу тебя». Тут сквозь пелену дождя снова зигзагом сверкнула бледная молния и, словно разверзая облака, грянул гром. О-Тоси невольно опустила голову с прической «бабочка» на колени и некоторое время сидела, не двигаясь. Потом, подняв мертвенно-бледное лицо и устремив безжизненные глаза на струи дождя за циновкой, тихо сказала: «Я уже совсем решила». «Самоубийство!» — будто фосфором выжгло эти слова в мозгу у Синдзо. Тай-сан, сидя между ними с большим зонтом, озираясь по сторонам, добрым голосом воскликнул: «Выше голову! И ты, О-Тоси, не унывай. Смотрите! В такое время бог смерти любит шастать по углам. И к тому же гость, который сидит у старухи, — биржевой маклер Кагисо. Я слышал краем уха, что это тот самый маклер, который хочет взять тебя в жены, О-Тоси. Не так ли?» Тем самым Тай-сан повернул разговор в нужную сторону. И О-Тоси, словно очнувшись ото сна, взглянула ясными глазами на Тай-сана и с досадой ответила: «Да, это он». — «Гляди-ка! Как я и предполагал», — сказал Тай-сан и торжествующе поглядел на Синдзо. Но тут же с серьезным видом обернулся к О-Тоси и, утешая ее, сказал твердо, по-мужски, что придало уверенности и Синдзо: «В такой дождь даже Кагисо пробудет в доме старухи еще минут двадцать — тридцать. Тем временем расскажи мне, удался ли мой план. Если не удался, мужчины должны идти на риск. Я отправлюсь в дом старухи и попробую поговорить с ней». Тут опять грянул гром, и, несмотря на то что был день, огромные молнии непрерывно хлестали по дождю, низвергающемуся с неба, как водопад. Однако О-Тоси стояла на своем, позабыв даже о печали. Лицо ее было не просто красиво, а как-то необыкновенно. Дрожащими губами — они были, как всегда, яркими — она прошептала чуть слышно: «Старуха все узнала...» И горько вздыхая и то и дело прерывая свой рассказ, она поведала им под циновкой в эту страшную грозу все, что с ней произошло. Услышав ее рассказ, они поняли, что план Тай-сана, о котором не знал Синдзо, накануне ночью провалился.

Когда Тай-сан услышал от Синдзо о том, что старуха О-Сима, вселив в О-Тоси духа Басара, узнает у нее его веления, его сразу осенила такая мысль: а что, если О-Тоси притворится, будто она уже впала в беспамятство, и от имени духа Басара одурачит старуху. Это самый простой выход из положения, и, как я уже поведал вам ранее, когда Тай-сан ходил гадать по поводу местоположения своего дома, он потихоньку сунул ей записку, в которой изложил этот план. О-Тоси подумала: чтобы осуществить задуманное, нужно перейти довольно

шаткий мостик, но так как другого, более искусного плана избежать нависшее над ними несчастье не оказалось, то на следующее утро она, решившись, передала Тай-сану записку со словами: «Согласна». В двенадцать часов ночи старуха, как обычно, погрузилась в воду реки Татэкавы и затем приступила к вселению духа Басара в О-Тоси. И тут она столкнулась с непредвиденным препятствием. Но прежде чем рассказать вам подробности, нужно поведать о странном способе старухи вселять духа, немыслимом в этом мире. Когда старуха начинала свои манипуляции, она раздевала О-Тоси до набедренной повязки, связывала ей руки высоко за спиной, распускала волосы и сажала в середине темной комнаты лицом к северу. Затем сама раздевалась догола, брала в левую руку свечу без подсвечника, в правую зеркало и становилась перед О-Тоси, ожидая услышать из ее уст тайное повеление. Она приближала зеркало к О-Тоси и истово молилась — только от одного этого обычная женщина, несомненно, потеряла бы сознание. Голос старухи становился все громче и громче. Поставив зеркало вертикально, она постепенно надвигалась на девушку и непрерывно мучила ее до тех пор, пока та, быть может в ужасе перед зеркалом, не падала навзничь с завязанными руками на циновку. Тогда старуха подползала, словно пресмыкающееся, пожирающее трупы, к упавшей девушке и, тяжело нависнув над ней, заставляла глядеть снизу вверх в зловещее зеркало, освещенное свечой. И тогда этот самый дух Басара, как болотный газ, поднимающийся со дна старого омута, бесшумно появлялся в темноте и незаметно проникал в тело О-Тоси. Вперив в старуху глаза, трепеща всем телом, она, не дыша, давала тайные ответы на злые вопросы старухи. В ту ночь старуха опять собиралась вселить духа Басара в О-Тоси. О-Тоси же, как обещала Тай-сану, намеревалась притвориться бесчувственной, а сама, улучив момент, внушить старухе волю духа Басара, чтобы она не смела препятствовать двум влюбленным. Все старухины вопросы она решила оставить без ответа, делая вид, что дух ничего не сказал ей. Однако, глядя в маленькое, но ослепительно сверкающее зеркало, она почувствовала, что незаметно для себя может потерять сознание. Старуха все время была начеку, непрерывно вопрошала ее о велении духа, пристально глядела в лицо О-Тоси, так что невозможно было улучшить момент и отвести глаза от зеркала. Испуская таинственный свет, зеркало страшнее рока нависало над девушкой, ловя ее взгляд. Монотонный голос опухшей старухи, нашепывающей вопросы, незаметно стал охватывать душу О-Тоси со всех сторон, будто невидимый глазу паук, и она постепенно впала в состояние на грани бодрствования и сна. Сколько времени это продолжалось, О-Тоси и сама не могла потом вспомнить, даже приблизительно. Ей показалось, что мучения ее длились всю долгую ночь напролет; сколько она ни старалась, в конце концов она все же попала в таинственную западню, которую изготовила ей старуха. В

мерцающем свете свечи бесконечно кружились черные бабочки, большие и маленькие, поднимались к потолку, зеркало куда-то исчезло, и она погрузилась, как всегда, в тяжелый сон.

О-Тоси рассказала все это под шум дождя и раскаты грома с какой-то странной решимостью. Тай-сан и Синдзо, все время внимательно ее слушавшие, вздохнули, словно сговорившись, и переглянулись. Они были готовы к тому, что план провалится, и все же, услышав подробности, еще острее ощутили всю силу ее отчаяния. Некоторое время они, словно глухонемые, стояли молча и рассеянно слушали шум ливня, низвергавшегося с неба. Потом Тай-сан, видимо, воспрянул духом и, обращаясь к О-Тоси, мрачневшей у них на глазах, — пожалуй, это была реакция на сильное возбуждение, охватившее ее, — спросил, как бы подбадривая: «И ты совершенно не помнишь, что с тобой тогда было?» — «Совершенно», — ответила она. Потом, боязливо, с мольбою подняв на Тай-сана глаза, горько добавила: «Когда я наконец пришла в себя, уже рассвело». И, закрыв лицо рукавом, тихонько заплакала. Между тем на небе не только не было видно никакого просвета, наоборот, над их головами так грохотало, что казалось, того и гляди, на них обрушится гром, а молния, то и дело заглядывавшая под циновку, казалось, выжжет глаза. Синдзо, сидевший неподвижно, вдруг стремительно вскочил и, сильно изменившись в лице, собрался выскочить из-под навеса прямо в разгулявшуюся грозу. В руке у него вдруг оказалось долото, видимо оставленное каменотесом. Увидев это, Тай-сан отбросил зонт, в мгновение ока догнал Синдзо и ухватил его за плечи. «Ты что, рехнулся?» — крикнул он, силой пытаясь увести его обратно. Синдзо не своим, каким-то высоким голосом завопил в беспамятстве: «Отпусти! Я умру или убью эту старуху. Другого пути нет». — «Не говори глупостей! Ты же знаешь, там сейчас сидит этот Кагисо. Я сам туда схожу». — «Как же! Станет он слушать твои мольбы, когда хочет жениться на О-Тоси. Лучше отпусти меня. Ведь ты же мне друг». — «Ты забыл о своей О-Тоси! Что с ней будет, если ты поступишь столь безрассудно?!» Так они препирались, и тут Синдзо почувствовал, как две ласковые дрожащие руки крепко обвились вокруг его шеи, и увидел устремленные на него печальные, полные слез глаза, излучавшие грустный свет. И сквозь шум дождя до него донесся едва слышный шепот: «Позвольте мне умереть вместе с вами». Тут раздался оглушительный треск, будто разверзлось небо, — видно, где-то совсем рядом грянула молния, — и вместе с громом перед их глазами вспыхнули лиловые искры. Синдзо упал без сознания на руки друга и любимой.

Прошло несколько дней. Синдзо очнулся наконец от долгого забытья, похожего на дурной сон. Он лежал на втором этаже своего дома в Нихонбаси с пузырем льда на лбу. У изголовья стояла склянка с лекарством, лежал градусник и стоял маленький горшочек со свежими лиловыми вьюнками. По всей вероятности, было еще утро. Ливень,

раскаты грома, старуха О-Сима, О-Тоси — все это смутно пронеслось в его памяти, он невольно повел глазами в сторону — там, у камышовой двери с обеспокоенным лицом сидела все еще бледная О-Тоси в прическе «бабочка». Увидев, что Синдзо очнулся, она слегка покраснела и почтительно спросила: «Молодой хозяин пришел в себя?» — «О-Тоси!» — прошептал Синдзо имя любимой с таким чувством, будто он все еще видит сон. И тут у изголовья неожиданно раздался бодрый голос Тай-сана: «Ну вот, наконец-то! Лежи! Лежи! Тебе надо лежать как можно спокойнее». — «И ты здесь?!» — «И я здесь, и матушка твоя здесь. Врач только что ушел». Синдзо оторвал глаза от О-Тоси и стал смотреть в другую сторону, словно разглядывая что-то далекое; у изголовья действительно сидели матушка И Тай-сан, которые с облегчением переглянулись. Синдзо, только что пришедший в себя, никак не мог понять, как после той страшной грозы он очутился в своем доме на Нихонбаси, и поэтому он только смотрел ошеломленно на троих людей, сидящих рядом. «Ну вот, теперь все в порядке, теперь ты должен хорошенько есть, чтобы поскорее поправиться», — заботливо сказала матушка. «Успокойся. Ваши с О-Тоси мольбы дошли до бога. Старуху О-Сима убило молнией, когда она разговаривала с Кагисо», — сказал еще более бодрым, чем всегда, голосом Тай-сан. По щеке Синдзо, охваченного странным чувством, не то радостью, не то печалью, невольно потекли слезы, и он закрыл глаза. Троим, которые были рядом, показалось, наверно, что он снова потерял сознание. Они засуетились, и Синдзо снова открыл глаза. «Ты что нас пугаешь! — сказал Тай-сан и нарочно громко прищелкнул языком. — Успокойся. Пташка только что плакала, а теперь смеется», — сказал он, оглядываясь на женщин. И Синдзо, подумав о том, что в этом мире больше не существует таинственной старухи, почувствовал, как губы его расплылись в улыбке. И, насладившись этой счастливой улыбкой, он взглянул на Тай-сана и спросил: «А Кагисо?» — «Он только в обморок упал», — смеясь, ответил Тай-сан, вдруг замялся, но потом, видимо, решился. «Я вчера навестил его и слышал от него самого, будто О-Тоси, когда в нее вселился дух Басара, все время твердила старухе, что та поплатится жизнью, если будет мешать вашей любви. Старуха же подумала, что О-Тоси нарочно разыгрывает перед ней спектакль, и на другой день, когда к ней пришел Кагисо, была взбешена и все время будто твердила, что разлучит вас, даже если для этого ей придется пойти на убийство. Стало быть, мой план как будто бы и провалился, но в то же время все случилось примерно так, как было задумано. Не правда ли? Старуха подумала, что О-Тоси притворяется, поэтому и погубила себя. Как бы то ни было, все это так неожиданно. Я теперь уж и не знаю, злой этот дух Басара или добрый», — сказал он с недоумением. Слушая его рассказ, Синдзо не переставал удивляться той потусторонней силе, которая все эти дни держала его в своих лапах. Потом он подумал о том, что же с ним было с тех пор, как они

попали в грозу, и спросил: «А я? Что со мной случилось?» Теперь уже О-Тоси вместо Тай-сана поведала ему проникновенно о происшедшем: «А вас сразу с набережной Исигаси отвезли на рикше к ближайшему доктору. Оттого ли, что вы промокли под ливнем, или еще почему-нибудь, только у вас сделался страшный жар, и вас привезли домой к закату солнца совсем без памяти». Тай-сан с довольным видом придвинулся к нему и сказал: «Благодаря твоей матушке и О-Тоси жар наконец спал. Целых три дня они не смыкали глаз у твоей постели, пока ты бредил в беспамятстве. Все заботы о заупокойной службе по старухе О-Сима взял на себя я. Нет человека, о котором бы твоя матушка не позаботилась», — продолжал Тай-сан, все еще стараясь подбодрить друга. «Спасибо, матушка!» — сказал Синдзо. «Ну что ты! Лучше поблагодари Тай-сана», — ответила матушка. У сына, у матери, да и у О-Тоси и Тай-сана навернулись на глаза слезы. Однако Тай-сан, как и подобает мужчине, тотчас же заговорил бодрым голосом: «Как! Уже три часа? Тогда я покидаю вас». И он приподнялся с колен. «Три часа? Разве еще не утро?» — сдвинув недоверчиво брови, спросил как-то странно Синдзо. Ошеломленный Тай-сан воскликнул: «Ты что, шутишь? — И, вынув из-за пояса часы, открыл крышку и собирался показать часы Синдзо, но, заметив, что Синдзо смотрит на цветы, стоящие у его изголовья, усмехнулся весело и сказал: — Этот цветок был самым любимым у О-Тоси в доме старухи. Он зацвел в тот дождливый день лиловыми цветами, и, представь себе, цветы до сих пор не завяли. О-Тоси часто нам говорила: раз цветы цветут, ты непременно поправишься. Вот ты и очнулся. Тоже чудо, но какое радостное, не правда ли?»

перевод Г. Ронской

МАДОННА В ЧЕРНОМ

«...Из глубины юдоли слез, из глубины юдоли скорби, с мольбой к тебе взываем... О милосердная и всеблагая, о несказанно кроткая владычица наша, святая Дева Мария!»

(Молитва «Аве Мария»)

— Ну-с, что вы об этом скажете? — с этими словами Тасиро-кун поставил на стол статуэтку Марии-Каннон.^[166]

«Мария-Каннон»... Так принято называть изображения (обычно — из белого фаянса) богини Каннон, которым нередко поклонялись христиане в те времена, когда католическая религия была под запретом. Но статуэтка, которую показывал сейчас Тасиро-кун,

отличалась от тех, что хранятся в музеях или у многочисленных частных коллекционеров. Во-первых, фигурка эта, сантиметров тридцати вышиной, вся, за исключением лица, была вырезана из цельного куска дорогого черного дерева. Мало того, традиционное ожерелье на шее — орнамент из крестов, — сделанное тоже чрезвычайно искусно, было инкрустировано перламутром и золотом. И, наконец, лицо — великолепная резьба по слоновой кости, а на губах — алая точка, очевидно, коралл...

Скрестив руки на груди, я некоторое время молча вглядывался в прекрасный лик «Мадонны в черном». И пока смотрел, мне все явственнее чудилось какое-то странное выражение, будто смутно витавшее в чертах этого вырезанного из кости лица. Впрочем, нет, сказать «странное», пожалуй, слишком слабо. Мне показалось, будто все ее лицо дышит иронической, даже какой-то злобной усмешкой.

— Ну-с, что скажете? — повторил Тасиро-кун, горделиво улыбаясь, как все коллекционеры-любители, и поглядывая то на «Марию-Каннон», то на меня.

— Редкостная вещица! Но не кажется ли вам, что лицо у нее какое-то злое?

— Да, уж кротким и нежным это лицо не назовешь. И в самом деле, с этой Марией-Каннон связана удивительная легенда.

— Удивительная легенда?.. — Я невольно перевел взгляд с Марии-Каннон на Тасиро-куна. Неожиданно став серьезным, Тасиро-кун хотел было убрать статуэтку, но тут же поставил ее на прежнее место.

— Да, поговаривают, будто эта Мадонна приносит несчастье... Когда ее просят отвести беду, она насылает еще худшую...

— Не может быть!

— Тем не менее с хозяйкой этой фигурки действительно случилось, как мне рассказывали, нечто подобное. — Тасиро-кун сел и с серьезным, чуть ли не с удрученным видом жестом пригласил меня занять место напротив.

— Неужели это правда? — опускаясь на стул, с невольным удивлением воскликнул я. Тасиро-кун — мой товарищ, окончивший университет двумя годами раньше меня, известный, талантливый адвокат. К тому же — человек образованный, современный, отнюдь не склонный к суевериям. И если уж такой человек, как он, решается затронуть подобную тему, значит, можно не опасаться, что «удивительная легенда» окажется на поверку пошловатым рассказом о «сверхъестественном».

— Судите сами... Но так или иначе — прошлое у этой Марии-Каннон зловещее. Если не соскучитесь, извольте, я расскажу...

До меня фигурка эта принадлежала богатой семье Инами, уроженцам одного из городов префектуры Ниигата. Фигурку берегли не как раритет, а как божество, охраняющее благополучие дома.

Сам Инами, глава семьи, — мы вместе учились на юридическом факультете, — занимается и коммерцией, и банковскими операциями, одним словом, человек он весьма деловой. А потому и мне пришлось несколько раз оказывать ему кое-какие услуги. Возможно, он хотел меня отблагодарить... Но как бы то ни было, в один из своих очередных приездов в Токио он преподнес мне эту Марию-Каннон, свою старинную фамильную драгоценность.

Тогда-то я и услышал от него удивительную легенду, о которой только что упомянул, хотя сам Инами, разумеется, не верил в какие-то чары или тому подобную мистику. Просто он рассказал мне вкратце предание, связанное с этой Мадонной, так, как слышал его от своей матери.

Случилось это осенью, матери Инами — ее звали О-Эй — исполнилось тогда не то десять, не то одиннадцать лет... По времени это, очевидно, последние годы Каэй, когда «черные корабли» наводили страх на гавань Урага.^[167] Той осенью брат О-Эй, восьмилетний Мосаку, захворал корью в очень тяжелой форме. После смерти родителей, погибших несколько лет назад, О-Эй вместе с братом осталась на попечении бабушки, которой было уже за семьдесят. Нетрудно понять, как встревожилась эта старая дама, прабабка нашего Инами. Несмотря на все старания врачей, состояние Мосаку ухудшалось и ухудшалось, и не прошло и недели, как над ребенком нависла угроза смерти.

И вот однажды ночью в комнату крепко спавшей О-Эй неожиданно вошла бабушка; силой разбудив и подняв, с постели девочку, она поспешно, без помощи служанок, заставила ее тщательно одеться. О-Эй не успела еще хорошенько проснуться, как бабушка схватила ее за руку и, освещая путь тусклым бумажным фонарем, потащила сонную девочку по безлюдной галерее к каменному амбару, куда и днем-то почти никогда не заглядывала.

В глубине амбара с давних пор стояла белая деревянная божница в честь богини Инари, охраняющей от пожаров. Бабушка вытащила из-за пояса ключ, открыла дверцы божницы — там, за парчовыми складками занавески, стояла тускло освещенная бумажным фонарем эта самая Мария-Каннон. Как только О-Эй увидела статуэтку, ей вдруг почему-то стало страшно; прильнув к бабушке и спрятав голову ей в колени, она горько расплакалась. Однако бабушка, обычно такая ласковая, на сей раз не обратила никакого внимания на слезы девочки, уселась перед божницей и, благоговейно перекрестившись, начала бормотать какие-то молитвы, непонятные О-Эй.

Так прошло минут десять; потом бабушка обняла О-Эй, тихонько заставила ее приподняться и, всячески успокаивая перепуганную девочку, усадила ее рядом с собой. И снова стала молиться, обращаясь к вырезанной из черного дерева фигурке со словами, на этот раз понятными О-Эй:

— Святая Дева Мария, на всем белом свете только и есть у меня, что мой внук Мосаку, которому нынче исполнилось восемь, и вот эта его сестричка О-Эй, — я ее тоже привела к тебе. Ты видишь, она еще слишком мала, чтобы взять ей в дом мужа. И если какая-либо беда стряется теперь с Мосаку, дом Инами с той же минуты лишится продолжателя рода. Не допусти же свершиться такой напасти, охрани и защити жизнь Мосаку! Если же я прошу слишком многого, если я недостойна, чтобы ты вняла моей просьбе, то сохрани жизнь Мосаку хотя бы до тех пор, пока я еще живу на этом свете... Я уже стара и навряд ли протяну долго; скоро я вручу свою анима нашему дэусу...^[168] Но до тех пор и внучка моя О-Эй, даст бог, подрастет... Пролей же на нас милость, отврати от Мосаку меч, занесенный ангелом смерти, хотя бы до тех пор, пока я не закрою глаза навеки... — Так с жаром молилась бабушка, склонившись стриженной головой.

И вот, по словам О-Эй, когда молитва окончилась и девочка робко приподняла голову, она вдруг увидела — возможно, ей померещилось, — что Мария-Каннон улыбнулась. О-Эй опять тихонько вскрикнула от испуга и снова уткнулась в колени бабушки. Но та, напротив, с довольным видом поглаживая по спине внуку, повторила несколько раз:

— Полно, полно, теперь мы уже можем уйти... Госпожа Мария снизошла к бабушкиной молитве!

Ну, а наутро и в самом деле, словно молитва бабушки и вправду была услышана, жар у Мосаку спал, и если еще вчера он был в полном беспамятстве, то теперь к нему постепенно возвратилось сознание. Трудно описать радость бабушки. Мать Инами рассказывала, что до сих пор не может забыть, как от радости бабушка и плакала и смеялась одновременно... Убедившись, что больной внучек спокойно спит, бабушка между тем и сама решила немного передохнуть, после нескольких ночей бдения у постели больного. Она велела приготовить себе постель в соседней комнате и легла, хотя обычно спала у себя в спальне.

О-Эй сидела у изголовья бабушкиной постели, играя в блошки. По ее словам, старая женщина, очевидно, измученная усталостью, тотчас же уснула, словно убитая. Так прошло примерно около часа, как вдруг пожилая служанка, ходившая за Мосаку, осторожно приоткрыла раздвижную дверь, отделявшую соседнее помещение, и испуганно позвала:

— Барышня, разбудите-ка поскорей старую госпожу!

Малютка О-Эй тотчас же подошла к бабушке и дернула ее несколько раз за рукав спального кимоно:

— Бабушка, бабушка!

Но странное дело — бабушка, всегда спавшая очень чутко, на этот раз не отвечала, сколько ее ни звали. Тем временем служанка в недоумении приблизилась, но, едва бросив взгляд на спящую, точно

безумная схватила ее за кимоно с плачем и отчаянным криком: «Госпожа! Госпожа!» Однако бабушка даже не шевельнулась, только под глазами у нее легли легкие лиловатые тени. Вскоре и другая служанка поспешно распахнула дверь и, вся красная от волнения, дрожащим голосом позвала:

— Госпожа!.. Молодой барин... Госпожа!..

Само собой, в словах этой служанки звучал такой испуг, что далее маленькая О-Эй догадалась, — Мосаку неожиданно стало хуже... Но бабушка по-прежнему лежала, крепко закрыв глаза, словно не слыша служанок, с плачем припавших к изголовью ее постели...

Мосаку тоже скончался — минут десять спустя. Мария-Каннон выполнила просьбу бабушки — при ее жизни не убивать Мосаку.

Рассказав эту историю, Тасиро-кун остановил на мне долгий задумчивый взгляд.

— Ну что? Разве вам не верится, что все это правда?

— Мм... Да, но... Трудно сказать...

Некоторое время Тасиро-кун молчал. Затем, поднеся спичку к погасшей трубке, проговорил:

— А мне думается, все так и было. Вот только неизвестно, повинна ли в том мадонна, хранившаяся в доме Инами, или нечто совсем иное... Впрочем, вы, кажется, еще не прочли надпись на подставке этой фигурки. Взгляните... Видите латинские буквы, вырезанные вот здесь? *Desine fata deum flecti sperare precando...*^[169]

Я с невольным страхом взглянул на Марию-Каннон — само олицетворение судьбы. На прекрасном лице мадонны, облаченной в черное дерево, навечно запечатлелась таинственная усмешка, в которой сквозила нескрываемая враждебность.

перевод И. Львовой

Дзиро Осараги

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Дом находился в квартале Торитэрамати, что в районе Усигомэ. В ту пору — а случилось все это в мае второго года эры Кэйо — позади домов еще тянулись огороды; пройдя этими огородами, можно было через дыру в живой изгороди попасть во владения его милости господина Акаги. Лицом же дом обращен был к дороге, прямо напротив высился соседский забор, и вела дорога к людному месту — туда, где близ ворот господина Акаги во множестве выстроились купеческие дома, так что даже ночью было здесь не так уж глухо и уныло. Но при этом место было тихое, оттого им дом и приглянулся: во дворе густые

деревья, все надежно укрыто от чужого взгляда, отрезано от внешнего мира — что еще нужно для уединенного приюта двоих, бегущих досужего любопытства?

Дом был небольшой, зато почти новый. Имелся хорошо проветриваемый второй этаж, на первом этаже — три комнаты, все три — солнечные, если, конечно, снять ставни. Столбы были добротные, перегородки и все внутреннее убранство — тщательно отделанные, галерея из сэндайской сосны — идеально отполированная и, если учесть, что она долго стояла закрытой — весьма нарядная.

И Сэйбэй, и О-Мура нашли дом превосходным — почему бы его и не снять. Послали приказчика из ближайшей лавки, который их привел к домохозяину. Цена оказалась вполне умеренная.

На новоселье пришли подруги из заведения, где развлекала гостей О-Мура, во главе с самой хозяйкой, пришли и приспешники Сэйбэя. Угощение доставили на паланкинах от знаменитого Камэсэя. Пировали до поздней ночи. Все в один голос говорили, что дом прекрасный. Женщины наперебой восклицали: какая О-Мура счастливая, как они ей завидуют, как ей повезло, что она будет жить в таком доме со своим щедрым возлюбленным покровителем.

Но по-настоящему счастливыми Сэйбэй и О-Мура почувствовали себя только тогда, когда шумная компания убралась восвояси со своими паланкинами, они остались вдвоем в густом саду, озаренном светильниками, и в молчании прислушались: какая тишина. Никогда еще не было между ними такого душевного согласия. Казалось, они проделали долгий путь и вот наконец достигли желанного приюта: можно вздохнуть спокойно.

«Приборку оставь на завтра», — сказали они служанке.

Сэйбэй спал. Рядом спала О-Мура. Ночь они провели как в самый первый раз, да так рядышком и заснули.

Сквозь сон Сэйбэй ощутил прикосновение: О-Мура легонько сжала ему руку, высунувшуюся из ночного кимоно, что служит вместо одеяла. Пальцы у нее были холодные, и это нарушило его сон. Встревожившись, он повернулся на другой бок и прижал эту неестественно холодную руку к своей груди.

Тут он проснулся уже окончательно.

Рука была не просто ледяная: глядя ее, он вдруг обнаружил, что рука кончается запястьем. Дальше не было ничего, только отрезанная кисть, причем срез был ровный и какой-то липкий. В полной темноте Сэйбэй вскочил с постели. Сердце колотилось так, что звенело в ушах. Сэйбэй был человек хладнокровный, он не закричал. Только прислушался. Рядом ровно дышала О-Мура. Это немного успокоило его.

Приснилось, подумал он. Но, с другой стороны, он вроде бы уже и не спал, не могло присниться. По спине пробежали мурашки.

Он протянул руку за бумажным фонариком, чтобы зажечь его. Сонное дыхание женщины прервалось.

— Засвети-ка, — сказал он. О-Мура поднялась.

— Хотите закурить?

— Угу.

Пальцами правой руки Сэйбэй пощупал свое левое запястье, которое только что сжимала другая рука.

О-Мура зажгла фонарь, на потолке высветился круг, похожий на цветок луноцвета. Ее явно насторожило выражение его лица.

— Я сон видел, — улыбнувшись, объяснил Сэйбэй.

— Сон? Какой?

— Да так, глупости всякие, — поспешил он замять разговор. И сразу же вышел в уборную, хотя и не чувствовал нужды.

Его тревожили мысли о своей законной жене, остававшейся дома, в квартале Тэрифуримати. О-Мура вскоре заснула снова, а Сэйбэй до утра разглядывал круг света на потолке. Утром он даже не стал завтракать. Некрасиво, конечно, — О-Мура могла расстроиться, и все же он сразу ушел, сказав, что придет ближе к вечеру.

Час был ранний, дорога просторная, пустынная: навстречу попадались одни торговцы рыбой, спешившие с реки со свежим товаром. Дома все было заперто. Сэйбэй разбудил мальчишку-прислужника, велел отпереть, прошел в спальню жены, удостоверился: все в порядке. Только тогда у него отлегло от сердца.

Вечером Сэйбэй вернулся в свой новый дом с гостинцем: принес карпов, жаренных в соевом соусе. Даже пошутил: «Смотри-ка, ты уже заправская хозяйка». Словом, был добрым покровителем. А когда О-Мура полюбопытствовала: «Супруга ваша не сердится?» — он засмеялся: «Я и так дома редко бываю, она ничего не заметит. — И добавил: — Знаешь, если б заметила, было бы только лучше».

О-Мура почувствовала, что он говорит серьезно, потупилась. Сэйбэй был не из тех, кто дни и ночи проводит в веселых домах, и раз уж он ею увлекся, значит, по-настоящему — это она понимала, и ей, конечно, было неловко перед его женой, но ведь она и сама влюбилась. А уж теперь, когда есть дом, никуда ее возлюбленный от нее не денется. Да, дурацкий сон заставил его вспомнить о жене, но это просто остатки трусости: у него ведь любовное приключение первый раз в жизни. Ничего, в крайнем случае он порвет с семьей, не побоится нарушить приличия.

— Я пока поживу здесь, — объявил он.

Вечером они оставили дом на попечение служанки и вдвоем отправились покупать недостающую утварь.

О-Мура страстно любила всякие полезные в хозяйстве вещички.

О ночном происшествии Сэйбэй вспомнил только поздно вечером, когда они в темноте шли домой мимо владений господина Акаги.

Он опять ощутил ледяной холод чужой руки в своих пальцах и подумал, что если это и сон, то какой-то уж очень явственный.

Спать он в эту ночь опять пошел наверх.

Нет, не сон это был, сказал себе Сэйбэй после долгих раздумий. Он ведь в тот момент уже не спал, это точно. Его не оставляла тревога. Хотелось забыться, ведь прошлой ночью он едва глаза сомкнул, но заснуть никак не удавалось, он мучительно ворочался с боку на бок.

О-Мура безмятежно спала, ровно дыша. Непогашенный фонарь тускло высвечивал круг на досках потолка.

Сэйбэй слыл не только оборотистым купцом: с детства все кругом говорили, что он человек отважный, да и сам он так считал.

В той стороне, в ногах его постели — лестница, ведущая на первый этаж. Внизу, за перегородкой, в гостиной, с позволения хозяев спит служанка. Все тихо, мирно; и все же от сгустившейся на лестнице тьмы ему было как-то не по себе. Как будто там, во тьме, затаился неведомо кто.

Повернувшись в который уж раз на другой бок, он почувствовал, что больше не выдержит: страшно. Оттого и сон не идет. Надо пойти поглядеть, что там такое скрывается. Он встал. На лестнице, разумеется, никого не было. Он спустился вниз и пошел в уборную. Нужно было все осмотреть.

Отворив ставни, Сэйбэй обвел взглядом темный двор. Помыл руки, вернулся. О-Мура ничего не заметила, спала. Он снова лег и закрыл глаза.

А спустя некоторое время открыл их, изменившись в лице.

Из темноты в его ночное кимоно ткнулась чья-то рука. Примерно там, где колени.

Дремота слетела с него мгновенно. Вокруг все выглядело точно так же, как всегда. Только на ночном кимоно, в ногах, виднелась вмятина. Как будто кто-то подошел и тронул. И от этой вмятины расходились складки.

Сэйбэй протянул к этому месту руку. Пальцы его ощутили то же, что и прошлой ночью: что-то холодное как лед. Озноб пробежал по всему его телу. Это несомненно была человеческая плоть. Только невидимая. Тут возникшая из тьмы рука незримо отдернулась обратно во тьму, в сторону лестницы. Тяжесть прикосновения исчезла, и глубокие складки на ночном кимоно разгладились.

Сэйбэй поднялся.

Он долго вглядывался в провал лестницы, спустив туда фонарь, но так ничего и не обнаружил.

Ни О-Мура, ни служанка о случившемся не знали. Говорить им Сэйбэй не стал. Он только помрачнел и стал размышлять о зловещих событиях в одиночку.

Дня через три он пошел к владельцу дома. В разговоре, как бы между прочим, поинтересовался:

— Не изволите ли сказать, кто жил в этом доме прежде?

— Один даймё из провинции Тоса, — ответил домохозяин, толстый пожилой человек. — Отбывал в этой усадьбе свой обязательный срок в столице.^[170] Молодая госпожа у него, между прочим, была красавица. Говорили, это вроде бы у него новая возлюбленная, он ее, стало быть, здесь завел.

— А когда он уехал?

— Да с полмесяца будет. Отправился в свои края.

— Вот оно что, — изобразил любезную улыбку Сэйбэй. — Не скажете ли, этот господин долго изволил там жить?

Владелец дома пристально взглянул на Сэйбэя: с какой стати расспрашивает?

— Без малого два года. А что, случилось что-нибудь?

— Случилось, — ответил Сэйбэй. — Не знаю, может, это все проделки оборотней-барсуков...

Рассказ Сэйбэя домохозяина не обрадовал. Выслушав его, он помрачнел и сказал:

— Не может такого быть. Я этот дом как построил, так сразу и сдал прежнему арендатору, господину Сиратори, и за все это время решительно ничего такого там, насколько мне известно, не происходило. Может, вы ошиблись, а? Ну хорошо. Зайду к вам сам, погляжу. Должно быть, это молодчики его милости господина Акаги так шалят. А то и впрямь барсуки...

К вечеру следующего дня Сэйбэй и О-Мура перебрались в квартал Танимати, что в районе Итигая, в первый же попавшийся дом, который сдавался. Дом был старый, но они сняли его без раздумий, даже вещи бросили в оставленном жилище, спасибо, домохозяин их собрал и наутро доставил им на новое место.

Вряд ли Сэйбэй когда-либо смог бы забыть то, что произошло. А произошло вот что. Даже домохозяин, разозленный тем, что из-за этого дома у него неприятности, обомлел, когда увидел, как в углу устроенного под лестницей шкафа кишмя кишат белые черви. Из-под пола был извлечен разложившийся труп наложницы жившего здесь прежде Сёдзаэмона Сиратори. То, что у трупа не хватает кисти правой руки, первым заметил Сэйбэй.

В Танимати Сэйбэй и О-Мура не прожили и месяца. У них что-то разладилось. Не то чтобы так уж прямо из-за всей этой истории; но, конечно же, зловещие события, обрушившиеся на них в их первом

совместном доме, косвенно способствовали тому, что их некогда столь прочный союз все же распался, пусть и без некоторого сожаления с обеих сторон. Их отношения сделались нерадостными, мучительными. Сэйбэй, ссылаясь на дела, стал часто ночевать у себя дома, а О-Мура принялась за старое с бывшим дружкой, который к ней захаживал. В конце концов они поругались, и дело дошло до разрыва.

Но на этом несчастья Сэйбэя не кончились. С лета того года у него появилась странная боль в левой руке. Болело запястье, боль охватила его кольцо как раз в том месте, где в ту первую ночь в руку ему вцепились холодные пальцы, и ощущение было такое, будто к телу приложили лед и долго так держали, а потом отняли, и теперь все горит. Впору было возроптать: ему-то за что, за какие грехи такая напасть? Не помогали ни лекарства, ни молитвы.

Ну и пусть, бодрился он. Ничего страшного, от этого не умирают. В конце концов, болело только в этом месте, да и то не все время: постоянно ощущалась только тупая тяжесть, как будто запястье было чем-то перехвачено. На вид это место ничем не отличалось. Но вот однажды к нему в гости пришла родственница с двухлетним сыном.

В это время Сэйбэй был в саду и осматривал горшки с вьюнком-ипомеей. Гостья, как полагается женщине, на коленях просеменила на веранду, где по летнему времени тяжелые сёдзи были заменены на легкие двери из тростника, и поклонилась Сэйбэю, попросив извинения за то; что долго не приходила. Ребенок стоял рядом, прижавшись к матери, и пристально, с детской серьезностью смотрел на Сэйбэя. Это был славненький, пухлый мальчик, очень похожий на мать.

— Большой-то какой стал!

— Ну-ка, скажи дядюшке «здравствуйте».

И гостья, и хозяин устремили взгляд на ребенка. Сэйбэя поразило, как неотрывно уставился на него этот маленький человечек. Вдруг мальчик, чем-то, видимо, сильно испуганный, уткнулся матери в грудь и задрожал всем телом, громко крича:

— Боюсь! Боюсь!

— Что ты? Что с тобой?! — Мать, должно быть, испугалась еще больше: ей было неудобно перед Сэй-бэем, которому она была обязана. — Как можно, ты даже не поздоровался!

Мальчик снова с опаской поглядел на Сэйбэя, словно желая в чем-то удостовериться, и снова в ужасе спрятал голову у матери на груди.

— Рука... Рука страшная...

— Рука? — Сэйбэй машинально взглянул на свое левое запястье — то самое.

— Да о чем ты? — не на шутку встревожилась гостья, пытаясь унять ревмя ревущего ребенка.

— Эй, дружище, что это тебя так напугало? — улыбнулся Сэйбэй.

Однако это не помогло. Мальчик только пуще прежнего затрясся от плача.

— Синяя рука, синяя рука... — повторял он сквозь рыдания.

И тут Сэйбэй понял, что открылось глазам ребенка. Взрослые этого не видели, а между тем на его запястье висели, вцепившись, пальцы той мертвой женщины. Он во всех жутких подробностях вспомнил ту ночь, когда его впервые схватили эти пальцы. Эта ужасная ледяная рука, отрезанная ниже локтя. И срез — ровный и липкий.

С этого дня все у Сэйбэя пошло как-то не так, вкривь и вкось.

На горячих источниках в местечке Тоносава он теперь сделался едва ли не постоянным обитателем, каких там видели не часто. В это время страну лихорадило. Военные действия шли как раз в тех местах, и даже самые тяжелые больные велели своим сопровождающим везти их прочь с горячих вод. Остался один Сэйбэй да хозяева гостиницы; в дни боев он вместе с ними прятался в горах. Со стороны моста Саммайбаси беспрерывно доносилась ружейная пальба. Бывали и пожары. Когда бои стихали, местечко казалось безжизненным, словно потухший очаг. Охотников ехать на воды в такую пору, конечно, не находилось. Разве что время от времени, заплутавшись, останавливались на ночлег путники, направляющиеся в столицу или из столицы трактом Токайдо. Было тихо и безлюдно, а в мире между тем происходили бурные события: вроде бы шла война между правительственными войсками и сторонниками свергнутого сёгуна. Так что даже и летом, говорили в гостинице, постояльцев не жди. Хозяин гостиницы брал ружье и уходил охотиться на дичь.

И вот наступил вечер седьмого июня.

Перед ужином Сэйбэй, по обыкновению, принял ванну. Когда он выходил из банного домика, было еще довольно светло, но в доме уже зажгли огни. Шагая по двору, он услышал у ворот чьи-то голоса. Под молодым кленом виднелся оседланный конь.

«Новый постоялец», — подумал Сэйбэй. Войдя в дом, он увидел и самого постояльца: тот как раз спускался со второго этажа. Это был рослый самурай; он только что переоделся в домашний халат-юката и шел с полотенцем в руках. Коридор был узкий, Сэйбэй склонился в глубоком поклоне и уступил самураю дорогу.

Незнакомец окинул Сэйбэя взглядом и прошел мимо.

За ним проследовал старик, — должно быть, слуга. Оба направились к банному домику. Белые юката постепенно растворялись в темном пространстве двора.

Сэйбэй обернулся в сторону конторки:

— Я вижу, у вас гость?

Хозяин поднял голову:

— Что? Да-да, гость... А вы знаете, сударь, какое у нас сегодня будет редкостное угощение?

— Какое же?

— Утки, вот какое! — Хозяин с гордостью сделал вид, будто целится из ружья. — И превосходные притом!

— Ну-ну. — Сэйбэй не одобрял кровожадного промысла хозяина. — Где же это вы их?

— Да в горах. На самой, можно сказать, вершине. И откуда только...

Беседу прервал внезапный крик. Оба поглядели в окно. В горной местности смеркается быстро, и на дворе было уже совсем темно. Слегка трепетала на ветру бамбуковая роща.

Крик явно донесся из банного домика, куда только что прошли самурай со слугой.

Хозяин и Сэйбэй переглянулись.

И тут раздался голос старого слуги:

— Сюда! Скорее!

— Что случилось? — Хозяин вскочил и выбежал из дома.

— Не иначе как обвариться изволили, — промолвила служанка, разводившая огонь под котлом.

Историю эту Сэйбэй рассказывал мне много позже, в тридцатом году эры Мэйдзи.^[171] К этому времени он сделался славным сухоньким старичком, служил старостой фонарщиков — профессия эта стала тогда довольно распространенной — и разводил цветы в своем скромном жилище в квартале Хаматё.

— Услышал я, что самурай тот умер, удивился и тоже пошел поглядеть. И до сих пор — закрою вот так глаза и как сейчас вижу то, что я тогда увидел в этой темной баньке, где кругом пар и никакой фонарь не поможет. Мужчина он был крупный, высокий, ростом примерно пять сяку шесть сун, а то и семь. И вот лежал он на спине, занимая собой всю баньку, застывший. И руки к горлу протянул. А на горле у него лиловые пятна — там, где душили. Сразу видно, что он хотел руку ту, которая его душила, схватить и отвести, да так и застыл.

Ну, тут такое началось. В те времена ведь как: доложить доложишь, начальство когда еще приедет, а тело трогать не смей. Хозяину-то гостиницы пришлось совсем худо.

Слуга этот, старик, рассказал, что господин его разделся первым, и как только пошел он купаться, так сразу и раздался крик, короткий такой: «А!» Потом ужасный грохот — упал он, значит. Слуга испугался, заглянул туда и видит: господин его лежит, голова запрокинута, и обеими руками словно отбивается от кого-то невидимого. Особенно ему запомнилось, что жилы у того на руках вздулись и ходили ходуном.

Слуга подбежал, спрашивает: «Что такое, ваша милость?» А тот только и успел выговорить: «Рука, рука...» Взбрыкнул разок ногами, словно пнуть кого-то хотел, вытянулся и затих. И все тут.

Лицо у него было страшное. Глаза выкатились, вот-вот лопнут, как спелые персики.

Окно в баньке было приоткрыто, но под окном-то круча, клены там росли, и те едва держались, а внизу речка горная, стремительная. Ну, а дверь заперта была, старик последним как вошел, так и запер, человеку не войти. Так что...

Случилось это все, конечно, из-за меня. Я один там понимал, что произошло на самом деле. Только вот звали этого самурая Гонъэмон Ниино, а вовсе не Сиратори, и был он из провинции Сацума, а не из Тоса. А состоял ли он вассалом его милости господина Акаги — это так и не выяснилось. Может, он все-таки и был тот самый Сиратори, что служил господину Акаги, и имя это, Сиратори, не настоящее; вот рука призрака с ним наконец и встретилась, а до тех пор висела на мне, копила злобу. А может, тот самурай, как и я, был ни при чем, просто когда расходились мы с ним в коридоре, она меня оставила и на него перекинулась. Я ведь помню, что когда он мимо меня проходил, то ни с того ни с сего обернулся и так на меня посмотрел, будто я невеста, что себе позволил — ну, скажем, дернул его за рукав. Впрочем, как знать, вдруг это мне уже потом так стало казаться — насчет того взгляда.

Так оно все было или иначе, Но только с тех пор боль у меня в запястье прошла, как не бывало. Вы, конечно, человек молодой, в духе нынешнего просвещения воспитанный, вам всё это сказки...

перевод Е. Маевского

Эдогава Рампо

ПУТЕШЕСТВЕННИК С КАРТИНОЙ

Ежели то, о чем я намереваюсь поведать, не было грезой, плодом воспаленного воображения или временным помрачением рассудка, значит, безумен не я, а тот незнакомец с картиной. А может быть, просто мне удалось увидеть сквозь волшебный кристалл сгустившейся атмосферы кусочек иного, потустороннего мира — как порой душевнобольному дано прозреть то, что нам, людям в здравом уме, невозможно увидеть; как в сновиденьях уносимся мы на призрачных крыльях в иные пределы...

Это произошло теплым пасмурным днем. Я возвращался тогда из Уодзу, куда ездил с одной-единственной целью — полюбоваться на миражи. Правда, стоит мне помянуть мое приключение, как друзья начинают подтрунивать надо мной, мол, все это сказки и в Уодзу-то я никогда не бывал, — что неизменно повергает меня в смущение: в самом деле, как я могу доказать, что действительно оказался однажды в Уодзу? А может быть, они правы — и мне все это только приснилось... Но разве бывают такие сны? Сновиденья почти всегда лишены живых красок, как кадры в черно-белом кино; однако та сцена в вагоне, а в особенности сама картина, ослепительно яркая, горящая, точно рубиновый глаз змеи, до сих пор не стерлась из моей памяти. В тот день я впервые увидел мираж. Я думал, что это нечто вроде старинной

гравюры — скажем, дворец морского дракона, выплывающий из тумана, — но то, что предстало моим глазам, настолько ошеломило меня, что я весь покрылся липкой испариной.

Под сенью сосен, окаймляющих побережье в Уодзу, собрались толпы людей; все с нетерпением всматривались в бескрайнюю даль. Мне еще не доводилось видеть такого странно-безмолвного моря. Угрюмого серого цвета, без признаков даже легчайшей ряби на поверхности, море это скорее походило на гигантскую, без конца и края, трясику. В его безбрежном просторе не видно было линии горизонта: воды и небеса сливались друг с другом в густой пепельно-сизой дымке. Но вдруг в этой пасмурной мгле — там, где, казалось, должно начинаться небо, — заскользил белый парус. Что касается самого миража, то впечатление было такое, словно на молочно-белую пленку брызнули капельку туши и спроецировали изображение на неохватный экран. Далекий, поросший соснами полуостров Ното, мгновенно преломившись в искривленной линзе атмосферы, навис исполинским расплывчатым червем прямо над нами. Мираж походил на причудливое черное облако, однако в отличие от настоящего облака видение было ускользающе-неуловимым. Оно беспрестанно менялось, то принимая форму парящего в небе чудовища, то вдруг расплываясь в дрожащее фантасмагорическое создание, мрачной тенью повисавшее прямо перед глазами. Но именно эта неверность и зыбкость внушали зрителям зловещий, неподвластный разуму ужас.

Расплывчатый треугольник неудержимо увеличивался в размерах, громоздясь точно черная пирамида, — чтобы рассеяться без следа в мгновение ока, — и тут же вытягивался в длину, словно мчащийся поезд, — а в следующее мгновение превращался в диковинный лес ветвей. Все эти метаморфозы происходили совершенно незаметно для глаза: со стороны казалось, что мираж неподвижен, однако непостижимым образом в небе всплывала уже совершенно иная картина. Не знаю, можно ли под влиянием колдовства миражей временно повредиться в рассудке, однако, полюбовавшись в течение двух часов на перемены в небе, я покинул Уодзу^[172] в престранном состоянии духа.

На токийский поезд я сел в шесть часов вечера. В силу удивительного стечения обстоятельств (а может, для этой местности то было обыденное явление) мой вагон второго класса был пуст, как церковь после службы; лишь в самом конце вагона сидел единственный пассажир.

Паровоз запыхтел и с лязганьем потащил состав вдоль унылого моря по берегу, минуя обрывистые утесы. Через плотную дымку, окутавшую похожее на трясику море, смутно просвечивал густокровавый закат. И над этим мрачным покоем безмолвно скользил большой белый парус.

День был душный, ни малейшего дуновения ветерка; даже легкие сквозняки, врывавшиеся в открытые окна вагона, не приносили прохлады. За окном тянулось безбрежное серое море; в глазах мелькали полосы коротких туннелей, да проносились мимо столбы снегозащитных заграждений.

Когда поезд промчался над кручей Оясирадзу, спустились сумерки. Сидевший в дальнем конце тускло освещенного вагона пассажир вдруг поднялся и начал бережно заворачивать в кусок черного атласа прислоненный к окну довольно большой плоский предмет. Отчего-то я почувствовал под ложечкой неприятный холодок.

Несомненно, это была картина, но до сих пор она стояла лицом к стеклу с какой-то определенной, хотя и совершенно непонятной мне целью. На короткий миг мне удалось увидеть ее — и меня ослепили вызывающе яркие, необычайно живые краски.

Я украдкой глянул на обладателя странной картины и поразился еще сильнее: попутчик мой выглядел куда более странно. Он был облачен в старомодную, чрезвычайно тесную черную костюмную пару — такой фасон можно встретить разве только на старых выцветших фотографиях наших отцов, — но костюм идеально сидел на длинной сутулой фигуре незнакомца. Лицо его было бледным, изможденным, лишь глаза сверкали каким-то диковатым блеском, тем не менее он казался человеком вполне достойным и даже незаурядным.

Разделенные аккуратным пробором волосы поблескивали черным маслянистым глянцем, и на вид я дал ему лет сорок, однако, вглядевшись попристальней в покрытое мелкой сеткой морщин лицо, тут же накинул еще десятка два. Несоответствие гляцевито-черных волос и бесчисленных тонких морщин неприятно поразило меня.

Завернув картину, он вдруг обернулся ко мне. Я не успел отвести глаза, и наши взгляды встретились. Он как-то криво и несколько смущенно улыбнулся. Я машинально поклонился в ответ.

Поезд пролетел мимо нескольких полустанков, а мы, каждый в своем углу, все поглядывали друг на друга и всякий раз с неловким чувством отводили глаза. За окном чернела ночь. Я приник к стеклу, но не смог разглядеть ни единого огонька — только далеко в море мерцали фонарики одиноких рыбацких суденышек. И в этой безбрежной ночи мчался вперед, громыхая на стыках колесами, наш полутемный длинный вагон — единственный островок жизни в океане тьмы. Казалось, во всем белом свете остались лишь мы — я и мой странный попутчик. Ни один пассажир не подсел к нам, и, что особенно удивительно, ни разу не прошел кондуктор или мальчишка-разносчик.

В голову мне полезли всякие страшные мысли: а что, если мой попутчик — это злой чужеземный волшебник? Известно, что ужас, если ничто не отвлекает внимания, все растет и растет и наконец завладевает всем твоим существом. Измученный этим томительным чувством, я резко поднялся и решительным шагом направился в

дальний конец вагона, где сидел незнакомец. Казалось, страх магнитом притягивает меня к нему. Я уселся напротив и впился глазами в его бледное, изборожденное морщинами лицо, испытывая странное ощущение нереальности происходящего. От волнения у меня даже перехватило дыхание.

Незнакомец следил за каждым моим движением, а когда я уселся, сверля его взглядом, он, точно и ждал того, показал на завернутый в черный атлас предмет.

— Хотите взглянуть? — спросил он без предисловий.

Подобная прямолинейность смутила меня, и я не нашел что ответить.

— Но ведь вы, конечно, сгораете от любопытства, — констатировал он, видя мое замешательство.

— Д-да... Пожалуй... Если вы будете столь любезны, — неожиданно для себя пробормотал я, замороженный его загадочными интонациями, хотя до этой минуты даже не помышлял о картине.

— С большим удовольствием покажу вам ее, — улыбнулся он и прибавил: — Я давно уже жду, когда вы об этом попросите...

Бережно, ловкими движениями своих длинных пальцев он развернул ткань и прислонил картину к окну, на сей раз изображением ко мне.

Взглянув на нее, я невольно зажмурился. Я и сейчас не смог бы назвать причину — но отчего-то я испытал сильнейшее потрясение. Огромным усилием воли я заставил себя открыть глаза — и увидел настоящее чудо. Мне, пожалуй, не хватит умения объяснить странную красоту картины.

Это была тонкая ручная работа в технике «осиэ».^[173] На заднем плане тянулась длинная анфилада комнат, изображенных в параллельной перспективе, как на декорациях театра Кабуки; комнатки с новенькими татами и решетчатым потолком были написаны темперой, с преобладанием ярко-синих тонов. В левом углу на переднем плане художник тушью изобразил окно, а перед ним — с полным пренебрежением к законам проекции — черный письменный стол.

В центре — две довольно большие, сантиметров в тридцать, человеческие фигуры.

Собственно, только они были выполнены в технике «осиэ» и разительно выделялись на общем фоне. Убеленный сединами старец, одетый по-европейски — в старомодном черном костюме, — церемонно сидел у стола. Меня изумило его несомненное сходство с владельцем картины. А к нему с невыразимой пленительной грацией прильнула юная девушка, почти девочка, лет семнадцати — восемнадцати, совершеннейшая красавица.

Причесанная в традиционном стиле, она была одета в роскошное, переливающееся всеми оттенками алого и пурпурного кимоно с

длинными рукавами, перехваченное изысканным черным атласным obi. Их поза напоминала любовную сцену из классического спектакля.

Контраст между старцем и юной красавицей был ошеломляющий, однако не это поразило меня. В сравнении с-аляповатой небрежностью фона эти изображенные фигурки отличались такой изысканностью и изощренностью мастерства, что у меня захватило дух. На их лицах из белого шелка я мог различить каждую черточку, вплоть до мельчайших морщинок; волосы юной прелестницы были самыми настоящими, причем каждый волосок мастер вшил отдельно и собрал в прическу по всем правилам; то же самое можно было сказать и о старце. А на его черном бархатном костюме я разглядел даже стежки ровных швов и крохотные, с просяное зернышко, пуговицы. Мало того, я увидел припухлость маленькой груди девушки, соблазнительную округлость ее бедер, шелковистость алого крепа нижнего кимоно, розоватый отлив обнаженного тела, видневшегося из-под одежд. Пальчики девушки увенчивались крошечными, блестящими как перламутровые ракушки ноготками... Все было таким натуральным, что возьми я увеличительное стекло, то, наверное, обнаружил бы поры и нежный пушок на ее коже.

Картина, похоже, была очень старой, так как краска местами осыпалась и одежды слегка поблекли от времени, но, как ни странно, во всем сохранялась ядовитая яркость, а две человеческие фигуры выглядели непостижимо живыми: еще миг — и они заговорят.

Мне не раз доводилось видеть на представлениях, как оживают куклы в руках умелого кукловода, но старца и девушку, в отличие от театральных кукол, оживавших только на краткий миг, переполняла подлинная, непреходящая жизнь.

Незнакомец, подметив мое изумление, с удовлетворением усмехнулся.

— Ну что, теперь догадались, любезный?

Он осторожно открыл маленьким ключиком висевший у него на плече черный кожаный футляр и извлек оттуда подержанный старомодный бинокль.

— Взгляните-ка на эту картину в бинокль. Нет-нет, так слишком близко. Отступите немного...

Предложение было поистине необычным, но, охваченный любопытством, я послушно поднялся и отошел шагов на шесть. Мой собеседник, видимо, для того чтобы я мог лучше рассмотреть картину, взял ее в руки и поднес к свету. Вспоминая сейчас эту сцену, не могу не признать, что она отдавала безумием.

Бинокль был весьма старый, явно европейского образца, с причудливой формы окулярами: такие бинокли украшали витрины оптических магазинов в пору моего детства. От долгого употребления черная кожа местами протерлась, и показалась желтая латунная

основа. Словом, это был такой же атрибут старых добрых времен, как и потертый костюм незнакомца.

Я повертел его в руках, с интересом разглядывая диковинную вещицу, затем поднес к глазам. Но тут незнакомец испустил такой дикий вопль, что я невольно вздрогнул, едва не выронив бинокль из рук.

— Остановитесь! Так нельзя! Никогда не смотрите в бинокль с другого конца, слышите, никогда! — Лицо незнакомца покрылось смертельной бледностью, глаза вылезли из орбит, руки тряслись.

Меня поразила его безумная выходка: я не видел большого греха в этой ошибке. Озадаченно пробормотав извинения, я перевернул бинокль, нетерпеливо навел на резкость — и из радужного ореола выплыла неправдоподобно большая, в натуральную величину, фигура красавицы.

Эффект был потрясающий. Дабы читателю стало понятно, скажу лишь, что подобное ощущение возникает, когда смотришь на всплывающих со дна моря ныряльщиц за жемчугом. Под толстым слоем голубоватой воды тело кажется неясным, расплывчатым; оно колышется, словно морская трава. Но постепенно, по мере того как ныряльщица поднимается на поверхность, облик ее становится все яснее, все четче — и вот происходит мгновенное чудесное превращение: вынырнув, белый оборотень преображается в человека.

Так вот, линзы бинокля приоткрыли мне совершенно особый, непостижимый мир, в котором жили своей загадочной жизнью прелестная девушка со старинной прической и старик в старомодном европейском костюме. Я испытал неловкость, подсмотрев по воле волшебника их сокровенную тайну, однако все смотрел и смотрел как зачарованный и не мог оторвать глаз.

Девушка сидела на том же месте, но теперь — я ясно видел это сквозь окуляры бинокля — тело ее словно наполнилось жизненной силой: белоснежная кожа светилась персиковым румянцем, грудь волновалась под тонкой пурпурно-алой тканью; мне казалось, я даже слышу биение сердца!

Рассмотрев красавицу с головы до ног, я перевел бинокль на седовласого старца, восторженно обнимавшего свою возлюбленную, годившуюся ему в дочери. На первый взгляд казалось, что он так и лучится счастьем, но на его изборожденном морщинами лице, увеличенном линзами бинокля, лежала печать затаенной горечи и отчаяния. Чем дольше я смотрел на него, тем явственней проступало выраженье щемящей тоски.

Ужас пронзил меня. Не в силах смотреть на это, я оторвался от окуляров и безумным взором обвел унылый вагон. Ничто не переменилось: за окном по-прежнему чернела мгла, и все так же монотонно постукивали колеса на стыках рельсов. Я чувствовал себя так, словно очнулся от ночного кошмара.

— Вы плохо выглядите, — заметил незнакомец, вглядываясь в меня.

— Кружится голова... Здесь очень душно, — нервно откликнулся я, пытаюсь скрыть свое замешательство.

Но он, точно не слыша, нагнулся ко мне и, воздев длинный палец, таинственно проговорил:

— *Они настоящие, ясно?*

Глаза его странно расширились. Он шепотом предложил:

— Хотите узнать их историю?

Вагон качало, колеса лязгали, и я, подумав, что ослышался, переспросил. Мой собеседник утвердительно кивнул:

— Да, историю их жизни. Точнее сказать, жизни этого старика.

— Вы... Вы хотите сказать, его юности? — Вопрос мой, впрочем, тоже был за гранью разумного.

— В ту пору ему исполнилось двадцать пять!..

Я ждал продолжения, словно речь шла о живых людях, и незнакомец, заметив мое нетерпение, просиял.

Вот та невероятная история, что я от него услышал.

— Я помню все до мельчайших подробностей, — начал он свое повествование. — Я прекрасно помню тот день, когда брат превратился в *это*, — он ткнул пальцем в картину. — Вернее, вечер двадцать седьмого апреля тысяча восемьсот девяносто шестого года... Мы с братом жили тогда в родительском доме, в Нихонбаси, — это почти центр Токио. Отец был торговцем мануфактурой и держал лавку.

Незадолго до этого случая в парке Асакуса выстроили знаменитую двенадцатиярусную башню. И вот мой братец взял за привычку каждый день любоваться с нее видом на Токио. Должен заметить, что брат мой вообще отличался некоторой чудаковатостью: он был страстный охотник до всего новомодного и иностранного... Этот бинокль он приобрел в одной антикварной лавке — в китайском квартале Йокогамы — за огромные по тем временам деньги. Прежде он якобы принадлежал какому-то чужеземному капитану...

Говоря «мой братец», незнакомец указывал на картину, словно бы рядом с нами сидел живой человек. Я понял, что он не отделяет своего реально существовавшего брата от старика на картине. Мало того, он обращался к картине, как к реальному человеку. Но что самое удивительное, и сам я ни на мгновение не подвергал эту связь сомнению. Видно, оба мы существовали в тот вечер в ином, фантастическом мире.

— Вам доводилось когда-нибудь подниматься на эту башню? Нет? Ах, как жаль! Чудесное здание. Можно было только дивиться — что за кудесник его построил. По слухам, проектировал башню какой-то итальянский архитектор. Должен сказать, что в те времена в парке Асакуса много было любопытных аттракционов: человек-паук, танец с

мечами, балансирование на мяче, уличные фокусники, а также кинетоскоп... Да, и еще Лабиринт криптомерий, где легко можно было заблудиться в хитросплетениях зеленых проходов. А в центре парка возвышалась гигантская башня, сложенная из кирпича. Поистине, то было удивительное сооружение — высотой более восьмидесяти метров, увенчанное восьмигранной крышей, походившей на китайскую шляпу. Из любой точки города, где бы вы ни находились, было видно это красное чудище. Жаль, что башню разрушило Великое землетрясение...

[174]

Итак, весной мой брат приобрел бинокль. События, начали разворачиваться вскоре после того. Брат стал каким-то странным. Отец всерьез беспокоился, что он повредился в рассудке; я, как вы понимаете, тоже переживал за своего горячо любимого брата. Он почти ничего не ел, дома больше отмалчивался и, запершись у себя, часами предавался раздумьям. Брат похудел, щеки ввалились, лицо у него приобрело нездоровый оттенок, и только глаза лихорадочно блестели.

Каждый день он до самого вечера не появлялся дома, точно ходил на службу. Сколько мы ни пытали его, брат не говорил нам, где бывает. Матушка со слезами умоляла открыть, что его гложет; но толку так и не добились. Это продолжалось около месяца.

Вконец отчаявшись, я решил выследить, где пропадает мой братец. Матушка тоже просила меня об этом.

...День был унылый, пасмурный, как сегодня. И вот вскоре после обеда по уже укоренившейся привычке брат куда-то собрался: надел щегольской черный костюм и вышел, прихватив бинокль. Он шагал туда, где останавливалась конка. Я крался следом, стараясь не попасться ему на глаза. Неожиданно брат на ходу вскочил в конку, следовавшую в направлении парка Асакуса. Дождаться следующего вагона было бессмысленно; я нанял рикшу (благо матушка дала мне немного денег) и велел держаться за конкой, в которую сел мой брат. Рикша попался быстроногий, и мы мчались, не теряя вагон из виду.

Братец сошел. Я тоже отпустил рикшу и, соблюдая осторожность, тенью последовал за братом. И как вы думаете, куда мы пришли? К храму богини Каннон в парке Асакуса. Брат миновал ворота, не останавливаясь, прошел мимо храма, мимо павильончиков с аттракционами, теснившихся за храмовыми постройками, и, проталкиваясь сквозь толпу, подошел к той самой двенадцатиярусной башне. Уплатив за вход, он скрылся в ее недрах, а я буквально остолбенел от изумления: мы и представить себе не могли, что именно здесь пропадает мой брат! В ту пору я был совсем юн и, конечно, вообразил, что его околдовал злой дух башни.

Сам я только раз поднимался на башню, да и то вместе с отцом: отчего-то она вызывала у меня непонятное отвращение; но поскольку именно там скрылся брат, я без колебаний устремился следом.

...Я поднимался по узкой каменной лестнице, на один виток отставая от брата. Внутри было мрачно и сыро, как в склепе. Шла война с Китаем, и на стенах висели жутковатые, изображавшие батальные сцены картины, написанные маслом, — тогда еще довольно большая редкость. Словно залитые брызжущей кровью, полотна зловеще алели в тусклом свете, сочившемся через оконца. Спиральная, как раковина улитки, лестница виток за витком вела вверх. Под самой крышей была открытая площадка, огороженная перилами. Выйдя из сумрака на яркий свет, я невольно зажмурился.

Облака плыли прямо над головой; казалось, я могу достать их рукой. Внизу беспорядочно лепились друг к другу крыши домов, вдали темнел форт, за ним виднелся Токийский залив. Прямо под собой я увидел маленький, как кукольный домик, храм; среди крохотных коробочек-павильонов сновали человечки, у которых сверху различимы были лишь ноги и головы.

Несколько посетителей, негромко переговариваясь, восхищенно любовались раскинувшимся видом. Брат стоял поодаль и не отрываясь смотрел в бинокль на храм Каннон. Поразительной красоты было зрелище! Фигура брата в черном бархатном одеянии отчетливо вырисовывалась на фоне серых облаков: он стоял задумчивый, отрешенный от всего земного, словно святой на картине европейского живописца. Я не решался окликнуть его...

Однако, памятуя матушкин наказ, я все же осмелился приблизиться и робко спросить: «Братец, куда ты смотришь?» Брат резко обернулся, и на лице его промелькнуло неприязненное выражение. Он не ответил. Но я не унимался: «Братец, ты ведешь себя очень странно. Отец и матушка просто места себе не находят от беспокойства, все гадают, что с тобой происходит. А ты, оказывается, ходишь сюда! Зачем, брат? Братец, ради всего святого, откройся мне, мне-то можешь довериться, правда?»

Брат упорно молчал, но я тоже не отступал, и он наконец сдался. Однако ответ его поверг меня в еще большую растерянность, ибо история оказалась совершенно немыслимой.

...Примерно с месяц назад брат поднялся на башню полюбоваться в бинокль храмом Каннон, и среди моря лиц он вдруг увидел девушку. Она была так прекрасна, так божественно хороша, что брат мой, равнодушный к женскому полу, едва не лишился чувств. Придя в себя, он стал лихорадочно крутить окуляры, но красавица словно испарилась, он так и не смог отыскать ее в толпе.

С тех пор брат лишился покоя. Образ прекрасной незнакомки неотступно преследовал его, и будучи от природы человеком скрытным, он таял от старомодных любовных мук. Современная молодежь, вероятно, посмеялась бы над подобным чудачеством, но в те времена люди были иными — и нередко мужчины сгорали от страсти к красавицам, с которыми им и побеседовать-то не довелось...

И вот, одержимый безумной надеждой отыскать незнакомку среди людских толпищ, осаждающих храм Каннон, брат, слабея от голода и тоски, изо дня в день все поднимался и поднимался на башню. Да, непостижимое чувство — любовь...

Окончив рассказ, брат с отчаянием приник к окулярам. Глаза его болезненно сверкали. Я горячо сочувствовал ему, сердце мое обливалось кровью при мысли, что поиски его обречены на неудачу: ведь с равным успехом можно искать иголку в стоге сена. Но у меня не хватало духу помешать ему, и со слезами на глазах смотрел я на трагическую фигуру брата. Но вдруг... О, мне никогда не забыть пронзительной красоты той минуты! Прошло уже столько лет, но стоит закрыть глаза, как я снова вижу эту картину... Как я уже говорил, брат точно парил в серых пасмурных облаках. И вот красочным фейерверком в небо взмыл рой воздушных шаров — красных, синих, лиловых... Это было невероятное зрелище — словно знамение свыше, — и от странного предчувствия у меня защемило сердце. Я перевесился через перила, взглянуть, что случилось. Оказалось, что торговец шарами, зазевавшись, отпустил в воздух разом весь свой товар. Причина была самая заурядная, но странное чувство не покидало меня... И тут — тут мой брат, покраснев от волнения, схватил меня за руку.

«Скорее! Мы опоздаем! — кричал он, сбегая по лестнице. — Это она! Я нашел ее!»

Брат тащил меня к храму..

«Я видел ее в гостиной, в доме с новенькими татами. Теперь я знаю, где найти ее!»

Ориентиром нам служила большая сосна, росшая позади храма, рядом с ней, похоже, и был дом, где скрывалась красавица. Но сколько мы там ни ходили, к великому разочарованию брата, девушки не нашли. Сосна стояла на месте, но поблизости не было ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего тот дом. Я убежден, что брату просто-напросто померещилось, но он впал в такое уныние, что для очистки совести я принялся обшаривать все окрестные чайные домики, разумеется, безуспешно.

Когда я вернулся туда, где оставил убитого горем брата, его на месте не оказалось. Я поспешил вернуться к сосне и, пробегая мимо лотков и палаток, заметил один павильончик, который еще не закрылся. Приглядевшись, я увидел подле него брата, прильнувшего к глазку кинетоскопа.

«Братец, ты что?» Я тронул его за плечо.

Он обернулся. Лицо его я помню и поныне.

Взгляд у него был отсутствующий, устремленный в невидимое далеко. Глаза мечтательно сверкали, даже голос звучал словно из другого мира.

«Она там... Внутри!» — выдохнул он.

Я сразу понял, о чем идет речь, и приткнулся к глазку. Перед моими глазами всплыло прелестное лицо дочери зеленщика, О-Сити — бессмертной героини любовной драмы Кабуки.^[175] На картине — ибо это была картина в технике «осиэ» — художник запечатлел сцену свидания: очаровательная О-Сити нежно прильнула к своему возлюбленному Китидза в покоях храма Китидзэджи.

Без сомнения, то было творение гениального мастера. Особенно ему удалась О-Сити: от девушки невозможно было оторвать глаз, чудное лицо ее дышало жизнью. Даже мне показалось, что она живая, так что я несколько не удивился странным речам брата:

«Я понимаю, что это всего только кукла, сделанная из шелка, но я не могу разлучиться с ней. О, как бы я желал быть на месте ее возлюбленного и поговорить с ней хоть раз!»

Брат стоял в каком-то оцепенении. Я догадался, что картину он разглядел с башни — через полуоткрытую крышу павильончика.

Сгущались сумерки, толпы посетителей редели. Возле павильона с кинетоскопом слонялись только мальчишки, которым явно не хотелось уходить. Однако потом и они куда-то исчезли.

Небо хмурилось весь день, но сейчас облака, набухшие влагой, висели совсем низко, усугубляя мрачное чувство. Где-то вдалеке слышалось угрожающее ворчание грома. А брат все стоял как потерянный, отрешенно глядя куда-то вдаль. Так прошло довольно много времени.

Тьма спустилась на землю; над павильоном, где выступали акробаты, зажглись яркие газовые огни вывески. Вдруг брат, точно очнувшись от забытья, схватил меня за руку:

«Я придумал! Сделай то, что я скажу: переверни бинокль и посмотри на меня с другого конца!»

То была странная просьба. Но сколько я ни добивался объяснений, брат упрямо твердил:

«Не спрашивай, делай, как я велю».

Надо заметить, что я всегда питал отвращение ко всякого рода оптическим приборам. Все эти бинокли, отдаляющие и уменьшающие предмет до размера песчинки или, напротив, чудовищно увеличивающие его, микроскопы, способные превратить крохотного червяка в ужасающего дракона, — во всем этом есть что-то от черной магии. А потому я редко брал драгоценный бинокль брата. Он почему-то казался мне орудием дьявола...

И уж конечно, смотреть в него на задворках безлюдного храма в ночной час было совсем уже дико и страшно, но послушаться я не посмел. Когда я поднес бинокль к глазам, фигура стоявшего рядом брата мгновенно уменьшилась до полуметра, однако я отчетливо различал ее в темноте. Потом, продолжая быстро уменьшаться, — может быть оттого, что он отошел назад? — брат превратился в

красивую куклу, которая воспарила в воздух... и растаяла в ночной мгле.

Ужас объял меня. Я бросил бинокль и заметался из стороны в сторону, в отчаянии призывая брата:

«Где ты? Братец! Отзовись!»

Но все было тщетно. Я его не нашел. Да, мой друг, брат исчез из этого мира... С той поры я стал еще больше бояться биноклей — этих дьявольских штучек. И особенно того самого, что вы держали в руках. Не знаю, как там все прочие, но этот приносит несчастье: стоит взглянуть в него с другого конца — и навлечешь на себя неисчислимые беды. Теперь вам, надеюсь, понятно, почему я так грубо остановил вас?..

Но вот что случилось дальше: устав от бесплодных поисков, я вернулся к павильончику с кинетоскопом. И вдруг меня осенила неожиданная догадка: а что, если брат воспользовался магическими чарами бинокля и, обратившись в куклу, переселился на картину?

Я упросил закрывшего павильончик хозяина дать мне взглянуть на храм Китидзёдзи — и что же? Как я и предчувствовал, в неверном свете масляного светильника я увидел брата, сидевшего на месте Китидза. С выражением высшего блаженства он обнимал красавицу О-Сити...

Удивительно, но мне не было грустно, напротив, я до слез радовался тому, что заветная мечта брата сбылась.

Сговорившись с владельцем о покупке картины (странно, он так и не увидел подмены — не заметил, что вместо Китидза рядом с О-Сити сидит мой брат, облаченный в европейское платье), я прибежал домой и от начала до конца рассказал обо всем матушке. Но ни матушка, ни отец не поверили мне, решив, что я не в себе. Правда, забавно?.. — И мой попутчик захохотал, как над удачной остротой. Почему-то мне тоже стало очень смешно.

— Я так и не смог убедить их, что человек способен жить на картине. Но ведь сам факт исчезновения брата из этого мира лишь подтверждает мою правоту! Отец, например, до сих пор убежден, что брат просто сбежал из дому.

И все же, невзирая на возраженья, я упросил матушку дать мне нужную сумму и приобрел картину. После этого я отправился с ней из Хаконэ в Камакуру. Не мог же я лишиться дорогого брата свадебного путешествия. Вот почему всегда, садясь в поезд, я прислоняю картину лицом к стеклу: пусть брат и его возлюбленная наслаждаются пейзажем.

...Ах, как был счастлив мой брат! И О-Сити с восторгом принимала его поклонение. Они выглядели как настоящие молодожены: прижавшись друг к другу и стыдливо краснея, всё не могли наговориться.

Потом отец свернул дело в Токио и перебрался в родные места, в городок Тояма. И вот уже тридцать лет я живу там. Но несколько дней

назад мне пришла в голову мысль показать брату преобразившийся Токио, и потому я вновь путешествую вместе с ними...

Лишь одно обстоятельство омрачает счастье моего брата: годы не старят девушку — ведь она, при всей ее неувядающей красоте, только кукла, сделанная из шелка. Брат же, как попал на картину, так и остался живым человеком из плоти и крови и потому неотвратимо дряхлеет — как я. Увы! — мой двадцатипятилетний красавец брат превратился в немощного старика, лицо его избороздили уродливые морщины. Вот почему такое отчаяние сквозит в его взоре. Немало уж лет прошло... Бедный мой брат!..

Незнакомец вздохнул и взглянул на картину.

— О-о, я совсем заболтался. Но я вижу, вы верите мне. Вы ведь не станете утверждать, как некоторые другие, что я сумасшедший? Кажется, мой рассказ произвел на вас впечатление... Наверное, брат устал. Да и неловко им перед чужим человеком... Пусть они отдохнут. — Мой собеседник стал заботливо заворачивать картину в черный атлас.

И тут мне почудилось, что лица у кукол и в самом деле слегка растерянные и смущенные, и я мог даже поклясться, что они на прощанье приветливо улыбнулись мне.

Мой попутчик надолго погрузился в молчание. Молчал и я. Поезд с грохотом неся вперед, в ночь. Но вот минут через десять он стал замедлять ход, за окнами промелькнули тусклые огоньки. Через мгновение поезд остановился на каком-то крохотном полустанке в горах. В окно я увидел дежурного, одиноко стоявшего на платформе.

— Разрешите откланяться... — Незнакомец поднялся. — Я выхожу. Сегодня я заночую здесь, у родственников.

Он взял картину под мышку и поспешил к дверям. Выглянув из окна, я увидел его худую фигуру — в этот миг он был совершенно неотличим от старика на картине. Остановившись у турникета, он протянул дежурному свой билет. В следующее мгновение тьме поглотила его...

перевод Г. Дуткиной

Дзюн Исигава

ПОВЕСТЬ О ПУРПУРНЫХ АСТРАХ

Наместник до страсти любил охоту. Все равно какую: соколиную ли охоту, охоту на кабанов, охоту на оленей... Не разбирая, счастливый день или несчастливый, кружил он по горам и долинам, замороженный ускользящей тенью птицы или зверя, и едва только почудится ему вдали что-то живое, он тут же пускался вдогон, но ни разу, ни разу не попадалась дичь на острие его стрелы, не удавалось ему добыть даже голубка, даже зайчонка. Между тем лук у наместника был превосходный: из сотни стрел, пущенных им, любая поражала самую середину мишени, но на охоте с этими стрелами творилось непонятное, они улетали неведомо куда, хотя наместнику казалось, что летят они прямо в цель. И вот что еще удивительно: едва избежав стрелы, птицы и звери вдруг пропадали, и никто не мог уследить, куда уносилась птица, куда уходил зверь. А сами стрелы?! Куда они падали, на дно ли ущелья, за краем ли долины, — никто не видел. Только стоял в ушах яростный свист летящей стрелы. И неизменно в свите возникал один и тот же шепот:

— О, что за мощная рука!

— Наши стрелы попадают всего только в птицу или зверя. Правда, не так уж часто. А господин наместник с единого выстрела пронзает живые души!

— Уж не божество ли направляет его стрелы, если мы после этого ничего не видим?!

Лица людей хранили полную невозмутимость, но кто знает, не таилось ли в иных голосах издевки над досадою юного наместника, ведь было ему от роду восемнадцать лет.

Но наместник словно бы и не слышал ни этих голосов, ни издевки, быть может звучавшей в них, он снова погонял коня и ехал дальше. Казалось, живые мишени и бесследно исчезающие стрелы только распаляли его страсть к охоте.

Однажды осенним вечером наместник со свитой ехал не спеша по пустынной дороге. Стрелы наместника в этот день летели, по обыкновению, мимо цели, но не везло и его свите — птицы и звери как ни в чем не бывало разгуливали на воле, дразня людей, которые в своих охотничьих уборах были для них не опаснее огородных пугал. Солнце садилось, воспаленные глаза наместника налились кровью, свита еле волочила ноги, не было сил даже свистнуть, чтобы поднять зверя.

Так они добрались до горной реки. Внезапно в придорожной траве возникла желтая тень и тотчас исчезла, как будто ее смахнули щеткой. Лисичка! В свите еще только вскидывали луки, а уж стрела наместника блеснула в траве. Стрела вонзилась лисичке в спину.

— А-а-а!

И все содрогнулись, так это было похоже на человеческий стон. Уж не подстрелил ли наконец их господин живое существо? А может быть, стрела по ошибке попала в кого-то из своих. Но они торопились угодить

юному наместнику, и стон потонул в хоре грубых голосов, восхваляющих его меткость.

Наместник молчал. Отворотившись от добычи, глядел он на вечерние облака, рдеющие над дальними скалами. Глаза его мерцали холодком горной реки; темно-красные губы подрагивали.

— Выходит, это так просто — убить живое существо?

Если он и сказал это, то ветер успел разметать слова, и никто ничего не услышал. Двое стремянных опрометью бросились за лисицей, но наместник с неожиданной злобой закричал:

— Не трогать!

Вместе с окриком зазвенела тетива, и две стрелы сорвались с нее одна за другой. Они вонзились в спины стремянных, и те упали. Свита смолкла, и в вечернем сумраке, стлавшемся над землей, слышалось холодное журчание реки.

Наместник хлестнул коня и помчался вскачь. Свита в растерянности последовала за ним.

//

Наместник родился в столичной Обители поэтов.^[176] Знатные предки из поколения в поколение становились поэтами, стихи были для них привычным делом, и он словно родился с этим умением. В пять лет он слагал танка, словно передвигал шашки го, и его манера стихосложения сделалась вскоре не по-детски зрелой. Это было чрезвычайно приятно его отцу. Он не хвалил сына в глаза, но с гордостью говорил людям:

— Мунэёри, пожалуй, назначат составителем государева изборника стихов!

Покойный дед Мунэёри тоже был составителем государева изборника. Что же это? Неужто и ему придется до конца этой жизни сочинять стихи, и только потому, что умение искусно составлять слова обретено им в прежних рождениях?! Так с детским простодушием размышлял Мунэёри, а в это время слова сами собой слагались в стихи и слетали с его губ.

Семи лет он написал стихи на Новый год. Отец, прочитав их, искренне похвалил сына. Стихи были и впрямь хороши. Они обличали в авторе истинного поэта. Тем не менее отец взял кисть и поправил одно слово:

— Вот теперь безупречно!

Отец исправил то место, в котором Мунэёри и сам сомневался. Он раздумывал над двумя словами и в конце концов выбрал то, которое счел более выразительным. А отец исправил его на то, от которого Мунэёри отказался. Выходит, отец предпочел то, что Мунэёри показалось слабым. Стало быть, в искусстве поэзии отец ему уступает?

Но когда Мунэёри еще раз прочел стихи, он вдруг подумал, что отброшенное им слово все-таки выразительнее. Наверное, отец все же превосходит его. Вот еще! Это он, Мунэёри, выбрал лучшее и отбросил худшее! Следы исправления пятнали набросок стиха. Надо взять кисть и исправить на прежний лад.

Мунэёри придвинулся вплотную к отцу, заглянул ему в глаза. Перед ним было большое, строгое и вместе с тем бесстрастное лицо, и оттого, что в глазах ребенка билась какая-то напряженная мысль, оно не переменило выражения. Уверенная невозмутимость отца сбивала с толку. Это было лицо врага — коварное, вызывающее на поединок, — врага, который вскоре встанет ему поперек дороги. Внезапно мальчик схватил кисть, которую только что положил отец, и швырнул ее в это лицо. Кисть прошла по лбу, оставив красные разводы. Ни один мускул не дрогнул в лице, только глаза широко раскрылись. Настоящий лицедей! Мунэёри показалось, будто из какого-то таинственного зеркала на него глянуло его будущее лицо, только сильно располневшее. Невозмутимый лицедей! Мунэёри громко заплакал.

Отец вообразил, что ребенок заплакал от раскаяния в дурном поступке, и не стал бранить его слишком сильно. И все же спросил о причине подобной выходки, но ответа не получил. В молчании сына таилось нечто зловещее, от чего сжималось сердце. Вскоре после этого случая он перестал гордиться сыном. А Мунэёри с того дня забросил стихи. Вернее, он пытался сдерживать себя, но стихи по-прежнему блуждали на его устах, и он просто запретил себе облекать их в привычную форму.

Мунэёри оставил кисть. Он уже не сидел в непринужденной позе, сочиняя стихи, а целыми днями пропадал на улице, гонял мяч. Вскоре он стал опытным игроком, но игра не приносила ему удовлетворения. Нужно было найти дело, в котором он почерпнул бы силу. Мунэёри взялся за меч, потом за лук, занялся стрельбой из лука с седла. По душе ему пришелся лук: сидя на коне и стоя на земле, открыто или из засады, издали или вблизи — как хочешь можно стрелять во врага. Можно сразить врага, а они не узнает, от чьей стрелы принял смерть. Лук заворожил душу Мунэёри своей способностью настигать даже сильного врага издали, тайком, неожиданно, способностью, которой лишен обычный меч. Однако сам он, казалось, не понимал этого. Мунэёри еще не пробовал стрелять по живому, а врагов у него не было. Он упражнялся с луком только в усадьбе под ивой. Учителем его был дядя. У этого дяди, конечно, было имя, только никто его не помнил, и все звали его Юмимаро — Чудо-лучник — за искусное владение луком. Дядя усердно занимался с ним изо дня в день и был поражен быстрыми успехами маленького племянника. Однако, ничем не показывая этого, он только еще упорнее его обучал. Когда Мунэёри сравнялось двенадцать, он, конечно, еще не мог соперничать с признанными столичными воинами, но уже весьма ловко владел луком.

С той поры, вернее, чуть раньше, отец часто бывал недоволен его поведением, и, наконец, дело дошло до того, что он стал проявлять явную ненависть к сыну. Прежде всего ему было не по душе то, что сын оставил поэзию. Да и вообще — ну что такое лук? В Обители поэтов это совершенно бесполезная вещь, он ведь принадлежность военных. Дело осложнялось и тем, что учителем был Юмимаро. Старший брат. Глава дома даже не упоминал имени сводного брата, рожденного от женщины низкого происхождения, и относился к нему пренебрежительно, как к дармоеду. Более того, сводный брат сам давал повод для такого отношения. Юмимаро сизмальства не имел склонности к стихосложению. Это был сильный, дурного нрава юноша, любитель азартных игр, заядлый охотник. Он в ранней юности убежал из дому, связался с шайкой бродяг, и его не без основания подозревали в грабеже. Домой он вернулся уже старым, одна нога, искалеченная мечом, плохо гнулась. Семья стыдилась его и следила за ним, будто выжидая удобного случая запрянуть его в клетку. Но и клетка не сделает из волка овцу. Юмимаро, похожий на израненного матерого волка, присмирел, посиживал себе на корточках, но этим раздражал еще больше, — он словно издевался над изысканными манерами поэта, главы дома. Конечно, сближение мальчика с этим Юмимаро беспокоило отца, против которого восстал сын. От сводного брата он мог бы отказаться, но родного-то сына не бросишь. Отца это задевало за живое, но не вырвешь же силком лук у сына и не посадишь его за прежнее занятие — сочинение стихов. К тому же с детства отец при виде лука начинал дрожать, а заслышав вдалеке свист стрелы, мгновенно бледнел и лишался дара речи, — словом, вел себя как люди, боящиеся грозы. Следы кисти, брошенной когда-то семилетним мальчиком, представлялись сейчас отцу кровавыми разводами, и, глядя на подросткового сына, да еще с луком в руках, он вынужден был пойти на попятный. Это укрепило желание Мунэёри еще глубже постичь искусство владения луком.

В четырнадцать лет Мунэёри женили на девушке из влиятельного дома. Этот брачный союз был, судя по всему, делом рук отца, который жаждал породниться с могущественным родом, да и втайне надеялся отвлечь непутевого сына от бранных забав и соблазнить любовными утехами. Невесте в ту пору минуло десять лет. Звали ее Уцуро-химэ. Временами она производила впечатление слабоумной. Утонченная скромность, изящество, вкус — она были лишена всего этого. Единственное, что интересовало Уцуро-химэ — это отношения между мужчиной и женщиной. Она быстро привязалась к Мунэёри и с простодушной жадностью, свойственной маленьким детям, не стесняясь людских глаз, откровенно домогалась его ласк, предаваясь любовным утехам денно и ночью, и не ведала насыщения. Ненасытная! В конце концов Мунэёри отверг жену и удалился от спальни. Против отцовских ожиданий у Мунэёри от первого любовного опыта осталось

ощущение нечистоты. Когда Мунэёри исполнилось восемнадцать, его назначили наместником в отдаленную провинцию. Это было устроено явно при содействии могущественного рода жены. Вскоре Мунэёри узнал, что столь отдаленную провинцию выбрали, несомненно, из-за отцовских козней. До ушей его каким-то образом дошли слова отца:

— Мунэёри забросил поэзию, презрел любовь, он — низкий, непутевый человек. Я отрекаюсь от собственного дитяти ради чести семьи. Видеть его больше не желаю. Отправим его подальше от столицы. Таким, как он, только и коротать свой век в глуши.

Одновременно с назначением Мунэёри в провинцию отца его вновь облекли званием составителя сборника стихов.

Утром в день отъезда, когда Мунэёри верхом на коне был уже у ворот, он, внезапно оглянувшись, заметил в глубине усадьбы отца, с которым уже давно не виделся. Составитель сборника, голова которого была увенчана новенькой придворной шапкой-эбоси, в последний раз сурово смотрел на сына. Мунэёри повернул во двор и на скаку громко крикнул отцу:

— Извольте сказать напутственное слово!

У отца не было времени скрыться, и он, растерявшись, вымученно произнес:

— Поезжай! Нельзя возвращаться — дороги не будет.

В тот же миг в руках Мунэёри зазвенела тетива. Не задев на голове отца ни волоска, стрела рассекла шнурок головного убора и глубоко врезалась в столб. Эбоси свалилась, отец без чувств грохнулся наземь. А Мунэёри был уже за воротами.

В свите, сопровождавшей Мунэёри к месту назначения, находился и Юмимаро. Уцуро-химэ ни на шаг не отходила от мужа. Могущественный род взвалил ее, как тяжелую ношу, на спину новоиспеченного наместника. Находился в свите и управитель по имени Фудзиути, в обязанности которого входило все — от путевых хлопот до управления провинцией. Наместнику дела не предвиделось. Это была настоящая ссылка. Мунэёри понимал, что в глуши его ожидает смертельная скука. Однако неожиданно для Мунэёри скучать там не пришлось, — в провинции оказались широкие равнины и горы, где водилось несметное множество птицы и зверя, ожидавших его стрел. Это была охота!

Осенью, через год после приезда, стрела Мунэёри впервые обагрилась кровью.

— Почему же до сих пор мои стрелы не окроплялись кровью?

Раньше ему и в голову не приходило, что стрелы, выпущенные им, летят мимо цели. В это он не мог поверить. Стрела непременно должна попадать в цель. Ему оставалось только верить в невероятное — в то, что у него на глазах стрелы и добыча растворялись в воздухе. Сегодня наконец он разгадал эту удивительную тайну. Она заключалась в стихах. За чем он гонялся, чего искал, рыская по горам и равнинам в течение целого года, после того как его из столицы отправили в эту

дикую глушь? Здесь, где щедрая земля соседствовала со скудными пустошами, он почти забыл про лук, и меж тем как с тетивы срывались стрелы, с губ его срывались стихи — но не нагаута и танка, которые он запретил себе слагать, а какие-то небывалые, еще не обретшие форму стихи. Они беззвучно уносились в воздух, и эти неслышные голоса витали в полях, в горах, в водах, в воздухе. Ему казалось, что он заморожен охотой, а он был опьянен стихами. Из лука летели шальные стрелы, и совсем не удивительно, что добыча ускользала вместе со стихами. Только сейчас Мунэёри понял это и уже не сомневался в причине странных происшествий. А у той горной реки, когда в густой траве внезапно мелькнула тень лисицы, у него не было времени на раздумья о стихах, рука внезапно обрела твердость, и лук послушно выпустил стрелу. Ну, а когда Мунэёри стрелял в стремянных, он видел перед собой просто две спины, и только. Вернувшись в замок, он глянул на окровавленные стрелы, и голос поэзии смолк в нем. Он не вспоминал о случившемся, а ведь он вернулся к себе, бросив свою первую добычу — лисичку — и трупы двух слуг. Сюда не доносилось журчание горной реки. Во дворце стрела, казалось, возжаждала крови и тихо застонала, томясь в руках хозяина. Нетерпение стрелы передалось Мунэёри. Он задрожал и не мог найти себе места в вечерней темноте, которая скрывала добычу.

Вдруг рядом раздался голос:

— А, кажется, наместник начал понимать, в чем дело. И слава богу!

Голос принадлежал Юмимаро.

— Ты о чем это?

— Если я говорю о деле, это означает только одно — лук и стрелы. Другого я не знаю. И разве не достаточно знать только его?

— Стало быть, я еще знаю не все о луке и стрелах?

— Куда там все! Ты и малой толики еще не смыслишь! У тебя только глаза начали раскрываться.

Стемнело, принесли свечи. Когда при свете Мунэёри увидел свирепое лицо дяди, он вспомнил о жажде, которая мучила его после охоты. Мунэёри выпил сакэ, но оно показалось горьким и не утолило жажды.

— Дядя! Разве не ты мой учитель в искусстве владения луком? Почему же ты не всему меня обучил?

— Я объяснил тебе все, что можно объяснить. Остальное надо познать самому. Иным это удастся. Вот как тебе сегодня на охоте.

— Ты говорил про лисицу?

— Жалкая лисица — сущая безделица и для ребенка.

— Ты слуг имеешь в виду?

— Ничего не поделаешь, ты прикончил тех двоих!

— Сам не пойму. Ни с того ни с сего взял да и уложил. Ничего не помню!

— Давай считать, что ты не запоминаешь того, что творит твоя рука. Выходит, течет в господине кровь двух цветов.

— Что значит — кровь двух цветов?

— Ну, как тебе сказать. Кровь поэзии и кровь стрелы и лука. Пока в твоих жилах продолжает течь кровь поэзии, ты вряд ли постигнешь, что такое лук и стрела. Ну куда это годится, что глаза твои не ведают дела рук твоих? Несчастный слепец!

— Что ты сказал? Слепец?!

Выведенный из себя, Мунэёри решительно двинулся на дядю. Юмимаро изумленно поднял глаза и уставился в глубь темного сада, в глазах его блеснула жажда убийства. Мунэёри невольно перевел взор в сторону сада, в гущу темных деревьев. Вглядевшись, он почувствовал, что там кто-то шевелится, но кто, рассмотреть не мог. Собака? Нет, на собаку не похоже.

Юмимаро пристально смотрел в лицо Мунэёри.

— Моя стрела пробьется сквозь деревья и настигнет жертву — стреляй я в темноте или с завязанными глазами.

И в тот же миг Юмимаро выхватил лук и колчан из-за спины у Мунэёри и, опустившись на колено, выстрелил в глубину сада. Стрела умчалась, вдали застонал человек.

— Что это? — изумленно спросил Мунэёри.

— Я просто показал, что должен делать господин, — бросил через плечо Юмимаро, поднялся с колена и удалился по галерее, волоча изувеченную ногу.

Взяв свечу, Мунэёри вышел в сад. К черным деревьям вела тропинка вдоль пруда. У воды кто-то лежал. Мужчина. В спине его торчала стрела. Мунэёри приблизил свечу, это был один из домашних слуг. Он еще дышал. Почувствовав, что к нему кто-то подходит, он поднял голову и, увидав Мунэёри, сказал с укоризной:

— Ты сделал это не по своей воле, но все равно жестоко... — И, не успев договорить, он испустил дух.

Мунэёри не сразу понял, что имел в виду слуга.

По дорожке у пруда ходить запрещалось. Тем более что вела она к той части усадьбы, где жила Уцуро-химэ. К слову сказать, за год Мунэёри ни разу не посетил опочивальню жены. Он не знал, чем она обычно занимается. Вернее, он почти забыл о ее присутствии в доме. За деревьями, там, где были покои госпожи, горел светильник. Наверно, еще не спит. Представив ее ненавистное тело, Мунэёри с отвращением сплюнул.

Плевок попал на тело слуги. Только слуга и знает, что здесь убили человека. Мунэёри пнул ногой труп, и тот погрузился в воду.

На следующий день ранним утром наместник вновь выехал на охоту. Юмимаро отсутствовал. Хотя никаких особых обязанностей при наместнике он не имел, на охоту выбирался редко. Одна нога не очень его слушалась, тем не менее он был еще в состоянии сидеть в седле и иногда даже пытался охотиться верхом. Но это не очень ему удавалось, потому что к охоте он был равнодушен. Да и в тех редких случаях, когда Юмимаро появлялся на охоте, никто никогда не видел, чтобы он с луком и стрелами преследовал добычу или стрелял в нее. Быть может, искусному стрелку наскучила эта детская забава: гнать обреченную жертву. Или кровь жалких птиц и зверей не удовлетворяла жестокого голода его стрел. Юмимаро был не из тех, кто ответил бы на такой вопрос. На охоте Юмимаро не привлекал людского внимания. Но даже человек неробкого десятка пугался так, что ронял лук или падал с вставшего на дыбы коня, когда в погоне за добычей с глазу на глаз встречался с Юмимаро в горном ущелье или в лесной чаще. Да разве мог это быть Юмимаро?! Это был кровожадный хищник — внезапно нападал он на человека, пугал лошадь и стремительно исчезал. Время от времени охота для кого-нибудь из свиты кончалась смертью. Но не от раны, нанесенной зверем. В спине обычно зияла рана от стрелы. Стрелы не было, и не понять, чьих это рук дело. На вид вроде рана от шальной стрелы. Ведь попадают же неосторожно под стрелу на охоте. У иных доставало храбрости не пытаться узнавать, кто хозяин этих неведомых стрел. Однако случались и трусы, которых терзало страшное подозрение: уж не Юмимаро ли убийца, только они держали язык за зубами, боясь ошибиться. Их неизбежно останавливала малодушная мысль: сболтнешь лишнее, следующая стрела вонзится тебе в спину.

В противоположность Юмимаро управитель Фудзиути старался, улучив свободную минуту, увязаться за охотниками. Фудзиути всегда был занят делами службы, иногда появлялся на охоте. Однако и здесь он ни на шаг не отходил от наместника и только и говорил что о делах в провинции, высказывал мнения и давал указания. Его знания и сноровка управителя ценились высоко, но луком он не умел владеть, и птицы и звери не были покорными жертвами выпущенных им стрел. Единственное, что ему удавалось, — это определять, где находится птица или зверь, как бы те ни прятались. «Там, вот здесь», — указывал он пальцем. И в том месте, куда он показывал, обязательно таилась добыча. Сегодня Фудзиути ехал позади наместника, погоняя лошадь.

По пути Фудзиути, подъехав близко к Мунэёри, сказал:

— Кажется, удачная сегодня охота!

— Думаешь?

— Вчера вечером я гадал на палочках, они предсказали удачу.

— По палочкам разве можно понять?

— Да, это очень просто. Если знать секретный способ гаданья, то вполне можно переиграть удачу на несчастье, а несчастье на везение.

— А ты знаешь этот секрет?

— Да так, немного.

— На что палочки могут оказать влияние?

— На все.

Немного спустя Мунэёри тихо пробормотал себе под нос:

— На все, говоришь?

Потом он будто еще что-то сказал. Когда Фудзиути, пытаясь разобрать эти слова, подъехал ближе, Мунэёри вдруг поднялся в седле с луком наизготове. Стрела полетела вдаль, в чащу леса, и сразила там оленя. Это была первая стрела.

Охота продолжалась до вечера, и Мунэёри ни разу не промахнулся. Добыча была богатой — больше, чем за несколько дней кряду. На обратном пути Мунэёри хвастал своими подвигами.

Когда добрались до горной реки, Мунэёри, глядя на возвышающиеся вдаль скалистые горы, вдруг обратился к Фудзиути:

— А что там, вдаль, за скалистыми горами?

Мунэёри ни разу еще не пробовал добраться туда, за скалистые горы. Вопрос был задан без всякого умысла. Но неожиданно он привел Фудзиути в замешательство.

— Ничего, кроме того, что можно назвать только пустошью. — Фудзиути ответил без промедления и спокойно.

— Это мои владения?

— Да, так или иначе.

— Люди живут там?

— Живут какие-то никудышные людишки.

— А чем они добывают пропитание?

— Выращивают рис, возделывают поля...

— Ты же говорил о пустоши?

— Тем не менее они, как я полагаю, осваивают пустоши под поля.

Такой ответ еще сильнее возбудил интерес Мунэёри.

— Из дворца никто не ездил в тот край?

— Никто, кроме сборщика подати.

— Наказываю тебе как управляющему съездить и проверить, что там.

— Слушаюсь.

На спокойном лице Фудзиути мелькнуло смутное недовольство, но наместник вроде бы не заметил этого.

Мунэёри, глядя вдаль, сказал:

— Пожалуй, я и сам когда-нибудь съезжу туда.

— Прошу вас не делать этого.

Фудзиути преградил наместнику дорогу, словно отгораживая его от гор.

— Это почему же?

— Там нет добычи для охотника.

— Ты что же, хочешь воспрепятствовать тому, чтобы наместник осмотрел свои владения?

— Нет-нет, просто тамошние земли не заслуживают вашего внимания.

Мунэёри начал сердиться.

— Странно, что во владениях есть земли, которых мне не следует видеть. Коли так, может, откажемся от них?

— Это было бы опрометчиво.

— Что мне угрожает? Те люди, которые живут там?

— У них буйный нрав.

Мунэёри воинственно воскликнул:

— Тем более интересно! Да попадись мне даже дух зла, разве с луком и стрелами я не устою против него?

Но Фудзиути стоял на своем твердо.

— Прошу вас, господин, не ездите туда. Держитесь подальше от чужих по крови.

— Что?

Мунэёри невольно остановил коня.

— Ты сказал, чужие по крови? Чем же отличается их кровь? Говори, Фудзиути!

— Прошу вас не ездить туда.

Холодный вечерний ветер пролетел между всадниками, Мунэёри, погоняя коня, коротко бросил через плечо:

— Мой словоохотливый управляющий до сего дня ни разу не докладывал мне о тех землях.

За разговорами охотники уже миновали окрестности горной реки. Трупы слуг, брошенные накануне в прибрежных зарослях, были обглоданы за ночь собаками и теперь являли печальное зрелище. Но никто даже не взглянул в их сторону. А если бы и взглянул, то разве что мельком, не придерживая коня: ведь это была привычная в здешних местах картина. Не говоря уж о том, что никому и в голову не пришло поинтересоваться, куда подевалась лисица, которая исчезла, не оставив после себя ни волоска, ни пятнышка крови, не примяв травы, бесшумно, не шелохнув воздуха.

В тот вечер в замке устроили пир в честь удачной охоты. Поздно ночью, когда веселье приближалось к концу и у пирующих заплетались ноги, Мунэёри тайком выскользнул из зала, взял лук и стал пробираться к пруду. Ему почудилось, будто кто-то проник в опочивальню жены, но он не увидел ни единой человеческой тени. Только в ушах у него стояли последние слова слуги, которого он вчера вечером пинком сбросил в пруд: «Ты сделал это не по своей воле, но...» Сейчас на тропинке никого не было. Из покоев Уцуро-химэ лился яркий свет светильника. Он подошел поближе и решительно поднялся в дом. Прислужницы спали как убитые, а из глубины покоев, кажется из

опочивальни госпожи, в ночной тиши раздавался необычный шум. Это оттуда лился яркий свет.

Мунэёри прошел в глубь покоев. Вот и опочивальня. Но даже не откидывая полога, он с отвращением догадался, что происходит за ним. Томные стоны мужчины и женщины. Звуки буйного совокупления. Луком он отшвырнул полог. Перед ним была мощная голая мужская спина. Мужчина оглянулся, и в грубой перекошенной физиономии Мунэёри узнал слугу, самого неотесанного среди челяди. Его и по имени никто не звал.

В тот же миг стрела сама собой рванулась из лука и вонзилась в спину слуги. Предсмертный вопль, и человек стал трупом. Из-под мертвеца с резвостью оленя выпрыгнуло голое женское тело, отливавшее медью. Мунэёри впервые за этот год увидел в свете пылающего светильника голое тело Уцуро-химэ, все, с головы до пят.

Да она ли это? И впрямь она. Все в ней было как прежде — отвратительное похотливое лицо медного оттенка, но все эти триста шестьдесят пять ночей она пожирала силы мужчин, почти всех, кто был во дворце, и, насытившись, раздобрела, расцвела, отшлифовалась, засияла, и теперь Мунэёри с удивлением видел перед собой прекрасное тело. Стрела пронзила спину мужчины, но не коснулась груди Уцуро-химэ. Кровь жертвы окрасила соски ее высокой груди. Пышнотелая женщина, стоя перед Мунэёри, сверкала белыми зубами и хохотала так, будто звонила в колокол любовных утех. Теперь в ней не узнать прежней придурковатой неряхи. Каждая клетка этого обнаженного тела была исполнена всемогуществом женщины, которая унаследовала знатную кровь многих поколений и выросла в роскоши сиятельного рода.

Пошатываясь, Мунэёри бессознательно отступил. Нет, не ноги потянули его назад. «Нельзя знаться с людьми другой крови», — словно раздался откуда-то голос. Колыхаясь, на Мунэёри надвигалась скалистая гора, которую он видел на фоне вечернего неба. Скалистая гора высилась перед ним в облике Уцуро-химэ. Мунэёри уперся луком в пол и устоял.

v

У подножия скалистой горы Мунэёри остановил коня и посмотрел на уходящую в небо вершину. Отражая ослепительные солнечные лучи, гора сияла прохладным серебром. Было утро третьего дня после того происшествия в опочивальне Уцуро-химэ. Буря, два дня бушевавшая, утихла, небо прояснилось, роса похолодела, горы и равнины манили людей. Истомленный бездельем, Мунэёри отправился наконец на охоту. Юмимаро ехать был не расположен. Фудзиути тоже не поехал, потому что буря и наводнение доставили ему немало хлопот. Едва началась

охота, Мунэёри повернул коня и тайком от всех поскакал к подножию горы. Он не понимал, почему его так туда тянуло.

Скалистая гора, за которой там, вдали, таились неведомые земли, сурово высилась перед ним. Он подъехал совсем близко и повернуть назад уже не мог. Стоило отвернуться, и гора всей своей тяжестью наваливалась ему на спину. Она тянула его к себе. Как Мунэёри ни противился, голова опять поворачивалась в сторону горы, и он вынужден был стоять с ней лицом к лицу.

Тогда перед ним было тело Уцуро-химэ, преисполненное могущества в своей наготе; он только отвел от нее глаза — и все разом исчезло, как и не было. Мгновенное видение. Пошел третий день с той ночи, как Мунэёри покинул спальню Уцуро-химэ, не получив стрелы в спину и не услышав голоса, который звал бы его назад. До сего дня он и не вспоминал о существовании Уцуро-химэ. Его душой завладела гора, от которой он не в силах был отъехать. Мунэёри снова тронул коня.

Дороги в гору видно не было. Верхом уж точно не забраться. Мунэёри соскочил с коня и привязал его к дереву. Отыскав тропинку, он начал подниматься. Вдруг у его ног скользнуло что-то черное. Собака.

— Куромару!

Мунэёри не видел, что за ним увязался его пес. Выросший в этих краях, привычный к горам, Куромару походил на волка. Он побежал впереди, и Мунэёри пошел следом. Тропинка была крутой и скользкой. Перевалило за полдень, а до вершины было все еще далеко. Солнце уже заходило, когда он с трудом добрался до вершины. Глянув с высоты на далекую землю, Мунэёри забыл о боли в ногах и невольно издал крик восхищения. Какая там пустошь, — под пылающим на закате солнцем раскинулись привольные земли, чистые воды, зеленые леса, поля, изобилующие богатыми дарами осени. Дветы, плоды, табуны лошадей, стада коров. Дома, крытые соломой, под сенью деревьев придавали пейзажу деревенский вид. Высоко в небо поднимался теплый дымок готовящегося ужина. Казалось, совсем рядом кудахнут куры и лают собаки. Во всех его владениях не сыскать столь благодатного уголка.

Мунэёри еще долго задумчиво смотрел на эту картину, и вдруг сзади послышалось:

— Ты кто?

Оглянувшись, Мунэёри увидел высокого, крепко сбитого человека с всклокоченной бородой. Одет просто, на вид вроде в летах, а голос молодой, — похоже, он одних лет с Мунэёри. Увидев, что он безоружен, Мунэёри спокойно ответил:

— Наместник.

— Наместник? Из дворца? Мы ведь уже выплатили подать.

— А я не за податью.

— Сюда просто так не приходят. Ты по какому делу?

— Я пришел посмотреть земли, которых еще не видел.

Мужчина, не спуская глаз с Мунэёри, сказал уже поспокойнее:

— Это невозможно.

— Что значит невозможно?

— Сюда приходят только за податью. Вершина — это граница, отсюда к подножию спускаться запрещено.

— Кто же установил такой закон?

— Это закон деревни. Тем более ночью.

— Стало быть, там есть что-то дурное?

Мужчина громко рассмеялся.

— А что, в деревне должно быть только хорошее? После работы на рисовых полях по вечерам пьют сакэ, поют, танцуют, развлекаются. Кто мешает развлечениям, тот позорит землю.

— А что делают с теми, кто бесчестит землю?

— Как это ни противно — приходится их убивать.

— И как же их убивают?

— Вонзают стрелу в спину, топчут спину ногами, за волосы волокут по земле. Так изгоняют духа зла. И человек погибает.

— Что же, по-твоему, и со мной могут запросто расправиться?

— Вот куда ты клонишь! — вскрикнул незнакомец, и в мгновение ока лук Мунэёри оказался у него в руках. Вернее, лук будто сам прыгнул ему в руки.

— Дело не в том, могут тебя убить или нет. На этой земле не любят убивать.

Эти слова, как крепкое сакэ, вскружили голову Мунэёри.

— Хорошо, я не пойду в вашу деревню. Я устал и хочу передохнуть.

Мужчина протянул Мунэёри его лук.

— Ну, раз отдохнуть — пойдем.

Мужчина пошел впереди. Он был так спокоен, что Мунэёри забыл пустить ему стрелу в спину. В пещере, куда они скоро пришли, была устроена маленькая хижина, в которой мог уместиться только один человек.

— Входи!

Едва Мунэёри вошел в хижину и сел на круглую циновку, как почувствовал смертельную усталость.

— Проголодался я. Поесть бы.

— Найдём что-нибудь.

Незнакомец принес кувшин с неочищенным сакэ. На лучинках приготовил каштановую кашицу. Поджарил горную дичь, накормил и собаку. Насытившись, Мунэёри подобрел.

— Эй, человек! Как тебя зовут?

— Хэйта.

— Хэйта, ты здесь один живешь?

— Да.

— Для чего?

— Есть у меня заветная мечта.

— Какая же?

— Вырезать будду.

— Будду?

— Да, божество, которое охраняло бы покой деревни. И дед мой вырезал. И отец тоже, а теперь мой черед настал. Если я когда-нибудь обзаведусь семьей, то мой сын продолжит мое дело.

Действительно, в хижине были долото, молоток и множество других инструментов.

— А из чего ты вырезаешь божество? Из дерева? Из камня?

— Прямо на поверхности горы. Вокруг утеса пышно цветут цветы.

— Какие цветы?

— Если смотреть издали, кажется, что на горе расцвели цветы.

Из пещеры, даже в вечерней тьме, отчетливо виднелось очертание утеса, величаво взметнувшегося к небу. Но вырезанные на этом утесе божества видны не были. На утес, наверно, нужно смотреть снизу, из деревни у подножия горы. Солнце уже зашло, но его отблеск еще лежал на траве. Мунэёри вдруг заметил траву, густо устилавшую все вокруг — от утеса до порога хижины.

— Это что за трава?

— Трава забвения.

— Трава забвения?

— Коли пришел сюда, должен забыть все на свете.

— Что ж, похоже, я забыл сегодняшний день, — сказал Мунэёри, развалясь у огня. С этими словами он закрыл глаза и погрузился в сон.

Спустя некоторое время Хэйта растолкал Мунэёри.

— Когда рассветет, из деревни мне принесут еду. Я не хочу, чтобы видели чужого человека в моей хижине. Вставай. Луна ясная.

— Днем и то дорога еле видна. Как же я спущусь ночью?

— Не беспокойся. Я провожу тебя.

Хэйта поднялся первым. Он шел коротким путем. Они спускались, словно летели. Спуск был вполовину короче подъема, и когда они вышли к подножию горы, до рассвета было еще далеко. В темноте заржал конь. Он перегрыз привязь и подбежал к хозяину.

— Второй раз на гору не приходи, — коротко бросил на ходу Хэйта.

— Нет, я хочу еще раз побывать там. Хотя бы для того, чтобы поклониться божеству. Будешь внизу — заходи во дворец. Доложишь о своем приходе управляющему по имени Фудзиути.

Как только Мунэёри произнес это имя, Хэйта, дрожа, втянул голову в плечи и издал ужасный вбпл. Жажда убийства охватила Мунэёри, у него даже колени задрожали. Куромару испуганно залаял.

— У, злобный пес! — Хэйта мигом повернулся и побежал прочь.

Хотя Хэйта, похоже, обругал Куромару, прозвучало это так, словно он бранил и Мунэёри. Эти слова Хэйта бросил Мунэёри в лицо так, что даже брызнул слюной. Мунэёри получил прямое оскорбление в лицо, —

нет, это было проклятие. Он был вне себя. Человек с другой кровью! Мунэёри впервые почувствовал в Хэйте врага с другой кровью. Местность у скалистой горы входила в его владения, но, вероятно, людей по эту сторону горы там считали чуть не за собак. Хэйта ясно сказал об этом. Да, Мунэёри услышал слово правды. Здесь, у подножия, тепло огня, согревшего его на вершине, разом остыло. Злобно глядя вслед исчезнувшему врагу, Мунэёри стиснул в руке лук.

— Пусть не забываются — я наместник! Тоже мне, не любят убивать людей. Зато я люблю. И с удовольствием покажу им, как я это делаю. Тот, из деревни, научил меня, как убивать. Когда-нибудь спущу с Хэйты кожу, а божество его обдеру.

Мунэёри вскочил на коня и направился в замок. Когда он добрался до горной реки, небо уже побелело. В придорожной траве мелькнула белая тень. Подъехав ближе, он разглядел женщину, кажется, молодую. Куромару вдруг залился лаем. Бросившись вперед, собака накинута на эту тень. Тень метнулась. Собака за ней. Женщина бежит сломя голову, собачьи клыки уже хватают ее.

— Куромару!

Мунэёри, подъехав, едва сдерживал собаку. Перед ним, дрожа от утреннего холода, стояла прелестная женщина, которой, похоже, не минуло и семнадцати. От удивления Мунэёри широко раскрыл глаза. Разве мог он предполагать, что увидит здесь такую красоту!

— Ты кто?

— Я из деревни у подножия горы, на краю поля.

— Как же ты здесь оказалась?

— Я заблудилась, целый день вчера искала дорогу и теперь совсем не знаю, куда идти. Заблудилась — вот и оказалась здесь.

— А где твоя деревня? Давай я провожу тебя до дому.

— У меня все равно что нет дома.

— А родители?

— Оба умерли. Нет ни одной родной души, ни братьев, ни сестер.

— Как же ты живешь?

— Продавала то, что осталось от родителей, этого едва-едва хватало. А потом меня взял на службу один человек, но вчера отпустил.

Ее манера говорить отличалась благородной простотой. Поразмыслив немного, Мунэёри сказал:

— Я — наместник. Пойдем, проводишь меня до моей усадьбы.

Мунэёри тронул коня, женщина послушно поплелась следом, но, видимо, от усталости ноги не слушались ее, и она быстро отстала.

— Садись сюда!

Мунэёри взял женщину за руки, обнял и посадил в седло.

— Как тебя зовут?

Тикуса.

Тяжесть ее влажного от росы тела спокойно доверилась рукам Мунэёри.

Вдали из речного тумана показались всадники.
— Господин наместник, наконец-то!
Мунэёри узнал дворцовых слуг, которых отрядили на его поиски.

VI

Тикуса как была в объятиях Мунэёри — так и проследовала в усадьбу, в покои и в тот же вечер — в опочивальню. Следующий день выдался ясный и безветренный, но Мунэёри даже словом не обмолвился об охоте. Он никому не сказал о том, что произошло с ним в тот день и в ту ночь. К счастью, никто и не смел допытываться.

Прошло два дня, наступил третий, а Мунэёри все не выезжал на охоту. Прошло семь дней, минуло десять: казалось, что Мунэёри совсем забыл об охоте. Вопреки былой привычке, он с вечера затворялся в опочивальне, вставал поздно и даже днем редко выходил из покоев. Если кто-то самовольно, даже по делам службы, приближался к нему, Мунэёри впадал в ярость и нещадно бранился. Но что удивительно — наместник знал обо всем, что происходило в провинции и в замке. Он знал обо всех тайнах, мошенничествах, промахах, и чиновники частенько попадали впросак и растерянно что-то лепетали. Придирчивый наместник. Неусыпное око. Тикуса жила замкнуто, прячась за спиной наместника, она избегала сторонних взоров и, похоже, старалась не показываться на людях лишний раз. Конечно же, за ней следили, — по крайней мере во дворце, однако, несмотря на тайные поиски, никому не удалось дознаться о ее прошлом, просто ухватиться было не за что. Но ее нежный лик, скромное изящество понравились обитателям замка, и все, хоть и с некоторой подозрительностью, смирились с присутствием этой молодой женщины.

За исключением Юмимаро, мнение которого было не в счет, Фудзиути, пожалуй, был единственным, кто не примирился с появлением Тикусы. Не потому ли, что ее прошлое было никому не известно? Фудзиути упорствовал в своих подозрениях, тщетно разнюхивал и в конце концов решил разложить гадательные палочки. Однако палочки будто кто-то перемешал. Густой туман застилал глаза. Фудзиути истолковал это как дурное предзнаменование. Словно одержимый, он еще упорнее выслеживал Тикусу, даже пытался читать по очертаниям полога. Но недоброе таилось скорее в глазах самого Фудзиути.

Во дворце любители охоты сокрушались о том, что благодатные дни осени проходят без толку.

Как-то утром два молодых человека, разговаривая, смотрели в прозрачное высокое небо.

— Неужели в такой прекрасный день птицы и звери так и будут разгуливать на воле?

— Похоже, наместнику нет дела до этого.

— Что ж, так и должно быть. Ведь с той ночной охоты наместник вернулся с красивой добычей. Кажется, она пришлась ему по вкусу.

— А таким, как мы, со стрелами в колчане и деться некуда.

— Ты это про какие ж стрелы? Может, они Уцуро-химэ приглянутся? А?

— Нет уж, уволь!

Они в один голос рассмеялись. Эти двое разговаривали в закоулках дворца, и поблизости никого не было, так что никто не должен был слышать их шепот. Тем не менее вскоре обоих позвали к наместнику, и они послушно направились в сад.

К ним вышел Мунэёри с луком в руках.

— Ну, а теперь скажите-ка вслух, о чем вы только что шептались!

Оба побледнели.

— Добыча — это не только дичь. И не обязательно отправляться на охоту, чтобы найти мишень для лука.

Молодые люди, павши ниц, просили наместника о пощаде. Мунэёри хладнокровно вонзил стрелы в распростертые у его ног спины и стал топтать их, потом намотал их волосы на конец лука.

— Запомнили? Никогда не забывайте!

Похоже, он внушал это самому себе.

В это время из галереи раздался голос:

— Ай да молодец!

Там стоял Юмимаро.

— Ну, наконец-то наместник понял предназначение лука и стрел. Лук создан, чтобы убивать живое. И живое — это не только какие-то там птицы и звери, это люди, живущие в этом мире. Коли познал убийство — обязательно должен убивать. Убивать все больше и больше. Твои руки не пресытятся этим делом. Ты не будешь знать усталости. Запомнил?

Юмимаро уже повернулся спиной и, волоча ногу, уходил в глубь галереи, когда Мунэёри, злобно вперил взгляд ему в спину. Человек, который превосходит его в скорости и дальности стрельбы, уходит без всякого почтения, уходит туда, где стрела его не настигнет. Это была спина дерзкого врага. Именно его надо поразить и взять над ним верх. Мунэёри снова вскинул лук и крикнул:

— Эй, дядя! Я понял твои наставленья!

Лук зазвенел, пустив две стрелы. Слившись воедино, они в мгновение ока должны были пронзить удаляющуюся спину. Но Юмимаро вдруг подскочил на одной ноге и на лету поймал стрелы.

— Дурень!

Придерживаясь за столб, Юмимаро оглянулся, держа в руках стрелы.

— Секрет стрельбы двумя стрелами изобрел я. Поскольку ты подавал кое-какие надежды, я открыл тебе его. Так неужели тебе

неведомо, что стрела направляющая и разящая, соединясь воедино, бьют без промаха? Как же ты посмел стрелять в меня способом, которому я тебя обучил? Скверная это забава!

Юмимаро с хрустом переломил стрелы и швырнул их наземь. Спина его скрылась из виду.

Мунэёри закусил губу. У ног его струилась кровь, вытекшая из двух мертвецов. Вдруг он почувствовал, что поблизости стоит кто-то. Он поднял глаза. Пригнувшись, Фудзиути наблюдал за ним из-за деревьев. Когда он сюда прокрался?

— Фудзиути!

— Да, ваша милость!

— Посади здесь, где пролилась кровь, пурпурные астры.

— Вы изволите говорить...

— Пурпурные астры. Это цветы памяти, они не дают ничего забыть.

С этими словами Мунэёри пошел прочь. Фудзиути нерешительно окликнул его:

— Господин наместник...

Но когда Мунэёри повернулся к нему, тот отвел глаза, словно бы раскаиваясь, и пробормотал что-то невнятное. Затем, наконец, не вытерпев, он решительно сказал:

— В ту ночь господин наместник все же побывал на скалистой горе.

Для такого осторожного человека, как Фудзиути, это прозвучало слишком взволнованно. Мунэёри неотрывно смотрел ему в глаза.

— Ты это понял, подглядев сегодняшнее убийство? Ну и что из того, если я побывал там? Никто тебя за язык не тянул. А вот себя ты этими словами выдал — мне теперь ясно, откуда ты родом. Случается ведь, что человек с другой, нечистой кровью нарушает законы своей земли, ему по душе чужие обычаи и он с чьей-нибудь помощью втирается в доверие.

Фудзиути молчал. В глазах его была ненависть.

— Злобный пес! — вырвалось невольно у Мунэёри. И, более не оглядываясь, он быстрыми шагами вошел в покои. Там, в затененном углу, ждала его Тикуса.

— А ведь раньше вы не изволили так поступать... — проговорила она.

В этих словах был явный упрек, но ее ласковая приветливость таила в себе нечто, толкавшее на еще более страшные преступления. Между тем взгляд Тикусы был по-прежнему ясен и чист, и о чем она думала в это время — Мунэёри не знал.

— Эти двое — пустяки, безделица! А сколько еще будет! Нужно много крови, чтобы утолить жажду моих стрел. Много больше, чем ты думаешь.

Мунэёри поднял Тикусу на руки и усадил к себе на колени.

— Какая же ты умница! В целом свете нет такого всезнающего и проникательного человека. Нет в провинции уголка, который укрылся

бы от твоих глаз и ушей. Все равно как нет жертвы, которая избежала бы моей стрелы. Благодаря тебе я, не сходя с места, проникаю в большие и малые тайны. У нас не будет недостатка в добыче. Едва ты скажешь, что есть люди, которых нужно покарать смертью, судьба их predetermined — стрела в спину. А если таких не будет — сгодится любой, кто подвернется под руку. Зоркости твоих глаз и чуткости ушей будет равна мощь моих рук. Нет — руки должны простираться даже дальше твоего взора и слуха.

Словно собираясь что-то сказать, Тикуса вдруг задрожала всем телом. Когда Мунэри попытался успокоить ее, она обвисла у него в руках и подняла побледневшее лицо. Вдалеке послышался собачий лай. Он быстро приближался. Мунэри уже отчетливо слышал его.

— Куромару!

Дни тянулись за днями, а Куромару был по-прежнему лишен радости носиться по горам и равнинам за хозяином. К тому же ему было запрещено подходить к хозяйским покоем. Дело в том, что Тикуса питала необычайное отвращение к собакам. Куромару отдали на попечение слуг, но запреты были бессильны. Его привязывали на веревку, он перегрызал ее. Тогда на железной цепи его упрятали за ограду. Что же стало с цепью, если неистовый лай Куромару раздается совсем рядом?

Мунэри вышел на галерею. Куромару бушевал в саду, яростно раздирая траву и вздымая фонтанчики земли. Слуги, вооруженные палками, пытались усмирить пса, но тот, отшвыривая палки, не подпускал к себе. Один из слуг, упав перед Мунэри на колени, сказал:

— Кто-то незаметно снял его с цепи, вот и случилось такое.

— Чьих это рук дело?

— Не знаю.

Мунэри вспомнилось лицо Фудзиути. Завидев хозяина, собака отчаянно залаяла и стремглав бросилась к нему. В траве метнулась ее черная тень. В мгновение ока стрела, пущенная наместником, пронзила собачью спину. В тот же миг в глазах Мунэри ожила картина того дня, когда он у горной реки застрелил лису. Видение тут же исчезло. Но Мунэри, словно бы вдогонку ему, пустил еще одну стрелу. Она вонзилась псу в загривок, и Куромару упал ничком.

VII

Не прошло и пяти дней, как земля в саду, впитавшая обильную кровь, поросла пурпурными астрами. Цветов было по числу сраженных его стрелой людей. Смерть была неизменным наказанием, даже если виновный не заслуживал ее. Гибли не только приближенные и слуги, из разных уголков провинции людей волокли в замок на смерть. А когда жертв слишком много, среди них попадают и неповинные. Случалось

так потому, что Мунэёри, если целился в спину, не разбирался, виновен или невиновен этот человек. То, что стало для него привычным делом, пугало Тикусу. Дело в том, что о различных секретах Мунэёри узнавал от нее, но напраслину Тикуса не возводила. Тем, о ком она говорила, смерть была уже не страшна. Но Мунэёри убивал без всякой причины и тех, о ком она словом не обмолвилась. Ее зрение и слух были больше не нужны сильным рукам Мунэёри. Охота на живых людей. Новый вид охоты, подобно внезапному урагану, поверг в ужас и замок, и всю провинцию, но именно у Тикусы, казалось бы, единственной, кому не было до этого дела, сердце изнывало от боли за других, словно его пронзали невидимые стрелы.

Однажды ночью, в спальне, Мунэёри, крепко сжимая Тикусу в объятиях, сказал:

— Только повстречав тебя, я впервые почувствовал, сколь прекрасен и неповторим мир, понял радость жизни. Когда я думаю, что эту мудрость открыла мне ты, она еще сильнее захватывает мою душу.

— Хоть вы и говорите так, я не понимаю вашего поведения.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе не нравятся мои поступки? Что за странные речи я слышу?! Стреляя, я думал, что это доставляет тебе удовольствие.

— Вы считаете меня настолько жестокой?

— Нет, именно потому, что в глубине твоего сердца есть жалость, я выпустил кровь даже из Куромару.

Мунэёри говорил ласково, но в голосе прозвучала твердость. Чувствуя, что Тикуса собирается возразить, он мягко прервал ее:

— Ну, это дело мое! Не будем говорить о нем на любовном ложе! Не всякие разговоры в спальне становятся любовными. Единственное, самое прекрасное в мире — это твое обнаженное тело. Ну, иди ко мне, ближе! Вот оно, бесценное сокровище!

Мунэёри не лгал. С первой же ночи, как он привел Тикусу в свою спальню, то, что когда-то в Уцуро-химэ казалось ему грязным, сразу превратилось в источник радости и наслаждения. Любовь мужчины и женщины. Этот прекрасный путь распахнулся вдруг перед Мунэёри. Нежное тело Тикусы было исполнено самых удивительных тайн. Каждую ночь она с вдохновенным искусством ласкала Мунэёри, но утром в нем с новой силой начинала бурлить жизнь, он снова брался за лук. Единственное, что не нравилось Мунэёри, это строгий запрет на свечи. Он хотел вдоволь налюбоваться обнаженной Тикусой, но она не любила свечей, боялась даже неверного лунного света, проникавшего в спальню.

— Тикуса, мне хочется рассмотреть тебя всю до кончиков пальцев.

— Нет.

— За окном ярко светит луна, почему бы ей не заглянуть к нам? Раз ты говоришь «нет», мне еще сильнее хочется посмотреть.

— Нет.

— Но я хочу.

— Нет.

Слова блуждали в темноте.

Тело Мунэёри пылало от желания. Он крепко обхватил тело Тикусы.

— Смотри-ка! — в самый сладостный миг вскрикнул Мунэери, и мгновенно схватив изголовье, бросил его в полог. Там в эту ночь он тайком подстроил хитрость. Полог с шуршанием упал. И в тот же миг в спальню из широко раскрытой галереи волнами хлынул лунный свет.

— А-а-а!

Тикуса, горестно вскрикнув, кинулась было прочь, но Мунэёри опрокинул ее и, схватив за волосы, поставил на колени. На сияющей юной свежестью спине жалобно зияла рана, явный след от стрелы.

— Стой, лисья нечисть!

Эти слова, похоже, острее стрелы укололи Тикусу. Она уже не пыталась бежать. В лунном сиянии на некоторое время воцарилась тишина.

Мунэёри поднялся, набросив одежду на Тикусу, и, обняв ее, ласково сказал:

— О, Тикуса! Прости! Мне нужно было хоть раз увидеть твоё тело. Я огорчил тебя, но я не мог иначе. Повернись ко мне!

Тикуса гордо вскинула голову.

— Вы уже изволили видеть мой подлинный облик! Я едва избежала вашей стрелы тогда у горной реки. Теперь снова на волосок от смерти.

Мунэёри рассмеялся.

— Да как же можно убить такую красавицу! Не найдется у меня на нее стрелы. Единственное, чего я хочу, — это всегда быть с тобой.

— Даже после того, как узнали мое истинное обличье?

— Да ты стала мне дороже прежнего, когда я узнал, что ты лиса. Именно сегодня, в лунном сиянии, я полюбил тебя всей душой.

— Это меня-то? А ведь я затаила сильную обиду на наместника. Чтобы отплатить врагу, я нарочно обернулась девушкой и познакомилась с ним, чтобы напустить на него порчу.

— Что ж, обида твоя понятна. А что ты называешь порчей? Если ты имеешь в виду то, что ты открыла мне на многое глаза, так это благодеяние.

Тикуса вздохнула.

— Лисьи чары позволяют мне без труда видеть и слышать все, что происходит во дворце и во всей провинции. Я разоблачала тайны, мучила воду и с преданным видом докладывала только о дурном единственно для того, чтобы в конце концов погубить наместника. Если наместник посвящен во все тайны и до его ушей доходит все злословие, это приводит его к неверным шагам. У меня на уме было только одно — влить яд сомнений в душу наместника, толкнуть его на скользкий путь ошибок, жестоких поступков и посеять раздор между наместником и его подданными. Не говоря уж о том, что каждую ночь я

соблазняла вас, тянула в пучину разврата, потому что задумала высосать вашу жизненную силу до последней капли. Неужели такое коварство не отвращает вас?

— Ну что ты! Именно поэтому я думаю, что ты самое прекрасное создание в мире.

Тикуса, которую Мунэёри все еще притягивал к себе, задыхаясь, прижалась к его груди.

— Сейчас все мои замыслы представляются мне глупым женским, нет, лисьим коварством. Соки вытянули из меня, удовольствие даровано опять-таки мне. А у наместника с наступлением дня мужская сила не идет на убыль. Она-то и удерживает меня в мире людей. Это желанное сокровище для меня, неискушенной. Вопреки моему заветному желанию, в провинции нет человека, который бы ненавидел наместника или таил на него злобу. Единственное, что доставляет удовольствие наместнику — это убийство, а именно убийство не знает слабостей и ошибок. Люди, смотря на это, как на божий гнев, трепещут от страха и примиряются с мыслью об ожидающей их смерти. Ловушка, в которую я решила вас заманить, — удача в дурных делах. Но колдовству моему далеко до силы рук наместника. Перед наместником преклоняются, как перед духом зла.

Мунэёри, содрогнувшись, кивнул в знак согласия.

— Дух зла, значит. Это ты хорошо сказала. Дух зла. Это, пожалуй, именно то слово, которое я искал. Я должен соответствовать ему своими поступками. В этом мире, стало быть, я единственный человек, ставший духом зла. И ты говоришь, что не любишь меня.

— Вы мне теперь еще дороже. Мне кажется, что в мою душу проникла человеческая жалость. Единственный господин, которому я должна служить, — это наместник.

Луна становилась все ярче, и в лунном сиянии они еще раз дали друг другу клятву в любви, но на этот раз не на словах.

VIII

На следующее утро, едва поднявшись, Мунэёри вышел в сад и позвал слугу.

— Поди к дяде, скажи, что я жду его.

В это время к нему подошел Фудзиути. Сияясь угадать настроение наместника, он исподтишка глянул ему в лицо, а потом заговорщически зашептал:

— Господин наместник! Будьте осторожны! Ведь господин Юмимаро посягает на вашу жизнь.

Мунэёри хладнокровно бросил ему в ответ:

— Уж не твои ли гадательные палочки сулят мне смерть?

Тут появился Юмимаро. Завидев его, Мунэёри крикнул:

— А-а, дядюшка! Не сгожусь ли я на мишень для твоего лука? Подставляю-ка я спину твоей стреле!

Юмимаро, не отвечая, схватился за лук со стрелами. И вот стрелы выпущены — две по одной прямой — и летят к спине Мунэёри. Мигом развернувшись, Мунэёри на лету поймал стрелы. Но, оглянувшись, он увидел, что Юмимаро безмолвно уходит прочь.

— Послушай, дядя! Я еще раз попробую сделать то, что сделал тогда. Теперь мой черед стрелять в твою спину, дядюшка!

Юмимаро даже не замедлил шага. Спина его, похоже, издевалась над Мунэёри.

— Думаю, это твой последний смех!

Пущенные Мунэёри две — нет, три стрелы, блеснув на солнце, слились воедино. Юмимаро ухватил две стрелы, и поняв, что есть еще третья, подпрыгнул на одной ноге и метнулся в сторону. Но и стрела, молнией настигая добычу, тоже метнулась за Юмимаро и вонзилась ему в спину.

— Щенок! — простонал Юмимаро, падая наземь.

— Зверь! — крикнул в ответ Мунэёри и, подскочив, пнул ногой его в спину. Он пинал и топтал Юмимаро, пока его седые волосы не почернели от земли.

— Запомнил, Юмимаро? Никому не дозволено превосходить меня. Стрела направляющая и стрела разящая — это коварство зверя. Третья стрела — это мое изобретение. Это стрела злого духа. Знание, убийство и дух зла — эти три стрелы, слившись воедино, изменяют мир по моей воле. Помни это даже в аду!

Позвоночник Юмимаро хрустнул под ногами Мунэёри, кровь, хлынув изо рта Юмимаро, обагрила землю.

— Здесь вырастут пурпурные астры.

Мунэёри собрался уходить, но почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, он увидел Фудзиути.

— Фудзиути! Ведь никому не дозволено стоять за моей спиной и подглядывать.

Фудзиути испуганно отступил назад, натолкнувшись на дерево. Мунэёри, указывая на тело Юмимаро, сказал:

— Смотри! Рассмотрю как следует спину этой дохлой твари. Раскрой глаза и посмотри, что у него на спине.

Однако глаза Фудзиути не увидели ничего, кроме окровавленной спины. Он не понимал, что хочет сказать ему наместник.

— На твоих гадательных палочках, похоже, не видно.

Фудзиути тайком пытался угадать по палочкам. Но они что-то темнили, да и в глазах у Фудзиути было темно.

— Раз не видишь, Фудзиути, я тебе покажу. Сила, скрывающаяся в этом луке, делает тайное явным. Успокойся, отдышись и всмотришься туда, куда указывает лук.

Мунэёри, повернувшись к мертвому телу, вытянул руку с крепко зажатым в ней луком. Лук отбрасывал зловещую тень, и сердце Фудзиути дрогнуло. Вглядевшись туда, куда указывал лук, он охнул и отпрянул назад. Там, поверх спины Юмимаро был старый матерый волк со вздыбленной шерстью, который сдох, захлебнувшись черной кровью. В тот же миг тонко зазвенела тетива, и волк мгновенно исчез.

— Ну видел? Эта тварь незримо овладела спиной Юмимаро, а твоей спиной, Фудзиути, что овладело? Уж коли твои гадательные палочки не видят волка в других, вряд ли твои глаза достанут до твоей спины.

Фудзиути потупился, чтобы не выдать себя, и упорно молчал. Светило солнце, а над ними небо почернело и полил мелкий осенний дождь.

Мунэёри вернулся в покои. Там все переменялось. Покои были убраны яркой узорчатой парчой, накрыт стол с сакэ и закуской. И сама Тикуса принарядилась.

— Уж не собралась ли ты держать меня здесь взаперти?

— Скорее меня сюда заманивают. После того как у меня исчез тайный умысел причинить наместнику зло, я стала находить удовольствие в людских обычаях. Я же родилась на воле и на многое способна.

— А я должен поломать обычаи этого мира. Я хочу убежать с тобой в неведомые дали. А перед уходом надо бы оставить по себе и память в замке.

— И свидетельством ваших деяний будут заросли пурпурных астр? Каждую осень, зацветая, они будут являться людям и напоминать о вас. Это, пожалуй, надежней любых записей.

Мунэёри поднял чарку. Тикуса, наливая ему сакэ, сказала:

— Коли разговор пошел про замок, похоже, что гадательные палочки этого Фудзиути перемешались под влиянием ваших стрел. Я и раньше пыталась выведать намерения хитреца, но он в гадании нечист на руку, а это препятствует моему колдовству, поэтому мне было трудно разобраться в его замыслах, а сегодня я вывела его на чистую воду. Как вы и предполагали, Фудзиути родился за скалистыми горами. Он был злонравен, ему чужды были прозрачные воды его края, и он тянулся к обычаям земли, где извлекают выгоду из людской толкотни и стремятся к богатству и славе. Не стерпев жизни в родной деревне, он преодолел скалистые горы и, утаив свое происхождение, проник во дворец, чтобы при случае выбиться в люди. Обладая сметливостью и разбираясь в гадании на палочках, он даже стал управляющим. И, несомненно, метит выше — он хочет подставить князю ловушку и влить ему в спину яд.

— Удача в дурных делах — защита моей спины. Ее не берут ни стрела, ни яд.

— Фудзиути, рассчитывая на раздор между вами и Юмимаро, замыслил поединок, в котором погибли бы оба соперника. Вы уцелели,

и его планы расстроились. Но и сейчас он строит козни и не оставит своих намерений.

— Чего же достигнет этот негодяй, погубив меня?

— Фудзиути метит на должность наместника.

— Должность?

— Он замышляет получить это место после вашей смерти.

— Так это звание для меня ничего не значит. Будь у меня желание — все соседние провинции были бы у меня под пятой. Впрочем, меня интересует другое. Но если бы я погиб, этот негодяй Фудзиути не смог бы стать наместником — на эту должность назначают по указу из столицы.

— Так Фудзиути вчера ночью тайно отрядил верного слугу в столицу с секретным поручением. Он должен подать жалобу и оклеветать вас, выставив сумасшедшим. Более того, этот негодяй намеревается стать мужем Уцуро-химэ, чтобы занять должность наместника.

— Неужто и этот ублюдок снюхался с ней?

— Нет, в замке он единственный, кто не побывал еще в ее опочивальне. Дело в том, что Фудзиути родился обделенным природой. Он стыдится своего крошечного естества и вряд ли осмелится кому-нибудь его показать. И уж тем более Уцуро-химэ, — разве ей угодишь с такой крохотной кисточкой! Да Фудзиути и не из тех, кто в момент, когда будет решаться его судьба, пойдет и силой овладеет беззащитной во сне госпожой.

— Ну, ладно! Разговор ведь не о должности и Уцуро-химэ. Таким ничтожеством, как Фудзиути, я не стану осквернять свою стрелу, но чтобы отрубить ему голову и выставить ее на площади, не надо много времени. Сегодня же вынесем приговор. Я больше не могу проводить здесь время попусту. Есть у меня одно дело...

Мунэёри пил, не хмелея, и почти не слушал Тикусу. Мыслями он был не с ней. Блестящими от нетерпения глазами вглядывался он в ему одному ведомую даль.

— Как вы себя чувствуете, господин?

Мунэёри, бросив чарку, резко поднялся.

— Вершина скалистой горы зовет меня. И я должен позвать ее. Как окликнуть вершину?

Тикуса, припав к его ногам, сказала:

— Господин! Ведь это безумие. Успокойтесь, прошу вас.

— Молчи! И тело, и душа мои спокойны. Сердце подсказывает мне, что я должен пойти на вершину.

— Зачем?

— Слышала ли ты о человеке по имени Хэйта, который живет там?

— Да, — ответила Тикуса, и по лицу ее пробежала тень.

— Я должен посоветоваться с ним по одному важному делу.

— Вы, наверно, собираетесь поговорить с ним об исходе поединка с Фудзиути? Я, по правде говоря, затаила обиду на господина Хэйту.

— Что за обида?

— Как-то раз, когда господин Хэйта был в деревне у подножия горы, я решила обмануть его, обернувшись изящной столичной дамой и под покровом ночи прокралась в деревню. Но он догадался, повалил меня наземь и больно высек веткой персикового дерева. Натерпелась я стыда. Для лисы — нет, для женщины — нет большей обиды! Так в чем же наместник рассчитывает на господина Хэйту?

— Хэйта — это ведь я.

— Что?

— И я, и не я. Здесь — я. А на вершине скалистой горы — совершенно чужой человек, незнакомец. Так вот он — почти что я, хоть и далеко от меня. И я должен, не медля ни минуты, подняться на вершину. Иначе нет мне житья в этом мире. Мои стрелы уже парят там, вдали. А я теряю здесь время. Ну, пойдем! Пойдем со мной!

Тикуса грустно покачала головой.

— Мне очень хочется сопровождать вас, но это невозможно.

— Почему?

— На этой вершине есть фигура будды, ее изваял господин Хэйта. В этом человеке соединены добродетель будды и священный дух скалистой горы. И если на гору пойдет существо, обладающее колдовскими чарами, то не успеет дойти до вершины, как рассыплется в прах.

— Да что ты!

Подумав немного, Тикуса решительно поднялась.

— Я кое-что придумала. Если господин не будет выпускать меня из рук, я, пожалуй, смогу приблизиться к вершине.

— Это как же?

— Я обернусь луком и, прильнув к вам, поднимусь на гору.

— А ты искусно обернешься?

Тикуса мигом исчезла, и на ее месте Мунэёри увидел тугой лук. С первого взгляда было ясно, что он заколдованный. Но когда он взял его в руки, колдовство унялось, и в луке появилась такая мощь, что хоть по луне стреляй.

IX

Взяв лук, Мунэёри оседлал коня и в одиночестве выехал из дворца. Не сказав никому ни слова и никем не замеченный. Когда Мунэёри спешился у подножия горы, солнце уже перевалило за полдень. Горную тропу размыл моросящий дождь, но лук указывал путь, и Мунэёри неожиданно быстро продвигался по крутой дороге. К закату он добрался до вершины. Деревню затянула дымка вечернего тумана. Но

хижину Хэйты он распознал сразу — по слабому свету, сочившемуся из дверной щели.

Подойдя к двери, Мунэёри заглянул в щелку и увидел сидящего у огня Хэйту, который тихо, нараспев, читал свиток, Похожий на сутру.

— Кто там? — окликнул он Мунэёри из-за двери.

— Это я, наместник.

Открыв незапертую дверь, Мунэёри было вошел.

— Зачем ты пришел? Я же сказал, чтобы ты здесь больше не появлялся.

— Тогда ночью ты оказал мне теплый прием. И я не успокоюсь, пока не отплачу тебе тем же. Я принес редкую в наших горах вяленую рыбу и сакэ. Я уйду до рассвета. Только отдохну немного.

Мунэёри решительно вошел в хижину. Хэйте не оставалось ничего другого, как впустить наместника. Оба безмолвно уселись у огня и разлили сакэ.

Хэйта пристально вглядывался в лицо Мунэёри.

— Господин, а ведь тебя околдовал злой дух.

— С чего ты взял?

— У меня в глазах порчи нет. Я же вижу, что ты пришел со злым умыслом.

— Да?

— Это видно даже по тому, как ты говоришь. Если есть что сказать мне, выкладывай.

— Ладно Слушай!

Мунэёри устроился поудобнее напротив Хэйты.

— На той скале высечены будды. Их много, — которая из этих фигур сделана твоей рукой? Если ее не видно из хижины, объясни хоть ее расположение. Прошлый раз я слышал, что она на утесе, но, верно, есть какой-нибудь отличительный знак. Объясни.

— И что, если я не скажу?

— Выстрелю.

— Как выстрелишь?

— Не увиливай! Молчишь? Тогда стреляю сразу!

Хэйта молчал и не сводил глаз с огня.

— Трусись? Испугался моего лука?

В ответ раздался пренебрежительный голос:

— Вот еще! Будда прямо над этой деревней. Если упрямец решит стрелять, может пускать стрелу на все четыре стороны — она все равно к нему вернется.

— Да нет! Я не про того будду, который царит всюду. Я — про того, что ты высек своими руками. Тот будда несет на своей спине всю гору, и невозможно стрелять с противоположной стороны горы. Поэтому я и поднялся сюда. Назови приметку!

— Неужели рука поднимется?

Печаль в лице Хэйты только распаляла Мунэёри.

- А хочешь, на спор выстрелю? Скажешь тогда?
- Я не ставлю на карту будду, которого высек своими руками.
- Зато я ставлю — лук со стрелами.
- Хэйта опять замолк. Мунэёри теснее придвинулся к нему:
- Не скажешь?
- Так ведь погибнешь ты, господин!
- Говори!

И тут глаза у Хэйты загадочно сверкнули. Мунэёри даже вздрогнул, так режуще-остер был их блеск.

— Хорошо. Скажу. Три утеса высятся скала. Третий, верхний утес увит цветами, у него самые красивые очертания. Сейчас восходит луна шестнадцатой ночи, и там, где небо сливается с ущельем, хорошо виден этот утес. Там и высек я изображение будды. И в него вселился будда, покровитель неба над нашей деревней. Стало быть, господин наместник собирается в него стрелять? Несчастный! Здесь, где буйно растет трава забвения, я один. И никто не увидит, что станет с наместником. Запомни это. А теперь ступай!

Мунэёри в гневе вскочил.

— Ты увидишь!

Голос потонул в лунном сиянье, льющемся в растворенную дверь.

X

Под вечер во дворце, в спальне Уцуро-химэ, слышался торжествующий голос Фудзиути:

— Вот чудеса! Сам удивляюсь! Я думал, что он ни на что не способен, а гляди-ка, на славу послужил. И впрямь пронзил Уцуро-химэ! Теперь судьба у меня в руках. И должность наместника в кармане. Как бы не прозевать своего счастья.

В одной из потаенных комнат дворца мигом собрались преданные Фудзиути люди. Сидя на почетном месте, он грозно сказал:

— Слушайте все внимательно! Я, Фудзиути, и госпожа Уцуро-химэ сегодня вечером дали друг другу супружескую клятву. Вообще-то сама госпожа Уцуро-химэ должна назначать на должность наместника, то есть нужно поставить человека, которого не стыдно было бы взять ей в мужа. Теперешний наместник пренебрег Уцуро-химэ и забавлялся с оборотнем без роду без племени. И, стало быть, уже потерял должность. Не говоря уж о том, что вся провинция ненавидит его за лютость. Отныне я — муж госпожи Уцуро-химэ. Стало быть, я настоящий наместник. Спину мою, как щит, прикрывает могущественный род Уцуро-химэ из столицы. Вскорости из столицы поступит желанный указ. Как я и раньше предупреждал, непутевого наместника сгубило то, что он в открытую нарушил свой долг, разорвав супружеские узы. Сегодня же схватите нечестивца. Этот разбойник,

пока светит солнце, носа из спальни не кажет. Из луков не стрелять. Врывайтесь в спальню и хватайте. И Тикусу прихватите. Если охота, можете все позабавиться с ней.

В величественно-властном, знающем себе цену человеку трудно было угадать прежнего Фудзиути. Это превращение было еще удивительнее его неожиданной удачи в спальне Уцуро-химэ.

— Эй, кто-нибудь! Подите и посмотрите, что делает этот негодяй!

Несколько человек вышли и вскоре вернулись, доложив, что Мунэёри с Тикусой, похоже, спокойно спят. Только лук, с которым наместник не расставался, почему-то валяется за пологом.

— Для этого мерзавца забыть лук все равно что потерять голову. Эй вы, глядите в оба! Ну, смелее!

Сверкая длинными мечами, они толпой ввалились в спальню. Подняв над головой свечи, они увидели только два пустых изголовья — Мунэёри и Тикуса бесследно исчезли. Обшарили все закоулки во дворце: их и след простыл.

— Неужто сбежали? Если и удрали — вряд ли выехали за пределы провинции. Поймать и прикончить их!

Во дворце распределили основные посты меж людьми и начали пировать. В самый разгар веселья на дом обрушился проливной дождь, перешедший в косой ливень. Пьяный Фудзиути на подкашивающихся ногах вышел на галерею. Втянув голову в плечи от брызжущего с крыши дождя, он посмотрел вдаль — в безоблачной выси над горной вершиной ярко сияла луна.

XI

Мунэёри стоял у края скалы, залитой лунным светом. У ног разверзлась бездонная пропасть. Черным заливом легло пред ним ущелье. В море тьмы полуостровом врезалась трехглавая скала, сдерживая натиск бьющейся об ее сверканье тьмы. Венчавший скалу утес горделиво взметнулся ввысь. Здесь, где мрак непроглядно черен, утес ярко-светел, — небо и ущелье оспаривают свои владения, Мунэёри ясно увидел красивый и ночью силуэт верхнего утеса. Луна стояла как раз над ним.

Мунэёри уперся ногами в землю и, сосредоточенно глядя на утес, до отказа натянул тетиву. Три стрелы решительно и беззвучно, как живые, умчались во мрак. Вытянулись во тьме в одну линию, засверкав в лунном свете. Первая и вторая, ударившись об утес, тут же рассыпались, третья стрела в мгновение ока прошла сквозь вершину, полетела к луне, скрывшись из виду.

— Выстрелил! Я выстрелил! Эй, Хэйта! Запомнил? Тикуса, и ты не забывай!

Едва Мунэёри прокричал это, как край скалы под его ногами, прежде твердокаменный, треснул и Мунэёри сорвался в черную пропасть, рухнув на дно ущелья. Лук вылетел из его рук, вспыхнуло пламя, лук обернулся сияющим, как лунный свет, лучом, метнулся из ущелья к вершине, поднялся над ней и, кружась в небе, унесся по направлению к дворцу.

Хэйта все еще сидел в хижине у огня со свитком сутры в руках. Когда просвистела третья стрела, свиток выскользнул у него из рук и с шелестом упал на пол. «Я выстрелил!» — донесся до него крик. Это подхватило крик, и голос Мунэёри летал над хижинкой. Не обращая внимания на упавший свиток, Хэйта, не шелохнувшись, долго сидел на корточках, будто забыв о голосе, пронзившем слух. Огонь затухал, но Хэйта не подбрасывал в него щепок, и прогоревшие ветки начали тлеть. Головешки рассыпались. Вдруг из пепла на пол выскочила горящая ветка, огонь перекинулся на край свитка. Свиток занялся, полыхнуло пламя. В дрожащем пламени показалась очаровательная девичья фигурка в узорчатом платье и тотчас исчезла. Пламя опало, оставив на полу горстку пепла от сгоревшего свитка.

— Неужто и лиса сгорела в пламени людской злобы?

Ворча что-то себе под нос, Хэйта прилег на пол. Со стороны казалось, будто он задремал, пригревшись у неостывшего пепла, но он был мертв. Несмотря на всклокоченные волосы, его юное лицо было красиво и удивительным образом походило на лицо Мунэёри.

XII

Той ночью в самый разгар пира на дворец неожиданно-негаданно упал ярко светящийся луч, и дворец, как был под проливным дождем, запылал и в один миг сгорел дотла, а с ним и все живое.

Когда занялся ясный день, на пепелище, где еще вчера был дворец, лишь кое-где чадили тлеющие деревья. И только в одном месте, колыхаясь на ветру, ярко зеленели травы, меж ними — цветущие кусты. Это были пурпурные астры. Сквозь заросли проглядывало что-то обуглившееся, бесформенное. Это была мертвая лиса.

Голо было на пожарище. Там, где прежде стоял дворец, ныне раскинулась равнина, она доходила до горной реки, до гор и долин, где, бывало, охотились, и тянулась к дальним скалам.

Отсюда видны неизменные, что в пасмурный, что в ясный день, очертания гор, поросших теми же пурпурными астрами.

На вершине одной скалы равнодушные к этим астрам будды, что высечены в камне, изо дня в день взирают на мир милосердными ликами. Каждую зиму умирают пурпурные астры, чтобы возродиться следующей осенью. Будды не умирают. Умирают скалы. Рушится скала,

и с ней разрушаются лицо, руки. Рухнет гора — и нет им возрождения. Только будды верят в вечную жизнь скалы, для них она вечна.

Среди этих не ведающих смерти будд был один, у которого не доставало головы. Верхнюю часть утеса, которая служила будде головой, словно скovyрнули, и она скатилась, но не на дно ущелья, а в углубление на соседней скале, да так и осталась там лежать. Голова была необычна для будды: гневно вытаращенные глаза, оскаленные клыки, огнедышащий зев, — не злой ли дух в своем неистовстве? Глядя на нее, люди тряслись, как от мартовской лихорадки. Голову не раз поднимали и ставили на прежнее место, на вершину утеса, и она вроде приставала вплотную. Страшное обличье исчезало, как наваждение, и появлялся многострадальный, исполненный милосердия лик. Но с наступлением ночи, хотя к ней вроде бы никто и не притрагивался, голова падала в углубление под утесом. Ее ставили на прежнее место, но она снова скатывалась. И наконец, ее уже нельзя было сдвинуть оттуда.

На краю утеса меж чинно выстроившихся будд проглядывала голова злого духа, озиравшая окрестности.

Ясными лунными ночами, когда небо полнит сиянье, а ущелье погружается во мрак, на утесе, на границе света и тьмы, слышится голос. Что он говорит, неизвестно. Сначала он едва слышен, потом его подхватывает и разносит эхо. Голос становится все громче, сильнее, он звучит в ущелье и на утесе, звенит на вершине и грохочет в небе. Преодолев горы, он доносится и до дальней деревни. Долетает он и до буйных зарослей пурпурных астр. По ночам, когда над скалами светит луна, здесь шумит непогода. Этот голос рвет ветер и заливает дождь, но голос, ужасающий и в то же время печальный, находит мелодию, рождая стихи. Что воспевают эти стихи — неизвестно, но только ночи напролет не дает он покоя людям. Говорят, это песнь духа зла.

перевод Е. Редькиной

notes

Примечания

1

Перевод В. Брюсова.

2

Здесь и далее по тексту имена даются в принятом в Японии порядке: сначала фамилия, потом имя.

3

Сёгун — военный правитель Японии.

4

Историческая эпоха с 1603 по 1868 год.

5

Революция или Реставрация Мэйдзи — начало буржуазных реформ, в результате которых Япония вступила на капиталистический путь развития.

6

Тэнгу — лесной или горный дух; фантастическое существо с крыльями и птичьим клювом. В древней японской хронике «Нихонги» есть упоминание о том, как во времена императора Киммэй (двадцать девятый император от мифического императора Дзимму) по небу с оглушительным шумом пронеслась «звезда» (вероятно, большой метеорит). Ее называли «амацу кицунэ» — «небесная лисица (собака)». Именно этими иероглифами и записывается слово «тэнгу». Даже в позднем средневековье (1603–1868) многие ученые люди продолжали верить, что тэнгу — это летающий по небу недобрый дух.

7

Горы Курама — легендарное место обитания тэнгу.

8

...руки, соединявшиеся некогда в «молитвенной печати»... — Имеется в виду магический «охранный» знак. Сплетенные пальцы имитировали жест будд.

Дхарани (санскр.) — магическая формула, заклинание.

9

Слепой музыкант — дзато. — В средние века в Японии существовали гильдии слепых музыкантов и массажистов.

10

Фусума — раздвижные перегородки.

Сёдзи — раздвижные перегородки.

11

Сакэ — рисовая водка.

12

В тот год, когда Осака подверглась осаде... — После того как в 1603 г. феодал Токугава Иэясу объявил себя военным правителем — сёгуном, крупные феодалы-даймё из западных провинций объединились вокруг его противника Хидэёри, укрепившегося в осакском замке. После длительной осады Иэясу взял замок и расправился с его защитниками; его победа знаменовала превращение Японии в централизованное государство.

13

Ри — мера длины, 3,927 м.

14

Небесная река — Млечный Путь.

Созвездье Субару — Плеяды. Ярче всего в полночь, когда выпадает обильная роса.

15

Ронин — самурай, утративший сюзерена и лишившийся службы.

16

Косодэ — белое нижнее кимоно с узким рукавом, надевавшееся в старину; также: шелковое кимоно на вате.

17

1627 г.

В четвертый год Канъэй... — Вплоть до окончания второй мировой войны в Японии применялась особая система летосчисления — по «годам правления» («нэнго»), возникшая при становлении японского государства. Но до 1867 г. даже при одном императоре годы правления нередко переименовывались в связи с неблагоприятными обстоятельствами, иногда не один раз, чем и объясняется подчас их краткая продолжительность (два-три года и даже один год).

18

Кэн — мера длины, равная 1,81 м.

19

1634 г.

Идзоку — седьмой месяц японского лунного календаря.

20

Бумажная шелковица — дерево из семейства тутовых. В старой Японии существовал обычай в праздник Танабата (отмечаемый в ночь седьмого числа седьмого лунного месяца) писать на семи листочках бумажной шелковицы стихи с пожеланиями успехов в любви и искусстве. Согласно легенде, в эту ночь звезда Ткачиха (Вега) переправляется через Небесную реку (Млечный Путь) к своему возлюбленному — звезде Волопасу (Альтаир).

21

Светлячки, еще с лета сохранившиеся на ветвях вербейника, не мерцали. То ли они померкли в ожидании грядущих сражений, то ли молча оплакивали усопших. — Светлячки считались душами умерших. Средневековые японцы верили, что души погибших воинов кланов Тайра и Минамото каждое лето собираются на полях былых сражений для решающей битвы. Ветви вербейника ставятся перед алтарем в буддийский праздник поминовения усопших Урабон (Бон, О-Бон, отмечается 13, 14, 15 числа седьмого лунного месяца).

22

Сяку — мера длины, 30,3 см.

23

1615 г.

Битва первого года Гэнна. — Имеется в виду знаменитое сражение, в котором войска Токугавы Иэясу разгромили сторонников Хидэёри.

24

пятистишие-танка из поэтической антологии XII в. «Собрание словесных цветов».

25

Секта «Чистой земли» — секта Дзёдо, основанная преподобным Хонэном (иначе Гэнку; 1133–1212) — буддийским проповедником. Последователи секты верили, что достигнуть нирваны можно, только уверовав в Будду Амиду, который, еще будучи бодхисаттвой, поклялся, что не достигнет вечного покоя, пока не будет знать, что каждый, кто уверовал в него, возродится в его раю — «Чистой земле» Западного мира.

26

1182–1185 гг.

27

«Сказание о доме Тайра» («Хэйкэ моногатари») — знаменитый исторический роман-хроника о борьбе двух кланов — Тайра и Минамото. Но и до появления романа существовало немало вариантов устного, сказа, который исполнялся слепыми сказителями под аккомпанемент лютни. Глава «Утопленница Кодзайсё» повествует о гибели Кодзайсё, которая, не перенеся разлуки с погибшим в битве супругом — правителем земли Этидзэн, бросилась в пучину морскую. (Подробнее см.: Повесть о доме Тайра. М., Художественная литература, 1982. Перевод И. Львовой.)

28

Карма — закон причины и следствия, краеугольный камень буддийского учения. Согласно закону кармы, судьба человека всецело зависит от его поступков в предшествовавших рожденьях. Закон кармы

определяет неразрывность Трех миров — прошлого, настоящего и будущего.

29

...это станет преградой на пути моего будущего возрождения... — Согласно буддийскому вероучению, жизнь представляет собой цепь бесконечных перевоплощений. Человек после смерти возрождается в одном из Шести миров (Ад, Мир голодных духов-гаки, Мир скотов, Мир демонов Асуры, Мир людей и Небо). Это неразрывно связано с кармой. Поведение человека в текущей жизни предопределяет, в каком из Шести миров ему предстоит родиться в следующей жизни.

30

1624-1644 гг.

31

Коя-сан — На священной горе Коя был расположен монастырь эзотерического буддизма Сингон, основанный в 806 г. Кукаем. Кукай (или Кобо-дайси, а также Коя-но дай-си) — высший буддийский сановник, прославленный ученый и каллиграф.

32

Амида (санскр. Амитабха). — См. прим. 25.

33

Хаори — короткое верхнее кимоно, парадная накидка с гербом.

34

Мон — старинная мелкая монета, грош.

35

См. прим. 12

36

«Летнее служение» — буддийская практика девяностодневной аскезы, в которую входят медитация, пост и проч.

37

1573–1592 гг.

38

По буддийскому вероучению, человек, впавший в грех алчности, после смерти будет ввергнут в Мир голодных бесов (санскр. *прета*). Там его будут терзать голод и жажда. Даже если ему удастся найти еду или питье, это не приносит облегчения: стоит «голодному бесу» поднести их ко рту, как чашка начинает испускать пламя.

39

Сё — мера емкости, 1,8 л

40

1643 г.

41

1640 г.

42

1628 г.

43

1634 г.

44

Амидаистская секта Икко — После образования в XII в. секты Дзёдо амидаизм становится одним из основных направлений японского буддизма. Главная идея нового учения была весьма проста: спасение обретет каждый, кто уверовал в благодатную силу Будды Амиды. «Икко» — буквально означает «полное погружение» (в молитву).

45

Кэмари — род игры в ножной мяч в древней Японии.

46

Четвертая стража — время с часу до трех ночи.

47

Храм Хонгандзи — центр одной из десяти школ секты Истины «Чистой земли», основанной Синраном. Секта проповедовала амидаистский буддизм.

48

«Кипящий ад» — («котловина») — горячий источник, вода в котором иногда окрашена в красноватый цвет из-за содержащихся в ней солей.

49

Тё — мера длины, 109,09 м.

50

Хакусан — священная гора, почитаемая в синтоизме наряду с горой Фудзи и горой Татэяма.

51

Сун — мера длины, 3,03 см.

52

1645 г.

53

...монахиней Самадхи, порождением Изначальной Пустоты. — Самадхи (санскр.) — означает Созерцание, последнее звено восьмеричного пути к «освобождению», и состоит из четырех стадий, ведущих к нирване. Изначальная Пустота (Шунья) — одно из основных

понятий философии буддизма Махаяны (букв.: Большая колесница), которая открывает путь спасения не только монахам, но и мирянам, обратившимся в веру. Здесь: психологическое состояние пустоты, что служит главным признаком наступления состояния «освобождения», или нирваны.

54

Нитирэн — монах, основавший во второй половине XIII в. секту Лотоса — «Нитирэнсю» (или «хокэсю»). Одна из главных буддийских сект; придает особое значение священной книге — «Сутре Лотоса».

55

1573-1592 гг.

56

Единственный путь Спасения — экаяна, учение Сутры Лотоса, проповедуемое сектой Синрана.

57

Алый пояс — Сюжет новеллы восходит к произведению китайского новеллиста эпохи Мин-Цуй Ю «Записки о шпильке — золотом Фениксе» («Новые рассказы у горящего светильника»).

58

Вакабаяси Тёмон — феодал, сражавшийся против прославленного военачальника Оды Нобунаги (1534-1582), начавшего объединение Японии в централизованное государство.

59

...преподнес алый плетёный пояс — Узкий плетёный пояс подносился нареченной по случаю помолвки.

60

1575 г.

61

...остатки войска Асакуры... — Речь идет об Асикагэ Асакуре (1533–1573), главе старинного феодального дома Асакура. Потерпев поражение в борьбе с Одой Нобунагой, покончил с собой, однако летом 1575 г. остатки его войска подняли мятеж, который вскоре был подавлен Нобунагой.

62

Киносита Токитиро — подлинное имя Тоётоми Хидэёси (1569–1598), вассала и сподвижника Нобунаги. Тоётоми Хидэёси продолжил объединение страны.

63

...узы, связывающие меня с Хэйдзи еще с прежних рождений... — В соответствии с идеей кармы даже случайные встречи рассматриваются как следствие неких связей, существовавших между людьми в предыдущих рождениях; тем более это относится к любовному или супружескому союзу.

64

...царь Эмма, владыка обители мрака... — Эмма (санскр. Яма) — владыка Ада, обители мертвых. Он определяет меру грехов и благодеяний человека и соответствующее воздаяние.

65

Сюжет новеллы восходит к новелле Цуй Ю «Жизнеописание судьи обители Великого покоя» («Новые рассказы у горящего светильника»).

66

Три мира — прошедшее, настоящее и будущее.
«Чистая земля» — Речь идет о буддийском рае — «Чистой земле» Западного мира.

67

Стихия Ян и Инь — Учение о темном (Инь) и светлом (Ян) началах — краеугольный камень древнекитайской натурфилософии, которая зиждется на дуалистическом представлении о мире. Инь и Ян лежат в основе всего сущего, образуя при взаимодействии Пять первоэлементов (дерево, огонь, земля, вода и металл). Учение об Инь и Ян широко применялось в медицине и гадательной практике.

68

«Четверокнижие» и *«Шестикнижие»* — главные сочинения конфуцианства. Считалось, что канонов — девять и состоят они из «Четверокнижия» (куда входили «Беседы и суждения» Конфуция — «Лунъюй»; книга философа Мэнкэ — «Мэнцзы»; «Великое учение» — «Дасюэ»; «Учение о середине» — «Чжунъюн») — и «Пятикнижия» («Книга песен» — «Шицзин»; «Книга истории» — «Шуцзин»; «Книга перемен» — «Ицзин»; «Записи о ритуалах» — «Лицзи»; летопись «Весны и осени» — «Чуньцю»). Иногда к «Пятикнижию» добавлялись «Юэцзин» — «Музыкальный канон» или «Чжо-ули» — «Ритуалы царства Чжоу», что и составляло «Шести-книжие» («Люцзин»).

69

...смуты, охватившей Госю и Китаносё... — Имеется в виду междоусобная война 1573 г., в которой Ода Нобунага одержал победу над феодальным кланом Асаи.

70

...вокруг замерцали призрачные огни, затрещали ветви под порывами пронзительного ветра. — В волшебной новелле мерцающие огоньки (хитодама) и внезапные порывы ветра предваряют появление призраков и мертвецов. В реальной жизни блуждающие огоньки (ониби) нередко можно увидеть на болотах и в тех местах, где, как гласит предание, произошло убийство.

71

Якша — в буддийской мифологии полубожественное существо. Считалось, что особенно опасны якши женского пола, пожирающие человеческое мясо и пьющие кровь детей.

72

Дзё — мера длины, равная 3,73 м.

73

...запись в «Летописи Цзо»... — В древней летописи «Цзо чжуань» рассказывается история князя Цзина. Казнив двух своих советников, он увидел сон, что к нему явился демон и сказал: «Ты убил моих потомков». Вскоре князь умер.

...историю Бою из княжества Чжэн. — В «Летописи Цзо» рассказывается о сановнике Бою, которого вероломно убили. После его смерти дух Бою покарал убийцу.

74

Куртизанка Миягино — Сюжет этой новеллы восходит к новелле Цуй Ю «История певички Айцин» («Новые рассказы у горящего светильника»).

75

Тора-тодзэн, Рикидзю — прославленные японские красавицы.

76

...ночь на шестнадцатое число восьмой луны... — Речь идет о древнем обычае любоваться осенним полнолунием.

77

1568 г.

78

Такэда Сингэн (1521–1573) — феодал влиятельного дома Такэда. В 1568 г., сломив сопротивление правителя провинции Суруга — Имагавы Удзидзанэ, установил в Суруге свою власть.

79

Час Коня — время около полудня.

80

1625 г.

81

1648-1652 гг.

82

Павильон «Осенний дождик» — название уединенного павильона прославленного средневекового поэта Фудзивары Саданэ (1162-1241).

83

Час Обезьяны — время с трех до пяти часов дня.

84

Го-Комацу — годы правления 1382-1412.

85

Герб «томозэ» — представляет собой вписанный в круг полукруг.

86

Дайбу — чиновничья должность в средневековой Японии.

87

...«супруги со времен первой прически» — по-видимому, аллюзия на двадцать второй дан «Исэ-моногатари» (повесть X в.), в которой рассказывается о юноше и девушке, полюбивших друг друга с детства.

88

Кудара-но Кавамуси — Имя художника вымышленное, однако напоминает о реальном историческом лице — знаменитом художнике Кудара-но Кавамори, выходце из Кореи, жившем в начале эпохи Хэйан (VIII-IX вв.).

89

Дзабутон — плоская подушка для сидения.

90

Токонома — стенная ниша с приподнятым полом в японском доме. В нее ставилась красивая ваза с цветами или вешался свиток с картиной либо каллиграфической надписью.

91

...*вот стежки на моей одежде, вот моя тень от солнца.* — В средневековой Японии считали, что оборотни не отбрасывают тени и не имеют стежков на одежде.

92

Ёсино — местность, славившаяся красотой пейзажа, особенно в сезон цветения сакуры.

93

«Манъёсю» — первая японская антология (2-я половина VIII в.). Содержит множество фольклорных и авторских стихов в жанре танка.

94

Горная усадьба — название тюрем, в которых содержались те, кто исповедовал запрещенное с конца XVI в. христианство. Как правило, тюрьмы для христиан строились на возвышенности и окружались глухой оградой.

95

....звяканье колечек на монашеском посохе. — Верхняя часть монашеского посоха была сделана из металла, в форме ступы. На трость было надето большое кольцо, на котором висело несколько колечек поменьше. При ударе посоха о землю они издавали звон, — вероятно, для того чтобы отпугивать зверей и змей.

96

Персимоны — японская хурма.

97

Вот оттого и стала гречиха красной... — Не вызывает сомнений связь новеллы с японской сказкой об Аманодзюку — отвратительном демоне с лягушачьим ртом. За злые козни его настигает заслуженная кара, и кровь его проливается на землю — оттого и красна гречиха.

98

...поднес миску ко лбу... — традиционный жест благодарности.

99

Дзори — легкие сандалии, плетенные из бамбука.

100

Мёдзин — в синтоизме доброе милостивое божество, как правило, местного культа.

101

Абэ Сэймэй — якобы сын легендарной лисы Кудзуноха; знаменитый ученый и гадатель эпохи раннего феодализма. В этой новелле Танаки Котаро, очевидно, произошло наложение двух независимых фольклорных сюжетов.

Г. Дуткина

102

1773 г.

103

Принц Сётоку (Сётоку Тайси; 574–622) — видный политический и культурный деятель Японии раннего средневековья, активно способствовал проникновению и распространению буддизма в Японии. Впоследствии был обожествлен.

104

Хакама — широкие штаны, заложенные складками у пояса, составная часть парадного костюма самурая.

105

Хаппи — род куртки с гербом хозяина, которую носили слуги самураев.

106

Хатамото — звание самурая, непосредственного вассала дома военно-феодалных диктаторов средневековой Японии Токугава.

107

Бидзэнская работа — то есть меч изготовлен в провинции Бидзэн, где сосредоточивалось производство оружия.

108

Рё — старинная золотая монета.

109

Сираи Гомпати (Хираи Гомпати) — самурай клана Тесю; влюбившись в гетеру, совершил из-за нее преступление и был казнен.

110

Бу — старинная денежная единица; четыре бу составляли один рё.

111

Усигомэ — старинный квартал в северо-западной части Эдо.

112

...Звала бывшую служанку просто Куни... — многие женские имена имеют уважительный префикс «О». Опускается этот префикс лишь при подчеркнuto презрительном обращении.

113

Здесь и далее перевод стихов В. Сановича.

114

Дзоритори — звание слуги в доме самурая; прислужник, который нес в пути обувь своего господина.

115

Школа «синкагэ-рю» — одна из старинных феодальных школ фехтовального искусства.

116

...Получал сто пятьдесят коку риса... — самураи получали от своих сюзеренов за службу не деньги, а рисовый паек, размеры которого зависели от должности самурая. Коку — мера объема, около 180 л.

117

Иидзима не уследил за чистотой домашнего очага... — феодальное судебное законодательство предусматривало наказание для главы семейства, в доме которого был совершен проступок против морали (наказание вплоть до указа совершить самоубийство).

118

Симада — прическа молодой женщины с узлом на затылке.

119

Гэта — деревянные сандалии на высоких подставках.

120

...Брать в наследники кого-нибудь со стороны! — имеется в виду обычай усыновлять или брать в зятья с правами сына и наследника молодого человека из чужой семьи, иногда даже слугу.

121

Лук сигэдо — лук, изготовленный из особого дерева, со сложным, тонко рассчитанным расположением слоев.

122

Бон — буддийский праздник поминовения усопших, Урабон, Бон, О-Бон, отмечается 13, 14, 15 числа седьмого лунного месяца.

123

Марумагэ — прическа замужней женщины с овальным пучком волос.

124

Оби — широкий пояс, закладывающийся на спине в большой бант.

125

Дзёрури — напевный сказ, обычно в сопровождении цитры или сямисэна. Песни дзёрури были очень популярны в средневековых городах Японии; также — название пьесы кукольного театра.

126

Сэнсэй — почтительное обращение к старшему, обычно ученому человеку.

127

«*Наму Амида Буцу...*» — начальные слова буддийской молитвы: «Помилуй меня, Будда Амида...»

128

...Зубы начернила... — покрывать зубы черным лаком — старинный обычай замужних японских женщин.

129

Пятая стража — время с четырех до шести часов утра.

130

Го — здесь: мера жидкости, около 0,2 л.

131

Бэнто — коробка с завтраком.

132

Бисямон (*Бисямонтэн*) — буддийское божество индийского происхождения. Один из четырех царей-воителей, охраняющих страны света. отождествляется с богом богатства — Куберой. Изображается в доспехах, в одной руке держит пагоду, в другой — копье.

133

Срамные книжки — «макурадзоси», лубочные книжки с непристойными рисунками.

134

Бог Фудо — один из пяти богов синтоистского пантеона. Изображается сидящим на камне, охваченный пламенем, с мечом в руке.

135

Нагаута — здесь: в эпоху Эдо особый песенно-музыкальный жанр развлекательного характера. Эти песни (театрального или народного происхождения) исполнялись на разные плясовые мотивы.

136

...Род Иидзимы лишится званий и владений... — неотомщенный самурай считался опозоренным. Его хоронили без всяких почестей, а род его лишался всех званий и владений.

137

Мэцукэ — полицейская должность в феодальную эпоху. Наблюдали за поведением хатамото, а старшим мэцукэ поручался надзор за князьями.

138

Мирин — сладкий напиток-подлива.

139

Варадзи — соломенная обувь для дальних переходов.

140

«Спокойны волны четырех морей» — песня из пьесы театра Но «Такасаго», имевшая смысл благопожелания. Ее исполняли во время брачной церемонии.

141

«Сёканрон» — старинный учебник по медицине.

142

Не выпуская из рук меча... Гэндзиро вошел в комнату... — войти в жилое помещение, не оставив оружия в прихожей, считалось вопиющей невежливостью.

143

Суси — кушанье из вареного риса и рыбы.

144

Сируко — сладкая каша из фасоли, с поджаренным ломтиком рисовой лепешки.

145

Час Овцы — время с часу до трех дня.

146

Сутэфуда — при казни на всеобщее обозрение выставлялась табличка с перечислением преступлений казнимого, иногда эта табличка просто бросалась на землю у места казни; тогда она называлась «сутэфуда» — «брошенная табличка».

В. Маркова

147

1912-1925 гг.

148

Погребок Ауэрбаха — Имеется в виду погребок, о котором упоминает в «Фаусте» Гете.

149

Гиндза — главная улица Токио.

150

Симбаси, Миякобаси — улицы в Токио.

151

Тиёгами — узорчатая бумага для детских поделок.

152

Красный и синий трамвай — последние трамваи.

153

Собор святого Николая — православный собор в Токио.

154

Кокугикан — спортивный зал.

155

Цуруя Намбоку (1755–1820) — прославленный японский драматург, автор знаменитой пьесы о привидениях «Происшествие в Ёцуя на тракте Токайдо».

156

Додзаэмон — прозвище утопленников. Название пошло с борца Нарусэкавы Додзаэмона, которого за белое и чересчур гипертрофированное тело в шутку прозвали «утопленником».

157

Касури — род хлопчатобумажной ткани.

158

Татами — соломенный мат, размером в 1,5 кв. м. Служит для настила полов.

159

Год Курицы — Имеется в виду одна из систем летосчисления, принятая в старой Японии, — по так называемому шестидесятилетнему циклу. В быту была распространена система малого, двенадцатилетнего цикла, где каждый год обозначался одним из знаков Зодиака.

160

Норэн — бамбуковая шторка, висящая перед входом в магазин или другое заведение, со знаком торговой фирмы.

161

...высекал из огнива огонь и посыпал землю солью. — Речь идет о древнем обычае. Считалось, что таким образом можно отогнать нечистую силу.

162

...не прошло и ста дней... — Имеется в виду срок траура.

163

...справиться о расположении своего дома. — По расположению дома относительно сторон света гадалщик мог предсказать судьбу его обитателей.

164

Хирагана — японская слоговая азбука.

165

Хифу — короткое верхнее кимоно (женское и детское).

166

Каннон — буддийское божество (санскритская Авалокитешвара), в Китае и Японии — богиня милосердия.

167

...годы Казэй, когда «черные корабли» наводили страх на гавань Урага. — Годы Казэй — 1848-1854. В 1853 году американские корабли под командованием коммодора Перри вошли в бухту Урага.

168

Анима — от лат. anima (душа). Деусу — от лат. Deus (Бог).

169

Не надейся, что молитвой изменишь предначертание богов (*лат.*).

170

Отбывал... свой обязательный срок в столице — Имеется в виду система «санкинкодай», одна из мер контроля сёгуната за князьями-даймё. Каждый из них был обязан через год бывать при дворе и жить там в течение года.

171

1897 г.

172

Уодзу — городок на северо-востоке Японии, на побережье Японского моря.

173

«Осиэ» — картина, выполненная в особой, требующей большого искусства манере: фигурки людей, птиц и цветы вырезаются из бумаги и обтягиваются красивой шелковой тканью. Для придания естественной выпуклости форм внутри прокладывается слой ваты. Готовые фигурки наклеиваются на деревянную основу картины или на гобелен.

174

Великое землетрясение — землетрясение 1923 г., сильно разрушившее Токио.

175

О-Сити — Шестнадцатилетняя О-Сити, дочь зеленщика, реально существовавшее историческое лицо. Не найдя иного способа увидеться с возлюбленным, она подожгла родной дом, за что была предана смерти. Знаменитый писатель XVII в. Ихара Сайкаку посвятил этому событию новеллу «Повесть о зеленщике, сгубившем ростки любви», ставшую впоследствии пьесой Кабуки.

176

Обитель поэтов — название нескольких знатных домов столичной (города Киото) аристократии, из которых на протяжении столетий выходили знаменитые поэты, мастера танка, составители поэтических антологий, создававшихся по указу императора.

Г. Дуткина